

Галина Гончарова

Средневековая история. Цена счастья

Чудесные пловцы! Что за повествованья
Встают из ваших глаз – бездоннее морей!
Явите нам, раскрыв ларцы воспоминаний,
Сокровища, каких не видывал Нерей.....
От сладостей земных – Мечта еще жесточе!
Мечта, извечный дуб, питаемый землей!
Чем выше ты растешь, тем ты страстнее хочешь
Достигнуть до небес с их солнцем
и луной.

Пролог

Женщина склонилась над пергаментным свитком. Задумалась на миг, откинула с лица золотистую прядь и, словно решившись, застрочила быстро и уверенно:

«Это письмо адресовано тем, кто его найдет.

Я долго думала, прежде чем сделать это, но все-таки... тут никто не знает моего родного языка. Алфавит я напишу когда-нибудь потом. Если же нет – пусть мое письмо останется Розеттским камнем этого мира. Мира Ативерны.

А я пишу, потому что не могу иначе.

Я никому не могу открыться, пусть мое письмо сделает это за меня. Надеюсь, я уже мертва к этому времени, а мир Ативерны стал чище и лучше моего родного мира.

Да-да, мой друг и читатель, кто бы ты ни был. Меня зовут Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон. Сейчас – графиня Иртон. В девичестве я была Брокленд, а в действительности – я Алевтина Владимировна Скороленок.

Я медик. Здесь это то же, что и докторус.

В своем мире я лечила людей и мечтала заниматься этим до конца жизни. Подозреваю, что там я погибла, потому что здесь я живу. И видела своих родителей. Они точно погибли, я знаю...

Больно это, понимать, что никогда не приду на могилы близких людей. Не увижу друзей, любимого человека, родной земли, которую я любила, несмотря ни на что.

Сейчас я пишу, чтобы предупредить тех, кто будет жить после меня.

Попав сюда, я поняла, что этот мир пока еще чище моего. Да, он жестокий, да, здесь льется кровь, но все же – я принесу сюда только то, что не повредит людям.

Я искренне надеюсь, что после меня останется что-то хорошее. Описывать свою жизнь там? Нет, не стоит. Достаточно того, что я жила, любила и училась. Остальное же... в моем мире много того, что я никому не пожелаю. Не дай Альдонай (вот, я уже использую местные выражения), кто-то почерпнет из моего письма вредные идеи.

Сначала, когда я попала сюда, я была в прострации. Мне было страшно и больно.

Потом я поняла, что должна приютившей меня в своем теле женщине. Она ушла, чтобы жила я. Это немало.

Я не знаю, какой вы меня видите. Какой меня сделала история. Я уже давно знаю, что ее пишут политики и красят персонажей в нужные цвета. Пусть так. И какова же я?

Стерва?

Гадина?

Властолюбца, ломающая старые законы ради чего-то непонятного?

Не знаю.

Я просто хотела выжить. Лилиан-первую никто не любил. По сути дела, ее довели до смерти и подослали убийц. Я защищалась, и если при этом кому-то прилетело рикошетом – такая их судьба. Не стану оправдываться за то, что хотела жить. Самые миролюбивые могут пойти и умереть самостоятельно. А я стала жесткой.

Жесткой.

Я научилась принимать некрасивые решения, не перекладывая ответственность за них на чужие плечи. Я оправдываю себя?

Да, немного.

И еще я искренне надеюсь, что все хорошее, что я дам этому миру, все спасенные жизни перевесят мои плохие поступки. Те, которые не одобрила бы мама...

Пойми меня, кто бы ты ни был...»

Горит свеча. Скрипит по пергаменту золотое перо мастера Хельке Лейтца. Быстро пишет слово за словом женщина. Ее сиятельство графиня Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон.

Глава 1

Первый узел

– Ваше сиятельство?

– Да, лэйр Ганц?

– Мои ребята кое-что мне донесли.

– И что же?

– Готовится покушение на вашего стеклодува.

– Вот как?

– А как вы хотели, госпожа? С остальными вы кое-как урегулировали, но стеклодувы сильно обижены, поэтому...

– Пакостить будут. Это ясно. Кто, где, когда?

– Он у нас мальчик молодой, увлекающийся, а у них есть тут одна вдовушка в пригороде Лавери... отсюда минут сорок ходьбы, если быстро.

– Ганц, вы что-то придумали?

– Да, Лилиан.

Наедине они уже давно решили обращаться друг к другу по именам. Ради экономии времени. Да и... если уважаешь человека – титул не так важен. Это было верно и для Ганца, и для Лилиан.

– Вот смотрите. Вдовушка живет здесь. А по дороге его очень удобно схватить, похитить, в мешок – и на коня.

– Допросить?

– Предполагаю, что да. Разговорить, а потом уничтожить, выведав секреты.

– Сволочи.

– Лилиан?

– Излагайте ваш план, Ганц.

Мужчина и женщина обменялись кровожадными улыбочками. Церемониться никто из них не собирался. Кто к нам с мечом... Классика? Жизнь!

Проводив начальника службы безопасности, Лилиан Иртон посмотрела в окно. В темном стекле отражалось нечто радующее глаз. Даже весьма радующее. Ну она и усилий для этого прикладывала более чем достаточно.

Как пелось в песне: «Так уж бывает, так уж выходит...»

Около года назад Алевтина Скороленок и подумать не могла о таком повороте судьбы. Жила, училась, работала, замуж собиралась... все как у всех. Ан нет. Автокатастрофа и последующее переселение в другое тело учтены не были. Потому и случились.

А дальше – больше.

Тело средневековой графини, со всеми ее обязанностями, средневековый муж, со всеми его правами, и окружающие, которые в грош не ставили донора.

Пришлось ставить их на место, и довольно жестко, вплоть до летального исхода у самых непочтительных. Назначать на их должности кого-то еще, искать замену, завоевывать уважение у своих людей – ведь мало назначить, надо еще чтобы тебя слушались...

Одно цеплялось за второе, третье, десятое и двадцать шестое.

Лиля и сама не заметила, как начала работать, работать и еще раз работать. Да, хотелось жить в чистом замке, принимать нормальную ванну, смотреть на мир через чистое стекло окон, а не кусочки пергамента...

Как-то постепенно Аля вросла в жизнь Лилиан Иртона, обросла правами и обязанностями, а там ее нововведениями и король заинтересовался.

Вызвал женщину в столицу... и вот тут Аля поняла, что ее представления о Средневековье совершенно неправильны. Она-то думала – прекрасные дамы, благородные рыцари, замки и турниры... Как же!

Дамы были недомыты, рыцари вообще не знали, что обязаны сражаться на турнирах, замки продувались сквозняками напроць, единственные, кому нужна была графиня Иртон, – это наемные убийцы. Вот им – в любое время дня и ночи. Лиля и в столицу-то поехала, чтобы разобраться, кому нужна ее шкурка.

Не разобралась.

Зато его величество, поняв, что с графини можно поймать свою выгоду, навалил на хрупкие женские плечи кучку дел. Небольшую такую, всего лишь производство наладить... Сопrotивляться или протестовать? Королям отказывать не принято. Традиция такая.

Гильдиям это не понравится?

Так это проблемы гильдий, а вы всех посылайте к королю...

Увы...

Гильдиям это не понравилось настолько, что Лиля жила как на вулкане. И вот сейчас ее опасения подтверждались. Ладно еще, когда на нее покушаются. При ней вирмане в качестве охраны. Но к каждому мастеру и подмастерью охрану ведь не приставишь...

Если только отбить первые нападения и жестко установить границы.

Вы не лезете к нам, мы к вам. А если полезете – лучше удавитесь сразу и сами, не так больно будет. Они с Ганцем это уже не раз обсуждали, пришло время претворять планы в жизнь.

Но перемотки нервов это не отменяло... пустырник, что ли, пить начать? Или валерьянку?

Может, и надо. Здоровье, оно как честь, бережется смолоду.

Юный любитель вдовушек по имени Темик Рикерт шел по улице, насвистывая. Жизнь казалась ему сплошным счастьем. И только подумать, что еще год назад... да, год назад...

Тогда он был никем. Подмастерьем. Подай-принеси, пошел вон, идиот! И никак иначе. А теперь уважаемый мастер Темик. Местная гильдия хоть и кривилась, но мастера он получил.

А все благодаря графине Иртона.

Темик еще раз благословил тот момент, когда решил оставить родной Альтвер и уехать в неизвестность. Да, в Альтвере оставались его родные. Но он передавал им деньги с вирманами. Графиня не скупилась. И работать у нее – одно наслаждение.

А теперь они с Мирко набрали подмастерьев, сами стали мастерами, можно жить и радоваться. Тараль – неплохое местечко, уютное, Темик уже там и комнатку себе присмотрел. А еще поговорил с госпожой графиней, и та сказала, что со временем Темик себе сможет и дом прикупить в столице, и лошадей, да и вообще, то мастерство, которое у него в руках, – оно уникально.

Это юноша понимал. И Мирко тоже.

Вот и надо работать. Пока. А лет через пять и жениться можно будет. Графиня возражать не станет, это точно, но надо ж денежек поднакопить! Да и погулять пока охота.

Хорошо все-таки жить.

Особенно когда тебя ждет симпатичная двадцатилетняя вдовушка. Не гулящая, нет. Но... тяжело бабе без мужика. А тут Темик. Крыльцо поправил, зеркальце подарил, корзину поднес... Познакомились-то они случайно. Еще в Лавери. Она в город приходила молоком торговать, а он как раз выезжал подмастерьев смотреть. Молочка захотелось... ну и завязалось. Слово за слово, куда прийти, когда прийти... он и пришел. И раз, и другой... да разве б в Альтвере такое было?

Никогда!

Там бы он и по сей день на посылках бегал...

На этот раз Оллия была какой-то расстроенной. Но встретила парня честь честью. Молочка подала, да и потом, после молочка...

Неприятности начались, когда Темик отправился поутру домой. Ну, не совсем поутру, еще до рассвета. Шел себе. Посвистывал...

Небо обрушилось ему на голову совершенно внезапно. Хотя чего еще ждать от неба? Оно ведь разговаривать не умеет...

Очнулся Темик в каком-то доме. Лежал на полу, связанный по рукам и ногам, а в комнате сидели еще трое, самого бандитского вида. Один ковырял ножом в зубах, двое играли в кости... но пробуждение пленника заметили сразу.

– Свистни хозяину, что он пришел в себя, – скомандовал один из игроков.

Человек с ножом, не говоря ни слова, встал и вышел. Игрок медленно поднялся, подошел к Темику и сгреб его за шиворот. Сверкнуло лезвие ножа.

– А?.. – задохнулся Темик, пытаясь отползти от страшного лезвия.

– Ага, – подтвердил вошедший в комнату мужчина. – Понимаешь, сопляк, что мы с тобой можем сделать все что угодно?

Темик это хорошо понимал и поэтому кивнул. Мужчине это понравилось.

– Вот и отлично. Тогда ты мне сейчас расскажешь, как вам удалось получить такое стекло.

– А п-потом?

Судя по усмешке мужчины, «потом» не предвиделось.

– Не расскажу! – Темик сам поразился своей храбрости.

– А если тебе пару пальцев сломать? Или пару лент из шкуры нарезать? – Мужчина явно не шутил. – Расскажешь, куда ты не денешься.

– Это вы куда не денетесь.

Никого и никогда не был так рад видеть Темик, как лэйра Ганца Тримейна. Ехидная улыбка на тонких губах, темный скромный плащ, дорогое оружие на перевязи, высокая шляпа с пером...

– Лэйр Ганц!

– Абсолютно точно. – Упомянутый лэйр прошел в комнату, огляделся с таким

выражением, словно досадовал на трату своего бесценного времени. – Положили все оружие. А то стрелять прикажу.

– Кому? – прошипел мужчина, все еще не теряя самообладания.

– Разумеется, вирманам. Они люди суровые, шуток не понимают.

Мужчина грязно выругался. В комнату влетела короткая стрела, ударила в пол рядом с его ногой.

– Я не шучу. Что, любезнейший, обидно стало? Столько денег мимо вас проходит? Сопляки из глухомани нашли секрет, а вы до сих пор всей гильдией ворон ловите...

Мужчина кривился, но возражать не решался.

– Темик, одевайся. И чтобы все визиты к девкам проходили исключительно с моего разрешения. Понял?

Парень отлично понял. Оно как-то хорошо запоминается, когда с ножом у горла.

– Вы тоже собирайтесь. С вами мы будем беседовать в другом месте.

Мужчина то белел, то краснел от злости, но кто б на его окраску внимание обращал...

Стеклодуву Лиля разнос устроила. Не сильный, но внятный. Парень осознал и проникся.

Ганц Тримейн накрыл всю компанию и сейчас выслушивал похвалы от короля. Его величество был весьма доволен.

Как оказалось, стеклодувы сильно разозлились. Их крупно прокатили со стеклом. У них забрали больше десятка подмастерьев, и более того – гильдии не собирались делиться ни прибылью, ни секретами мастерства.

А нравы в гильдейской среде царили те еще. Паучье-гадючьи. И деньги мимо рук жгли их не хуже огня.

В результате стеклодувы решились на рейдерский захват, хотя таких слов и не знали. Подослали Оллию, пару раз дали ей встретиться с нужным человеком, а потом планировали схватить паренька и все выпытать. Ну а самого Темика... сдался он им. Ножом по горлу – и в море. Рыбы голодные.

Наняли для этого нескольких человек с городского дна, чтобы те сначала напугали парнишку, а потом притащили в специальный подвал...

Просто расспросить и все передать?

Настолько стеклодувы отребью не доверились. Кто сказал, что они все поймут правильно? Все правильно запомнят? Что Темик скажет правду?

Не-эт, сначала попробовать рецепт, а потом уже... И держать – у себя, в подвале. Слишком ценный человек, чтобы его кому-то доверить.

Так что накрыли всю компанию. А поскольку среди стеклодувов знатных господ не было – полетели перья.

Его величество негодовал, Лиля злилась, Темик сидел в замке и нос наружу высунуть боялся. Оно и правильно.

У Лили вообще было желание перейти на осадное положение, затворившись в Тарале. Но... ей надо было еще поймать убийцу. Ловушка была настрожена. Оставалось ждать.

Первыми она дождалась господина Йерби с супругой и детьми.

Хвала богам, дома оказался Ганц, который сделал знак Лиле, чтобы та чуть потянула время, и умчался все организовывать. Амир как раз собирался уезжать с Мирандой

на прогулку и тоже был в гостинной.

Йерби-дедушка оказался бодреньким таким живчиком на вид лет шестидесяти. Значит, полтинник. Больше вряд ли. Невысок, лыс как коленка, с рожей откровенного плута – пожелай он выступать в театре, и роли продувных слуг были бы его.

– Ваше сиятельство! Я так счастлив лицезреть вас!

Лиля и мяукнуть не успела, а барон уже завладел ее рукой и припал к кружевной перчатке, обильно покрывая ее поцелуями. Да так, что тонкое кружево вмиг промокло насквозь.

Лиля кое-как отняла руку – очень помог рыкнувший Нанук.

– Если лицезрение меня доставляет вам такую радость, я подарю вам свой портрет. Надеюсь, вы доехали благополучно?

– Да, госпожа графиня. Позвольте представить вам мою супругу... Дорогая... Валианна, баронесса Йерби. Лилиан, графиня Иртон...

– Я рада вас видеть, госпожа графиня.

Рыжуха с выдающимися достоинствами – собственный бюст, показавшийся Лиле двумя прыщами, позорно проиграл сравнение, – присела в полупоклоне.

– Ваше сиятельство, это большая честь для меня.

Лиля чуть склонила голову.

– Я рада приветствовать вас в моем доме.

– Наши дети. Ренар, Жюли, Алина, Мария и Дениза.

Стая рыжих принялась кланяться и приседать. Лиля невольно вспомнила Гарри Поттера с его рыжими Уизлиами. А что? И тут и там – богатая бедная сиротка. И тут и там – паразиты, желающие погреть руки. Осталось подобрать кандидатуру на роль Волана де Морта.

– Приятно познакомиться, – мурлыкнула Лиля.

– Мам, мы поехали?

Мири влетела в гостиную вихрем. Ребенок выглядел очаровательно. Голубой костюмчик для верховой езды оттеняет черные волосы и синие глаза, на щеках румянец, на губах улыбка...

– Разумеется, малышка. Вы с кем?

– Обещаю быть осторожным. – Амир улыбался. В белых одеждах, черноволосый и смуглый, он был воплощением романтической мечты и героем сказок о прекрасном Востоке. Ну да ладно, здесь дети фильмов с Омаром Шарифом не смотрели.

Лиля кивнула. Малышку он точно в обиду не даст. И сам не подставится. Одного раза, с ртутью, было достаточно.

– Миранда! – взвизгнула Валианна Йерби, сгребая малышку в объятия.

То есть она попыталась. Но Миранда на тренировках не ворон считала. Девочка ловким движением ушла за спину Амира.

– Мам, это кто?

– Это твоя бабушка, – громко ответила Лиля, отметив, как перекосило баронессу. – А еще дедушка, дяди и тети. Не желаешь пообщаться?

Миранда замотала головой.

– Мы с Амиром лучше на прогулку.

– Ах да! – Лиля словно бы спохватилась. – Позвольте представить. Амир Гулим, наследный принц Ханганата.

Йерби оторопели. Этого времени Амиру хватило, чтобы ухватить Миранду за руку и направиться к выходу. Но юноша таки не удержался:

– Был счастлив познакомиться.

Дверь закрылась. И тут же открылась снова.

Ганц был мил и очарователен, как недоенная гюрза. И улыбался так же.

– Ах, Йерби! Рад вас видеть... со всем семейством.

Барон явно занервничал. А может быть, это из-за Эрика, который вошел вслед за Ганцем – и встал, наглухо загородив небольшую дверь.

– А еще рад видеть в вас такую заботу о внучке. Нанять специально для нее учителя... да какого! Очаровательного юношу – и столь разговорчивого!

– Да, – подтвердил Эрик, показывая все зубы в злобной усмешке, как голодный крокодил.

Лилия тоже оскалилась.

– И мне хотелось бы получить разъяснения. Ваш протеже доставил мне несколько неприятных минут.

Йерби удар держать умел, в отличие от жены. Та аж в лице переменилась.

– Н-наш протеже?

– Дамис Рейс, – улыбнулась Лилия.

– Который полностью во всем признался, раскаялся и ждет отправки на каторгу, – ухмыльнулся Ганц.

– Да, – солидно подтвердил Эрик, поигрывая невесть откуда взявшимся кинжалом.

– По какому праву вы...

– По праву королевского представителя. Вам предъявить мой знак или на слово поверите, Йерби?

Ганц выглядел так, что Лилия точно поверила бы. И барон оказался не крепче. Он как-то сдулся...

– Я никого не нанимал. Меня оболгали.

– А это вы расскажете не мне, а королю. На допросе.

– Вы собираетесь допрашивать моего супруга на основании показаний какого-то смазливового проходимца? – Валианна выступила вперед всем бюстом.

Лилия злорадно прищурилась.

– А откуда вы знаете о внешности данного проходимца? Я ничего о ней не говорила.

– В-вы сказали, что он очаровательный...

Ганц усмехнулся:

– Барон, баронесса, полагаю, вы последуете за мной добровольно? Не хотелось бы просить моего друга Эрика помочь вам...

Вирманин оскалился вовсе уж людоедски и шагнул вперед.

Лицо Йерби приобрело цвет молока, с которого сняли все сливки – этакий белый с синеватым оттенком, – и барон вышел, повинувшись жесту Ганца.

Валианна набрала было в грудь воздуха, но Эрик сделал еще один шаг и потянул из-за спины топор. Этого хватило. Женщина сразу сдулась – и последовала за мужем.

Что будет дальше, Лиля знала. Их отвезут в местную Бастилию – здесь она носит название Стоунбаг. Там допросят, а уже по результатам...

Дети же...

Лиля поглядела на молодого барона:

– Достопочтенный Ренар, полагаю, ваш визит слегка затянулся. Не пора ли вам отправиться домой?

Кажется, Ренар хотел сказать что-то нелицеприятное. Но Эрик еще не ушел из комнаты, и запала у юноши не хватило. Ренар сверкнул глазами (взгляды к делу не пришьешь) – и гордо удалился, сопровождаемый рыжими сестрами.

Лиля перевела дух.

Одной проблемой меньше?

Хотелось бы надеяться.

О признаниях Йерби ей рассказал лэйр Ганц спустя три дня.

Как оказалось, всему виной деньги. Ну и Джерисон Иртон. Почему-то во всех своих бедах подобные мерзавцы винят других. Не я это! Черт попутал, хоть он в этом мире и не водится!

Первая жена Йерби, Миресса, была богата. Но, увы, ее наследство полностью досталось детям. Мужу перепали жалкие крохи. Магдалену папаша выдал замуж, а сына выгнал. По официальной версии – за святотатство и непослушание. Поклонялся Мальдонае, пытался извести отца...

По неофициальной, которая прорезалась, когда палач достал щипцы для расшатывания зубов, – за то, что Валианна вечно жаловалась на непочтительность отпрыска. И они ссорились чуть ли не каждый день.

Да здравствует ночная кукушка – первый программист человеческого мозга.

Когда взялись за Валианну, оказалось, что сын совершил отвратительный поступок.

Мачехе, видите ли, он очень понравился. А мачеха ему – нет, ни как женщина, ни как все остальное... Вот не хотелось парню наставлять рога отцу с перезрелой матроной, он и не стал. Тогда Валианна принялась его изводить, добила своего, выжила пасынка из дома – и взвыла.

У Йерби-то денег не было, только у родителей Мирессы. Как отец, Йерби мог распоряжаться имуществом своих детей до их совершеннолетия или заключения ими брачного союза. А вот когда выгнал сына и выдал замуж дочь – тут и настал крупный облом.

Денежная доля сына вернулась к родителям Мирессы. Кстати, они почему-то очень не одобряли второй брак бывшего зятя и общение с Йерби прекратили. Что же до Магдалены...

В очередном приступе безденежья Йерби вдруг вспомнил, что у него есть внучка! Да не простая, а богатая! Если бы ему доверили опеку над ребенком... при живом отце?

Наличие живого Джерисона Иртона ничего в планах не поменяло. Йерби навел справки и понял, что надо сначала избавляться от Лилиан Иртон, а потом и от Джерисона. Почему так?

Ну официально-то Лиля считается матерью Мири сразу же после брака с Джерисоном. Случись что с супругом – и опекунство отойдет к ней. Это если еще не учитывать сестру. Но...

Оказывается, о нелюбви Миранды к родственникам только ленивый не знал. Откуда?

Да от Кальмы, которая, как токарь-многостаночник, собирала себе приданое, продавая информацию... с-стерва. Лилия порадовалась, что няньку прибили, и продолжила слушать. Короче, у Йерби были определенные шансы. Небольшие, но утопающий хватается и за гадюку.

Алисия?

Та не занималась бы Мирандой, определенно. А на возмущение Лили только плечами пожала.

– Увольте меня. Я слишком стара, чтобы возиться с детьми...

Лилия удержала активно просящееся на язык: «А с моим отцом?» – и кивнула.

– Понятно. Вы бы отказались...

– Если бы его величество не попросил – отказалась бы. Но вряд ли...

Лилия кивнула. Вообще-то шансы у Йерби были.

С одной стороны – сестра мужа, которую малявка ненавидит всеми силами души. С другой – бабушка и дедушка, которые (не сейчас, конечно) могли произвести приятное впечатление. Броситься в ноги королю, закормить сладостями малышку... Могло срастись.

Ганц многозначительно хмыкнул, намекая, что при дворе у Йерби был кто-то высокопоставленный, которому пообещали процент от наследства Миранды – ежели что.

Но это еще копать и копать.

Итак, первой уничтожается Лилиан Иртон. А можно и не уничтожать. Это дорого... да и страшно, для начала-то. Значит, делаем проще. Находим первого попавшегося жиголо – и подсовываем графине.

Скучающая барышня, в глуши, обходительный красавчик с манерами... на таком сочетании и покрепче ломались. А Йерби получают кучу плюсов.

Компромат на Лилиан Иртон – в первую очередь.

С помощью этого компромата можно даже не убивать – толстуха все сама бы отдала. Любое опекунство. Да и потом... Вот представьте себе, муж умер, жена на что-то претендует, а ей: «Да ты, милая, прелюбодейка?» В монастырь! Однозначно.

А там ищи ветра в поле.

Лилию спас созданный Джесом образ тупой коровы. Если бы считали ее умной и хваткой – по-другому бы готовились.

А так... корову – совратить. Миранду – приручить. Джеса – убрать.

Миранду намеревались приручать еще с осени. Но девушку отправили в Иртон. Йерби едва успели навязать ей в спутники своего жиголо. И поставили ему, кстати, задачу: заодно настроить Мири в пользу бабушки-дедушки. Лилия же обломала все планы.

Ребенок получал кучу разной информации, графиня присутствовала на уроках – ну и где тут кого пиарить? Дела у Дамиса шли плохо. И даже отчитываться он не мог. А как? Сотовых нет, простых телефонов тоже нет, азбуку Морзе и ту еще не изобрели. О, кстати!

Лилия тут же черкнула себе в блокноте про азбуку Морзе и флажки – кто в детстве не играл в пиратов и разбойников? А вирмане оценят. Определенно.

Пришлось бедолаге действовать на свой страх и риск. Ну и прокололся, понятное дело.

Как собирались убить Джерисона?

Да примитивно. Он ведь по бабам ходит... вот и пожертвовать какой-нибудь девочкой. Дать ей «возбуждающее» средство. Пусть выпьют на двоих. Шлюх найти легко, берут они недорого. Чаще всего (простите, госпожа графиня) Джерисон заглядывал в бордель на углу Королевской улицы, а Йерби... он тоже заглядывал.

Договориться с девицей – и вперед.

Извернулись бы. Это вылечить человека сложно. А убить...

М-да. Супруг определенно должен быть ей признателен. Шкурку она ему спасла. А то и не один раз. Оценит?

Что-то подсказывало Лиле, что нет.

У Джерисона нагло пропала бывшая любовница, и Вяленая Щука склонял его на все лады, подозревая, что граф сохранил к бывшей пассии нежные чувства. Ну и, пылая оними, помог ей скрыться.

Джерисон отбивался как мог. На кой орган ему сдалась та шлюха? Мало их по Ативерне бегают? Ах, таких немало, но не каждая пыталась избавить графа от надоевшей супруги? И с чьей же подачи?

Одним словом, Джерисон отболтался. Но подозрительный взгляд Фалиона говорил, что не до конца, ой не до конца.

Рик и тот не мог ничем помочь, Джес сам подставился. И теперь граф метался по покоям принца, мешая слугам укладывать вещи и сверкая глазами.

– Можно подумать, я сам бы стал травить эту корову!

– Можно и подумать. – Рик явно развлекался представлением.

– Ты вообще ополоумел? – окрылся Джес на друга.

Рик ностальгически подумал, что для Джеса он не наследный принц, а тот же мальчишка, с которым они подстраивали пакости Эдмону. И вздохнул.

– Джес, думай. Ты жаловался всем и каждому на жену. Было?

Было. Джес невольно кивнул.

– Ты всем расхваливал Аделаиду Вельс. Было?

Снова кивок.

– Я же не знал...

– Ну так ты ее по сиськам оценивал... – Рик проигнорировал гневный взгляд и продолжил: – Идем дальше. В сухом остатке: она покушалась на твою супругу, разругалась с тобой после неудачи – и исчезла.

– И что?

– И можно предположить, что это ты ее – того...

– Того – чего?

– Да чего угодно! Убил. Помог удрать. Спрятал до лучших времен в деревенском домике, чтобы навещать два раза в месяц. Знаешь, ты молишь, чтобы на твою супругу больше никто не покушался. А то ты так с этой шлюхой подставился...

Джес рухнул в кресло.

- Знаешь... тут еще вопрос: подставился или помогли подставиться. По большому счету, если бы мою супругу не понесло в столицу, никто и не узнал бы.

- А если бы она не родилась, то и за тебя бы не вышла? – рыкнул Рик.

Нет, доставал его иногда Джес... и ведь не дурак. Но кому понравится, когда он кругом виноват?

- Да понимаю я все, – отмахнулся он Джес. – И корову сложно обвинять за то, что она себя спасала. Заметь – и Миранду. Так что я ей даже где-то благодарен.

- А где-то и нет...

- А ты бы – да?

- Я бы тоже злился, – честно признал Рик. – Но ты подумай еще вот на какую тему. Ты сейчас едешь домой... с порога скандал устроишь?

- Не знаю...

- Вот. Чего от тебя хочет отец? В смысле король?

- Чтобы мы помирились. Определенно. Иначе не строил бы, как провинившегося мальчишку.

- А ты приедешь весь в раздразе, увидишь супругу – и тебя ка-ак понесет...

- И что ты предлагаешь?

- Воспитывай себя уже сейчас. Ты не виноват в том, что получилось. Но и она ведь не виновата, что ты такую любовницу нашел.

- Тьфу.

- И что самое печальное, побег Аделаиды тебя же ставит под удар.

- То есть?

- Если твоя супруга захочет получить развод – тут и думать не придется. Доказательства неверности у нее есть, покушения – тоже... Следующий ход? Догадаешься?

- Обвинить меня в покушениях. Чего тут гадать. И под это дело развестись. Тут даже альдон не рыкнет.

- Как ты думаешь, почему она до сих пор не?..

- Не знаю. Вариантов – прорва.

- Даже после ее писем?

Джес закатил глаза.

- Рик, ну не верю я, что это она писала! Это письма человека с опытом, умного и циничного! Жестокого, если хочешь. Но никак не этой соплушки! Она же меня... а насколько она меня младше?

- Джес, друг мой, а когда у твоей жены вообще день рождения?

Ответом ему стал грустный взгляд.

- Не помню...

Тьфу!

Аделаида Вельс была не то чтобы спокойна, но довольна. И собой, и окружающим миром.

Мир сейчас состоял из удобной кареты, в которой она направлялась к границе Иверней и Уэльстера. Точнее – к Лимайере. Там она и ее сопровождающие сядут на корабль и спустятся вниз по течению. Ее, правда, предупредили, что придется замаскироваться, но куда денешься...

Да и временно это.

В Уэльстере ее приведут в порядок – и выдадут замуж. Присланный к ней человек (Лидия Ивернейская узнала бы его сразу) объяснил все честно.

Так, мол, и так, Аделаида прославилась не лучшим образом. Поэтому покамест ей лучше не светиться при дворе. Есть один милый дворянин, барон, правда, ненаследный и небогатый, лет ему немало, детей пока нет... так что все от нее зависит. Будет дружить с графом Лортом (да не в том смысле, дура, а работать!) – и все у нее будет. И денежка, и при дворе она рано или поздно окажется.

Пока же – благодарность ей за Лидию.

Новые документы на имя Лидии Ренар, лэйры из небогатых, тоже вдовы... И – жених. Пусть очарует, обаяет – а работа найдется.

Аделаида не возражала.

Замуж за старика? Так было уже. И деньги найти можно, и молодых мужиков... только на этот раз она не станет связываться ни с кузенами, ни с племянниками мужа. К Мальдонае!

А граф Лорт... да, он пугает. Ну и что? Зато платить будет. Это – главное!

Леди Вельс не собиралась опускать руки на пути устройства своего будущего. Попробовала устроиться с графом Иртоном. Не получилось. Впредь она будет умнее.

А что ждет впереди?

А посмотрим!

Граф Лорт готовился к отъезду своего брата и короля. Так что приказ о леди Вельс он отдал мимоходом.

Нет, добродушием его сиятельство не заболел. И благодати не преисполнился.

Просто...

Есть у вас одна семейка на примете. Человек неплохой, служил верно, баронство выслужил... почему бы и не порадовать его мимоходом? А то женщины как-то негативно относятся к шрамам через все лицо, к ожогу, полученному в стычке с пиратами... леди Вельс все сожрет. И благодарить будет. Альтернатива-то...

Альтрес подумал, что лично он бы за такое упрятал в монастырь. Или вообще повесил. В зависимости от выгоды ее сиятельства графини Иртон для короны.

А еще...

Аделаида Вельс – отличный рычаг давления. За лишнюю побрякушку она все подтвердит и напишет. И что Джес ей предлагал оплатить убийство жены, и что...

Одним словом – все, на что у Альтреса хватит фантазии. А граф очень надеялся вбить клин между супругами Иртон, чтобы точно не помирились.

Тогда графиня начнет искать себе новый дом – и почему бы не в Уэльстере? Если она поможет Гардвейгу?

Да Альтрес ее на руках носить будет! Ради брата он что угодно сделает. А уж приютить такую полезную женщину или чуть-чуть ее подтолкнуть к разводу с помощью дешевой шлюхи... почему нет? Потом леди Вельс можно будет и списать. Но пока она еще свое

не отработала. Пусть побудет в запасниках.

Не ради себя, но для Уэльстера стараюсь...

– Амир, а ты когда домой собираешься?

Его высочество посмотрел на Миранду:

– Ну, через год поеду.

– Год? Так быстро? – Девочка неподдельно огорчилась. Амир стал для нее старшим братом. И хорошим другом.

– А ты не хочешь к нам в гости? – прищурился его высочество. – Я буду рад. Познакомлю тебя с отцом, покатаю на своем коне...

Миранда задумалась. В Ханганат хотелось. Интересно же... посмотреть, откуда родом Лидарх и Шаллах. Покататься на аварцах, поглядеть на пустыню, проверить, водится ли там саксаул, про который рассказывала Лиля, как выглядит рассвет среди бескрайних песков, есть ли там кактусы...

– А Лиля меня отпустит?

– А мы и ее пригласим.

– Думаешь, она согласится?

– Не знаю. Но мы очень попросим.

Миранда довольно кивнула.

– Договорились. А если что – я могу и одна приехать. Когда чуть подрасту...

– Договорились.

Амир с улыбкой смотрел на девочку. Миранда ему искренне нравилась. Пока – как младшая сестренка. О чем-то другом говорить было рано. Но принцу не хотелось, чтобы эта девочка ушла из его жизни. И если для этого надо поговорить с Лилиан Иртон... Поговорим.

И договоримся.

Все будет хорошо...

За какое время можно построить дом, если над тобой нет никаких проектных институтов и комиссий, власти настроены более чем благосклонно, а деньги и рабочая сила есть в неограниченном количестве?

Лилия предположила, что очень быстро.

Так и получилось. Почва возле Лавери была каменистая, да и каменоломни были не слишком далеко. Поэтому все дома тут строились из камня. Часть старых строительных материалов можно было использовать при постройке новых домов.

А рабочие... когда поняли, что хозяйка хоть и благородная, но платит каждый день – сдельно, у них словно второе дыхание открылось. Стройка развернулась с такой скоростью, что Лиле даже страшно становилось.

Не рухнуло бы...

Не рухнет. Здесь пока еще плохо не строят – а то ведь можно и шкурой поплатиться.

Сложнее всего было сделать стекла. И витражи. Вот тут – да, проблема. С другой стороны, стекол с пузырьками много, кривоватых тоже, а они есть и цветные – сложить в витраж и не мучиться?

Сама Лиля такие стекла считала браком. Но здесь... когда и того раньше не видели...

Вопрос был – как оградить все это дело от мальчишек, которые могут бросить камнем? Единственное, что могла придумать Лиля, – это установить проволочную сетку на некотором расстоянии от стекол. Кузнецу было дано задание, объяснена идея – и Лиля выкинула это из головы. Их дело, их заботы. Ее проблемы – где что устроить.

Здесь кухню.

Тут туалеты. Да-да, те самые домики.

Тут один демонстрационный зал. Тут – другой...

И работа.

Сильно Лиля обиделась на корону. Так получилось...

Они с Ганцем разговорились за ужином.

– И что теперь с Йерби будет?

– Ничего, ваше сиятельство. Король своей волей прикажет ему сидеть дома, носа не показывая в столицу, официально назначит наследником его старшего сына, ну и все тут. Разве что земли его еще взять в опеку.

– Как?!

Лиля была искренне возмущена. Эта скотина... да если бы ему все удалось... А ведь могло и выгореть! И что бы тогда? Полагаете, Миранда зажила бы на свете? Ага, как же, бедные сиротки нужны кому-то, только пока они богатые. А как станут финансово бедными – тут и упс...

– Ваше сиятельство, понимаете, ему ведь ничего не удалось.

– И что?

– У нас на него ничего нет. Только показания простолюдина.

– Ага. А если бы Рейс был дворянином?

– Тогда было бы проще. Но и так... что можно ему предъявить? Злоумышлял?

– Пытался и попался, – огрызнулась Лиля. – А его признание?

– Под пыткой.

– Так ведь было?

– Дворяне уже подняли визг и вой. Как же! Схватили! Заточили! На основании показаний какого-то там... учителяшки!

– И король вынужден прислушаться.

– Увы.

Лиля положила вилку. Аппетит пропал к чертям.

– И он сможет мне пакостить...

– Уже нет. Выгода же пропала.

Ганц понимал, что это звучит неубедительно. Лиля тоже.

– Я буду просить короля взять земли Йерби в опеку и послать туда представителя. Это будет лучше, ваше сиятельство?

Лиля кивнула. Но настроение было испорчено.

- Ганц... а кто поддерживал Йерби?
- Они клянутся, что это – герцог Фалион.
- Что?!
- Герцог, ваше сиятельство. Не маркиз.
- А есть разница? Что отец, что сын...
- Так поговорите с сыном.

Лиля задумалась. Поговорите... А стоит ли? Это раньше она бы помчалась выяснять отношения. А сейчас... а где гарантия, что ей не соврут?

И где гарантия, что ей не соврали сейчас? Йерби, простите, не на детекторе лжи проверяли. Да, им показывали пыточную. И даже угрожали. Но!

Она бы смогла солгать в такой ситуации?

Смотря что стоит на кону. Иногда солгать – единственный способ остаться в живых. А что, если...

- Ганц, вы в курсе, что любое преступление оставляет финансовый след?
- Госпожа?
- Вот смотрите. Чтобы оплатить моего наемного убийцу, нужны деньги. Их передали через Кариста Трелони. Но опять-таки из воздуха они не возникли. Они либо изъяты из какого-либо дела, либо это налог с поместья, либо...

Ганц кивнул:

- Вы хотите посмотреть, есть ли связь между Йерби и Фалионами?
- Абсолютно точно. По финансовым отчетам можно сказать многое... если уметь их читать.
- Если я этим займусь, спать мне будет некогда.
- Найдём кому этим заняться. Кому-нибудь из эввиров – они тут как рыба в воде. А чтобы у нас оставались хорошие отношения...
- Согласен. Они пойдут на многое. Но разумно ли...
- А есть альтернатива?
- Оставить все как есть. Просто не доверять Фалиону.

Лиля прикусила губу. Обидно почему-то было даже подумать, что ее разыгрывали втемную. И ей врал. Обидно...

- Не знаю. Я не хочу его обидеть недоверием. Но и попасть сама не хочу. Оптимальный вариант – доверяй, но проверяй.

Ганц покачал головой.

- Ваше сиятельство, вы не имеете права сейчас даже на малейшую тень на репутации.
- А у меня она есть?
- Пока – нет.
- Обещаю быть осторожной. Во всех смыслах. Но, Ганц... я хочу знать! Имею я на это право?
- Как вы говорите, ваше сиятельство, уж что-что, а право-то вы имеете...

- Тогда я очень прошу вас.
- Я все сделаю. А вы поговорите с Хельке. Авось кого посоветует.
- Поговорю. Обязательно. А того, кто придет следующим, надо ловить на месте преступления.
- Мы все сделаем, чтобы они не отвернулись.

Все началось с доклада Ганца.

- Ваше сиятельство, Дуг Феймо и Анвар Рокрест встречались.
 - И? Они же тесть и зять...
 - Это верно. Только почему-то встречались они не дома, а в конторе.
 - Удалось подслушать?
 - Нет. Но ребята клянутся, что в контору Дуг пришел с деньгами, а ушел без них. И сумма была крупная.
 - И что? Может, он деньги в дело вложить решил? Копил, мучился...
 - Какое ж это дело, госпожа, - ухмыльнулся Ганц, - если тем же вечером Анвар в портовом кабаке нанял десяток мерзавцев?
 - Зачем нанял?
 - А вот тут самое интересное. Они собираются устроить засаду на дороге к Таралю.
 - Самоубийцы?
 - О нет. Помните те милые игрушки с жидким огнем? Которыми успешно пользуются вирмане?
- Лилю передернуло.
- У них есть такие?
 - И в большом количестве.
 - Тогда шансы есть. Огонь, стрелы...
 - Брать будем на месте преступления.
 - Когда?
 - Мальчики следят за ними. Полагаю, что завтра-послезавтра.
 - Вы меня предупредите, чтобы я ехала не на Лидархе?
 - Ваше сиятельство, вы куда рветесь? - Ганц выглядел разозленным. - Вы лично никуда не едете.
 - Неужели?
 - Предоставьте воевать мужчинам. Подберем кого-нибудь из мужчин, парик нацепим, платье...
 - А если разбегутся...
 - А если вы пострадаете? С меня король шкуру спустит.

Лиля кивнула. Спустит. Однозначно.

- Ладно, посижу дома. Но при одном условии. Все снаряды с жидким огнем - мне. На опыты.

Ганц согласился без размышлений. Лишь бы под руку не лезла.

Спору нет, графиню он ценил и уважал. И даже любил - не в смысле руки, сердца и возвышенных страданий, нет. А просто как любят друзья. Она, в сущности, неплохая женщина. Хоть и с чужинкой. Но кто без этого?

Но вот когда Лиля таки лезла в его дела, Ганцу порой хотелось зашипеть. Нет, идеи-то у нее бывали хорошие. Умные, интересные... но иногда - увы. Чего-то ее сиятельство в окружающей действительности просто не видела. И это - навсегда.

Лили сидела у окна и смотрела вдаль.

Александр Фалион. Что она к нему чувствовала?

Сейчас, когда могло оказаться, что он стоит за Йерби, это был весьма насущный вопрос. Надо сесть и все проанализировать. До мистера Холмса Лиле было далеко, но... Речь шла о ее жизни и безопасности.

Опасно никому не доверять. Но ошибиться, поверить не тому во сто крат опаснее.

Ганц или Александр? Кто из двоих?

Лэйр Ганц. Связанный с ней финансовыми интересами, ее знакомый с осени, надежный товарищ.

Насколько надежный?

Судя по данным разведки - спасибо Августу, - Ганц всю жизнь на службе короны и доволен этим. Лэйр из небогатых, умница, профессионал. Неподкупен.

Почему? Потому что король не скупится и не выдает своих. Так что, будучи честным, Ганц больше получит. К тому же репутация как девственность. Один раз потеряешь - не восстановишь.

Вопрос: мог ли он предать? Из личных интересов? Вряд ли. С Фалионом у них столкновений не было. Вообще. Фалионы вели себя тихо и считались верными слугами короны - по словам того же Августа. И это странно. Сильный род, кое-какие права на трон - и тишина в эфире?

Верится с трудом.

Допустим, для Александра слово «честь» не пустой звук. Но... Ганцу нет смысла ей врать. Ему эта ложь просто ничего не дает. Ни плюсов, ни минусов - ничего.

Даже включив в уравнение личные симпатии и антипатии, ничего не получим. Если Ганц что-то и имеет против Фалиона, он уж точно не поделится информацией.

Александр же...

Серые глаза, теплые сильные руки, запах цветов... что между ними возникло?

Любовь?

Лили прислушалась к себе. Внимательно, вдумчиво.

Любит ли она Миранду? Безусловно! Если кто-то хоть что-то на ее ребенка... Руки сами собой сжались в кулаки.

Любит ли она Александра?

Кулаки так же медленно разжались.

Сложный вопрос. Он ей приятен, он хороший друг, у нее есть определенные предпочтения, он подходит под ее тип мужчины, но!.. Вырастить нечто большее, чем симпатия, она просто не успела. Если бы дали больше времени, если бы она не была так занята, если бы не тяготила ее тайна... Одним словом – нет.

Это ветер, но пока не любовь.

Доверяет ли она Фалиону?

Опять-таки это ветер. Они ничем не связаны, не обязаны, их ничего не объединяет, кроме его слов о чувствах. Но если посмотреть с другой стороны – а с чего будущий герцог и аристократ до мозга костей влюбился в дочку купца?

Отдадим ей должное, но она не красавица. Яркая, оригинальная, неглупая, по местным меркам эксцентричная, но до красоты ей еще килограммов двадцать. Пусть лицо и приняло приличные очертания, но животик, попа, ноги пока еще далеки от идеала. Их еще качать и качать. Хотя сейчас это не дикий жир, а скорее приятная легкая полнота. Пышечность.

Плюс возраст.

Что, Фалиону своих мало?

Да к нему наверняка в очередь такие девочки стоят, рядом с которыми она слониха и страшилка. Нет, в великую любовь ей не верилось. А если не любовь, то вывод один. От нее что-то нужно.

Что?

Неизвестно.

Вывод?

Разведку к бою. И не путать с разведкой боем, когда командир мчится вперед на лихом коне, размахивая саблей. Нет уж...

Осторожно, не привлекая внимания, попросить Августа, Алисию, еще кое-кого – пусть собирают информацию.

А как поступить с Фалионом?

Лиля покусала ноготь.

Да, выход только один. Пока – отдалиться от него, чтобы не попасть под раздачу. А что потом? Данные разведки покажут.

Но отдалиться от Фалиона надо еще и по другой причине. Не показывать виду, но... в него ведь и влюбиться можно. А оно ей надо?

Жить с разбитым сердцем в преддверии приезда мужа... кстати! А ведь Фалион сам должен понимать неустойчивость ее положения. И все равно расшатывает лесенку под ее ногами... это – от великой любви?

Верится с трудом. Ох, темнит что-то высокородный маркиз. Так что отталкивать его не будем, но и расслабляться и доверять тоже не станем. А любовь?

А что, есть возможность?

Засада.

Волк охотился на зайца, охотник – на волка. Удобных мест для засады было не так уж и много, и Ганц устроил там свои секреты. В итоге наемники оказались под прицелом двух десятков луков – и сдались, не играя в героев. Особенно когда им объяснили, что графиню они будут ждать долго и безуспешно.

И Ганц докладывал графине. Так и так, были, взяли... только толку – ноль. Почему ноль? Так возьмут они Рокреста. Может, даже и Феймо. Промолчать оба способны. Хотя бы какое-то время. А потом примчится Лоран Ивельен, начнет кричать, что оклеветали, оболгали, деньги подбросили, приплели... короче – не виноваты они. Кто-то сомневается в слове герцога?

Лиля задумалась.

– Герцог от всего отопрется. А нам надо сделать так, чтобы его поймали с поличным.

– Вопрос: как это возможно?

– Да есть у меня одна идея. – Лиля не была профессионалом сыска. Но, простите, даже просто глядя новости в двадцать первом веке, невольно нахватаешься. Это уже не говоря о детективах и триллерах. Специалистом она не была и даже на любителя не тянула, но ее обогащал опыт столетий, которого не было у Ганца. Не доросли тут пока до мемуаров знаменитых сыщиков. – Официально брать их нельзя.

– Да, госпожа.

– А неофициально?

Ганц вскинул брови. Но потом до него дошло.

– Вы полагаете, если Ивельены все время действуют через Феймо...

– То своих выходов на эту шваль у них нету.

– Ой ли?

– Но если убрать Феймо и Рокреста – им придется уже договариваться самостоятельно. Разве нет? Или вообще действовать самим. Кинжал там, яд...

Ганц пожал плечами:

– Попробовать можно. Убить?

– Кровожадный вы, Ганц. – Лиля даже чуть улыбнулась. – А свидетельствовать кто будет? Нет уж. Что у нас, ни единого укромного местечка, где их можно подержать?

Ганц усмехнулся:

– Есть такое. И не одно.

– Вот и ладненько. Изъять их после очередной встречи. Им ведь будет известно, что засада провалилась...

– Откуда?

– Алисия сообщит.

– Тогда я пойду готовиться.

Лиля напутствовала Ганца дружеским кивком и попросила Лонса сообщить, когда придет Алисия. Старая гадюка явилась только к вечеру следующего дня, и Лиля практически сразу атаковала ее за ужином.

– Алисия, дорогая, мне бы хотелось попросить вас об огромной милости.

– Какой же? – Гадюка так виртуозно орудовала столовыми приборами, словно ее лет пять учили.

– Ивельены... мне бы хотелось помириться с ними.

– Да уж, неловко получилось.

– Надеюсь, Амалия уже меня простила.

- Даже не надейся. Над своим дитятком Амалия трясется, как над бриллиантом того же размера.

- Но попытаться-то надо... я вообще заметила, что дети у нее жутко избалованы.

Алисия подхватила благодатную тему:

- Ты даже не представляешь насколько. Что Сэсси, что Джесу Ивельенам только что луну не доставали с неба, а все остальное – пожалуйста. Они бы и Алине...

- Алине?

Лиля наострила ушки. Оказалось, что у Ивельенов трое детей. Только младшая родилась – тсс! – с явными отклонениями. Не разговаривает, ничего не умеет, лишь ест, мычит и гадит.

Лиля пожала плечами. Лечить отклонения – не ее работа, ее работа – резать.

- Может быть, показать девочку Тахиру?

Тахир, также присутствовавший за столом, чуть склонил голову.

- Я могу ей это предложить, – кивнула Алисия. – Возможно...

- И конечно, мои самые искренние извинения... но нос-то мы ребенку вылечили... как он, такой избалованный, в гвардию пойдет?

- Амалия мечтает для него о карьере при дворе.

- Но защищать себя все равно надо уметь! Вот у нас опять тут случай!

И Лиля поведала, как на нее опять устроили засаду. И могло бы все получиться, да разъезд из организованных Лейсом наткнулся на тех раньше. Завязалась схватка, подали сигнал – и всех засадников перебили к лешачьей матери, чем Лиля была весьма недовольна. Нет бы сначала выяснить, кто послал, а потом уже перебить!

Негодяи какие!

Алисия тоже поохала и поахала. И пообещала завтра же съездить к Ивельенам.

- Кстати, дорогая Лили, не могла бы ты... Анжелина и Джолиэтт приглашали в гости Миранду. И если можно – его высочество принца Амира... может быть... потихоньку, без лишней помпезности...

Лиля великодушно дала согласие.

Ивельены встретили Алисию неласково. Поначалу.

Но «гадюка» умела манипулировать людьми. Рассыпалась в извинениях, разохалась, разохалась, закатила глаза... одним словом, после часа стонов и страданий Амалия таки приняла извинения Лилиан. И, подумав, согласилась показать ей свою дочь. То есть, разумеется, Тахиру дин Дашшару.

А визит... да хоть и завтра.

Алисия вздохнула и сообщила, что да, приедем. Только, простите, с большим отрядом сопровождения.

- Почему? – удивился Лоран Ивельен.

И услышал в ответ душераздирающую историю о засаде на пути в Тараль. Бедная Лилиан, она так переживала, так страдала... что никого допросить не удалось. И кто это организовал – совершенно неизвестно! Ужас!

Ивельены вежливо согласились, что да, конечно, ужас! И как только таких негодяев земля носит? Покушаться на милейшую графиню, которая столько всего делает для короны и вообще воплощение всех достоинств на земле...

Алисия договорилась о визите и уехала.

А в поместье Ивельенов состоялся такой разговор.

– Где ты нашел этих недоумков?

– Го... господин...

Человек, стоящий навтыжку и боящийся моргнуть, несомненно, мог выглядеть представительно. Но не сейчас. Полное тело словно бы оплыло, пот катился ручьями... собеседник не испытывал к нему никакой жалости.

– Завтра графиня Иртон собирается к нам. Я хочу, чтобы на обратной дороге... Ты понял?

– Д-да, господ-дин...

– Если и в этот раз случится промах – пеняй на себя. Свободен!

Отпустив слугу, мужчина налил себе вина и задумался, глядя на луг за окном.

М-да. Чем дальше, тем больше. Но выбора нет, и развязаться со всем этим он не может. Пути назад нет. Его и десять лет назад не было, но тогда был хотя бы крохотный шанс. И даже потом он еще был. Хотя немедленная попытка переворота была обречена на неудачу. А сейчас? Что в активе сейчас?

Король стар и устал. Ричард – мальчишка, по уши в своих книжках.

Армия более-менее надежна, но именно что более-менее. Всегда можно найти своих людей. И не обязательно маршала. Хватит и толкового полковника. Особенно в нужное время и в нужном месте. Такие на многое готовы, чтобы стать генералами.

И такие уже есть. Всего человек десять. Но этого достаточно. Не нужно перекупать всех.

Переворот должен быть молниеносным. Если лишить свободы Эдоарда и Рика, остаются принцессы. Их можно выгодно выдать замуж за нужных людей. А можно и не выдавать. Но один-то кандидат есть, даже и больше есть... альдон пошипит – и разрешит. Куда он денется, и на него кое-что есть...

А вот Эдоард и Рик... увы. Они должны умереть. И Джерисон – тоже.

Просто сейчас нет смысла подсылать убийц. Умирать принц должен здесь, при всем народе, иначе плюнуть не успеешь – окажешься по уши в самозванцах. И лучше все это проверить до женитьбы.

Удачно получилось, что он так долго ходил в холостяках, сама судьба помогает.

А что до графини... Он колебался. И довольно долго, после того как лично познакомился с ней.

Яркая женщина. Умная.

Непредсказуемая и опасная.

Именно поэтому она должна умереть еще до встречи с супругом. Кстати, Миранда тоже неплохой козырь. Сиротка с большим приданым... кое с кем еще предстоит расплачиваться, почему бы и не брачным договором?

А Лилиан...

Жалко. Но иного выхода нет. Слишком легко она уходит из-под удара, словно ей Мальдоная ворожит... Может, обвинить ее в этом?

Хотя – нет. Шильдой она быть не может. Слишком добродетельна. Полное поместье людей – кто-то что-то да углядел бы, а глядеть некуда – она со всеми одинаково равна и добра. Прямо как верность хранит мужу... Может, действительно в него влюблена? Иртон – гуляка известный.

Но тогда ее обязательно надо убрать. На что способна женщина, которую лишили любимого человека?

О, очень на многое... ему это известно, как никому другому.

Убрать. Обязательно. У Иртона тоже не должно остаться наследников.

Ничего, справимся. Просто потрудиться придется.

Крысюк, прозванный так за пронырливость и незаметность, дежурил на воротах Лавери. Другие ворота также оккупировали мальчишки из «Тримейн-отряда».

Да, вот так вот. Больше никому из них не приходилось просить милостыню, копаться в мусорных кучах, побираться, думать, что принести в дом или прятаться от старших.

Теперь они были вполне довольны и счастливы. У них было... многое.

Работа, за которую по медяку-то в день перепадало. И можно было принести его домой, а не бояться, что кто-то отнимет. А все, что найдешь сверху, тоже твое. Главное, чтобы дело не страдало.

А еще...

Еще его сестренку Марту пристроили ученицей к кружевницам. Ходил слух, что скоро король учредит гильдию кружевниц – и Марта там тоже будет. Видел ее Крысюк. Довольная, вся чистенькая, аж дотронуться страшно, платье новенькое... говорит, ценят ее. Пальчики ловкие, и девочка сметливая. Да он и сам проверил. Живут они пока в старом замке, который Тер... Тараль.

И у малявки там своя комната, которую она делит еще с тремя ученицами. Своя кровать, шкаф, и даже обувь есть. Две пары. На каждый день – и парадная. С ума сойти...

А от него требуется другое. Пока он маленький и ловкий – побегать по улицам и последить за теми, на кого лэйр укажет.

Ну так это ему не в тягость. Тем более что уже обещано: станет постарше – его к другому делу приставят. Или подмастерьем, или к воинам... пропасть не дадут. А чтобы и этот заработок не терять, Крысюк уже начал своего младшего братишку натаскивать. Тот пока еще поглупее, да и не такой проворный, ну да дело поправимое...

Мать теперь довольна и счастлива, как же... с тех пор как батяня утонул, она на стирке надрывалась... сейчас может поменьше брать. И берет у... графини Иртона! Во! И всем отвечает, что графиня щедро платит. И никто ни о чем не знает.

Посплетничать и похвастаться? Знал бы кто, как могут молчать голодные и нищие люди, если им дать надежду и протянуть руку помощи. Да Крысюк скорее разрешил бы себя на части порезать, чем хоть слово сказал бы о графине или лэйре Ганце.

Мальчишка прищурился. К воротам подъезжал всадник. И это был явно тот...

Мальчишка звонко свистнул в два пальца, вызывая подкрепление. Один побежит к лэйру Ганцу. Второй будет следить вместе с Крысюком, чтобы потом донести, куда отправится толстяк на каурой лошади.

Начиналась работа.

Дуг Феймо чувствовал себя омерзительно.

Колотилось сердце, тек ручьями пот, подкатывала к горлу тошнота...

У него есть последний шанс. Иначе... никто с ним церемониться не будет. И с дочкой. И с зятем тоже.

Сейчас они довольны и счастливы, дело зятя процветает... Как ему в этот момент хотелось развернуть лошадь в сторону дома – и уехать. И забыть навсегда об этом деле.

Когда все только начиналось, поручения были мелкие. Отвезти, привезти, переговорить, найти людей, а вот потом... Дуг ужасно испугался, когда понял, к чему все идет. Но хозяин не дал ему выбора.

– Или ты служишь мне, или ты вообще не существуешь, – просто сказал он. И Дуг поверил.

Он знал, на что способен этот страшный человек, поэтому сейчас ехал к зятю.

По счастью, Анвар оказался у себя в конторе. Там Дуг и решил поговорить, даже не подозревая, что на крыше, как раз над открытым окном, удобно устроился мальчишка.

– Твои наемники захвачены.

– И?

– Их перебили. Где ты нашел таких идиотов?

– Знал бы ты, сколько они с меня содрали! – огрызнулся Анвар.

На самом деле – не так уж и много, но часть денег Анвар утаивал. Еще с тех пор, как он понял, куда его втянул дурак-тесть, он принялся откладывать себе на побег: если так случится, что все провалится, он спокойно начнет новую жизнь где-нибудь в Эльване. Или Авестере...

Не важно где, важно, что далеко отсюда. Можно даже без жены – новую найдет, с деньгами это несложно.

Тихий стук в дверь заставил мужчин насторожиться.

– Ты кого-то ждешь?

– Нет. Всех отпустил. А ты?

Дверь открылась, чуть слышно скрипнув.

– Доброго вечера, господа. – Ганц Тримейн улыбался. – Вы будете сопротивляться или соизволите пройти со мной?

– Вы кто? – Анвар схватился за кинжал.

Ганц погрозил ему пальцем:

– Не надо. Как королевский представитель...

Анвар мертвенно побледнел. Дуг вообще стек по креслу, оказавшись менее крепким.

– Я вижу, вы все поняли. Орать и возмущаться не собираетесь, оно и к лучшему. Я и так все знаю. Эрик!

Вирманин полностью загородил дверной проем.

– Друг мой, вам не составит труда проводить эту парочку в наш скромный домик?

Вирманин ухмыльнулся так, что Анвар тоже оставил всякую мысль о сопротивлении. Куда уж там...

Спустя два часа Анвар и Дуг, помещенные в уютные подвалы, каялись так, что перья трещали. Только успевай записывать!

Они почти ничего не знали. И были на правах исполнителей. Но хватило уже и того, что они проплачивали убийство графини Иртон. Сначала ее травили по приказу Анвара, потом – просто пытались убить. А зачем? Неизвестно.

Достаточно было другого.

Приказ отдавал герцог Ивельен. Не маркиз. Именно герцог.

Когда Ганц доложил это, Лилиан не проявила никакого интереса. Герцог – и черт с ним, это и так известно. Интереснее было бы знать о мотивах.

– Ваше сиятельство... – Ганц колебался. – Пару раз Дуг подслушал что-то странное. Точно фразу он не привел, примерно так: «Все равно королевская кровь» и «По праву первородства Ричард пользуется преимуществом...»

– И с кем же беседовал наш герцог?

– С сыном.

Лиля вздохнула.

– Ганц, поправьте меня, если я ошибаюсь. У Эдоарда было двое сыновей, Эдмон и Ричард, от Имоджин Авестерской. И две дочери от Джессимин.

– Абсолютно точно.

– Старший сын умер.

– Если быть точным, там очень темная история. Ваш свекор, кстати...

– И что же Джайс Иртон?

– Примерно четыре года назад, незадолго до вашей свадьбы, Джайса Иртона и принца Эдмона нашли мертвыми.

– Они убили друг друга?

Ганц замялся.

– Следствие не проводилось.

– Ганц?

Судя по тону, женщина отступить не собиралась. И Тримейн тяжело вздохнул.

– Лилиан, если позволите... Это должно остаться между нами.

– Обещаю.

– Я был там.

– Ганц?! Расскажите! Прошу! Это очень важно...

Лиля смотрела так, что Ганц понял – не проболтается. И принялся рассказывать:

– Я к тому времени уже лет десять как состоял на королевской службе, даже больше...

Ганц говорил, а перед глазами стояло прошлое.

Тогда он приехал во дворец, чтобы отдать королю ценные бумаги. И как раз выходил из кабинета, когда примчался встрепанный лакей.

– Ваше величество! Они умерли!!!

Это было настолько неслыханно, что Ганц невольно скользнул за штору, секретарь шарахнулся, а король соизволил выглянуть.

– Кто?

– Принц Эдмон! И... граф Иртон!

Эдоард побелел как полотно, изменился в лице – и вылетел из кабинета. И Ганц последовал за ним. Не из пустого любопытства. А хотя...

Да, и из любопытства тоже! Интересно же! Иртона Ганц знал. Знал и старшего принца. И готовился прятаться куда подальше, как только тот станет королем. Жить хотелось...

В Красной гостиной горел камин. Было тепло и уютно. Эта комната вообще была одной из самых спокойных и уединенных во дворце. В башне, на третьем этаже... поставь у лестницы стражника – и не побеспокоят.

Как там оказался лакей? Да элементарно. Принц приказал принести туда хороший ужин на двоих. То есть что бы ни случилось – умирать он не собирался. А сейчас...

Горел огонь. На столе стояла бутылка с вином и два бокала. И в них еще оставалось немного вина. Кстати, когда его влили собаке – та сдохла.

– Яд был в обоих бокалах?

– Да.

– Одинаковый?

Ганц посмотрел на Лилию с удивлением. Как-то этот вопрос никому в голову не пришел. Яд и яд.

– Мне интересно: они отравили друг друга, один отравил обоих или был кто-то еще?

– Кто-то третий? Это вряд ли.

– Почему?

– Потому что в таком случае король не замаял бы расследование. Это первое. И второе. Вино принц приказал принести заранее. И отослал слугу. Тот клялся, что бутылка была запечатана. Да и... яд был в бокалах. Это точно.

– Эдмон готовился. Мог он спрятать убийцу?

– Нет. Башня устроена так, что там нет потайных ниш и ходов.

– Точно?

– Сам обследовал потом. Из любопытства.

Лилия кивнула. Ганцу она доверяла. Сказал – нет, значит, точно нет.

– Спрятать там никого нельзя. Пройти мимо стражи?

– Охранников было двое. Никто из них не отлучался. И никто мимо них не проходил.

– Они не покрывали...

– Нет. Их допросили... одним словом – нет.

Лилия кивнула еще раз.

– Остается слуга.

– Зашел и сразу вылетел, как увидел.

– Значит, третьего исключаем.

– Тогда это кто-то из них.

Лилия пожала плечами:

– Такое тоже возможно. Но людям не слишком свойственно убивать себя. Впрочем, это зависит от обстоятельств.

- Выглядели они примерно одинаково. Оба сидели в креслах, оба были спокойны, значит, яд был безболезненный. Их не рвало, даже пены на губах почти не было.

- Если почти - значит, все-таки была? И была у обоих?

- Да. - Ганцу нравилось слушать, как графиня рассуждает. Было в этом что-то уютное, домашнее...

- Одинакового цвета?

- Вроде бы...

- Ничем не пахло?

- Было приоткрыто окно. Ветер... запахи почти не чувствовались.

- Ясненько.

- Король тогда едва не упал...

Эдоард надолго застыл на пороге, не в силах поверить, но потом решился-таки войти. Подошел к другу, затем к сыну, закрыл обоим глаза... Ганц видел слезы на его щеках.

- Припомни, сначала - к другу?

- Да. Оно и неудивительно.

- Почему?

Как оказалось, весь двор знал, что Эдмон конфликтовал с отцом уже лет десять подряд. А то и больше. Вот так получилось. Мальчишка помнил родную мать и совершенно не радовался, что ее заменила какая-то королевская шлюха. А мог Джессимин и похлеще назвать.

Не помогали ни пощечины, ни розги, ни воспитание - ничего.

Джессимин плакала, Эдоард злился... идеальной семьи не получалось. Ричард - тот был спокойнее и принял мачеху пусть не как мать, но как старшую сестру. По принципу «Отец, ты ее любишь? Вот и чудесно. Я приму ее, если ты будешь счастлив...»

Со второй женой Эдоард был счастлив. Но старший сын его счастья не разделял. И боролся с ним всеми силами. А еще настраивал Ричарда, обижал мачеху и, кстати, конфликтовал с детьми Иртона.

- Джес и Амалия воспитывались при дворе?

- Сначала их воспитывал отец, ну и его сестра немного. А потом, когда она вышла замуж за короля, видимо, настояла, чтобы Джайс приводил с собой племянников.

Ганц сдвинул брови. Ему вовсе не нравилось, как Лиля кусала ноготь. Она явно о чем-то думала. И вряд ли результаты размышлений его обрадуют.

- Ладно. Его величество закрыл глаза другу, потом сыну, далее?

- Обернулся. Увидел меня и приказал оставить его одного. Ненадолго. Вскоре меня позвали обратно.

- Если там и был яд...

- То теперь не установить, кто его принес. Это так.

Лиля стукнула кулачком по столу.

- Расследование не проводилось?

- Нет, Лилиан. Король приказал все замять.

Она кивнула.

- Дело дрянь.
 - Это и так понятно.
 - Нет, Ганц. Я не о том. Вот давайте мыслить логически. Мы берем обычного... дворянина. Приходит он домой, а там его сын и друг – мертвые. Разве он не начнет расследование?
 - Еще как начнет. Но... шум, скандал...
 - Неужели вы бы не справились без скандала?
 - Я бы справился.
 - А я бы сделала все, чтобы отомстить за моих близких. Черт с ним, со скандалом. Можно и просто падение с лошади устроить. Кстати, никто из высокопоставленных особ после этого случая скоростижно не скончался?
- На этот раз Ганц задумался надолго. Потом потрянул головой.
- Одного герцога удар хватил, так ему уже и за семьдесят было.
 - Угу. Возраст.
 - Да, и графа одного жена прирезала во сне. Но он ее смертным боем бил...
 - Баронов и лэйров не считаем. Не те фигуры. Нужно искать кого-то покрупнее. Убыли в послах не было?
 - Да нет. Если бы не это... на редкость спокойный год.
 - Значит – либо Джайс, либо Эдмон.
 - То есть?
 - Если исключить посторонних, а мы вынуждены это сделать – остаются эти двое. И я бы поставила на Джайса, – заметила Лиля.
 - Почему? – Ганц и сам думал примерно так же, но ему было интересно послушать рассуждения графини.
 - Потому что граф знал, что принц его терпеть не может. Вот представьте, человек, который вас ненавидит, приглашает вас... поговорить. Ваши действия?
 - Кольчугу надену.
 - А яд возьмете?
 - Не знаю. Только если он у меня всегда будет с собой.
 - Вместо соли?
 - Кинжал бы взял.
 - А я бы взяла яд. И возможно, Джайс тоже. Эдмон моложе и сильнее, справиться с ним честным путем – шансов нет. Остается отравление...
 - Это мерзко и недостойно дворянина.
- Лилия сморщила нос:
- Торговля тоже. Иртон ею занимался.
 - Тоже верно. И все же... одно дело – торговать редкостями, а другое – травить принца.
 - Редкостями?
 - Думаете, – поймал Ганц мысль, – какой-нибудь экзотический яд, оставленный себе...

поиграть?

- Если бы мне в руки попало, например, кольцо с ядом – я знаю, такие есть, я бы сразу с ним не рассталась. Ганц, вы помните тот вечер, тут нам невероятно повезло. Словно Альдоной ворожит. Скажите, когда вы вернулись второй раз, позы мертвецов не изменились?

Ганц задумался. Потом пожал плечами.

- Кажется, да. Хотя и не могу сказать, что точно изменилось.

- Они оставались в креслах?

- Да.

Лиля кивнула:

- А их одежда была в порядке?

- Вроде бы да. Я не обратил внимания. Или заметного беспорядка в ней не было, потому и в глаза не бросилось.

- Король их обыскивал. Полагаю, что-то подозревал или думал...

- Что именно?

- Вот тут мы подходим к самому интересному. Если допустить, что Джайс Иртон отравил принца, а следом и себя... Такое может быть?

- С чего бы вдруг? То есть может, конечно. Но ведь у каждого действия есть обоснование, разве нет?

- Разве да. Абсолютно точное замечание. Итак, почему такое могло случиться?

- Ну себя – понятно. Слишком многие знали об их встрече.

- Чтобы уйти от процесса, казни и прочего...

- Это возможно. Но почему Эдмона?

Лиля прикусила ноготь. Тот наконец сдался и сломался. Но женщине было не до мелочей.

- Есть у меня одна идея, Ганц. Но лучше вы мне скажите, насколько я дура. А для начала...

Она потянулась к столу и достала из глубокого ящика небольшую шкатулку. В ней были сложены все письма Джессимин Иртон к матери.

- Читайте.

Ганц пробежал их глазами. Откладывал в сторону, брал следующее... и когда он отложил последнее и поднял голову – Лиля увидела в его глазах тот же вопрос, что задавала и себе.

- Это – возможно?

- Вполне. Эдмон мог шантажировать графа, и тот...

- Насколько я поняла, Джайс готов был на все ради сестры и... детей. Чему тут удивляться. Мог ли у Эдмона быть компромат?

- Признания повитухи? Что-то такое... если и было, этого все равно не нашли. Ваше сиетельство...

- Ганц, это все должно остаться между нами. Сами понимаете – с таким знанием не живут.

Ганц отлично понимал. И то, что Лиля – тоже, заставило его чуть спокойнее вздохнуть. Не самоубийца же.

Он задумался. Нахмурился.

– Нет, что-то тут тогда с Ивельенами не складывается...

– Но Амалия...

– И что? У нас незаконнорожденные ничего не наследуют. Наоборот, никогда бы...

– А если Эдоард женился на Джессимин раньше, чем на Имоджин?

– Нет. Это уж вовсе не вероятно. Но даже тогда Джес имеет право наследования, а Амалия нет. И бунт бы вспыхнул... Нет.

– Ну так Джеса и пытались оставить без наследника. А меня – убить. И его бы... того, да вот в стране нет.

Ганц покачал головой:

– Нет, госпожа. Тут что-то не так...

Лилия вздохнула:

– Что?! Знать бы!

– Боюсь, единственный, кто знает, – это король.

– Ну и Алисия, надо полагать.

– Вряд ли они нам что-то расскажут. И если что...

– Скорее нас закопают. Я понимаю. И буду молчать.

– Я тоже.

Ганц встретился взглядом с Лилиан. Они отлично поняли друг друга. Доказательств нет. А лезть в такие секреты короны... простите – уничтожат. Быстро и наповал, чтобы уж точно не выбрались. А этого никому из них не хотелось.

– И все равно что-то не вяжется.

– Подумайте, Ганц. А я завтра съезжу к Ивельенам. Посмотрю на их ребенка...

Ганц усмехнулся. Графиня и правда доверяла ему. Иначе бы...

Он-то давно понял, кто в паре Лилиан – Тахир дин Дашшар является чудо-лекарем. Но молчал. Незачем о таком говорить. Он на эту женщину работает, и это выгодно, и хорошо... одним словом – незачем. Когда речь идет о личной выгоде, люди и не на такие чудеса способны.

Визит к Ивельенам Лиле радости не доставил.

Все были любезны, улыбались, раскланивались – и думали о своем. О чем думали оные Ивельены, Лилия не знала. А сама редкостно злилась. Твари неблагодарные. Уроды.

Спасай тут некоторых... принимай роды, вспоминай акушерство, которое она сто лет назад терпеть не могла! «Пусть бы тебя, козу, та повитуха кинжалом прокесарила, посмотрела б я, как ты выживешь. И клизма в качестве лечения...»

Питер вызвал не больше добрых эмоций. Жену-то он любит. Только вот... слизняк! И растекался там... ей-ей, на фоне Питера Лиле даже Джерисон Иртон заочно понравился. Подкаблучников она не любила и не уважала. Увы...

Лоран Ивельен мысленно был обозван скользким гадом. И Лиле казалось, что под его дружелюбной улыбочкой прячутся клыки. Поразительно, как меняется отношение к людям, когда ты подозреваешь, что они проплатили твое убийство!

Тахира тоже приняли вполне радушно и предложили сразу провести к больной. Но он отказался и потребовал, чтобы Лилиан Иртон шла с ним.

Ученица. И точка. А не хотите – я удалюсь!

Вел Тахир себя настолько высокомерно, что Ивельены прониклись. И таки пригласили обоих пройти в башню. Лиля фыркнула, подумав, что это обычай такой – держать тех, кого не хочешь видеть, в башне. Смешно.

Ей стало не до смеха, когда перед ней открылась небольшая комнатка.

Девочка, сидящая на кровати, была внешне достаточно симпатична. Этакая пышечка. Светловолосая, сероглазая, неуловимо кого-то Лиле напоминающая. На ее красивом, хотя и пухлом лице застыло абсолютно отсутствующее выражение. Приоткрытый рот, стекающая слюна...

– Она ходит? – спросила Лиля.

Амалия покачала головой:

– Едва ходит, плохо говорит...

Лиля долго расспрашивала о ребенке. И подумала, что скорее всего – девочка просто умственно неполноценна. Олигофрения... в какой степени? Да уж не в легкой. Скорее или тяжелая, или глубокая. Ближе всего это к идиотии.

Ребенок хуже развивается, почти не ест сам, только жидкую пищу, не говорит, ничему не учится...

И это – ее не залечили. Это от рождения... что ж, и такое бывает. Просто обычно такие дети здесь не выживают. Но она все-таки дочка маркиза, вот и выхаживают.

– Девочка умственно неполноценна, – многозначительно произнес Тахир. – Графиня?

Амалия не знала, что Лиля уже подала Тахиру условный знак «неизлечимо». Лиля кивнула и с видом примерной ученицы затараторила:

– Данное заболевание неизлечимо. Девочка всегда будет такой, как сейчас. При затраченных громадных усилиях, вы можете ее научить хотя бы на горшок ходить куда надо. Но не более того.

Строго говоря, Лиля ничего не имела против детей-олигофренов. И преклонялась перед людьми, которые их воспитывали. Но... Средние века! Кому нужно умственно неполноценное дитя? Здесь критерии отбора как в волчьей стае. Жестокое и рациональные. Девочка может стать матерью здоровых детей – а может и не стать. И выбор, простите, сделают в пользу Сэсси и Джеса.

Но кого же ей напоминает эта малышка?

Лиля посмотрела на Амалию. На Питера.

И едва не чертыхнулась.

Синие глаза и черные волосы Амалии.

Карие глаза и темные волосы Питера.

И по какому рецессивному гену у них родилась сероглазая блондинка? Да еще с отклонением?

Лиля, в отличие от многих, была уверена, что некоторые отклонения в генах и заложены. Кто-то считал, что причина олигофрении в возрасте матери. А она – что это из-за каких-то генов. Может, она и не права, она не Грегор Мендель. Но...

«Подумаю об этом дома!»

Лиля внимательно осмотрела девочку. Нет, тут ничего не сделаешь. Малышка добрая, ласковая, контактная, но... это навсегда ребенок, который нуждается в постоянном уходе. Герцог вполне может его обеспечить и не считать денег, и с этой точки зрения он в более выгодном положении, чем крестьянин. Что Лиля и высказала.

Содержать ребенка, растить, кормить, пытаться учить – может, что-нибудь и получится. А может, и не получится. Так тоже бывает.

Амалия слушала так, словно с нее кожу сдирали.

Питер явно переживал за жену. За жену. Не за дочь.

А Лоран даже и не пошел сюда. И деду нет дела до внучки?

Лиля мысленно добавила еще один кусочек в мозаику. Но пока сложить ее не получалось. Чего-то не хватало. Что-то выпадало из общей картины.

Амалия раз двадцать переспросила Тахира – правда ли, что все бесполезно. Он подтвердил – и лицо у женщины стало вовсе уж убитое. Тахир счел нужным ее утешить:

– Ваше сиятельство, вы в этом не виноваты. Звездная Кобылица сама прокладывает дороги...

Амалия внезапно разрыдалась в голос.

– Нет! Если кто и виноват – это я! Я!!!

И вылетела из комнаты, сильно напугав девочку.

Лиля принялась успокаивать малышку и попутно инструктировать служанку, которая за той ухаживала.

Питер извинился – и вышел вслед за женой. А Лиля напряженно перебирала варианты. Светлые волосы, серые глаза... на кого похожа малышка?

Фалион? Возможно. Но это не пример. Сероглазых блондинов пруд пруди. Вон и его величество... Лиля прикусила палец.

Его величество? Бред! Невозможно!

Но что еще остается думать?

Что-то она еще не учла. Надо бы поговорить с Ганцем. И срочно вспомнить генетику.

Или не генетику? Было, было у Лили ощущение, что где-то она видела это лицо, эти глаза... только оно было совсем с другим выражением. Не бессмысленным, нет. Но капризным, надменным...

Где?

Иртон? Нет, нет... хотя это определенно была галерея портретов. Капризная, надменная... не Иртон. Там все черноволосые и синеглазые.

Фалион? Александр не показывал ей портреты предков.

Может быть – здесь?

Лиля твердо знала, что не успокоится, пока не вспомнит. Что, где, когда... Нет, не успокоится. Значит – надо вспоминать решительнее. Задержаться здесь и опять посмотреть на портреты. Иначе...

Это как камешек в туфле, как куплет песни, застрявший в голове, как иголка в шве... спокойно жить с этим не получится!

Надо вспомнить, и как можно скорее...

Ивельены вернулись минут через пять. Амалия была заплакана, но держалась уверенно.

Питер гладил ее по голове.

Тахир раскланивался, говорил, что надо просто воспитывать девочку – и готовиться к тому, что она на всю жизнь останется вот таким бессмысленным существом, которое даже мать родную узнавать не будет.

Ребенок – на всю жизнь пустой, чистый лист...

Слава богам, Лиля успела дать понять Тахиру, что им надо заночевать.

Тахир, готовый на все ради своей обожаемой ученицы-учительницы, тут же придумал, что осматривать таких больных нужно еще раз на рассвете, чтобы их коснулась благодать Звездной Кобылицы...

Ивельены сомнений не выразили. Когда твой ребенок болеет – ты в кого угодно поверишь. Хоть в Звездную Кобылицу, хоть в лунную крокодилицу. Лишь бы помогли...

А за ужином Лили навела разговор на древность рода Ивельенов. Мол, Иртоны тоже древние, но Ивельены, наверное, еще древнее. Лоран Ивельен тему охотно подхватил и развил, добавив, что с Ивельенами часто роднились короли. Лили разахалась – и разговор постепенно дошел до фамильных портретов. После чего Лиле и было предложено еще раз прогуляться по галерее. Вместо сказочки на ночь.

Лили тут же согласилась и провела в обществе старшего герцога весьма увлекательные три часа. Общаться с ним было откровенно неприятно, ну да ладно. Главное, она получила ответ на интересующий ее вопрос.

Средневековые портреты, при всей их своеобразности, обладают одним достоинством. Они реалистичны на сто процентов. Это вам не кубизм и не импрессионизм, до которых в этом мире еще долго не дорастут.

Если на портрете нарисованы голубые глаза – они и в реальности будут голубые. А не красные или зеленые.

До дома доехали без происшествий. Ганца Тримейна в поместье не оказалось, и Лили попросила проводить его в кабинет, как только приедет. А сама засела с десятком листов бумаги за стол и попросила ее не беспокоить.

Ганц постучался в дверь пару часов спустя – и тут же был атакован Лилей:

– Проходите, садитесь.

Ганц прошел, снял со стула листок со странными формулами типа АаВв х СсДд и надписями «доминантный», «рецессивный», «75 % и 25 %» и осторожно уселся.

– Ганц, я ничего не могу понять...

– На тему?

– Я видела третью дочь Ивельенов.

– С ней что-то не так, ваше сиятельство?

Лили сдвинула брови, давая понять, что титулы можно опустить.

– Она умственно неполноценна.

– Такое бывает, госпожа. И...

– Не лечится. Но она – сероглазая блондинка.

– И что?

- Ганц, вы не понимаете? Хотя откуда бы... Значит, так. Ребенок наследует цвет глаз одного из родителей. Так ясно?

- А если...

- Нет, если у одного из родителей голубые глаза – у ребенка могут быть серые, возможны частные случаи. Но Питер и Амалия не могли произвести на свет такое чудо.

- Почему нет?

- Чтобы получилась сероглазая блондинка... короче: светловолосых людей меньше, чем темноволосых.

- Допустим. И?

- Если вкратце, ребенок наследует цвет глаз и волос от кого-то из родителей. Максимум – от бабушек-дедушек. Но даже тогда будет выбрано то, что встречается чаще.

- То есть темные волосы...

- Ну да. А тут такое красивое сочетание: светлые волосы, светлые глаза, белая кожа. Это своеобразный признак. Я тут посмотрела... Иртоны – все темноволосые и синеглазые. И в замке я видела фамильные портреты. Там они все такие. Очень ярко выраженный признак. Близняшки у Амалии тоже синеглазые. Насчет волос – не знаю.

- И старшие.

- Очень сильная генетика. То есть перебить ее можно только при наличии... даже не знаю чего!

- Вы намекаете, что Амалия Ивельен родила не от мужа?

- Один раз – точно. Я специально осталась там на ночь.

- Рисковали.

- Не будут же они меня травить в своем доме?

- Как знать.

- Для этого именно что надо знать. А я молчала. Ганц, среди Ивельенов пару раз встречались блондины. Лет этак... сто – сто пятьдесят назад. Этот ген столько не сохранится. Раньше размещается. Кроме того, они все темноволосые, и кожа смуглая...

- Ивельены – южане. В их роду пару раз...

- Встречались ханганы. Это я слышала. Короче, блондинов от них ждать не приходится. Все пришлые, а те, кто рождались Ивельенами, как один и темноволосые, и темноглазые.

- А от кого тогда могла родиться девочка?

- Если не допросить герцогиню – шиш мы узнаем.

- И если допросить – тоже.

- И что нам делать?

- Идти к королю, госпожа.

- Что?!

- А что нам еще остается? Только это.

- Но, Ганц!

- Ваше сиятельство, вы хоть понимаете, что речь идет о заговоре против короны?

Лиля кивнула.

- Что, если мы не доложим, мы станем соучастниками? И Феймо, и Рокрест, кстати говоря, знают достаточно...

- Для чего?

- Для того, чтобы начать раскручивать его хозяев и раскапывать их делишки. Дело в том, Лириан, что дворецкий – фигура сложная. Что-то он слышит, что-то додумывает... а наши друзья вирмане отлично умеют таких колоть...

- И?

- Это серьезный заговор. Всех подробностей он не знает, но у Ивельенов есть кто-то, имеющий права на престол. Есть документы, есть люди... и они готовы.

- Почему не начали?

- Рик уехал. А если свергать династию...

- То здесь. Это даже я понимаю. Какими силами они располагают?

- Человек двадцать. Но на ключевых постах. Есть пара отрядов наемников. Хороших отрядов...

- А почему я до сих пор не...

- Потому что эти отряды не у Ивельена. У его сообщников. Ваше сиятельство, давайте я расскажу...

Лиля кивнула.

И услышала неприятные вещи.

Как известно, мятеж в стране больше всего нужен заграничным друзьям. В данном случае – Авестеру. Авестер поддержал Ивельенов и людьми, и деньгами. Ивельены вовлекли в заговор еще десятка два аристократов – не из самых блестящих, второй сорт. Но это-то и опасно. Ибо он всегда хочет стать первым. С деньгами у них, кстати, стало плоховато, вот и потребовалось устранить Лириан, чтобы Мири досталась сестре Джеса. А уж ее деньгами найдут как распорядиться.

Лиля кусала ноготь, но слушала молча.

Ее планировалось убрать до появления наследника. Джес должен был погибнуть при перевороте, ибо гвардия ему подчинялась. Да, его кое-кто не любил, но и недооценивать его власть было опасно. Что-то, но строить людей он умел.

Было несколько отрядов наемников. А скоро в гавань должны войти авестерские корабли. Когда Рик вернется... он ведь тоже поплывет морем. Если удастся, его перехватят там и спишут все на вирманских пиратов.

Если не удастся... достанут в Лавери.

Король скоро переберется за город, как и каждое лето. Загородная резиденция расположена достаточно удобно для заговорщиков. Там и земли Ивельенов неподалеку, да и сам замок – скорее роскошный дом, чем укрепленное строение.

Лиля взглянула на Ганца:

- Что делать?

- Во-первых, обо всем доложить королю. Во-вторых – Эрик уже в море.

- Эрик?

- Да. Наш друг пользуется авторитетом в своих кругах. У вирман он не меньше графа, а то и герцога. Я попросил его взять еще пяток кораблей - и встретить посольство.

- А...

- А еще я отдал им все зажигательные снаряды из вашей лаборатории.

Лиля кивнула:

- Умница. А...

- Джейми отправился с ними.

- А если его... Ганц! Он же мальчишка еще!

- Он уже взрослый. А если они окажутся кстати - заодно и свой титул подтвердит.

Лиля покачала головой. Вечное женское стремление прибрать всех под свое крыло в Средние века обрубается безжалостно. Здесь взрослеют быстро.

- Вы настаиваете на разговоре с королем?

- Да.

- Когда?

- Сегодня вечером.

- Мне не хочется во дворец. - Лили сморщила нос. - Я там и так слишком часто бываю... не хочу.

Дворец! Вот почему-то это лицо ассоциировалось у Лили с дворцом. Придворная дама, красивая, яркая, молодая...

Лили сжала руками виски, застонала.

- Где же?... Ну где?!

- Ваше сиятельство?

- Ганц, дочь Амалии - копия кого-то... но я не помню, где видела этот портрет! Не помню!

- Во дворце?

- Да, да! Но где?! Кто на нем изображен?!

Ганц вздохнул. Вот что она опять придумала?

- Ваше сиятельство, не мучайте себя. Это...

- Это не пустяки! Это важно! Но где?!

- Ваше сиятельство, вдохните, выдохните... - Ганц почти силой взял ее за руку. Если не получается отвлечь - надо помочь. Пусть успокоится, потом и о деле поговорить можно будет. - Теперь подумайте. Женщина на портрете - в чем?

Лили сосредоточилась. Зрительная память у нее была великолепная. Да и развивала она ее постоянно, как и многие медики.

- Блондинка. В пурпурном платье. Алое с золотом. Красивая, надменная, сидит в кресле, руки лежат свободно, она с вызовом смотрит вперед...

- Отлично. Как у нее уложены волосы?

- Высокая прическа. Несколько локонов спускаются на плечи. - Лили закрыла глаза, и портрет встал перед ней как наяву. Надменная блондинка, на белом с золотом фоне, в роскошном платье, серые глаза смотрят решительно, глубокий вырез приоткрывает

красивую грудь...

- На ней есть какие-то драгоценности?

- Да. Бриллианты. Маленькая диадема с бриллиантами, кольцо, браслет, кольца...

- Браслет с бриллиантами?

- Да.

- На какой руке?

- Как у меня, - прикинула Лиля, вспоминая портрет.

Руки Ганца разжались.

- Ваше сиятельство, во дворец вы со мной поедете. Скажите, вы ведь видели этот портрет не в дворцовой галерее?

- Да я там и не была.

- Вы просто шли по коридорам?

- Да. И наткнулась взглядом. - Лилия тряхнула головой. Коса метнулась по спине, больно стегнула пониже талии. - Я там чуть не заблудилась, шла по коридорам, а этот портрет - он как бы выступил из полусумрака. Словно его специально повесили подальше от людей...

Ганц прикусил губу. В отличие от Лили он знал, чей портрет мог не понравиться королю.

- Кажется, я знаю, что это за портрет. Но если все так - к королю вы не пойдете.

- А объясниться?

- Ваше сиятельство, вы мне верите?

- Да.

- Тогда верьте до конца.

Ганц не стал ничего объяснять, потому что обручальные браслеты с бриллиантами имели право носить только коронованные особы.

Эдоард вскрыл записку - и нахмурился. Своим слугам он доверял.

Королевский представитель - это не просто первый попавшийся с улицы. И людей на службу королю, тем более на эту службу, отбирают весьма и весьма тщательно.

Ганц Тримейн был одним из лучших. Он докапывался до такого, что Эдоард только руками разводил. Был верен и упрям. Еще с юности, с тех пор, как Эдоард, тогда еще принц, помог ему...

Но что случилось, если он просит принять его вечером? Сегодня, чем скорее, тем лучше. Это не слишком серьезно, но касается графини Иртон и ее дочери.

Что ж... Если дело касается Миранды - в нем надо разобраться. Внучка все-таки.

Эдоард не знал, что Ганц лгал в записке специально. Чтобы только получить аудиенцию - и как можно скорее. Тянуть он не собирался, не то дело, с которым можно ждать и жить. Если все так, как говорит Лилиан Иртон, - это страшно. И надо доложить королю как можно скорее.

А про Миранду? А кому это интересно...

Авось и подслушивать меньше будут.

Алисия Иртон же получила записку от Лили.

Невестка просила уделить ей вечером внимание. Она приедет во дворец, Алисия встретит ее, проведет к себе – и они поговорят. О Миранде.

Графиня ненадолго задумалась. Но потом решила, что все не так страшно. Лилиан Иртон – умная молодая женщина. Почему бы не поговорить с ней?

«И встречу, и проведу, и у меня посидит – ничего страшного».

А почему вечером? Ничего удивительного. Днем у нее столько дел...

– Скоро домой.

– Да, уже совсем скоро. – Рик усмехнулся. – Корабли готовы, вещи погружены, осталось дня три – и мы поднимаем паруса.

– Надоела эта Ивернея...

– Сам виноват. Между прочим, и здесь можно неплохо провести время. Мы накупили уйму свитков, которые здесь все равно уничтожат. Поговорили с купцами, теперь некоторые из них... более лояльны к Ативерне. Прогулялись по лавкам... правда, такое ощущение, что все диковинки сюда идут как раз от нас...

Джес повертел в руках золотое перо.

– Да уж... интересно, кто это у нас такой ловкий?

– Самому интересно. Ничего, приедем – узнаем.

– Ну и сами отчитаемся...

– А там – приезжают принцессы, пара приемов, я женюсь на Анелии... и все свободны.

– Кроме тебя.

– Увы...

Будущее не приводило Рика в восторг.

Лиля и Ганц ехали в карете, мрачно переглядываясь. Говорить не хотелось. Они уже обговорили все, что могли, уже поругались и уже помирились.

Лиля пыталась вытянуть из Ганца, кто была та дама на портрете.

Ганц уходил от ответа и говорил, что если та самая, то Лиля все обязательно узнает. А вот если нет, то лучше и не морочить себе голову. Но она обязательно должна посмотреть, опознать – и вообще, информация наше все.

Лиля предложила, раз такое дело, все же сходить с ним к Эдоарду. Но Ганц вторично разнес эту идею в пух и прах. Дескать, нет уж, увольте. Вам лучше быть от этого змеиного болота подальше. Гадюки целее будут.

Лиля расшипелась не хуже иной змеи.

Мол, ты – мой человек. И точка.

И вообще, государственные тайны жизненно опасны. Она все-таки графиня, а Ганц – просто королевский представитель. Его могут убрать, а ее, может быть, и не тронут.

Ганц взъерепенился, и Лиля получила отповедь в том ключе, что если за каждый секрет по королевскому представителю убивать – кто работать-то будет? Его, может,

и пожалеют. Поскольку хранить тайны – это его работа. А вот графиню...

Поругались.

Поспорили.

И помирились. Времени все равно ни на что другое не оставалось. И сейчас Лиля ехала в карете и размышляла, что око тайфуна – это не метафора. Просто... судьба такая, видимо, – притягивать все ураганы.

Надо ли вообще с этим лезть к королю, подвергая и себя, и Ганца опасности? Может, проще договориться было с Ивельенами? В обмен на избавление от Джеса... она могла бы быть полезна любой династии...

Такая мысль у Лили была, чего уж там.

И была нещадно раздавлена.

Хорошо, когда на престоле – монарх. Действительно сильный и страшный. Эдоард, по крайней мере, правит справедливо. Да и спокойно тут.

Допустим, Ивельены воссядут. А удержатся ли? Уж простите, уместить попу на трон – одно, а высидеть на нем потомков – другое. У нас и Лжедмитрии отметились.

Но... они не усидели. А ведь если бы тогда поддержали Годунова... не было бы Смуты, не было бы Романовых... эх... какого геморроя избежали бы!

Нет, Лили была за законную власть.

Ладно бы Эдоард был типа Николая Второго, который при своей жажде лучшего и стремлении к счастью для всех про... гадил сначала несколько войн, а затем и страну. Так нет же. Нормальный мужик, серьезный, не боящийся жестких решений, но и не утопающий в крови. Все вполне спокойно и даже уютно.

А если Ивельены не усидят?

Смута, кровь, война, революции... да кому это на фиг надо?

Уж точно не Лиле, которая воочию видела это в своей стране и жила с этими последствиями. Как перестройку ни назови... так что идите, товарищи сторонники перемен, идите... тут ведь за убийство далеко не всегда сажают...

Алисия встретила их у входа во дворец. Seriously посмотрела...

– Лилиан, что это за секреты?

Ганц поднял руку, отменяя все вопросы.

– Ваше сиятельство, прошу простить меня. Это я попросил графиню Иртон на всякий случай побыть во дворце. И – в вашем обществе. Мало ли что понадобится его величеству.

Алисия пожала плечами:

– Если это так необходимо...

Лилиан кивнула.

– Я верю лэйру Ганцу. Идем?

– Идем. Только...

Ганц уверенно шагнул куда-то в полумрак коридоров. Женщины следовали за ним. Лили почти не приглядывалась. Да и что толком разглядишь впотьмах? Старинные портреты, старинные доспехи...

Пляшущий огонек свечи выхватил из темноты красивое женское лицо.

- Ваше сиятельство? - Ганц спрашивал - и видел, все так и есть.

- Это она. Кто это?

Ганц молчал, зато не удержалась Алисия:

- Первая супруга короля. Имоджин Авестерская.

Лиля огляделась внимательнее. Ну да. Сюда она забрела тогда, после аудиенции... кажется. Не важно. Во дворце она тогда не ориентировалась. И сейчас не намного лучше.

- Почему она здесь?

- Король приказал. Вроде как и на виду, но и... сюда почти никто не ходит.

Лиля кивнула.

Сложно уловить сходство между больным ребенком и дамой на портрете, но оно ведь было, черт возьми!

Будь девочка нормальной, была бы... копия!

Да и глаза... Форма, цвет, разрез... Ладно, это списываем на Амалию. Все-таки Эдоард ей приходится отцом, в этом Лиля уже и не сомневалась. Но внешность Имоджин?

Тот же нос, те же губы... Черт побери! И мозаика начала складываться с такой скоростью, что Лиля даже пошатнулась.

- Графиня? - искренне встревожился Ганц.

- Все в порядке, лэйр. Просто теперь... теперь я все поняла.

- Тогда идемте?

И увидела по глазам Ганца, что поняла не она одна.

- Лэйр?

- Да, графиня. Это, похоже, так...

- Это... бред!

- Нет. Боюсь, что это действительно так.

- Ганц, вы не должны идти к королю один.

- Лилиан, не спорьте сейчас со мной. - Столько металла было в голосе королевского представителя, что женщина вздрогнула. - Поверьте мне сейчас.

Лиля вздохнула - и кивнула.

- Ладно.

- А мне никто ничего не объяснит? - Алисия была недовольна и не считала нужным это скрывать.

Ганц и Лиля не сговариваясь помотали головами.

- Нет.

- Неужели?

Лиля подняла руку:

- Алисия, милая, все потом. Сейчас не до таких мелочей.

Ганц отправился на доклад к королю, а женщины - в покои Алисии.

Войдя в кабинет, Ганц поклонился:

– Ваше величество, я благодарен, что вы согласились...

– Не надо велеречивостей, лэйр, – отмахнулся Эдоард. – Что не так с Лилиан и Мирандой?

– С ними все в порядке, ваше величество. И я заранее прошу прощения, что ввел вас в заблуждение. Но это не из корыстных соображений.

– Да?

– Ваше величество, мне просто не хотелось писать о действительной причине визита.

Эдоард кивком указал ему на кресло.

– Что ж. Садитесь и рассказывайте, лэйр.

Ганц снова поклонился, опустил в кресло и тихо заговорил:

– Ваше величество, я должен сообщить, что герцог Ивельен готовит заговор против короны.

– Вот как?

– Да, ваше величество.

– И как же вы это обнаружили?

– Когда покушались на графиню Иртон...

– И тут она?

– С нее все и началось, ваше величество. Прошу прощения за дурные вести, которые я принес, ваше величество...

– Рассказывайте, лэйр.

Ганц рассказывал. Эдоард мрачнел.

Заговор был не слишком обширным и разветвленным. Всего-то десятка два человек. Хотя достаточно высокопоставленных. Но ведь и у таких бывают проблемы. У одного – долги, у второго – дети, у третьего потомственная обида на корону, четвертому рога на голову давят – и он увидел подходящий случай сквитаться с врагами...

Граф, барон... ни одного герцога, кроме самих Ивельенов. Оно и правильно. Зато какие-то капитаны, какие-то планы... Нет, составлено-то было неплохо.

И началось все это около трех лет назад. Именно тогда Ивельены начали списываться с Авестером, именно тогда им помог Леонард, который был сильно обижен на Эдоарда еще со времен Имоджин, а потом и на Ричарда, отказавшегося от его доченьки...

А с помощью Леонарда нашлись и наемники, и другие недовольные – их же всегда много.

Но денег много не бывает. И Ивельены, поиздержавшись, решили прикончить Лилиан – когда узнали о ее беременности. А потом и Миранду.

Зачем?

Ну Миранда наследница.

Джерисон?

Так и понятно. Его все равно планировали убирать. Как и Эдоарда, как и Ричарда...

В результате все наследовала бы Амалия.

Нет, можно выдать Мири замуж, но зачем рисковать? Убить проще.

- Значит, Ивельены. Восхитительно. Графиня об этом знает?

- Нет, ваше величество. Точнее – знает, но не обо всем.

- А о чем же?

- Что заговор есть. Что это Ивельены. Остальное ей без надобности.

- Это хорошо... Амалия, Амалия...

- Они были вне подозрений. Их никто и никогда не проверял. И они могли плести свою паутину, вербовать союзников... их не так много, но... ведь и у нас в столице не так много войск?

- Стрелки и гвардия.

- На стрелков можно не рассчитывать, ваше величество. – Ганц покачал головой, не скрывая иронии. – Там каждый второй капитан куплен Ивельенами.

- Вот как? Откуда вы это знаете, лэйр?

- Каждое преступление оставляет финансовый след. – Ганц усмехнулся. Упомянуть, что так сказала графиня, не стоило. – Даже наличные не получают из воздуха. Всегда можно поговорить с портными, мастеровыми, можно узнать у крестьян, сколько с них дерут налогов, у служанок – много ли у госпожи новых платьев, у оружейников – сколько им должны...

- И вы смогли все это так быстро выяснить?

- Я привлек еще нескольких представителей, – честно признался Ганц. – Как только я понял, что дело глубже, чем просто покушения на графиню, я уже не решался работать в одиночестве. И мы взялись вместе. Плюс наша разведка, плюс вирмане – силовая поддержка... хотите – рубите голову. Но иначе я не мог. И как только стала складываться картина, я поспешил к вам.

- Один?

- Ребята решили, что можно мне доверить доклад.

- Что ваши люди знают о... Ивельенах?

- Ничего, ваше величество. Была бы моя воля, я бы и графиню не впутывал в это дело, – не удержался Ганц. – Не для женщины это...

- Ладно, – взмахнул рукой король. – Давай так. Шум поднимать я не позволю. Ганц, я дам тебе отряд гвардии. Сможешь с ее помощью взять всех и посадить в Стоунбаг?

- Всех?

Эдоард поморщился.

- Ивельенов – в том числе. Лорана, Питера... Амалию...

- А детей?

- Детей... старших – туда же.

- Ваше величество...

- Делай! – рявкнул Эдоард. – И лучше – прямо сейчас. Напиши приказ, я подпишу.

- Слушаюсь, ваше величество.

Ганц послушно набросал несколько строк, еще раз вспомнив добрым словом Лилиан Иртон. Удобное все-таки перо...

Король едва дождался, пока чернила просохнут, быстро подписал, поставил печать.

– Иди.

– Ваше величество, простите, но я должен рассказать и другое.

– Я чего-то еще не знаю?

– Да, ваше величество. Я умоляю простить меня...

– Лэйр!

– Ваше величество, вы помните тот день, когда ваш друг и ваш сын...

– Да. К чему ты сейчас заговорил об этом?

Эдоард догадывался, что радости ему этот рассказ не доставит. Но... надо было выслушать. Он – король. Он – должен.

– Ваше величество, я заранее прошу простить меня за все необдуманные слова, которые могут причинить вам боль. И за те вопросы, которые вынужден буду задать. Я не хочу этого. Но выбора у меня тоже нет.

– Интересно... Спрашивай. Я отвечу... наверное.

– Когда нашли мертвых Джайса и Эдмона – с вашего позволения, я назову их именно так, для быстроты... это ведь Джайс отравил и принца, и себя, так?

Ганц смотрел прямо в глаза королю. И Эдоард нехотя кивнул.

– Так. Откуда ты узнал?

– Догадался. Если бы было наоборот, вы не то что стали бы скрывать... но предметом расследования было бы, где принц взял яд и зачем ему травить графа. А вот Джайс... Вы берегли детей. Вы все сделали, чтобы не разразился скандал. Нашли убийцу, которым якобы оказался лакей, казнили его...

– Тайно выпустили из тюрьмы с деньгами и взяли клятву молчать до конца жизни. Я не хотел убивать невинного мальчишку. Он ведь младше Эдмона был...

Эдоард чуть ссутулился. Но потом до него дошло. Выпрямился, сверкнул глазами... Ганц не обманывал себя. Сейчас его жизнь висела на волоске.

– Детей?

– Я не оговорился, ваше величество. Джерисона и Амалию. Ваших с Джессимин детей.

– Откуда ты...

– Я был в Ирhone. У графини сохранились письма.

– Какие?

– Ее величество писала матери. Перед рождением детей она умоляла мать простить ее во имя великой радости... дети – это всегда счастье, и не важно, в браке они родились или нет. Но я сопоставил даты – и у меня возникло предположение. Я навел справки. Алисия Уикская... Все говорили, что она бесплодна, докторусы, ее родные... Но вдруг предложение, двое детей... Амалия родилась недоношенной, мать ею никогда не занималась, да и Джерисоном тоже. Зато дети попали во дворец как товарищи по играм их высочеств...

– Отдаю должное твоей догадливости. Графиня знает?

Ганц покачал головой.

– Она не настолько разбирается в этом, чтобы найти зацепку. Да и ей это не важно.

– А тебе?

- А я старался понять. Разобраться. И - ужаснулся.

- И что ты собираешься делать с этим пониманием?

- Молчать. До конца дней своих. Не важно, когда он настанет. Молчать.

Взгляд короля чуть потеплел.

- Молчи. Иначе...

Ганц коснулся знака, висящего под рубашкой.

- Альдонаем клянусь, ваше величество. Чтоб мне дороги в его царство не найти... Но это, к сожалению, только присказка.

Эдоард вздохнул. И решил, видимо, пояснить. Или просто выговориться?

- Она брала зелье у одной ведьмы, но такие травы опасны, если принимать их постоянно. Меня тогда не было в столице, и довольно долго. Джесси решила сделать перерыв. А отец неожиданно вызвал меня. Мы были неосторожны. Но мы любили. И потеряли головы.

- Идея выдать детей сестры за детей брата принадлежала Джайсу. - Ганц не спрашивал, он утверждал.

- Угадал. Джайс любил сестру до безумия. Он был всем сердцем предан Джессимин, готов был целовать землю, по которой ходила сестра. А когда она полюбила меня - он стал моим самым преданным другом. Лишь бы быть рядом с ней. Если бы они были хотя бы кузенами... Джайс готов был на все ради сестры. Убить, умереть, предать, обмануть... И она отлично это знала.

Ганц кивнул.

- Амалия и Джерисон ничего не знают, так?

- Абсолютно верно.

- Вот! Это и не давало мне покоя. И такой вопрос... яд находился у Джайса?

Эдоард кивнул, снял с пальца кольцо с большим синим камнем и осторожно что-то повернул. Камень откинулся - и под ним обнаружился сероватый порошок.

- Это было на руке у Джайса. Потом яд дали собаке. Она умерла.

- Пока все сходится. А теперь такая сказочка. Росли вместе пятеро детей. Джес Иртон и его высочество дружили с детства. Джерисон и Амалия часто бывали при дворе с отцом. Питер Ивельен рос вместе с Эдмоном и также часто бывал при дворе.

- Да...

- Товарищ по играм его высочества. Вроде бы ничего особенного, но иные приближенные высоко взлетали, а иные больно падали... не сомневаюсь, что они крепко дружили.

- Да. Питер неплохой юноша. Но...

- Ведомый. Всегда второй, вечно второй... неплохой, но вот так вот. А Эдмон был вашим первенцем. Нервный, чувствительный мальчик, любящий свою мать. И - ненавидящий Иртонов. Эдмон любил мать. Джесси отнимала у них отца, Джайс помогал этому... Я не знаю, Имоджин ли рассказала ребенку, сам ли он дошел... Он - ненавидел. Но о детях не знала и Имоджин. Верно?

- У нас были страшные скандалы. - Его величество вздохнул. - Дикие, отвратительные... но детьми она меня не попрекнула ни разу. А если бы знала - обязательно. Мы сделали все очень быстро, когда узнали, что Джесси забеременела.

- Джайс наверняка готовился заранее. Я ведь его помню – он был умен. Очень умен.

- Да.

- Итак, дети растут вместе. Взрослеют, Эдмон понимает, что станет следующим королем, вот тогда-то он и отыграется на ненавистных Иртонах. А пока – пока можно притвориться. Амалия младше его всего на год. И на тот же год младше Питера Ивельена. Я не знаю, как это получилось. Но твердо уверен, что Амалия и Эдмон полюбили друг друга.

- Что?! – Эдоард аж задохнулся.

Ганц пожал плечами.

- Они не знали о своем родстве. Поэтому ощущали себя свободными. И в то же время... Эдмон ненавидел всех Иртонов. А Амалия, как ни крути... Теперь о грустном. Ваши внуки, Сэсси и Джес-младший. Я более чем уверен, что они от Эдмона. И третья дочь Амалии тоже. Вы ее видели?

Эдоард покачал головой:

- Нет. Разве что в младенчестве.

- Оно и неудивительно. Честно говоря, малышка – копия бабушки. Только глаза – ваши.

- Джесси?

- О нет. Имоджин. Они понимали это. И хорошо прятали девочку. Но потом сделали ошибку. Они допустили к ней Тахира, а тот отказался ехать без любимой ученицы. Графиня увидела девочку – и рассказала мне.

- Она знает?

- Нет. Она просто пошутила, что малышка – копия королевы Имоджин.

- Но она...

- Она видела портрет. Одного раза оказалось достаточно. И вот тут я понял. Если бы дети были от Питера – уж простите, ваше величество, девочка была бы вашей копией, возможно. Но ее величество Имоджин? Невероятно...

Эдоард опустил глаза на сложенные руки. На то самое кольцо.

- Но почему...

- Я удивился, когда они решились допустить к девочке докторусов, – вздохнул Ганц. – Но, видимо, тут сработало нечто другое. Тахир – ханган. Ему все наши интриги до лошадиного копыта, уедет – и забудет. Лириан же... Ее супруг создал ей соответствующую репутацию. Она – дура и корова, так, ваше величество?

Эдоард сдвинул брови, но Ганца этим было уже не запугать.

Карты на стол. Пан – или пропал. Второе вероятнее, но карте место!

- В кои-то веки это сыграло нам на руку. От Лириан не ждали ни подвоха, ни понимания, а Имоджин и девочка – они просто идентичны. И вот тут мне пришла в голову мысль. Я подозревал, что Ивельены решили претендовать на престол... если Амалия ваша дочь, плюс их кровное родство с королевской династией... но когда Лириан рассказала про малышку... Светленькую, сероглазую – ни в мать ни в отца. Ребенок с такой внешностью мог родиться в браке с кем-то светловолосым.

Эдоард выпрямился в кресле.

- Браке?

- Да. Подозреваю, что Амалия и Эдмон, хотя и не были женаты официально, но... когда ее сговорили за Ивельена?

- Он сам посватался. И настаивал на свадьбе. Амалия тоже была не против...

- А Эдмон был в отъезде. Верно?

Эдоард задумался, что-то подсчитывая.

- Примерно за месяц до свадьбы я отослал его на границу. Он нахамил Джесси...

- Надо полагать, события развивались так. После отъезда любимого Амалия понимает, что беременна. Начинает в ужасе метаться - и на дороге у нее встает третий. Питер Ивельен, который с детства любил и нежно обожал Амалию. Парень обрадовался возможности получить ее хотя бы так.

- Это как?

- Она стала его женой. Формально, не фактически. Потому что они с Эдмоном уже были обвенчаны. Не знаю, в курсе ли был Лоран Ивельен тогда. Может быть, молодежь просто устроила скандал.

- Он был не слишком доволен на свадьбе.

- А после свадьбы молодые уехали в поместье?

- Да.

- Там проще скрыть срок родов. Полагаю, поэтому Джес-младший и родился, в отличие от самой Амалии, доношенным.

- Полагаете...

Эдоард выглядел так, словно ему не полтинник, а все двести. Смотреть было страшно. Только вот и молчать Ганц не мог. Клялся ведь в верности...

- Уверен. Возвращается Эдмон, но скандал не разражается. Вы хотели тогда его женить, так что ему пришлось молчать.

- Я хотел заключить его помолвку, но он старался отказаться, выскользнуть из пальцев...

- Еще бы. У него уже были жена и ребенок, а там и второй на подходе, и третий - куда уж ему невесты?

- Страшно поверить.

- Более чем. А теперь подумайте. Могло известие о том, что у него вообще-то другой зять, Эдмон, что у Амалии трое детей от него, они любят друг друга и это будет обнародовано, ошеломить Джайса?

Эдоард медленно наклонил голову.

- Могло. И тогда яд... я могу его понять...

- Я тоже. Увы... Джайс принимает страшное решение второпях. Эдмон старается наладить отношения с тестем, он знает, что это важно для Амалии, он предлагает мир. А Джайс в ужасе. Кровосмешение. Хотя и невольное, но... и они собираются это продолжать. Как их остановить? Поговорить? Рассказать? А если не поверят? Я бы вот точно не поверил. Какие тут предъявишь доказательства?

- Я бы сказал...

- А Эдмон поверил бы? Или посчитал бы, что вы просто хотите разлучить его с любимой?

Эдоард задумался.

- Возможно, и так.

- У Джайса считанные секунды на принятие решения. И он выбирает самое простое. Нет человека - нет проблемы. Эдмон не ждет подвоха и спокойно выпивает яд из рук

тестя. Но и сам Джайс... то ли он отравил оба бокала из верности, то ли решил, что смерть смоет его позор. Не знаю...

- Второе.

- Вам виднее. Я-то чуть голову не сломал, когда размышлял об этом. Все не складывалось. Все было не так, не тогда... Люди просто так со скалы не прыгают. А тут прыгали все. И со скалы, и на скалу... я никак не мог понять про королевскую кровь. Казалось бы, ну есть она в Ивельенах по какой-то там пратетке.

- По двум линиям.

- Хотя и по трем. Этого мало, чтобы претендовать на престол. Амалия - бастард. В случае обнародования ей же будет хуже, но королевой ее не примут.

- И не приняли бы.

- Вот! Но Ивельены развернули такую сеть... надо полагать, что у них-то есть все доказательства...

Эдоард вздохнул:

- Зачем ты мне все это рассказал сейчас?

- Не из стремления раскрывать чужие тайны, клянусь жизнью. Да ею и придется клесться. Честно, если бы не было заговора - я бы промолчал. И никогда даже знака не подал, что знаю. Но... убьют сначала меня, а потом вас. А я хочу жить.

- Кто ж не хочет.

Эдоард знал.

Питер Ивельен был товарищем Эдмона. Амалию и Джеса часто приглашали во дворец, когда они подросли. Но Алисия действительно детей не воспитывала. Этим занимался Джайс, ну и Джесси когда-то. До того как стала королевой.

Ругаться было бессмысленно. Оставалось только ругать себя. Просмотрел. Проворонил.

- Иди, Ганц.

- Ваше величество... позвать кого-нибудь?

- Моего камердинера.

- Слушаюсь...

Ганц опрометью помчался за слугой.

Камердинер у Эдоарда был один. Зато старый и доверенный. Прислуживавший ему еще с детства. И к королю он относился... своеобразно. Как старый дядюшка к молодому и бестолковому племяннику. А что? Когда каждый день власть без штанов видишь - как-то всерьез ее воспринимать не получается.

Эдоард тем временем уселся за стол. Потер лоб.

М-да. Вести... И что теперь делать? Казнить своего представителя?

В принципе - можно. Чтобы все наружу не выплыло. Но ведь оно и так... даже если он казнит Ганца... это не та тайна, которую можно утопить навсегда. Уже нельзя.

- Ваше величество?

Камердинер. И лэйр Ганц.

- Лэйр, я отдал приказ. Приступайте.

Ганц поклонился - и исчез за дверью. Эдоард потер болевшую последнее время грудь и кивнул камердинеру.

– Помоги раздеться, Джон...

– Слушаюсь, ваше величество.

Эдоард собирался лечь отдохнуть. Уснуть точно не удастся, хотя...

– И вина мне согрей. С медом и пряностями.

– Сейчас, ваше величество... Никого не позвать?

Вот уж видеть свою официальную фаворитку Эдоарду не хотелось.

– Нет.

– Оно и правильно. Говорят, баронесса-то перья распустила, перед графьями да герцогами клюв дерет.

– Клюв – у курицы. – Эдоард усмехнулся. Старику он позволял многое.

– Так ить курица она и есть. – Камердинер расшнуровал завязки и помог королю снять нижнюю рубашку. – И преглупая. Вот так, ваше величество, давайте я сапоги сниму...

Эдоард подчинялся ласковым рукам слуги. Слушал уютное ворчание и потихоньку успокаивался. А стоило прилечь – и боль чуть отпустила.

Да, уснуть не удастся. Но хотя бы полежать, чтобы не так болело...

Как ни спешил лэйр Ганц, но заглянуть к Алисии Иртон он время нашел.

Женщины вели неспешную беседу.

– ...поехать на верфи, – говорила Лиля, когда Ганц вошел в комнату. – Почему нет? Папа будет рад.

– Ваше сиятельство?

– Лэйр Ганц! – Лиля почти взлетела с дивана, схватила друга за руки. – Все в порядке?

– Я сейчас еду к Ивельенам. Ваше сиятельство, пообещайте мне дождаться меня здесь.

– Хорошо.

Серьезный взгляд, глаза в глаза.

«Обошлось?»

«Пока не знаю. Но лучше промолчать...»

«Я промолчу. Алисия?»

«Расскажите часть правды».

Они молчат. Но иногда слова не требуются. Между ними словно протягивается тоненькая ниточка понимания. Кому-то понадобятся годы, чтобы достичь подобного, но не им. Они думают об одном и том же, чувствуют одинаково, сейчас они – почти одно целое.

Лэйр Ганц уходит. И Алисия вопрошающе смотрит на Лилиан.

– Что случилось?

Лиля кратко пересказала историю с Ивельенами. То есть она умолчала о королевских родственных связях, да и о многом другом. Про догадки, письма...

Она просто сказала, что Ивельены строили заговор против короны, а Лиля попала в эти

жернова заодно. Если ее убить – заговорщики получили бы деньги, а со временем и верфи.

Алисия покачала головой.

– Заговор? Альдонай, король будет просто убит...

– Главное, чтобы он потом не избавился от лэйра Ганца.

– Лилиан!

– Те, кто посвящен в государственные тайны, долго не живут.

– Лилиан, Эдоард – умный и милосердный государь...

– Мне хотелось бы так думать, – Лиля вздохнула, – но пока я буду волноваться.

По своему опыту она не верила в справедливость власть имущих.

Глава 2

Развязка первого узла

Комната Алисии выглядела скорее мужской, чем женской обителью. Узкая кровать, высокий шкаф, несколько сундуков... простые строгие драпировки, стол...

Когда Лиля спросила свекровь, почему она так и не обжилась здесь, та покачала головой:

– Мне много не надо.

Сейчас две женщины сидели и ждали. Не просто так Ганц попросил Лилиан отправиться во дворец. Вирман он забрал с собой, а обеспечить защиту графини своими силами ребята Лейса могли. Но...

Мало ли что.

Мало ли кто...

Рисковать хозяйкой – а может, уже и кем-то большим, другом, например, – Ганц не собирался. Так что женщинам предстояло провести ночь в покоях Алисии. Вряд ли во дворце до них доберутся убийцы. Уж не в эту ночь точно. Потом – да. Есть опасения. А сейчас...

Средние века. Главная беда – медленный обмен информацией. На дворцовой голубятне Ганц оставил двух вирман. Раньше утра ни одно сообщение до адресата не дойдет. А к утру все будет кончено.

Лиля, которая знала о его планах, сейчас сидела в кресле и пила пустырник. Горькая гадость. Но успокаивает ведь...

Алисия расхаживала по комнате.

– Я и сейчас не верю, что Амалия...

– Я бы тоже не поверила. Но что мы о ней знаем?

– Она моя...

– Дочь. А в остальном?

– Жена, мать. Питер ее обожает.

– А она его?

Алисия задумалась.

– Вроде бы тоже...

– И как это проявляется?

– Что ты имеешь в виду, Лилиан?

Лиля вздохнула. Как тут объяснить...

Это просто как пелена счастья в воздухе.

Когда муж возвращается домой, а жена обязательно встречает его в коридоре и целует, и у него такие глаза...

А потом они поворачиваются к дочери, которая тоже выбежала в прихожую, – и улыбаются. И в воздухе словно разливаются теплые солнечные лучи.

И когда вдыхаешь запах этого дома – понимаешь, что здесь все счастливы. Можно облить квартиру «Шанелью», но нельзя подделать это.

Счастье – словно светлячки, плывущие в воздухе. И проявляется повсюду. В жестах, улыбках, взглядах, прикосновениях...

У Ивельенов Лиля этого не видела.

Ингрид и Лейф – да! Три тысячи раз да!

А вот отношения Питера и Амалии, по мнению Лили, были иными. Он поклонялся, она принимала это, но не более того.

Почему этого никто не замечал?

Ну, на людях все могло выглядеть и по-другому, но Лили-то попала в такой момент, когда все полезло наружу. А всерьез ее – можно хоть сто раз повторить это – никто не принимал. Хоть на что-то муженек сгодится.

– Я не видела у них счастья. Крепкий дом, любовь со стороны Питера, спокойствие – внешнее... Алисия, почему могло так получиться?

– Ты про Эдмона и Амалию?

– Да.

– Не знаю. Но вот то, что они держали свои отношения в тайне, неудивительно. Эдмон ненавидел всех Иртонов. И наверное, когда полюбил Амалию, сам себе не поверил.

– И что? Пришли бы к родителям, поговорили...

– К отцу, которого он терпеть не мог?

– Пришел бы к Джайсу...

Алисия задумалась.

– Лилиан, может быть, ты просто не понимаешь. Эдмон ненавидел Иртонов. Обратиться ко мне или к Джайсу для него тоже было нереально...

– А Амалия?

– А ты бы пришла к отцу с заявлением, что любишь мужчину, ждешь от него ребенка и хочешь за него замуж?

Вообще-то Аля Скороленок с таким заявлением и к президенту бы явилась. А вот Лилиан...

– Вряд ли.

– Он бы просто тебя убил.

– Надеюсь, что нет. Но...

– А мы бы вообще были в шоке и ужасе. Выход только один: вытравить плод и отправить Амалию в монастырь.

– Шикарно. Ладно, Алисия, мы сейчас можем гадать сколько угодно, но ответ знает только Амалия.

Алисия закатила глаза.

– Лилиан, а ты понимаешь, какой опасности себя подвергаешь?

– Какой опасности? – Лили смотрела наивно.

– Ты теперь знаешь...

– О заговоре? Знаю. И что?

– То есть...

- Алисия, я собираюсь молчать. Ты – тоже. Лэйр Ганц никогда не признается, что рассказал нам. Больше никто ничего не узнает. А те, кто посмеют обсуждать короля... что, палачи в стране закончились?

Алисия рассмеялась.

- В чем-то ты права. Вот что делать с Ивельенами...

- Устроить им несчастный случай, – буркнула Лиля. – Есть варианты?

- А дети?

Лия почесала нос. Об этом она не подумала. Дети...

- Не знаю. Определенно безопасна младшая девочка. Она не даст здорового потомства, вообще слишком долго не проживет.

- А старшие? Джес? Сэсси?

- Зависит от того, сколько им сказали родители.

- Ты полагаешь...

Женщины обменялись серьезными, тоскливыми взглядами. Лия вздохнула:

- Не знаю. Не хотела бы я быть на месте короля.

Никто не хотел бы... Эдоард и сам бы сейчас с кем-нибудь поменялся. Противно ныло в груди, болели виски, боль захватывала то плечо, то правую руку...

Не первый раз. Но... он сильный, он справится.

Эдоард лежал на кровати и смотрел в стену.

Очень хотелось поднять тревогу, построить дворцовую стражу, перевести дворец на осадное положение...

Но нельзя. Никак нельзя. Если сейчас поднимется паника, заговорщики либо удерут, либо ударят первыми. Нет, если бить во все колокола, это до добра не доведет. Лучший способ – это по-тихому взять Ивельенов, допросить в Стоунбаге и решить по результатам допросов.

Лишившись основных претендентов, заговорщики невольно сцепятся. Никого достаточно знатного, чтобы претендовать на престол, там нет. То есть хотя бы дней десять времени они выигрывают. А время сейчас – самое главное.

А еще Ганц предлагал создать службу королевских ассасинов. Пожалуй, так и надо поступить.

Есть человек. Казнить его нельзя. В живых оставлять опасно. Что же делать? Либо несчастный случай, либо дуэль, либо... да что угодно! Но кто это может устроить? Вот и завести специальных людей. Вырастить из части его «Тримейн-отряда»... Почему нет?

Подловато?

А вы подумайте, что иначе эти мальчишки-девочки сдохли бы на улице. А так их ожидает работа на благо государства, хорошая зарплата и пенсион. А может, и титулы. Вот Ганцу точно надо пожаловать титул барона за его работу. Заслужил.

Скажите – работа бесчеловечная? Убивать людей?

Тебя убьют – а ты не злоумышляй против государства. Есть ведь люди, которых надо убить, без всякой оглядки на Альдоная. Просто надо. Ибо если они живы останутся, крови прольется...

Есть такие...

«Дочка, за что?!»

Ночевать Лиля осталась у Алисии. Улеглась на ложе для служанки, укрылась плащом (одеяло было грязноватым), Нанук (не хотела, но пришлось взять собаку с собой) всей тушкой упал на ноги, отлично их согревая.

Она свое дело сделала. А воевать – это к мужчинам.

Пусть лэйр Ганц отдувается. Глядишь, бароном станет... Хороший он мужик. Джесу бы его характер – жили бы душа в душу...

Ганц Тримейн и отдувался. За всех.

Вирмане плюс королевский ордер творили чудеса.

Королевский ордер – золотая бляха, щедро украшенная самоцветами. Таких всего штуки три. Или четыре. И все хранятся у короля, так что подделать их невозможно. На время предъявления этой игрушки каждое слово Ганца становится словом короля, как если бы его величество сам приказывал.

И Ганц пользовался от души. Не в своих интересах, нет. Всегда в интересах короны. Первым делом принявшись с помощью вирман и людей Лейса за дворцовую гвардию.

– Капитан, вы арестованы.

– Лэйр, вы арестованы.

Заговор надо было подавить в зародыше. И чем скорее, тем лучше.

Все делалось без шума и пыли. Оглушить, связать, вставить кляп – и в карету. Закрытую. А там довезут их вирмане до Стоунбага, ничего не случится. Написать письмо коменданту, пусть допросит подлецов как следует.

Написать письма нескольким своим... знакомым.

Королевские представители не то чтобы дружат между собой, но кому-то доверяют чуть больше, а кому-то чуть меньше. Вот тем, на кого он мог положиться, Ганц и слал весточки. Чтобы на местах либо арестовали таких-то, либо организовали их убийство.

Безжалостно? Он слишком много на себя берет?

Плевать на все!

Тут речь идет о язве, которую надо каленым железом выжигать. Как можно скорее, пока не прорвалась.

Летели птицы, мчались гонцы...

А Ганц тем временем отправился к Ивельенам.

Для любого заговора нужна голова. И если ее отсечь... нет, может быть и так, что найдется новая. А может и не быть.

В любом случае их надо взять и поместить в Стоунбаг. А уж потом разбираться...

Амалия и Питер сидели у открытого окна. Близняшки устроили матери безумную ночь. Обычно детей отсылали в другое крыло, но Питер не мог расстаться с младенцами. А у них то ли колики приключились, то ли еще что... орали вдохновенно. А по жаркой поре окна были открыты и слышимость идеальная. Питер, не вынеся детского крика,

зашел к кормилице, потом к Амалии, да так у нее и остался.

Женщина смотрела в окно на звезды.

– О чем ты думаешь, родная?

Амалия словно не сразу его слышала. Но потом...

– О мести, Питер.

– Столько лет уже прошло...

– Сколько?! – Синие глаза сверкнули гневом. – Сколько? У меня отняли любимого мужа, у детей – отца, у тебя – друга... Разве можно тут говорить о давности?

Питер вздохнул.

– Нельзя.

Жену он любил. Но сильно подозревал, что она его не любит. Так, как Эдмона, – нет.

Тогда Амалия горела. Сейчас же ему достались одни угли. Больно?

Может быть. Но Питер подозревал, что, когда все будет кончено, она оживет. Станет такой, как прежде. И даже сможет полюбить его. Пусть не так сильно. Его любви на двоих хватит.

– Скоро все будет кончено. И я вздохну спокойно. Справедливость будет восстановлена.

Амалия сжимала в руках жемчужное ожерелье. Его подарок за детей.

– Что это? Факелы?

– Отряд?

Питер взгляделся.

– Нет, я не сказал бы. Так, человек пять...

– Кто там... надо спуститься.

– Ты не одета. Я позову слуг.

– А ты спустись, хорошо?

– Может быть, отца...

– Не вижу смысла. Если что-то важное, тогда...

Но, как оказалось, Лоран Ивельен тоже не спал. Они с Питером встретились внизу, переглянулись...

Нет, они не ожидали провала. Человеку вообще не свойственно признавать ум других людей, каждый считает, что он умнее всех, разве нет? Да и все было хорошо спрятано. Но может быть, что-то такое...

Этим Ганц и воспользовался. У него была коротенькая записочка, запечатанная одним из колец Лилиан.

Вирмане, которые были здесь с Лилей, да и с Алисией, говорили, что тут охраны человек двадцать. Если начнется бой, Ивельены успеют удрать, а он начнется, если лезть напролом, поэтому...

Ганц и еще человек пять приедут открыто, с письмом о покушении на графиню Иртон. Удавшемся. И просьбой Алисии приехать как можно скорее.

А основной отряд будет ждать поблизости. По сигналу тревоги они успеют прийти на помощь. Военная хитрость.

И когда он постучал в ворота, их пропустили без опаски. Чего бояться? Пять человек...

Лэйр Ганц поприветствовал герцога с маркизом, поцеловал руку все-таки спустившейся Амалии и бросился объяснять. Выглядел он так, что поверили. Красные глаза, дрожащие руки, измученное лицо, растрепанные волосы, грязная одежда...

– Ужасное несчастье! Покушение на графиню Иртон!

– Альдонай! – ахнула Амалия.

– И?

– В нее стреляли. Убийцу взять не удалось. Но стрела попала в легкое... графиня теряет кровь, она очень плоха. Тахир не ручается, что она доживет до утра... Госпожа, она очень хотела видеть и вас, и герцога... я умоляю вас...

Ганц упал на колени, с которых его спешно поднял Питер.

– Нас? Но зачем?

– Миранда, госпожа... Лилиан не может умереть спокойно, она просила меня привезти вас. Она знает, что вы сможете приглядеть за девочкой...

Ганц врал вдохновенно, на волне адреналина. И столько искренности звучало в его словах... да и кого еще просить. Старую гадюку? Смешно... Алисии ребенка можно доверить в последнюю очередь.

Амалия вздохнула. Ехать не хотелось. Но... разве она может отказать в такой просьбе?

– Возможно, утром...

– Госпожа! Графиня очень плоха! – Ганц опять упал на колени. По лицу его струились настоящие крупные слезы. А то ж... коленками со всей дури – больно.

Честно говоря, Ганц был твердо уверен, что никто никуда не поедет. Ему надо было просто заговорить зубы Ивельенам. И чтобы его оставили на ночь вместе с его людьми.

Так и произошло.

Уговаривали его где-то еще час, Ганц страдал, рвался к графине, умолял и уговаривал. В итоге ему пообещали поехать утром. И на том разошлись спать.

Теперь ничто не мешало вирманам действовать.

Легко ли открыть ворота? Смотря кто за дело возьмется. Если хрупкая и нежная графиня, то вряд ли. А вот если пятеро профессиональных вояк...

Лейф огляделся по сторонам. Сопровождающих Ганца разместили в конюшне. Ну хорошо хоть не в свинарнике, хотя они и оттуда бы выбрались.

Все вояки вздыхали, утирали скупую мужскую слезу и расписывали, как страдает графиня. Покушались на нее, покушались... ну и достали. Она вот теперь умирает и просит привезти родных хоть проститься. И выглядели при этом неподдельно расстроенными.

Хотя слушать их особо было некому, разве что конюхам, жаловались они прилежно.

Лейф дождался, пока в большом доме погаснут все огни, и махнул своим людям.

– Пора...

В следующий миг все конюхи были повергнуты в глубокий и здоровый сон. Кулаком по черепу – разве не здорово? Особенно если это крупный вирманский кулак, размером напоминающий небольшую тыкву. Даже лошади не взволновались. Покойников-то не было, крови, криков... ничего. Просто бодрствовали пятеро вирман и четверо

конюхов. А теперь только пятеро вирман.

Ничего, и конюхи оклемаются. Никуда не денутся...

Скользнуть неслышными волчьими тенями во двор, оглядеться и тихо снять караульных – тоже проблемы не составляет. Или вы думаете, что вирмане – это толпа, которая с воплем «А-а-а!!!!» налетает на частокол и начинает рубить его топорами со всей дури?

Да ни разу.

Уж что-то, а подкрасться, проскользнуть, а где надо и пошпионить – это команда Лейфа умела. И на Вирме такие навыки были полезны, и на континенте... Эрик справился бы лучше, но он как раз был в море.

Четверо часовых были сняты в мгновение ока. Двое – бескровно. Еще двое, так как стояли дальше, – метательными ножами. Только пара тихих хрипов, и все стихло.

Два человека скользнули к казарме, где мирно спали солдаты Ивельенов. Убивать? Будить? Драться? Вот еще не хватало. Нет, все должно быть тихо и мирно. А потому...

Когда Лиля поняла, с чем имеет дело, она долго ругалась. А потом призадумалась.

Дурман, мальдонаино семя, еще что-то... секрет хранился на Вирме как драгоценность. Нет, здорового человека так не усыпишь, а вот спящего... нечто вроде снотворного газа. Вдыхаешь – и глубоко засыпаешь. Пушкой потом не разбудишь. Вот ощущения – фу! Сонливость, дурнота, кошмары... так к чему штурмовать? Пару глиняных курильниц внутрь (благо конструкцию чуть ли не в палеолите изобрели), поджечь – и пусть нюхают. Впечатления и так будут обеспечены. Тем более что казарма в поместье Ивельенов (Лейф поинтересовался) была в лучших традициях: деревянный сруб, проконопаченный, с маленькими окошками высоко наверху, под тяжелой крышей. Для вентиляции и дыхания хватит. А вот если с мальдонаиным семенем... Потерпи немного – и иди на дело. Защитников и пушкой не разбудишь.

Трое скользнули к воротам. Не обязательно открывать центральные и начинать вопить: «На штурм!!!» К чему? Хватит просто открыть калиточку, а отряд ножками пройдет, тут сильно гордых нету...

Двадцать человек на такой домик – за глаза.

Нет, будь это родовой замок Ивельенов, на их землях, с их людьми... Это же было просто столичное поместье. Чтобы семья останавливалась в нем, когда приезжает предстать пред королевские очи. Но опять-таки к чему городить в пригороде замок?

Если на тебя король ополчился, тебя уже ничто не спасет, хоть ты гору накопай! А если кто-то другой – им тоже так от короля достанется... Нет, ну смуты, мятежи и прочее надо принимать в расчет, но тут как с лавиной: не увернешься – сам и виноват.

Поэтому просто большой дом. Два крыла, балкон... Местоположение старших Ивельенов определили по воплям детей. Младших еще придется поискать. Но, по обычаю, они будут в другом крыле...

Тени скользнули во двор и принялись рассредоточиваться согласно утвержденному плану.

И в дом, где на крыльце уже стоит Ганц Тримейн.

Двое к Лорану Ивельену, двое к Питеру, один к Амалии, еще двое к детям... Ганц не собирался оставлять никого. Связать и увезти всех. Если это заговор – надо быть втройне осторожными.

Увезти весь молодняк на допрос, включая близнецов. Ничего, найдут им в Стоунбаге кормилицу, авось с голоду не помрут. А сам Ганц...

А он перемолвится парой слов с Ивельеном-старшим. Этаким блиц-допрос.

Все прошло без сучка без задоринки. Ивельенов вытащили фактически из постели – много ли в одной ночной рубашке навоюешь... но Питера все равно профилактически приложили кулаком по затылку, а руки связали всем, включая и больную девочку.

Жестоко? А ножом в горло от таких нежных-трепетных созданий не получали? Вот у Ганца друг получил. Одного урока за глаза хватило.

Слуги сидели у себя по комнатам, как мышки. Дверь людской кто-то из вирман предусмотрительно подпер массивным столом, на который взгромоздили еще один – не сдвинешь. Только дворецкий попытался высунуться, получил по голове – и тихо отдыхал в углу, не возмущаясь более произволом.

Ганц достал кинжал и подошел к Лорану Ивельену.

– Где бумаги?

– Вы хоть понимаете, что творите? – прошипел аристократ. – Я вас...

Дальше слушать стало неинтересно. Таких угроз в своей жизни Ганц получал прорву. Присылали б на пергаменте – лавку бы открыл и торговал. Поэтому кивок Лейфу, кляп – и блеснул кинжал. Ухо вельможного аристократа, одного из знатнейших герцогов королевства, отделилось от головы.

Хлынула кровь. Лоран весь выгнулся от боли.

Ганц подождал, пока он чуть придет в себя, и покачал ухом перед его глазами.

– Ивельен, к этому сейчас добавится второе. А потом пойдем вниз. Пальцы на руках обстригу, да и на ногах... и не только на ногах. Кое-что вообще отрезать буду в три приема. Ты что, не понял? Крести козыри. – Последнее выражение было подцеплено у Лилиан Иртон. – Мы все знаем. А начнешь упрямиться – прикажу убить твоих внуков. У тебя на глазах резать буду, медленно...

Ивельен попытался изобразить гордое презрение, но получилась жалкая гримаса. Ганц протянул руку к колыбельке.

– Настоящих внуков, не этих приبلудышей. Ты что думаешь, нам неизвестно, чьи они дети?

Вот теперь пробрало по-настоящему.

Амалия побледнела так, что черные волосы, казалось, отделились от черепа и парят над ним. Питер пока еще плохо воспринимал окружающее – кулак оказался большим и качественным. А Лоран выглядел... краше в гроб кладут.

– Я сейчас выну кляп. Заорешь – пеняй на себя. Ты учти: это дело о безопасности короны, то есть у меня все права.

И золотую бляху под нос.

– Захочу – сейчас вас всех повешу и поместье подожгу к Мальдонае.

Не захотели. Лоран кое-как облизнул губы. Взгляд стал... задумчивым, но Ганц опередил:

– Вот только давай без пошлостей. Деньги не предлагай. Торговаться можем за быструю смерть или медленную и мучительную. Или ты думаешь, я у вас на глазах постесняюсь младенцев каленым железом прижигать, пока не подохнут?

Ганц был страшен в этот момент. Преступивший что-то в себе, поднявшийся над герцогами... И Ивельен сломался.

Не сразу, конечно. После второго уха и трех пальцев.

И в итоге у Ганца оказались на руках письма, расписки, договоры... и самое главное – свидетельство о браке.

Амалия Иртон и Эдмон Ативернский, которые сочетались браком ровно семнадцать лет назад. Все честь по чести, патер, печать... И рядом рассказ того же патера, собственноручно написанный, как он сочетал браком, как давал имена детям... все с разрешения и согласия как Эдмона, так и Питера.

Ганц вздохнул.

Она была права. До последнего слова права, эта безумная графиня. Как она это угадала? Альдонай ее знает. Хотя малышка действительно копия Имоджин.

Единственное, что беспокоило Ганца...

Лилиан – умница, но только в том, что касается дел. А вот с людьми... увы. Чего-то она просто не понимает. А ведь она осталась с королем. Во дворце...

И еще заверяла Ганца, что ничего страшного с ней не случится, у нее все предусмотрено...

Простите не верилось.

А с другой стороны – вдруг это и правда так?

Нет, все равно не верилось...

Так что Ганц погнал всех ночной дорогой в Стоунбаг. Ивельенов просто погрузили на лошадей, как вьюки, и так повезли. Исключение сделали для Амалии и детей, но и за ними зорко следили. Удрать не представлялось возможным.

В Стоунбаг они приехали только к рассвету.

Эдоард поморщился и потер грудь.

Болело.

Сильно, тупо и приступами. Накатит – отпустит. Накатит – отпустит. Но уснуть не удавалось.

Как же он проглядел, как мог не заметить?! Как?!

Родная дочь... ладно, она считает его дядей, но ведь все равно – семья?! Как можно поднимать руку на родных?

Чего ей не хватало? Денег? Власти?

Или просто месть за Эдмона?!

При мысли о сыне боль только усилилась. Эх...

Первенец, родной ребенок – и такое...

Инцест, даже подумать страшно. И что самое печальное – вина за это во многом лежит и на Эдоарде. Проглядел, прохлопал ушами... и не обвинишь тут никого иного. Кого?

Джесси? Если кто не знает, королева – это тоже каторжный труд. Детей-то венценосные супруги и то видят раз в квартал.

Джайс? Что смог, то сделал. Но какой из него поверенный девичьих секретов? Да и на Эдмона он никакого влияния не имел. Джес вот вроде бы без левых браков... Ему бы с этим разобраться...

При мысли о Лилиан Иртон его величество нахмурил брови.

Интересно, знает ли она о заговоре?

Вряд ли. Ганц не дурак и многое женщине не расскажет, даже такой умной, серьезной... Нет, не расскажет. То, что обо всем догадалась именно Лилиан, королю не приходило

в голову.

Вот что теперь делать с Ганцем... а и надо ли делать?

Предателей много. А вот людей, на которых можно положиться, – единицы. Не собирался король списывать Ганца. Еще не хватало... Умный мужик, на своем месте... много еще пользы принесет. Не ему, так Ричарду. И идеи у него правильные. Нет уж. Таких убивать нельзя.

В груди заныло еще сильнее. Чуть слышно скрипнула дверь.

Старый камердинер неслышно обошел королевскую спальню. Снял нагар со свечей и увидел, что король не спит.

– Ваше величество? Изволите чего?

Эдоард подумал.

– Потихоньку пройди к Алисии Иртон. И если она не спит – пригласи. Но только тихо. Чтобы не видели и не слышали.

– Сейчас исполню, ваше величество.

Верный слуга исчез за дверью. А король потерял больное место.

Лучше уж поговорить, чем лежать и думать. Так к утру разум утратишь.

Когда в дверь поскреблись, его величество уже был в халате и сидел в кресле.

– Войди...

Алисия Иртон смотрела на короля с участием.

– Разрешите, ваше величество...

– Уже разрешил. Проходи. Садись. Джон, принеси нам вина, что ли? И чего-нибудь перекусить.

– Может быть, позвать Лилиан Иртон?

– Она у вас, графиня?

– У меня. Приехала с лэйром Ганцем вечером.

Камердинер вышел.

– Из-за заговора?

– Да, ваше величество. Ганц забрал всех солдат. И решил не оставлять графиню в неохраняемом поместье.

Эдоард подумал, что Алисия – одна из немногих, кто видел в нем не только короля, но еще и человека. А вот Лилиан Иртон... она, похоже, не видела в нем короля. Только человека, но не правителя, который может снести ей голову в любой миг.

– А Миранда?

– У Августа Брокленда.

– Отлично. А графиня...

– Спит. Сказала, что хоть здесь отоспится.

Эдоард хмыкнул.

– А дома?

- А дома у нее то ребенок, то работа... странно так звучит.

- Чем странно? - Не то чтобы Эдоарду было интересно, но хоть чем отвлечься.

- Она и о ребенке, и о работе говорит с одинаковой гордостью. Ваше величество...
Что теперь будет с Амалией?

Эдоард вздохнул.

- Сначала допрос.

- А потом? Казнь?

- Если все подтвердится, ее будущее зависит от ее лояльности. Сами понимаете, графиня...

- Понимаю. Или казнь или монастырь.

- Последнее - с пожизненной охраной.

- А дети? Сэсси, Джес... они ни в чем не виноваты!

- Правильно. И именно поэтому - монастырь. Без вариантов. Ты сама понимаешь, заговор, инцест...

- Это будет обнародовано?

- Нет! - рявкнул Эдоард. Боль хищно рванула сердце. - Никаких обнародований и прочей чуши. Не было у Эдмона ни жены, ни детей. А если кто решит иначе - с палачом познакомлю!

Алисия кивнула.

- А Лилиан знает о моих детях?

- О заговоре она знает. А о детях - нет. - Алисия не была уверена на сто процентов, но и выдавать женщину не собиралась.

Знает или нет - какая разница? Она достаточно умна, чтобы молчать. И промолчит. Если что она же первая пострадает. Ни к чему королю такие подозрения.

- Уверены?

Алисия встретила королевский взгляд не дрогнув. Нет уж.

- Истинно уверенным может быть лишь Альдонай. Я же только слабая женщина...

Эдоард усмехнулся. А Алисия подумала, что, может быть, Лилиан единственная, кто пытался дать ей хоть крохи тепла. Детей - Амалию и Джеса - ревновала Джессимин, да и занималась ими тоже она.

Внуков ей тоже не дали даже видеть почаще. А Лиля просто приняла ее. И Миранда... Алисия впервые ощутила себя частью семьи. А есть ведь еще и Август Брокленд... Ну уж нет!

За свое она будет бороться!

Даже с королем!

Разговор тек внешне спокойно, но оба собеседника сидели как на иголках. И не удивились, когда в спальню поскребся камердинер.

- Ваше величество, тут секретарь...

- Впусти.

Секретарь был бледен и встрепан. Еще бы. Он-то в заговоре замешан не был, зато попадал в кандидаты на уничтожение. Запросто. Из-за близости к королю.

Осознавая это, мужчина был слегка на нервах и мечтал о провале заговора.

- Ваше величество, Ганц Тримейн прислал голубя. Они в Стоунбаге. Все тихо и спокойно.

Эдоард вздохнул.

Узников из Стоунбага выпускать было нельзя. Но допросить их... его величество хотел это сделать лично.

- Прикажи заложить карету. Я поеду туда. Малый эскорт.

Секретарь поклонился и исчез за дверью. Алисия посмотрела на короля и решила не задавать глупых вопросов, типа надо ли, зачем, а может быть... Она была умна. А потому раскланялась и вышла.

Эдоард вздохнул, обвел взглядом покои и позвал камердинера.

- Одеваться. Срочно!

Стоунбаг.

Серая каменная башня-шпиль.

Говорят, ее построил один из первых королей с вполне определенной целью. Заточить свою жену, которая ему изменила. Но поскольку на мелочи мужик не разменивался - отгрохал целую башню, а потом понял, что жене жирно будет. Надо бы использовать по назначению и расширять поле деятельности.

Так там появились первые постояльцы. Разумеется, знатные.

Не посадишь же герцога в одну каталажку с ворьем, нищими, проститутками, убийцами... его ж там удавят! А тут - отдельные камеры, отличный повар, ласковый комендант и лучшие палачи. Глухонемые.

Но в этом деле важны не уши, а квалификация, не так ли?

И троих старших Ивельенов с порога отправили к ним в руки. Если с Амалией палачи еще осторожничали - все ж знатная дама, то с остальными Ганц приказал не церемониться. А как колоть несговорчивых, физическую сторону знали палачи, моральную - приставленные к ним специальные писцы. И работа пошла.

Ганц отправил Эдоарду голубя и принялся проглядывать бумаги. Надо ж определить, кого казнить, кого помиловать...

Комендант Стоунбага, кровно кое-чем обязанный Ганцу (было дело, и очень неприятное, когда того подставили с убийством богатого родственника), уступил королевскому представителю свой кабинет. И поинтересовался только, не нужно ли чего.

Ганц попросил вина с водой - сильно разведенного, чтобы для бодрости, или травок каких заварить и принялся за работу.

Пергаменты раскладывались в аккуратные кучки.

Договоры, обязательства, долговые расписки, письма... и все четче выкристаллизовывалась структура заговора. И торчали оттуда уши Авестера... Уроды! Нет, ну что им не живется? Обязательно надо соседям нагадить... правильно Рик на их крыске не женился!

Приезд короля прошел для Ганца незамеченным. Он настолько закопался в бумагах, что соизволил оторвать голову, только когда король вошел в кабинет. И тут же вскочил.

- Ваше величество...

Эдоард милостиво кивнул. Боль усиливалась, но пока - не до нее. Потом он позовет докторусов или этого хангана, почему нет?

Все потом...

- Что у тебя тут? Рассказывай.

Ганц вздохнул.

- Вот тут письма: что, как, к кому... в принципе мы все просчитали верно, ваше величество.

- Авестер?

- Увы...

- А... Амалия?

Ганц вздохнул вторично. Понурился. И вытащил из-за пазухи бумаги, которые не доверил никому. И которые даже не стал класть в общую кучку.

- Посмотрите, ваше величество.

Эдоард протянул руку - и Ганц обратил внимание, что королевские пальцы чуть подрагивают. М-да... никому такого не пожелаешь. Чтобы родная дочь... Вообще, эта история нравилась Ганцу все меньше и меньше. Инцест, убийство, заговор, отцеубийство, одним словом - хорошего мало.

И все - на таком уровне, что голову бы сохранить.

Эдоард быстро проглядывал пергаменты.

- Этот патер еще жив?

- Жив. - Ганц это знал точно. Пастор Воплер последнее время пользовался популярностью, и к нему стекалась куча церковного народа. В том числе и этот... редкая дрянь, потому и запомнился.

- Его тоже в Стоунбаг.

- Уже распорядился, ваше величество.

Эдоард посмотрел поверх пергамента.

- Вы раньше знали, что тут написано?

- Догадывался, - признался Ганц.

- Они здесь?

- Да, ваше величество. Какие будут приказания?

- Какие тут приказания? Допросить, вытряхнуть все - и казнить.

- Э...

- Ивельенов обоих. Амалию... мне надо с ней поговорить.

- А дети?

- Смотря что они знают. Если ничего о своем происхождении - пусть живут, но в монастырях и под присмотром.

- А близнецы?

- Кто-то же должен стать следующими герцогами. Хотя я еще подумаю...

Ганц кивнул. Эдоард машинально потер грудь.

- Проводи меня к Амалии...

Женщина сидела на грубой соломенной подстилке. Но допросная была достаточно чистая. Платье порвано, есть кровоподтеки, но следов изнасилования или серьезных пыток пока не видно.

Эдоард распахнул дверь и вошел. Ганц, не спрашивая, вошел вслед за королем. Отослал палачей и писца. И, когда его величество сверкнул на него глазами, объяснил:

- Ваше величество, если ее прикуют - я выйду. А так... я ведь и так все знаю.

Эдоард махнул рукой. Проклятая боль... да пропади оно пропадом... это лицо.

Амалия... глаза Джесси, ее волосы, улыбка - и его черты. Дитя их любви. Его старшая дочь...

- Почему?

Глаза Амалии сверкнули. Она не собиралась бросаться на короля, но держалась гордо.

- За Эдмона. Вы убили его!

- Не я.

- Мой отец ничего не делал без королевского приказа. Я знаю!

- Я не отдавал ему такого приказа. Клянусь.

Женщина выпрямилась. Опустила глаза. Поверила.

- Я любила его. Мы были женаты. А вы... вы никогда бы не разрешили...

- Вы даже не спрашивали почему.

Амалия вздохнула.

Почему?

И перед взором поплыли картины прошлого.

Вот она, совсем маленькая девочка, приглашена во дворец. Королева - еще Имоджин - бросает что-то резкое. И Амалия убегает плакать в коридор.

- Ты чего ревешь? - Рядом стоит серьезный сероглазый мальчик.

- Не твое дело, - огрызается Амалия.

Но Эдмон, а это был именно он, не уходит.

- Не плачь. Хочешь конфету?

Амалия робко кивает, и ей в ладонь ложится большой полосатый леденец. И серые глаза впервые встречаются с синими.

- Спасибо...

Вот ей двенадцать лет. Теперь королева уже Джессимин. И Амалию довольно часто приглашают во дворец. Сейчас пригласили просто так... она удрала от всех и ходит, разглядывая залы, коридоры.

- Ты что тут делаешь? - Опять сероглазый мальчик.

- Гуляю. А что, нельзя?

- Тебе - нельзя.

- Это еще почему?

– Потому что ты – Иртон.

– И что? Зато я красивая!

– Кто тебе сказал такую глупость?

– Папа. И мама. – Алисия вообще-то не говорила, но ведь и соврать можно, правильно? – Разве я некрасивая?

– Ты – Иртон?

– Я – Амалия Иртон. А что?

– Ненавижу вас всех! – бросает мальчик и уходит. А Амалия остается с чувством потери чего-то важного.

Вот ей пятнадцать лет. Сейчас она одна из девочек, подающих ноты, нитки, разные мелочи королеве, и может часто бывать при дворе. Тем более что ее мать, Алисия, приближена к королеве.

Эдмон проходит по коридору мимо нее. Амалия тоже его «не замечает», хотя паренек с карими глазами, следующий за принцем, смотрит восхищенно. Но тоже молчит.

Это происходит совершенно случайно. Амалия поскальзывается – и падает. Она ничего не планировала, не кокетничала... Она просто поскользнулась. Кто-то неудачно бросил огрызок.

Девочка падает, коротко вскрикнув. И Эдмон возвращается.

– Что с тобой?

Амалия упала очень неудачно. Плашмя, так что дух вышибло. И Эдмону приходится ею заниматься. Поить вином, растирать грудь, чтобы она смогла вдохнуть...

Она постепенно приходит в себя. Но прежней неприязни уже не чувствуется. Эдмон тщательно скрывает свои эмоции, но общается с Амалией без негодования.

Очень медленно, шаг за шагом, они сближаются друг с другом. В объятия первой юношеской любви.

И все время рядом с ними лучший друг Эдмона. Питер Ивельен. Вечный третий, верный товарищ Эдмона, хороший и надежный парень. И тоже с восхищением смотрит на синеглазку.

А спустя пару месяцев...

– Твоя шлюха!..

– Вон!

Эдмон выходит из кабинета короля. Амалия и сама не понимает, зачем бросается за ним. И обнаруживает юношу в саду. Он сидит в заткнутой плющом беседке. Голова опущена, плечи чуть вздрагивают...

Амалия медленно подходит, опускается рядом на колени.

– Эдмон?

– Убирайся! Ты такая же, как и твоя тетка! Шлюхи! Дряни!!!

На щеках парня блестят две светлые полосы от слез. И Амалия не выдерживает. Подается вперед, обнимает юношу.

– Не плачь. Я люблю тебя...

Эдмон сверкает глазами, но сказать ничего не успевает. Его весьма неловко и неумело целуют – и не остается ничего другого, только ответить на поцелуй.

И начинается другая жизнь.

На людях двое прячут свои чувства. Рядом всегда крутится Питер Ивельен, и отец поговаривает, что надо бы заключить помолвку... молодец, дочка, не зря ко двору вывозим!

А Амалии все равно. Ей нет ни до кого дела, у нее есть Эдмон. Сияние серых глаз, тусклое золото волос, нежная улыбка...

- Я думал, что буду всегда ненавидеть Иртонов...

- У меня всегда есть возможность перестать быть Иртон.

- Я бы женился на тебе, но сейчас не могу пойти против воли отца. Ты подождешь?

- Я подожду.

- Хотя нет! Мы поженимся! Я не могу тебя потерять.

- И я тебя. Лучше умереть сразу.

Их венчает патер в заброшенном храме. Молодой, честлюбивый, он отлично понимает, что Эдмон станет следующим королем... зачем же упускать случай? Альдоны всегда опираются на королей.

Они счастливы.

А потом...

Эдмон забывается и при всех называет Джессимин девкой. Когда ненависти много, она выплескивается наружу из всех щелей... Ее не удержать. Но в этот раз Эдоард гневается всерьез.

- На год! На границу!

Потом он успокоится и вернет сына, потом... а пока любимый муж уезжает. Они пока не могут объявить о своей любви.

Брак против воли короля? Это не игрушки. Могут заточить в Ройхи или Стоунбаг, могут выслать из страны, отправить в монастырь, казнить... Яды и кинжалы тоже никто не отменял.

Амалия молчит. Чтобы упасть в обморок спустя пару недель.

Старая кормилица приводит ее в чувство. И госпожу начинает рвать.

- Ты в тягости, - произносит старуха спокойно.

Амалия вскидывается - и понимает: это правда...

- У меня будет ребенок от любимого?

- У незамужней девицы...

- Я замужем!

- Ну-ну...

Хвала Альдонаю, в столице остается Питер Ивельен. К нему и бросается Амалия. Чтобы услышать от юноши:

- Дело плохо. Нам надо пожениться.

Амалия едва не падает в обморок.

- Питер, я уже замужем.

- Тайно. Лия, если все откроется, что будет с тобой? С Эдмоном?

- Не знаю.

- Мы просто объявим о своей свадьбе. Я влюбился, ты не смогла мне отказать, мы сбежали и поженились.

- А твой отец?

- У меня есть знакомый... он может подделать что угодно. И документы о нашем браке тоже.

- Нет, я попробую поговорить с королем. Если не получится - тогда...

- Я буду ждать тебя. Лия, я понимаю, что ты любишь Эдмона. Я тоже люблю его, он мой лучший друг, почти брат... И я ни на что не претендую. Я просто хочу быть рядом.

Лия опускает голову.

- Я все же попробую...

- Я буду ждать. И всегда помогу тебе...

Амалия и правда пыталась поговорить с королем. Но... плохую роль сыграла привычка подслушивать и подсматривать. В тот вечер Эдоард напился с Джайсом. И высказался в том духе, что Эдмон его уже достал до самых печенок. Ей-ей, с таким наследником дешевле нанять для него убийц - и сделать трех новых. Проспавшись, он об этом разговоре и не вспомнил. Тоже мне... ну пожаловался человек другу на судьбу, так мы все на детей жалуемся... Но что-то не торопимся их убивать.

Козе понятно, он бы так не поступил. Но то - коза. Животное умное и интеллектуальное.

А это - сопливая девица в токсикозе, у которой гормоны устроили парад, а мозгов на месте не оказалось. То еще сокровище.

Результат предскажем? Более чем.

Амалия в полном шоке отправилась к Питеру, дала согласие на «тайное венчание» - и через сутки перебралась в поместье к супругу.

Лоран Ивельен, пока еще ни о чем не зная, отправил «поганцев» в поместье, подальше от скандала. А поганцам того и надо было.

Из поместья они и Эдмону отписали.

Принц приехал, услышал рассказ Амалии - к тому времени уже изрядно расцвеченный подробностями - и кивнул. Мол, все правильно. Питер, друг, спасибо тебе за жену... но, раз такое дело, я ее признать не смогу. Пока.

Нет, документы-то все будут по правилам, а Амалия поживет пока под личиной маркизы Ивельен. Пока я чего получше не придумаю, хорошо?

Питер согласился, а что ему еще оставалось?

Идиллия продолжалась несколько лет. Эдмон вертелся ужом, избегая помолвок, но когда вопрос встал ребром - махнул рукой.

Джесси к тому времени уже умерла, у отца с сыном получалось разговаривать, не сбиваясь на безобразную ссору... да и лучше начинаешь понимать родителей, оказавшись в той же ситуации. Намного лучше.

Эдмон решил поговорить для начала с Джайсом Иртоном. Почему нет? А если уж он воспримет нормально, тогда...

Результат известен? Более чем.

Джайс действительно был в ужасе. А хорошо вы соображаете, когда отключаются все

мозги? Вот и результат. Два трупа в башне.

Амалия была...

Амалии уже не было. Она умерла вместе с Эдмоном. И единственным ее желанием стало – отомстить! А еще...

Джес, ее мальчик. Он заслуживает трона отца.

Даже не так. Джес должен стать королем.

Потому она и берегла ребенка, потому он и рос, как бабочка в золотом коконе, потому и... Дети вообще-то видят такое отношение. И мигом распоясываются до свинства. Что и произошло.

Эдоард слушал эти откровения с каменным лицом. И думал, что... каким же он был слепым дураком.

– Когда обо всем узнал Лоран Ивельен?

– После рождения третьего ребенка. Она же копия Имоджин.

Эдоард подумал, что Ганц был прав. В груди жгло.

– Ясно. Дети знают?

И понял по проблеску в синих глазах: да. Знают. Обо всем. И о своем происхождении, и о своих правах...

Пол опасно пошатнулся, но Эдоард нечеловеческим усилием взял себя в руки, развернулся и вышел.

Разговаривать? О чем?

Да, это его дочь. И в то же время... она безумна. Это видно в каждом движении, каждом жесте... Это уже не человек, но опасная ядовитая гадина.

Ганц, вышедший вслед за ним, встревоженно смотрел на короля.

– Ганц, ордер у тебя. Ивельенов – выпотрошить и казнить. Без боли.

– Всех?

– Можешь оставить в живых близнецов. Они еще слишком малы.

– А...

– Я же сказал – всех. Лорана, Питера, Амалию, троих старших детей. Что неясного?! – Рывканье пробудило боль в груди.

– Ваша воля – закон, ваше величество.

– И чтобы ни звука за пределы Стоунбага не уплыло, ты понял?

Ганц поклонился. Подошел к камину, зачем-то разожженному летом. Достал бумаги, свидетельствующие о браке Амалии Иртона с Эдмоном Ативернским. И только пламя чуть жарче полыхнуло.

Эдоард одобрил это кивком.

– Заговор раздавить. Ты сможешь, полномочия у тебя есть. А ко мне вечером с докладом. Тех, кто в столице, начинай брать без шума и пыли. Тех, кто вне столицы... разберемся.

Ганц поклонился:

– Слушаюсь, ваше величество.

Эдоард кивнул еще раз и направился к выходу.

Больно?

Ничего, ему еще надо дойти до кареты. И домой.

Его гнал инстинкт зверя. Каждое больное, раненое животное стремится спрятаться в своей норе. И короли не исключение.

Лиля задержалась во дворце. Ее атаковали принцессы. Девочкам было скучно, и Лиля оказалась подходящим средством эту скуку развеять. Алисия посмотрела на эту идилию – как Лиля рассказывает ее подопечным о путях капли воды в природе – и отправилась к королевским покоям. На всякий случай – по западному коридору. Если король уехал в карете, то, возвращаясь, он прикажет остановиться у Розового подъезда. Оттуда ближе и удобнее всего добираться в покои.

Она слишком давно жила во дворце, и подстроить встречу с нужным человеком ей не составляло труда. Алисия дождалась короля – и ахнула.

Выглядел Эдоард так, что краше в гроб кладут.

Алисию заметил, кивнул ей, мол, иди за мной – и прошел в свои покои, не реагируя ни на чьи поклоны.

А у себя в спальне рухнул на кровать как подкошенный.

– Что-то мне нехорошо. Алисия, кликни докторусов.

Алисия закивала. И бросилась бежать... не к придворному докторусу, коего почитала за болвана и шарлатана. А к Лилиан Иртон.

– Лиля, милая...

– Что случилось? – вскинулась Анжелина.

Алисия сделала реверанс.

– Король срочно вызывает графиню Иртон.

Лиля кивнула, раскланялась с принцессами и вышла. Но далеко не ушла. Алисия схватила ее за руку.

– Лиля, вызови Тахира! Король плохо...

– Что с ним?

– Не знаю... жалуется...

Лиля схватилась за сумочку. Да-да, она вводила их в моду. И сегодня все было при ней. Платок, кошелек, еще кое-что... и самое главное – мини-аптечка, без которой ее сиятельство и из дома не выходила. Несколько порошков в пакетиках.

– Алисия, я пошлю за Тахиром, дай только пару слов ему черкнуть. А еще мне надо осмотреть короля.

– Ты с ума сошла?

– Алисия, не спорь со мной. К нему можно пройти? Веди!

Алисия повиновалась командному тону графини. А вдруг и правда поможет?

Камердинер, ломавший руки у королевской спальни, и слова не сказал против. Приказал король пропускать графиню Иртон, он и будет пропускать. И держать оборону от придворных. Король занят государственными делами. И никак иначе.

Лилиан Иртон?

Ее бы не пропустили. Но... графиня была допущена ко двору, графиня дружила

с ханганским лекарем, графиня могла помочь. А придворные докторусы... давно известно – высокие посты занимают далеко не самые знающие. Скорее – самые пробивные.

Да и можно ли допускать к королю людей, которые его сильно не любят за указы о гильдиях?

Лучше уж Лилиан Иртон. Слухи-то о ней ходят хорошие...

Ровно через десять минут Лиля опустилась на колени перед Эдоардом. Его величество открыл глаза.

– Вы?

– Ваше величество, молчите, – приказала Лиля. – Вам сейчас вредно говорить. Дайте пульс посчитать.

Больше всего Лиля боялась инфаркта или инсульта. Чай не мальчик. Хряпнет по сердцу – и привет семье. А что тогда начнется в стране?

Сказала бы она это слово, да пульс считает.

Но пульс порадовал. Сто десять. Это, простите, не инфаркт. Не-эт, там хуже было бы. А такой и у нее бывал перед экзаменами.

Это – нервы. А вот что болит? Выясним. Главное, чтобы пациент в процессе не померши.

Работайте, графиня. Расстегнуть чертовы крючки камзола, развязать все завязочки, осторожно раздеть больного – и заниматься делом. Вы – справитесь. Определенно.

Эдоард сначала пытался сопротивляться, но...

Когда нам плохо, разве мы разбираем, кто есть кто? Эдоарду было плохо и душевно и физически – и он приоткрылся. А Лиля... сейчас она прежде всего была врачом, который видел перед собой больного человека. И вела она себя соответственно.

Король? Крестьянин? Вирманин? На горшке и операционном столе – все вы одинаковы!

И Эдоард доверился графине Иртон. Тем более она была абсолютно уверена в себе и действовала как опытный врач.

Страшно тебе? Тошно? А пациенту страшнее. А потому...

Лиля уверенно проводила пальпацию, перкуссию – и все чаще вздыхала с облегчением. И расспрашивала короля.

– Нет, не говорите. Если согласны – опустите веки. Если нет – не опускайте. Говорить вам пока будет больно.

Вот с этим король был полностью согласен.

– Больно вот здесь и здесь. И боль меняется при вздохе, движении, при надавливании, она не постоянная, не статичная...

Эдоард моргал. И чувствовал, как становится спокойнее.

Это ведь не смерть? Ему сейчас никак нельзя умирать.

Да и Лиля становилась спокойнее. Когда будет время – она сделает тонометр, пусть даже примитивный. Рива-Роччи, например. Она справится. История медицины у них в институте была хорошо представлена. И сама она интересовалась когда-то.

А вообще, больше всего симптомы были похожи на межреберную невралгию. А это лечится.

Хотя тоже болячка не лучшая. Прямой опасности не несет, зато несет косвенную. Легко спутать с инфарктом, да и поди выдержи столько боли... неприятно. Более чем неприятно.

Лиля расспрашивала и все яснее понимала, что да. Это оно.

Простуда была? Была, и раньше спину ломило, сквозняки есть, а бани-то тут нет, с прогреваниями швах...

Болезнь таки определялась.

Да и лечение... это она сможет, у нее есть и мази, и обезболивающее... есть все необходимое.

Так что король был осмотрен, напоен лекарством, разведенным в горячем вине, укутан одеялом, а сама Лиля осталась сиделкой у его постели. Нет уж. Этого пациента она никому не доверит.

Эдоард, услышав о том, что дней через десять он встанет на ноги, а потом и бегать будет, вздохнул с облегчением. И тут же получил горькую пилюлю: только при полном покое в начале лечения. Нравится не нравится – за чудесами к Альдонаю. А на земле их никто творить покамест не выучился.

Ругаться король не стал. Просто вызвал секретаря и приказал на ближайшие пять дней отменить все приемы, а документы приносить к нему в спальню, о чем тут же был отдан приказ камердинеру.

Старик, кстати, смотрел на Лилиан с уважением, когда понял, что это не просто очередная титулованная баба, а почти лекарь и знает, что делает.

Сам король собирался принимать придворных в спальне. В небольшом количестве, чтобы видели, что король просто приболеть изволил, но скоро выздоровеет и еще всем головы поотрывает.

Лиля не возражала, но поставила условие – с обезболивающим. И желательно, чтобы она далеко не уходила.

Король не спорил. Алисия смотрела на все это, и все чаще на нее накатывали сомнения и даже ужас.

Домашняя девушка не могла так себя вести. Даже если она училась у известного докторуса. Это было неправильно, не так, не то...

Что-то было в Лилиан непонятное, странное, разумное... хотя не враждебное, спасибо и на том. И Алисия боялась. Но другой надежды не было.

Если Эдоард умрет сейчас, пока Рик в пути, при раскрытом заговоре... не-эт, король должен быть на троне, иначе вспыхнет бунт. А кто сможет его предотвратить?

Альдонай, помилуй...

Лиля думала примерно о том же.

Она попросила у Алисии что-нибудь почитать из дворцовой библиотеки – и сидела у постели короля.

Приехал Тахир, и был радостно встречен. Лиля реквизировала у него несколько мазей и пару обезболивающих.

– Сойдет.

– Ваше величество, – поскребся в дверь камердинер. – Разрешите?

Эдоард кивнул.

– Ваше величество, тут докторус...

Эдоард посмотрел на Лилю.

– Хотите – послушайте. – Лиля усмехнулась. – Только на кровопускания и клизмы не соглашайтесь. При вашей болезни от них больше вреда, чем пользы. Да и вообще, кому это серьезно помогало?

Эдоард пожал плечами, но камердинеру дал знак – впустить. И в спальню короля влетел... попугай?

Это было нечто такое... зеленая туника расшита диким количеством камней, нежно-голубые штаны отделаны чем-то вроде лент, на шее большой розовый бант... плюс еще волосы, засыпанные мукой и увенчанные чем-то вроде разлапистого желтого банта... жуть!

– Ваше величество, я узнал – и примчался к вам! Обещаю! Через день вы будете уже на ногах!

Лиля, спрятавшись за пологом кровати (а пыли-то, пыли...), ухмыльнулась. Ты бы хоть узнал, чем пациент болеет... Умник!

Умник ухватил с поклонами короля за руку и принялся изучать ногти. Потом перевернул и уставился на ладонь.

Попросил показать язык. Плюнуть ему в ладонь. Эдоард все это проделывал стоически. Лиля пока терпела.

После изучения плевка мужчина глубокомысленно изрек:

– Цвет слюны неровный, синеватый. Это свидетельствует о нарушении функции главной мозговой железы. Полагаю, необходимо кровопускание.

Ага, неровный, синеватый... Болван!

Черникой короля напоили! Отваром с добавлением ягод черники! Лиля сама же и добавила, на всякий случай. Королю только запора сейчас не хватало, при невралгии, когда каждое усилие – уже боль. Нет уж. Пусть хоть в туалет ходит без напряжения. Его бы еще на диету, а то знает она, что короли едят.

Неправильное питание – залог болезни. Запоры, поносы, проблемы с кишечником – а там и все остальное ждать себя не заставит.

– Мне не нужно кровопускание. – Эдоард был вполне уверен.

– Ваше величество! Но железа! Она явно воспалена! Давайте тогда я вам дам промывательное! Великолепная вещь!

И что самое печальное – кому-то поможет. Если обожрался или от запора страдаешь. Но при невралгии добавлять еще и рвоту? Когда ни охнуть, ни вздохнуть... каз-зел!

– Засуньте его себе в...

Лиля едва не присвистнула. Какие слова наш король знает!

– Вон из моей спальни. И со двора. Вы уволены!

– Ваше величество, воспаление...

Лиля выступила призраком. Не удержалась. А еще жалко Эдоарда стало. И так мужик на последних каплях воли держится.

– Спорить с волей короля? Ах ты дрянь!

Докторус аж подпрыгнул. И заверещал что-то о безмозглых бабах и их происках.

Лиля марать руки не стала. Хлопнула в ладоши.

Камердинер не заставил себя ждать.

- Его величество изволил выгнать этого болвана, - проинформировала графиня уж вовсе злорадно.

Слуга перевел взгляд на короля, поймал подтверждающее движение век - и истошно затрезвонил в колокольчик.

Пара гвардейцев возникла как из воздуха. Докторус был подхвачен под руки и выкинут взашей.

Лиля подсела к королю.

- Все будет хорошо, ваше величество. Обещаю, вы поправитесь. Только на кровопускание не соглашайтесь...

Эдоард еще раз согласно опустил веки.

- А теперь вам бы поспать. А вечером я вас разбужу, обещаю. Часа за три до заката.

Эдоард кивнул.

Сильные руки подхватили его, помогли принять положение, в котором он мог лежать и не ощущать боль так сильно, чуть поддержали, поправили подушку, чтобы было удобнее.

Эдоард прикрыл глаза.

- Вы... здесь?

- Обещаю никуда не уходить, пока вы не проснетесь. - Лиля посмотрела на кресло. Удобное. Сойдет. - Спите, ваше величество. Все будет хорошо. Спите.

Ну, с «хорошо» она явно погорячилась. Но хоть бы выздороветь.

Эдоард сомкнул веки - и провалился в тяжелый сон без сновидений.

- Пусть его величество выспится. - Лиля повернулась к Алисии. И вздрогнула. Та смотрела так...

- Кто ты?

Лиля все поняла, но сдаваться не собиралась.

- Лилиан Иртон. В девичестве - Брокленд.

- Не верю. Ты другая, ты какая-то странная...

- Мы еще поговорим об этом. Я та же Лиля. Я могу повторить, что вы мне сказали, когда мы венчались с Джерисоном, я могу припомнить все, что на вас было, да и мой отец не признал бы самозванку, разве нет?

- Но ты...

- Я - Лилиан. А то, что я изменилась... кто бы не изменился, побывав практически в гостях у Альдоная?

Алисия покачала головой. Но настаивать не стала. Расскажет. Никуда не денется. Действительно, не при людях...

Эдоард просыпался пару раз. Лиля напоила его травяным чаем с медом - и король опять провалился в тяжелый сон.

А вечером с докладом заявился Ганц.

Лиля, которая, перенервничав, уснула на кушетке прямо в королевской спальне, встретила его сама.

- Ганц, рада вас видеть.

Лэйр поцеловал ей руку.

– Графиня... Что с его величеством?

– Если Альдонай смилуется – скоро будет здоров.

Лиля не понимала, почему ее так легко допустили к королю. А ларчик просто открывался. С больными королями не спорят, особенно когда во дворце что-то непонятное, а гвардия выглядит очень... недружелюбной. Больные короли сносят головы ничуть не хуже здоровых. Да и камердинер дал нескольким людям подсмотреть в щелочку.

Король спит, графиня читает книжку, иногда поправляет больному одеяло или подушку.

Кроме того, по дворцу пополз слух, что его величество простудился, но вскоре встанет. Так что... придворные просто не нарывались.

Исключение пыталась составить баронесса Ормт, но камердинер послал ее так витиевато, что сам половины не понял, а на вопли «казню!!!», «запорю!!!», «наглая тварь!!!» и прочее просто не обратил внимания. Было бы на кого. Таких у короля – ведро да телега. Курица глупая. Не до нее сейчас.

Баронесса прогулялась перед гвардейцами разок-другой и увяла.

Помочь ей могли бы принцессы, но они этого делать не собирались.

Рик был в отъезде.

А остальные твердили: не суйся к королю, а то ведь можно и в Стоунбаг загреметь. Альдона при дворе не было, хотя его появление – это вопрос времени. Среди придворных же охотников рисковать не нашлось.

Ганц дождался разрешения от камердинера и прошел в спальню. Эдоард все так же ровно лежал в кровати, но уже с открытыми глазами. И Лиля занялась им. Помогла приподняться, подложила подушку...

– Так лучше?

– Да. Где вы этому научились, графиня?

– Я обещаю все рассказать потом, ваше величество. А пока к вам лэйр Ганц с докладом.

– Пользуетесь моей болезнью, графиня?

– Как бы я смела, ваше величество? – Лиля лукаво смотрела на короля. – Как только вы всерьез на меня прогневаетесь, я пойму, что вы выздоровели.

Эдоард ответил ей легкой улыбкой.

– Вы говорите, как заправский докторус, графиня.

Лиля чуть присела в поклоне, всем своим видом показывая, что она просто женщина, но никого не убедила.

– Оставьте нас, графиня.

– Если станет хуже, зовите меня немедленно, ваше величество. – Лиля смотрела строго и неуступчиво. – Обещайте.

– Я – ваш король, леди, вы не забыли?

– Вы сейчас мой больной.

– Вы забываетесь, леди.

– Значит, вам уже не так плохо, ваше величество. Я повинуюсь. – Лиля поклонилась и вышла.

Эдоард посмотрел на Ганца:

– Докладывайте, лэйр.

– Ваше величество, я допросил всех троих. Это действительно был заговор...

– Авестер?

Ганц заговорил совсем тихо, чтобы даже муха на окне не услышала. Только для ушей короля.

Авестер, все так.

После смерти Имоджин Авестерской Леонард поставил на Эдмона. И сделал ему определенное предложение.

Эдмон принялся размышлять. Но не надо думать о юноше слишком плохо. Он и так был старшим принцем, наследником престола, отца он... не то чтобы ненавидел, скорее считал запутавшимся. Презирал и ненавидел он Иртонов, и то не всех.

А становится отцеубийцей? Нет, этого юноша не хотел. Рассматривались такие варианты, как заточение, отречение...

Эдоард криво улыбнулся в этом месте доклада Ганца. Ну да, то-то у нас заточенные короли долго живут! Или на вилку упадут, или подушкой удавятся. Но Эдмон это тоже понимал.

Вот уничтожить Джессимин – это он бы не отказался. И кстати, был заказчиком двух покушений. И третье таки увенчалось успехом.

– Третье?

– Это была не болезнь. Яд.

– И кто?

– Докторус, ваше величество. Вы его еще выгнать изволили.

– Найти и казнить без шума.

Ганц не возражал. И найдем, и пришибем.

– Как пожелаете, ваше величество.

После смерти Эдмона около года Амалия пребывала в прострации. Чем и воспользовались Ивельены.

Старшему давно поперек горла стояло подобное положение. Лоран-то отлично понимал, что, когда все откроется, полетят головы. Только что он мог сделать?

Питер был влюблен в Амалию так, что, если б его лично Альдонай вразумлять начал, он бы и тогда на все наплевал. Лишь бы любимая была рядом. Ну и старался он после гибели Эдмона как-то развлечь ее, поддержать, ободрить... получилось. Примерно два года назад они заключили брак. Тайно, но на этот раз – законно, так что младшие близнецы вполне законные Ивельены.

– Я потом подпишу указ, поделю между ними земли Ивельенов, пусть владеют...

– Ваша воля – закон, ваше величество.

Около года после смерти Эдмона все было спокойно. Джайс даже своей выходкой оказал короне услугу. Авестерцы подумали, что Эдмона раскрыли, и затаились, чтобы всех не вытянули за хвостики. Но время шло, народ успокаивался – и вот к Лорану Ивельену явились эмиссары Авестера.

Предложение ему было сделано то же самое. Только Эдмона заменили на Джесамладшего.

В отличие от совестливого Эдмона, который не хотел перешагивать через труп отца, Лоран Ивельен такими комплексами не обладал. К тому же... Тут сыграли и личные мотивы. Страх перед короной у него, как это часто бывает, перешел в агрессию. Герцог устал бояться и напал.

А может, еще сыграло свою роль то, что Амалия выходила из кризиса и рвалась отомстить за первого мужа. Психологов-то тут нет, объяснить женщине, что она сама во всем виновата, могли только патеры или пасторы, а их Ивельены к Амалии не допускали. Еще покается от дурного ума – и что потом? Всех на дыбу?

– Я бы не пощадил, – признал Эдоард.

Ивельены об этом догадывались. И понимали, что долго тайну хранить все равно не удастся. Тем более что третий ребенок, больная девочка, была как две капли воды похожа на свою бабу. Не на Эдоарда, нет. А именно на Имоджин. Любой, кто видел предыдущую королеву, сразу узнал бы королевскую кровь.

Ивельены приняли предложение Авестера, и Лоран начал готовиться. Амалии была преподнесена другая версия. Ее сын должен занять трон отца, разве нет?

Разумеется – да!

– Она все равно знала...

– Да, ваше величество.

Почему покушались на Джерисона? На Лилиан?

А все просто. Если Амалия – дочь Эдоарда, то Джерисон – его сын. Старший. И плевать, что он бастард. На минутку – он дядю любит. Хотя и не знает, что дядя – его родной отец. А талант полководца у него есть. Лорану и даром смута в королевстве не нужна была. Хватит и того, что наверняка будет. Есть же люди, верные королю, есть у них свои отряды... а кто-то посчитает, что его права на трон тверже, чем у Ивельенов. И начнется свистопляска.

Как известно, захватить власть – полбеда. А вот удержать ее...

Над этим Лоран Ивельен и работал. Вербовал сторонников, подкупал, интриговал...

Денег не хватало капитально. Леонард хоть и король, но жадина тот еще. А для переворота нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги.

Поэтому решили постараться убрать сначала Лилю с Мирандой, а потом Джерисона. Для поправки семейных дел.

Если Джерисон умрет первым, то Лилия с Мирандой отправится к отцу. И выцарапать оттуда малявку будет сложно и долго. И шумно. А последнее было самым худшим для Ивельенов.

Если же сначала умирают Лилия и Миранда, а потом Джерисон, то деньги его и дела отходят – кому бы вы думали? Родной и любимой сестре. И завешание есть. Последняя воля.

Поэтому покусились на графа Джерисона Иртона аккурат после письма Лилиан, что она и Миранда при смерти. Да-да, госпожа графиня ввела в заблуждение своих врагов, так что они были в шоке, когда Лилия появилась в столице. Ну и началось...

Эдоард слушал и мрачнел. А уж когда дело дошло до перечисления...

Трудился Лоран Ивельен, аки хомяк в летнюю пору. И тащил к себе в нору всех и вся. На данный момент его поддерживало примерно человек тридцать из не самого высокого дворянства. Но и не самого низкого. Не безземельные лэйры, нет...

Честь?

Но ведь законное право на престол у Джеса-младшего.

А вот заявки об инцесте и о том, что Амалия и Эдмон – единокровные брат и сестра... не предусматривалось оглашения такого. Никто и подумать не мог.

Главным вопросом было: что делать с готовыми к смуте дворянами?

Когда Ивельенов уничтожат...

– Их еще не?..

– Лорана и Питера.

– Почему не всех?

Эдоард смотрел так, что Ганцу стало страшно.

Перед ним был Король.

Больной ли, здоровый, добрый, злой... сейчас это был правитель, для которого главным было государство. Ивельены этому государству угрожали – и закономерно Эдоард собирался ликвидировать угрозу. Что странного?

Ах, это его дочь и внуки?

Это, простите, не странно. Это – страшно. Когда милый и добрый в общем-то человек вынужден уничтожить тех, кого любит. И выбора тут нет. Иначе...

Безумная война, гражданская война, там жизни грош цена и смерти грош цена...

Легко кричать о добре и зле. А если меньшее зло? Если твоей болью будет оплачена не одна тысяча сбереженных жизней?

Как легко судить, когда за тобой никто не стоит.

Как страшно знать, что за твое решение отдадут свои жизни десятки тысяч людей...

В серых глазах мелькнула искра понимания.

– Казнить. Немедленно.

И все же Ганц еще колебался.

– Может быть, пощадить детей...

– Я пощадил близнецов. Остальные же...

– Другое государство, монастырь... заточение...

– Авестер, побег... нет. Выполняй.

Ганц кивнул:

– Слушаюсь, ваше величество.

И подумал, что в принципе дети Ивельенов ничем не отличаются от мальчишек и девочек из его «Тримейн-отряда». Которые мерзли и мокли, рисковали жизнью, голодали и воровали... просто одни родились на помойке, а другие – в семье герцога. Но если погибают первые, то почему нельзя погибнуть вторым?

Грех?

Альдонай простит, Мальдоная не осудит.

Страшный грех.

– Ваше величество, – выпрямился Ганц. – Я должен сообщить вам страшное известие. Семья герцога Ивельена, получив известие о покушении на графиню Иртон, решила съездить к ней. Выразить соболезнования и заодно показать больную девочку докторусу-хангану. К сожалению, по дороге лошади чего-то испугались и понесли. Карета упала

с обрыва – и никого спасти не удалось, кроме двух близнецов, которые чудом остались в живых.

– И которых заберет к себе графиня Иртон.

– Ваше величество?

– Не я же...

Эдоарду странным образом стало чуть легче.

– Далее я предлагаю объявить, что вашему величеству стало плохо от этих известий. И вы слегли в постель. После чего я потихоньку переловлю оставшихся...

– Покушение возможно?

– Да, я предполагаю.

– А мне лежать и ждать убийц?

– О нет, ваше величество. Вы светловолосый и сероглазый, у вас хорошее телосложение... и у меня есть идея. Благо в королевских покоях должны быть тайные ходы...

Идею Эдоард выслушал. И одобрил. Все равно надо было переловить всех заговорщиков. Лучше – раньше. Из Стоунбага лишнего слова не вырвется, от королевских представителей и вирман тоже – понимают, чем рискуют.

Но длительность сохранения тайны обратно пропорциональна количеству посвященных в нее людей. А потому – надо бить в ближайшее время. Или дать заговорщикам ударить – и схватить их на месте преступления.

Чего уж проще.

Лиля, если бы ее кто-то посвятил в этот план, сказала бы, что он не нов в истории. И в ее мире такое проделывал некто Иван Грозный, благополучно передавивший всех заговорщиков и померший своей смертью.

Эдоард смотрел на дверь, которая закрылась за Ганцем.

Было ему тошно? Еще как.

И чудились в полутьме комнаты синие глаза Джессимин.

Как ты можешь быть таким жестоким, мой золотой принц?

Могу, моя королева. Могу, мое ясное солнышко. Я приговорил к смерти свою дочь и внуков, да. Но ведь не я начал первым. Я невиновен в смерти Эдмона, видит Альдонай. Но Амалия решила мстить... и ладно бы мне!

Увы, любой король – прежде всего король, а потом уже человек. И грязные, кровавые, жестокие решения – это прерогатива короля, который будет принимать их, чтобы через тысячу лет какой-нибудь сопляк сказал: «Ужасная жестокость!» И ни секунды не задумался, что появился на свет благодаря такому вот Эдоарду, который не только принимал страшные решения, но и не стеснялся их исполнять.

Ну и плевать на его мысли. Главное – что такой мальчишка рано или поздно будет, а что там станут думать потомки... Были бы!

И была бы Ативерна. Это – главное.

Лиля ждала Ганца за дверью королевской спальни. И вопросы посыпались одновременно:

- Что с Ивельенами?
- Он будет жить?
- Как мои люди?
- Что ждать от королевского здоровья?

Мужчина и женщина заговорщически переглянулись и фыркнули. Потом Лиля взъерошила волосы и отчиталась:

- Жить будет. Хворь у него хоть и болезненная, но жизни сильно не угрожает. Тут главное – не запускать. Тогда где-то дней за десять – пятнадцать встанет на ноги.
- А передвигаться?
- В любое время. Но лучше с помощью и под обезболивающим. Первые дни вообще лучше полежать.
- Ага...
- А Ивельены?
- Всех казнят. Романа и Джейкоба отдадут вам на воспитание.
- Мне? Как?! Казнят?!

Ганц удивленно посмотрел на графиню.

- Ваше сиятельство, а смуты и бунты – лучше?

Лиля спрятала лицо в ладонях.

- Но дети...
- Вы же сами все знаете.

Лиля вздохнула. Развернулась... Ганц поймал ее за опустившуюся руку.

- Ваше сиятельство...

И таким постаревшим в один миг показалось ему лицо графини.

- Не надо, Ганц. Я ничего не сделаю. Мне просто больно... пусти.

Спустя час личный камердинер короля, доверенный и даже посвященный в некоторые секреты, нашел графиню Иртон скорчившейся на подоконнике за занавеской.

Женщина выглядела краше в гроб кладут. Лицо осунулось. Между бровями маленькая морщинка, на щеках следы от слез...

- Ваше сиятельство, пожалуйста к его величеству...

Лиля слезла кое-как с подоконника, поправила платье... и не удержалась.

- Как вы думаете, жестокость – это привилегия королей?

Старый слуга не удивился. За свою долгую придворную жизнь он и не такое слышал.

- Я думаю, ваше сиятельство, это беда всех королей.

Эдоард пристально посмотрел на Лилу, когда она вошла в комнату.

М-да... Плакала? Волосы растрепаны, глаза больные и красные...

- Что случилось, графиня?

– Все в порядке, ваше величество.

– Неужели?

Лиля опустилась на колени рядом с кроватью.

– Ваше величество, отпустите меня домой? В Иртон?

– Почему?

Лиля молчала.

– Графиня...

Это было произнесено настолько жестко, что Лиля вздохнула.

– Амалия. И дети. И... я все порчу! Я везде приношу беду, я не хочу так больше!
Лучше бы я умерла...

Слезы хлынули потоком.

Эдоард нахмурился.

– Нет...

– Если бы не я...

Лиля плакала взахлеб, слизывая слезы и некрасиво вытирая нос полотенцем. Ее слезы были непритворными. При мысли о Сэсси, Джесе, больной девочке на душе так мерзко становилось, что хоть головой в прорубь. Король молча наблюдал этот цирк. Эдоард не только был неплохим правителем, он еще знал, что женщине не надо мешать рыдать. Сама придет в себя, а будешь успокаивать – истерика затянется на несколько часов.

И его мудрое величество оказался прав. Минут через пятнадцать Лиля высморкалась в полностью изгвазданное полотенце и кивнула.

– Ваше величество, простите.

– Вылечите меня, графиня. Потом поговорим. И запомните: не вы это начали. Вы просто защищали свою жизнь. И Миранду.

Лиле стало стыдно. Реально стыдно. Перед ней больной человек, ее пациент. А она тут что развела?

Итак... Подушки поправить, болеутоляющее дать, пульс проверить, давление... вообще, можно было его посчитать линейкой и иголкой. Если уж очень упрощать. Но вот беда... эталона не было. Хорошо, когда метрическая система тебе в помощь. А тут как? Какая тут длина меридиана?

Эх...

«Что ж я за дура – и почему не ходила на факультативы по астрономии и не уделяла внимания физике? Дура я, дура...»

Эдоард медленно засыпал. Боли почти не чувствовалось. Хотя графиня и предупредила, что это временно. Но даже так лучше чем ничего.

Отпустить ее... Ну-ну... нет, может, так и лучше. В Иртоне ей проще, чем при дворе, а новинки он может получать и оттуда.

Но!

Чтобы Лилиан была безопасна для короны – она должна оставаться графиней Иртон. Только вот зная Джерисона... Лилиан уже столько раз по его репутации одним своим появлением потопталась. Первая их встреча должна пройти под наблюдением короны.

Или лично короля.

К тому же надо пристроить к ней внуков... И не к кому больше, и Миранде у нее хорошо.

Столько всего сделать надо... Умирать совершенно некогда.

Ганц тоже чувствовал себя мерзко. И особенно – когда входил к Амалии в камеру. Но и переложить это на кого-то другого не мог.

– Госпожа, я должен сообщить вам, что за покушение на короля, на графа и графиню Иртона, за подготовку попытки переворота и прочее вы приговорены к смертной казни.

Амалия кивнула. Медленно встала.

– Мои дети? Они останутся живы?

Ганц промолчал. Амалия подалась вперед.

– Прошу вас! Я все сделаю, но их за что?!

Ганц молчал. За его спиной стоял палач. Так распорядился король. Никакого яда. Смерть должна быть несомненной, а яд...

Это скорее последнее милосердие. Яд часто дает осечки, заставляет умирать медленно, мучительно, пусть лучше удавка в умелых руках. Пара минут – и все кончено.

– Лэйр Тримейн! – Амалия упала на колени.

Ганц покачал головой:

– Не все ваши дети умрут. Пусть хотя бы это...

– Кто? Джес?

– Трое старших.

– Нет!!! – В синих глазах метнулась боль. – Только не мои дети! Прошу вас!! Я все сделаю, что вы пожелаете!!!

Ганц снова покачал головой.

– Это приказ короля...

– Это ведь его внуки!!!

– Дважды внуки. – Ганц смотрел грустно. Ему это поручение вообще выполнять не хотелось.

– Д-дважды? – Ему удалось удивить Амалию.

– Вы тоже дочь его величества. Вы не знали?

– Н-но... – Амалия открывала и закрывала рот. Что тут сказать – она не знала.

– Вы его внебрачная дочь, которую Джайс Иртон выдал за своего ребенка. И принц Эдмон был вашим единокровным братом.

Амалия побелела как стена.

– Нет, нет, нет...

Но она уже видела и понимала, что Ганц не лжет. И теперь картина складывалась. Ее отец никогда не стал бы травить ее мужа просто так. Альдонай, за что?..

Ганц кивнул палачу. Крупный мужчина неожиданно тихо проскользнул за спину Амалии и набросил ей на шею удавку.

Ганц досмотрел все до конца. А когда жизни в прекрасной женщине, лежащей перед ним, не осталось, протянул руку и пощупал пульс.

Мертва.

Мерзко?

Ему предстояло нечто на порядок более мерзкое...

Спустя час Ганц вышел из Стоунбага на воздух, вытер пот со лба.

Как же скверно он себя чувствовал. Как они смотрели на него... Сейчас мужчина ненавидел сам себя. И знал, что это не пройдет.

А еще знал, что уедет из Ативерны. Не сможет он здесь оставаться... Или попросить графиню о месте в Ирhone?

Лишь бы не пережить такое снова... Сейчас он понимал, как накладывают на себя руки. Его тошнило от собственной гнусности.

Да, дети не страдали. Маковый отвар – штука сильная. Выпили – и уснули. И кинжала не почувствовали. Но мерзко, противно, гадко...

«Все для блага государства... Альдонай, прости хоть ты меня. Я себя никогда не прощу».

Глава 3

Черная фишка, белая фишка

- Говорят, Ивельены разбились.
- А король от горя заболел.
- И младшие Ивельены непрерывно при нем, в его покоях.
- Графиня Иртон со своим докторусом к королю чуть ли не в спальню переехала, мне служанка сказала.
- Думаете... - Дама изобразила пальцами замысловатую фигуру.
- Нет, вряд ли. Королю действительно плохо.
- Даже баронессу к нему не пускают.
- Она злится?
- Безумно.

Сплетницы переглянулись с видом заговорщиц.

- А графиня Иртон входит в фавор...
- Сложно сказать... посмотрим. Наш король любит блондинок.
- Но глупых, а этого о графине сказать нельзя. К тому же Джерисон - его племянник.
- Значит, скандалы закатывать не будет.
- А вдруг?

Мужчина, подслушивающий разговор, сплюнул сквозь зубы.

Ивельены мертвы. Катастрофа. Но... вроде бы за этим стоит не корона? Просто несчастный случай. Знай Эдоард об их планах, головы бы уже летели.

Во всяком случае, шансы на успех еще были.

Эрик смотрел в подзорную трубу. Горизонт был чист.

Корабли посольства должны были пройти через пролив между континентом и Вирмой, через Вириом и дойти до Ативерны. Словам Ганца насчет возможного покушения Эрик поверил сразу и однозначно. А если уж где и нападать на корабли посольства, так это там. Очень удобно списать нападение на вирман. И союз между Ативерной и Вирмой разорван, и заговорщики своего добились, и козел отпущения вполне привычный - нет уж, обойдетесь...

Не то чтобы Эрика так волновала судьба Ативерны. Один там король, второй, шестнадцатый - да пусть хоть козла на трон посадят. До недавнего времени. А вот когда отношения начали налаживаться, когда появилась возможность союза... Нет уж. На суше пусть мир и порядок обеспечивает Ганц. На море же... Они справятся.

И вирмане шли, искали, осматривали море в подзорную трубу и ждали. Больше они ничего сделать не могли.

Пока не могли.

Домой, домой, пора домой...

Джес был не то чтобы доволен, но все же он скоро будет дома, сможет разобраться, что там происходит, наконец встретится с женой...

Чего уж там – давно пора.

Рик наблюдал за другом с легкой насмешкой. Из Ивернеи он отписал отцу, чтобы тот начинал готовить проект договора с Гардвейгом, и был всем доволен.

Жениться, конечно, придется. Так ведь не на крокодиле. Анелия вполне мила и приятна. Из Ивернеи ушли без скандала. Сейчас пройти вдоль берега – и домой.

Три корабля посольства – и шесть кораблей сопровождения. Больше Бернард не дал. Ну да и не надо. Сами справятся, если что.

– Рик, впереди у нас первый же наш порт – Альтвер. Остановимся там?

Рик кивнул. А чего ж не остановиться. Надо запастись провизией, починить паруса, которые растрепало недавним штормом, да и корабли Бернарда...

Сильно обиделся Ивернейский Скупердй, что брак с Лидией не состоится. И отомстил по-своему. Корабли Ивернеи проводят посольство до родной земли. А там – уж простите, гости дорогие. Чего вы стоите, если в своей стране не можете обеспечить безопасность принца?

Логика была безукоризненна. Придраться не к чему. Ссориться? А из-за чего, простите, ссора?

Все всё понимают, но – недоказуемо. Казуистика.

Да пропади ты пропадом!

Торий Авермаль лицом в грязь не ударил. Благодаря его торговым делам с графиней Иртон Альтвер стал достаточно посещаемым портом. И градоправитель вовсю этим пользовался. Расширил пристань, укрепил стены, кое-где замостил улицы камнем – по совету Лилиан Иртон введя налог на булыжники.

Едешь в город? Вот и положи по камню за человека и по камню за лошадь. А вечером их отнесут к месту работ и с утра примутся ими мостить улицу. Тоже неплохо. Главное – не надо тратиться на привоз камня. Золотая голова у графини, даром что женщина...

И уж принять принца Торий расстарался.

Заранее отослал куда подальше своего старшего сына, устроил роскошный пир в ратуше, а когда узнал, что среди присутствующих есть граф Иртон, – вообще рассыпался в любезностях и комплиментах его супруге. Причем, что вообще сразило Джеса, превозносил Торий не внешность, нет. Он хвалил графиню за тонкий ум, за понимание, за великолепные идеи... Одним словом, к концу пира Джес на полном серьезе размышлял, кто сошел с ума – он, Торий или графиня. И приходил к выводу, что все сразу. Или все-таки он?

Был на приеме и патер Лейдер. Этот нежных чувств к графине не питал, но волшебное слово «прибыль» изрядно смягчило его душу. Поэтому обвинений в ереси на графиню не посыпалось. Разве что Джеса мя-агонько так упрекнули, что мало внимания уделяет своей жене, вот ее и тянет изобретать что-то непонятное. А без изобретений, может, и лучше было бы... кто знает?

Торий это дело, конечно, пресек, но граф Иртон и без того выяснил, что в письме, присланном ему патером, все было правдой. Вот такая супруга. Якшается с вирманами и ханганами, торгует, что-то изобретает, теперь еще и дядя ее приблизил и хвалит...

Что делать? Пока что в голову ничего не приходило.

Удивляло только то, что все видевшие Лилиан Иртон описывали ее как очень милую женщину. А не розовую тушу в оборочках... Нет, что происходит?

– Дождались.

– Теперь подождем, пока от Альтвера отойдем, – и атакуем. Все равно ведь нас поставят сопровождать...

Это верно. Торий о заговоре не знал. А вот командующий Вторым флотом Ативерны граф Шальзе – и знал, и участвовал. Он был женат на сестре Лорана Ивельена и среди заговорщиков оказался автоматически. Подобрать верных ему капитанов, отсеять слишком честных матросов – сложная задача? Не для него... Тем более что и надо-то не на всех кораблях.

Тем более все делалось не в один прием. Альтвер – один из портов почти на границе. Корабли Ивернеи сюда посольство проводили, с рук на руки кораблям Второго флота передали – все. Миссия выполнена. А вот завтра-послезавтра посольство пойдет домой. В сопровождении десяти кораблей эскадры. И на всех верные командующему люди.

Командующему, не королю.

В посольстве два галеаса и неф.

У него же четыре галеры и флагман-галеас. Ясно, кто победит.

Командующий еще не знал о крахе заговора и рассчитывал на хорошее место за устранение принца.

Осталось подождать совсем немного.

Ровно через два дня посольство таки снялось с якоря, оставив позади Альтвер. Барон Авермаль сиял. Ему удалось угодить и принцу, и графу Иртону, и герцогу Фалиону, да и остальные придворные, кто путешествовал с посольством, остались довольны его гостеприимством. А ведь это связи. А значит – и деньги. Тем более что кое-какой «подкожный жирок» у градоправителя был, а с помощью графини Иртон его запасы и вовсе увеличились втрое.

Только одно удивляло барона.

Почему граф Иртон слушает похвалы своей супруге с таким странным видом?

Море, чайки, запах соленой воды... Ричард наслаждался путешествием.

По приглашению командующего он перешел на галеас, и с ним увязался Джес. Мужчины болтали о пустяках, наслаждались видом на море, предвкушали момент возвращения домой.

А граф Шальзе смотрел на них и считал минуты. Скорее бы скрылся в тумане берег, скорее бы корабли остались одни в море, скорее бы...

Нельзя сказать, что он рвался в заговорщики. Но... командующий был честолобив. И ему не хотелось быть одним из нескольких. Ему хотелось быть единственным, а вот этого Эдоард позволять не собирался. Ативерна – государство на берегу моря. И единый флот станет силой, с которой придется считаться и королю. Стало быть, разделяй и властвуй. А командующему было мало, мало, мало!!!

Рик и Джес чувствовали себя настолько в безопасности, что даже оставили в каютах мечи, ограничившись одними кинжалами. Случись что – успеют вооружиться. Даже если на пиратов наткнутся, сначала будет сближение и маневры, а потом уже драка...

Хотя за оставленное оружие они себя потом не ругали. Очень тебе меч поможет, когда на одного тебя – тридцать матросов. И тоже небезоружных.

Почти сутки прошли спокойно, корабли медленно шли к столице. Командующий готовился, передавал сообщения на все корабли – и, когда взмахнул белым платком, Рик и Джес в один миг оказались в кольце мечей.

На мачте взвился алый флаг – и остальные корабли принялись брать галеры посольства в кольцо, недвусмысленно нацеливая на них орудия. А командующий торжествующе смотрел на принца с приятелем. Миг триумфа. Миг его безраздельной власти. Когда в его воле казнить или миловать. И он воспользуется этим своим правом.

– Господа, я должен вам сообщить, что вы – наши пленники. Сопротивление бесполезно.

Джес оскалился и выхватил кинжал. Сзади его движение повторил Рик.

– А ты попробуй нас взять!

– И пробовать не буду. Бросайте оружие, или...

Свистнула стрела. Джес дернулся, когда взвыл разрываемый воздух рядом с его ухом.

– Убьешь?

– Нет. Не сейчас.

– Что это значит, командующий? – вмешался Рик.

– А что непонятного? Иногда власть меняется. И те, кто придут вам на смену, пообещали мне больше.

– И ради этого ты пошел на предательство? Подонок! – процедил Джес.

Командующий усмехнулся.

– Ну, это еще как посмотреть, кто из нас предатель. Не твой ли отец отравил законного наследника Ативерны, его высочество принца Эдмона?

Джес побледнел как полотно. От бессильной ярости. Многие подозревали, что там не так все чисто. Но молчали. Ибо Эдоард был скор на расправу, а грешки у каждого имеются.

– Будь ты мужчиной, я бы заставил тебя проглотить эти слова!

– О глотании мы поговорим позднее, когда у меня будет на вас время, – ухмыльнулся командующий. – Будете сопротивляться – утыкаем стрелами. А пока в трюм.

Рик и Джес были вынуждены подчиниться.

– Атаковать галеасы!

На мачте взвился черный флаг. И на галеасы охраны и неф обрушился дождь зажигательных стрел, среди которых выделялись большие стрелы баллист и палубных скорпионов.

Вооружение на судах тех времен было не особо сильным.

Так, по мелочи. Небольшие баллисты, катапульты, которые могли метнуть снаряд с «жидким огнем»... Достаточно, чтобы справиться с галерой, не ожидавшей нападения.

Поджечь. Наделать дыр в бортах. И – уйти.

Не сразу, разумеется.

Людей надо тоже ликвидировать. Здесь достаточно оживленные места, мало ли кто пройдет мимо. Зачем оставлять живых свидетелей? Надо просто подождать часок – а потом поднимаем паруса, весла в воду – и вперед. В столицу.

Можно сказать, командующий даже милосердие проявляет. Ледяная вода убивает быстрее и безболезненнее, чем стрелы.

Рик и Джес, бессильные, сидели в трюме, по колено в грязной воде. Оба полыхали

гневом, но сделать ничего не могли. Веревками их скрутили так, что колбасы отдыхали, и развязать или перегрызть их не представлялось возможным. Парней предусмотрительно привязали на расстоянии друг от друга. Разговаривать они могли – но и только.

– Кто бы мог подумать...

– Нам надо бежать. – Джес был настроен более практично.

– И как? Ты зубами дырку в борту прогрызешь?

– Нет. Но если поторговаться с командующим, попросить поговорить с ним...

– Наедине? Он не дурак.

– Но это хоть какой-то шанс. А там веревку на горло – и закрутится.

– Плохой шанс.

– Другого не будет. Ты сам понимаешь, что нам не жить?

Рик это отлично понимал, но не сомневался в уме командующего флотом. Да, мразь, мерзавец и подлец, но не идиот ведь! Дурак до командующего не дослужится! При всем уважении...

– Что-то я сомневаюсь, что он так подставится. Если он пошел на этот шаг, он все обдумал.

– Другого варианта у нас нет.

– Мне интересно – кто и что ему пообещал?

– Мне тоже. Но, боюсь, об этом мы до столицы не узнаем.

– Лишь бы отец был жив.

– Если там мятеж... – Джес не договорил, но Рик и так понял. При мятеже шансы выжить у них стремительно падали до нуля, а жить хотелось. – Постой-ка... это что?

Они замолчали и прислушались. Судя по шуму, снаружи шел бой.

За шанс на спасение друзьям следовало благодарить Эрика. Ну и графиню Иртон. Первого – за оперативность. Вторую – за подозрительные трубы, в которые было видно как бы не втрое дальше.

Соответственно, вирмане обнаружили посольство первыми, но подходить ближе не стали. А зачем? На них не написано, что они добрые и хорошие. Да, есть пергамент, но доверяли ему вирмане мало. Могут сначала обстрелять, а потом начать переговоры. Как-никак принц на борту.

Эрик бы на месте главного, кто там командует, так и сделал бы. Потом извинимся, если что.

Поэтому вирмане решили следовать за посольством вне пределов его видимости. Так, мелькнет на горизонте парус, а куда корабль шел, зачем шел – это море. Пока вас не трогают, вам и докладывать не станут. Идешь мимо – и иди себе.

Но наблюдал он за посольством постоянно, и, когда ему доложили, что там что-то странное – корабли сопровождения окружили галеасы с посольством и расстреливают их, Эрик колебаться не стал.

Порядочные люди так не поступают, а с непорядочными он может поговорить по-своему, и никто его не упрекнет.

– На весла! – взревел Эрик. – Идем к ним! Готовьтесь к бою!! Надеть кольчуги!!! Поднять красный щит!!!

Команда разнеслась над морем, и на драккарах поднялось легкое оживление. Корабли развернулись и медленно направились к посольским судам и их свите.

– Олаф! Обойди с другой стороны и посмотри, что с посольством!

Драккар Олафа Рыжебородого чуть изменил курс, показывая, что Эрика услышали.

Посольство так посольство. А там, глядишь, и чем поживиться найдется. Вирмане никогда не отказывались от добычи.

Судьба благоприятствовала вирманам в тот день.

Командующий не рассчитывал драться, не ожидал их встретить и вообще слегка увлекся расстрелом беспомощных кораблей. Да и вообще – может, еще кого выловить? Хотя нет, надо уходить. Главная добыча уже у него, а остальных – не жалко... Корабли медленно отворачивались от гибнущих галеасов, не обращая внимания на крики о помощи. И появление Эрика стало для него... нет, не неожиданностью. Вирмане были замечены. Но сначала их не восприняли как противников. А вот когда они целеустремленно направились к эскадре «сопровождения», когда на мачте взметнулся алый щит...

Командующий скрипнул зубами.

– Готовьтесь к бою!!!

Но сначала попробовал поднять черный щит. Мол, хочу поговорить. Да, унижительно. Вирмане – морские разбойники, пираты, волки моря, но уж больно командующему умирать не хотелось. Все так хорошо складывалось!

Можно драться, да, но не когда у тебя в трюме ценный приз. А силы примерно равны. Есть опасность потерять и пленника, и жизнь... Нет, этого командующему не хотелось.

Над морем свистнула стрела, застряла в черном пятне и вызывая затрепетала красным оперением.

Разговоров не будет!

Драккар Олафа медленно шел вдоль тонущих кораблей, и с него в воду сбрасывали канаты, вылавливая тех, кто спасся от стрел. Не просто так, по доброте душевной. Им же надо узнать, что тут произошло?

И вот везение – одним из первых спасенных оказался герцог Фалион.

Герцог проводил время на палубе и, когда понял, что их атакуют, счастливо избежал первого удара. Понимая, что пленных брать не будут, он ухватил кусок деревянной обшивки, отломившийся после выстрела, и прыгнул за борт. Жить хотелось, а в воде шансов было больше, чем на корабле.

Едва успел сапоги сбросить, чтобы на дно не потянули.

Вирман он тоже заметил и мысленно проклял все. Не хотелось становиться рабом. Хотя... сын его выкупит, но это еще когда будет. А тем временем вирмане подошли так, чтобы отрезать тонущих от их убийц, и сбросили канаты.

Фалион, у которого от холода уже зуб на зуб не попадал, решил, что лучше у пиратов, чем у морского царя, и поплыл к кораблю. Ну и...

Впрочем, на палубе никто не стал вязать его или заковывать в цепи. Вместо этого протянули кусок полотна и кувшин с вином... очень крепким. В желудок хлынуло приятное тепло, чуть закружилась голова... А один из вирман (Олаф, но тогда Фалион не был с ним знаком) спросил:

– Что тут происходит?

Какое вирманам дело? Принц, Ативерна, посольство... Но дипломат привык использовать любые шансы.

- Я из посольства Ативерны... прошу о помощи.

Вирмане даже и не удивились. Знали? Охотились за ними?

- Принц с вами?

- Был с нами. Перешел к командующему на флагман. Что с ним теперь - понятия не имею.

- Вряд ли убили... Значит, изменники... Гар, давай живо к флажкам, передашь, что эти уроды расстреляли посольство и захватили принца.

- И графа Иртона.

На лице Олафа появилась ехидная ухмылка. Фалион не понял, чем она вызвана, но насторожился.

- И супруга госпожи. Надо выручать...

Фалион где стоял, там на палубу и опустился. Ноги не держали.

«Госпожи? Выручать? Ничего не понимаю...»

Мальчишка, ловкий как обезьянка, почти взлетел на мачту. И замахал флажками.

Идею эту подсказала та же Лиля. Сначала она вспомнила про азбуку Морзе. Потом - про флажковую азбуку. Откуда?

Так ведь это не только на море. Во что играют дети в гарнизонах? В том числе и в разведчиков. И сообщения передавали, и зашифрованные записочки писали, и платками махали... да много чего было. Поэтому как-то на досуге Лейф и Эрик таки усадили графиню за создание местного справочника сигналов. Много там не поместилось, но краткость - сестра таланта.

Азбуку Морзе было несложно восстановить по общим принципам. Флаги же... Красные - буквы. Зеленые - слова.

Можно сказать: «Захватили супруга госпожи, принца, напали, ограбили, обидели», ну и далее по тексту. А Гар уложился в несколько условных сигналов. «Враг». «Заложник». «Ценность».

Что еще надо, чтобы понять: это враг и у него ценный заложник на борту?

Все понятливые.

- К бою!!! - взревел Эрик.

- Твари, - процедил Шальзе.

Но ругайся не ругайся, а драться придется. И он бросил навстречу вирманам галеры.

Самому ему в драку вступать не хотелось. Лучше бы уйти. Но Эрик тоже был не лыком шит. Два драккара, повинаясь его командам, которые передавал еще один мальчишка с флажками, рванули за кораблем командующего, не ввязываясь в бой.

А бой разгорался.

Ативернцы старались засыпать вирман стрелами, но те упорно прятались за щитами, стремясь подойти поближе и сцепиться врукопашную. Пока им это удавалось с переменным успехом. У Эрика было восемь драккаров, а корабли противника уже побывали сегодня в драке. А запас и стрел, и камней небеспределен, поэтому смертоносный град был не таким сильным, как хотелось бы предателям. Один драккар

все-таки подожгли, и вирмане на нем отчаянно рубили доски, бросая в воду. Продержаться хоть сколько. Или доплыть...

Драккар Олафа подбирал уцелевших. Он ввяжется, если будет возможность. А пока надо хотя бы спасти людей. Кого сможет.

Драккары сцеплялись с галеасами в отчаянных схватках, вирмане прыгали на палубу к противнику – и завязывалась драка. И тем и другим терять было нечего, поэтому пленных не брали.

Но было одно исключение.

Эрик хищным взором следил за галеасом Шальзе. «Сейчас мы тебя, родимый... подожди минутку».

Рядом застыл Бьерн со здоровенным щитом в руках, готовясь прикрывать своего ярла. И стрелы полетели. Одну Эрик ссек еще на подлете, вторую так отбил щитом мальчишка...

– Баллиста!!! – заорали с мачты.

Эрик хищно ухмыльнулся.

– Стрелки! Вперед!!!

Несколько парней под командованием Эльга выдвинулись чуть вперед.

– Два пальца вверх, влево бей! – рявкнул Эльг.

Стрелком он был прирожденным. И стрелы по его команде летели так, словно он их рукой вкладывал.

Двое у баллисты пошатнулись и осели на палубу. Еще один человек не упал, но и драться явно не сможет...

Драккар быстро нагонял галеас. Для одного добыча была крупновата, но слева шел драккар Медведя, готовясь взять Шальзе в клещи.

Несколько стрел упало совсем рядом с бортом. Из баллисты выстрелить все-таки удалось, но благодаря Эльгу стрела упала в воду рядом с драккаром. Эрик махнул кормчему, но тот и без команды знал, что делать.

Подобраться поближе и пойти по веслам, корпусом ломая их в щепки.

Шальзе пытался увернуться, но куда там! Вирмане просто засыпали галеас стрелами, не давая ему шансов, и брали в клещи, как два волка загнанного оленя.

Все смешалось в безумии битвы.

Стрелок на мачте. Эрик бросает копье с такой силой, что стрелок даже не падает. Копье намертво прищипливает его к мачте.

На борт летят abordажные крючья, крепко сцепляя корабли. С другой стороны галеаса подходит еще один драккар, который тоже расстреливает противника.

– Вперед!!!

Вирмане хлынули на палубу неудержимой волной.

Эрик рубил, как дровосек. Секира летала в его ладонях пушинкой. Благородным приемам тут места не было. Бей чем пожелаешь. Секирой, обухом, щитом, руками, ногами... Вали противника, даже если он стоит к тебе спиной, и иди вперед. Вирмане дрались отчаянно – и выигрывали.

– К надстройкам! Бей лучников! – ревет Эрик.

Бьерн бросается вперед, в отчаянном прыжке вскакивает на подставленный щит, а с него на надстройку. Взмах секиры – и истошный вопль боли. И брызги крови. На людях, на палубе, на оружии...

На палубу сыплется команда Медведя и тоже ввязывается в схватку, но теперь уже более осознанно. Человек в дорогих доспехах пытается наладить сопротивление, но куда ему!

Его просто зажимают щитами, давят – и наконец он получает сильный удар, от которого валится на палубу.

А после этого остальные сопротивляются уже меньше. Вирмане добивают их, и Эрик окидывает взглядом картину боя.

М-да... Победа не чистая, но это определенно победа.

Из восьми драккаров два догорают на воде. Из четырех галер две также отправились к морскому старцу. Но еще две целы, до Ативерны дойти хватит. А там и построить новые будет на что.

Эрик огляделся вокруг, схватил за ворот кольчуги своего сигнальщика, парень таки не усидел на корабле и ввязался в драку. Вирманин растет...

– На мачту. Передай: пусть собирают трофеи.

А сам занялся командующим.

Шальзе был потрепан и побит, в схватке ему сломали руку, и теперь он придерживал ее другой рукой, доспехи содрали без малейшей нежности и присоединили к общей куче трофеев.

Хотя на манеры графа этот перелом никак не повлиял. Не доходил до сознания высокородного аристократа тот факт, что «вирманское быдло» его сейчас может на кусочки порезать и рыбам скормить. Пока не доходил.

– Вы понимаете, что вы творите? Да мы ваш островок...

Эрик улыбнулся ему, небрежно поигрывая секирой.

– Где принц и граф Иртон? Ну?!

Ответом было гордое молчание.

Эрик кивнул одному из ребят – и тот без лишних размышлений врезал графу ногой по мор... то есть лицу. Шальзе дернулся назад, но рот открыть не успел. Тот же вирманин положил руку ему на плечо и принялся сжимать место перелома. Мужчина заорал во всю глотку, забыв про аристократическое достоинство.

– Так где?! Или тебе кожу полосками драть начать?! Я сделаю...

Эрик был страшен. Громадный, окровавленный... и Шальзе сломался.

– В трюме!!! Они в трюме!!!

– Живые?!

– Да...

Эрик кивком указал своим людям на трюм:

– Вытащить.

Двое вирман, не особенно торопясь, отправились исполнять приказание.

Последний час Рик и Джес провели в полной неизвестности. Слышался шум боя, слышались крики, но кто напал? Кто победил? Что это означает для них?

Вопросов было больше, чем ответов. И ожидание оказалось на редкость мучительным. Поэтому, когда открылась крышка трюма и вниз прыгнул здоровенный вирманин, Джес глазами своим не поверил.

– Ваше высочество? Ваше сиятельство?

Вопросы были явно риторическими. Мужчина разрезал веревки на руках узников и кивнул на канат.

– Влезете?

Чтобы вырваться от плена, Джес бы и на луну влез, не то что по канату. Но руки пока еще не отошли, поэтому он активно принялся разминать их, не обращая внимания на болезненное покалывание, и заодно спросил:

– Вы откуда?

Вирманин прищурился. Джерисон ему не понравился. Точнее, не понравился он вирманину гораздо раньше, еще по своему отношению к супруге. Мужчина с удовольствием сказал бы ему гадость, но... поперек командира в пекло не лезут.

– Мы люди Эрика Торвсона. Да командир лучше объяснит. Вы невредимы?

– Вполне.

Рик смотрел спокойно. Их хотели убить – бывает. Спасли – отлично. Сейчас в любом случае надо размять руки, чтобы вылезти отсюда, а остальное потом.

– Это хорошо... Разрешите?

Вирманин принялся помогать принцу, и минуты через три-четыре Рик почувствовал, что сможет вылезти. А тут и воин поторопился:

– Так вы вылезайте, а то мы это корыто порядочно потрепали...

Третий раз приглашать не пришлось.

Джес первым кое-как взобрался по веревке, огляделся вокруг...

Трупы, кровь, разруха – и несколько десятков откровенно ухмыляющихся вирман. Что, как, зачем – ничего не ясно, и объяснить никто не спешит. Особенно выделялся один громила с секирой.

– Граф Иртон?

– К вашим услугам.

– Ваше высочество?

– Д-да... А вы? Что тут происходит?

Эрик приосанился.

– Мы на службе его величества Эдоарда Восьмого. А вон те корабли – это вирманское посольство. Нас попросили встретить вас и проводить до Лавери. А тут такое... ну мы и вмешались.

Ричард потряс головой, пытаясь как-то соотнести реальность с услышанным.

– Вы...

– Эрик Торвсон. К вашим услугам, ваше высочество.

– Ричард Ативернский. – Рик отвесил поклон по всем придворным правилам. – От своего имени и от имени своего отца выражаю вам благодарность за спасение.

Эрик расправил плечи, хотя куда бы еще сильнее.

– Ваше высочество, мы поступили так, как должен поступать всякий честный человек.

Джес оглядывался по сторонам. М-да. Кругом вирманские корабли. От посольства остался мусор на воде... а люди?

Об этом он и спросил у ближайшего вирманина.

– Кое-кого подобрали. Остальные... – Жест был весьма красноречивым.

Джес сжал кулаки.

– Твари! Что им не жилось?

Ивар, а это был именно он, усмехнулся.

– А вы сможете потом расспросить вот эту гниду.

Он сделал шаг в сторону – и Джес увидел Шальзе. Ивар едва успел перехватить высокородного графа. А то ведь прибил бы командующего – и глазом не моргнул. А допрашивать кого?

Но перехватили, успокоили, предложили осмотреть на предмет синяков правда, не сразу. А заодно поговорить со спасенными. Да и первую помощь хорошо бы оказать, хоть кольчуги с раненых поснимать...

Одним словом, Джеса заняли делом и клятвенно пообещали допрашивать мерзавца только при нем. А пока связать как полагается да положить где поудобнее. А то они, гады, так и норовят самоубиться, чтобы к палачу не попасть...

Шальзе такая радость не светила. Вирмане были профессионалами в деле захвата пленных.

Вечером Рик попробовал расспросить Эрика.

Вирманские корабли временно пристали к берегу, и все расположились на ночлег на удобном пляже. Запалили костры, пожарили мясо, подстрелили несколько птиц – на один зуб, но вышедшим из боя мужикам требовалось порадоваться жизни. Эрик выкатил пару бочек вина – по ковшу на морду хватит, но напиться никому не удастся.

Рику и Джесу отвели почетное место, и они тихо переговаривались о своем.

– Шальзе – гнида. Сколько людей загубил...

– Да уж. Спаслось всего десятка два.

– И Фалион. Щука в воде не тонет, даже вяленая.

– Он теперь вирманам благодарен.

– Я тоже. Как-никак жизнью обязан. Теперь отец к ним получше отнесется.

– Уже отнесся. Это ведь он попросил нас встретить.

– Да уж. И как он все это делает? Я бы, наверное, не справился.

– Дядюшка еще крепок, успеешь научиться.

Рик тряхнул головой. Рядом на лапник присел Эрик.

– Ваше высочество, ваше сиятельство, как отдыхается?

– Джес, и без титулов, – протянул руку Джес.

Вирманин помедлил, но руку пожал.

– Эрик. Вольный капитан.

Джес кивнул. Капитан судна, да еще из древнего рода, приравнивался, хоть и негласно, на континенте к благородным. Аналог лэйра или даже барона.

– Вас к нам привело само Провидение. И я обязан вам жизнью...

– Провидение – это всего лишь наша предусмотрительность и наши дела, – усмехнулся Эрик. – Мы сами творим свою судьбу.

Ему очень хотелось повозить графа мордой (простите – высокородным лицом) по камням. За все хорошее, что он сделал жене, и еще больше за несделанное. Но нельзя. Первым делом он Лилиан и подставит, так что молчок.

Команда также обо всем знала и молчала.

– Но над судьбой есть Альдонай.

Рик улыбался. Видно было, что это не ради богословского спора, а просто так. И Эрик улыбнулся в ответ.

– Иногда мне жаль вашего Альдоная. У наших богов есть свой круг обязанностей у каждого. А ваш один за всем следит... тяжело ему.

Ересь? Еще какая. И произнеси Эрик такое при пасторе или патере – не миновать бы ему либо вопля «Анафема!!!», либо двухчасовой лекции на тему религиозных заблуждений. Последним особенно допекал пастор Воплер. Но вирмане терпели. Мужик-то не злой, безобидный, сам верит в сказанное – не убивать же за это! Пусть моросит.

Рик оценил откровенность вирманина и усмехнулся.

– О богах пусть спорят альдоны. Мы же живем на земле. И я еще раз выражаю вам свою благодарность.

– Эрик, – Джейми никогда не церемонился, если речь шла о лекарском деле, – ты здесь?

– А ты не видишь?

– Прикажи парням пустить меня к Шальзе! У него рана, а они даже близко меня не подпускают!

– И правильно делают. Авось не сдохнет.

– А если заражение начнется? Он тебе нужен в горячке? Мне вот нет!

– Да мне он вообще не нужен. А вот королю...

– Вот королю и будешь объяснять, дикарь нечесаный!

– Молчи, младенец, у тебя еще молоко на усах не обсохло, – огрызнулся Эрик без всякой злобы.

Джейми он ценил. И на некоторую грубость даже внимания не обращал. Понятно же – парень самоутверждается. Почему бы и не так? Там поругается, здесь получит, тут надают... ну и вырастет мужик. Тем более лекарь уже получился отличный.

Рик усмехнулся, когда на шее Джейми блеснул баронский сапфир.

– Вы, простите...

– Джеймс, барон Донтер, ваше высочество. Прошу прощения за свою грубость, но раненые важнее этикета...

– Донтер? – Джес вскинул брови.

Но Джейми срезал и его:

- Ваше сиятельство, прошу также меня простить - я готов поговорить с вами позднее, когда люди перестанут нуждаться в моей заботе и помощи. Эрик, ты прикажешь или нет?

- Прикажу, куда я денусь. Но с тобой пойдут мои парни. И не развязывать эту тварь...

- А если лубки...

- Джейми, ты головой подумай! Ему жить до палача, самое большее. Зачем на него время тратить? Пусть не загнется, а остальное не важно!

Парень вздохнул.

Эрик все говорил верно. Но... Вирманин не стал ожидать окончания его душевных терзаний. Подозвал двоих своих ребят и послал их с Джейми к командующему.

- А возможно ли его допросить сейчас? - Джерисон таки не удержался. Интересно же, с чего их вдруг так.

Эрик считал, что возможно. Но...

- Лучше не надо. Все на взводе, еще увлекутся... пусть из него все потом палач вытряхнет.

- А вы ничего не знаете о заговоре?

Эрик помотал головой:

- Говорят, лэйр Тримейн что-то раскопал. А я... я так...

Прикидываться шлангом (даже не зная, что это такое) у вирманина выходило весьма талантливо.

К Ричарду и Джерисону подошел герцог Фалион.

- Ваше высочество, рад видеть вас живым и здоровым.

- Да и я вас, герцог. Как вы себя чувствуете?

- Честно говоря, после купания в ледяной воде в моем возрасте я опасался худшего, - признался Фалион. - Но Джейми - чудо. Мальчишка меня чем-то приказал растереть, напоил каким-то снадобьем... как вино, только в десять раз сильнее, и я себя отлично чувствую. Разве что голова побаливает.

- А расспросить вы никого еще не пытались? Про заговор?

Фалион отрицательно покачал головой.

- Я решил, что это подождет. Нам до Лавери еще несколько дней пути. Но сейчас все вымотались и устали. И раненых много - вирманам тяжело дался этот бой.

- Тоже верно, - признал принц. - Успеем. А кто еще выжил?..

Утром Рик и Джес решили взять в оборот Джейми, но их ждало разочарование. На кораблях хватало раненых, Джейми был нарасхват, так что у него просто не было ни времени, ни желания разговаривать. Разве что выяснили, что Джейми не докторус, что он ученик того самого дин Дашшара и что он законный наследник Донтера.

Ни Рик, ни Джес не были дураками и понимали, что вирмане о чем-то умалчивают. Но о чем? И зачем? И это серьезно давило на психику.

Эрик их просвещением заниматься не собирался. Пусть граф Иртон расплатится легким моральным террором за отношение к супруге. А принц...

А от коронованных особ и вообще лучше держаться подальше. Кто их знает, что там

у них в голове творится. Не так поклонись – навек виноватым останешься... нет уж. Пришли, спасли – и отвали.

Рика и Джеса это не устраивало, но все козыри были на руках у Эрика. Приходилось подчиняться.

Корабли со всей возможной скоростью шли к столице.

Похороны всегда нагоняли на Лилию тоску и утомляли. Но сегодня хоронили тех, кого она знала и к чьей смерти – будем честны – приложила руку.

Ивельены.

Лоран, герцог Ивельен, Питер, маркиз Ивельен, Амалия, маркиза Ивельен, Сесилия, Джес и младшая девочка. Ее имя постоянно вылетало у Лилиан из головы. А смотреть было больно, больно, больно!!!

Если бы не она...

«Да, как ни тяжело это признавать, – их кровь на твоих руках. Ты просто играла в Шерлока Холмса, девочка. И забыла, что здесь умирают по-настоящему».

Лица Лорана, Амалии и Питера были искажены болью. Лица детей спокойны. И Лиля надеялась, что их хотя бы не мучили.

И все же...

«Все ароматы Аравии не отмоют их кровь с моих рук...»

– Ваше сиятельство...

Кисть Лилиан сжала теплая сильная рука. Ганц. Алисия чуть покосилась, но тут же встала так, чтобы закрывать разговаривающих. Умница... и кто ее гадюкой назвал, какой... гад?!

Лиля улыбнулась другу.

– Ганц, как я рада вас видеть! Хоть кто-то рядом...

Ганц смотрел тоскливо. Хор пел. Знать, присутствовавшая на похоронах, перешептывалась. Потом Ивельенов уложат в саркофаги и отправят в родовой склеп. В Ивельен. Но отпевание здесь. Чтобы все видели, чтобы не возникло сомнений в их смерти.

– Роман и Джейкоб у вас?

– Да...

Лиля вздохнула. Что делать с этими двумя червячками, она решительно не представляла. Пищат, чего-то требуют... а чего? Но, как оказалось, с этим было просто. Кормилица плюс нянька – и радуйся. Правда, Лиля на этом не остановилась и добавила всем «медикам» практику на новорожденных. Кормить, купать, пеленать – а почему нет?

Родительских чувств у нее стихийно не возникло. И прижимать младенцев к сердцу с воплем: «Какая прелесть!!!» – тоже не тянуло.

Забота? Будет им забота. И учителя. И развитие. Только любви не требуйте.

– Я себя чувствую виноватой, – тихо, на ухо Ганцу призналась Лиля.

Взгляд светло-карих, почти ореховых глаз мужчины был спокоен.

- Я тоже. Но это начали не мы.

- Нет.

- Не вы заставляли Ивельенов предавать, интриговать, участвовать в заговорах. Вы просто в это попали. И были вынуждены выплывать, как из водоворота. Я же... это моя работа - бороться с такими. Почему я должен чувствовать себя виноватым?

- Потому что мы живы, а они нет. Потому что пострадали дети.

Пение закончилось. Ганц чуть стиснул кисть графини в дружеском пожатии, потом отпустил.

- Поговорим вечером.

Лиля кивнула и отправилась провожать Ивельенов в последний путь.

Джерисон отсутствовал, король прийти не мог, поэтому из близких на похоронах были она и Алисия. Они положили небольшие букетики из кипариса на каждый гроб, сотворили знак Альдоная, выслушали соболезнования, произнесенные без особого чувства.

Лиля откровенно не горевала, как и Алисия. Пришедшие сплетники понимали, что ничего не узнают. Ну и... какой смысл стараться?

Церемония шла чинно и мирно.

Чувство вины еще раз ударило по Лилиан при виде спокойного лица младшей девочки. И отступило.

- Дети - да. Они пострадали. И что?

Ганц удобно устроился в кресле у камина. Лиля и Алисия сидели тут же, в глубоких креслах с гобеленовой обивкой. Больше в комнате никого не было.

- Это дети. Они ни в чем не виноваты...

- Разве? - прищурился Ганц. - Это дети, да. Но это еще и законные наследники престола, в пользу которых и велась интрига. Думаете, если бы перед Джесом-младшим встал вопрос - Миранда или он, он бы решил его в пользу Миранды?

- Нечестный прием.

- Я говорю правду. Эти дети уже были отравлены призраком власти. Поверьте, это было для них наилучшим выходом.

- Смерть...

- Хорошо. Они остались живы. Что дальше?

- Вырастут, женятся...

- И рано или поздно их найдут эмиссары Авестера. И предложат так, что те не откажутся. Смута, разруха, война... скольких детей вы готовы принести в жертву, чтобы эти остались жить?

Лиля закрыла лицо руками.

- Это бесчеловечно, Ганц.

- А жизнь не всегда позволяет нам оставаться людьми. Иногда приходится замараться в такой грязи...

- Которая может пасть и на моих детей, и на ваших...

- А может и не пасть. Я выполнял свой долг. Вы тоже. И не стоит искать оправданий.

Лиля опустила глаза.

- Если хочешь знать, Амалия была моей дочерью. Но это не помешало ей заочно приговорить к смерти и тебя, и своего брата, и племянницу. - Алисия смотрела спокойно. - Или, думаешь, она бы меня пощадила?

- Она любила Эдмона.

- Я тоже любила Джайса. Но вокруг меня трупы не валяются. Есть черта, которую нельзя преступать, иначе огонь полыхнет и сожрет тебя саму. В первую очередь - тебя.

- Детей...

- Роман и Джейкоб живы. И если хочешь что-то сделать, чтобы не мучиться несуществующей виной, вырасти их людьми.

Лиля вздохнула. Ганц смотрел так, что она понимала - мужчина полностью согласен с Алисией.

- Я постараюсь.

- Вы справитесь, Лилиан. Вы обязательно справитесь.

- Но надеюсь, что не я буду сообщать обо всем этом супругу.

- Не волнуйся. - Ухмылка Алисии была откровенно гадючьей. - Найдется кому сообщить. Ой как найдется...

Эдоард медленно поправлялся. Лиля могла уже не ночевать возле его постели, чем и пользовалась, присылая ханганов.

Докторусы рвали и метали, но и сделать ничего не могли. Эдоард уверенно шел к созданию альтернативы гильдиям. Тем более что вылечили его таки Лилиан и Тахир, а не докторусы, предлагавшие то прочистительное, то промывательное... чтоб им только этим и лечиться до конца жизни!

Жизнь входила в свою колею.

Нет, где-то еще оставались недобитые заговорщики, но рано или поздно их возьмут. Или прибьют. Лоран Ивельен оказался очень запасливым, сохраняя компромат на каждого, кто участвовал в заговоре. Человек двадцать дворян, не крупнячки, но и не мелкая шушера. Герцог - одна штука. Несколько графов, бароны из тех, у кого ума и денег мало, а амбиций много.

Дворянство - сословие сложное. Пронизанное связями, отношениями, взаимозачетами и прочим не хуже иной грибницы. Пока в этих хитросплетениях разберешься - озвереешь. Лиля и не пыталась.

Зато Ганц, на правах королевского представителя, плавал в этом как рыба в воде.

Обнародовать заговор было нельзя. Только этого сейчас не хватало. К тому же пришлось бы обнародовать и права Ивельенов на трон, и прочее, нет уж.

Погибли в результате несчастного случая - туда и дорога.

А вот что делать с остальными?

Если казнить, ничего не объясняя, три десятка человек с хвостиком - начнется бунт. Однозначно.

Бросить в тюрьму?

Так вроде бы тоже... не пойман - не вор, то есть заговор.

Поэтому постепенно, потихоньку, полегоньку... Как объяснил Ганц – среди заговорщиков начнется мор. Несчастные случаи, болезни, кое-кого можно и в тюрьму, но уже по другим обвинениям. В отличие от Лили он не опасался, что заговорщики начнут выступление в открытую. Центром заговора были Ивельены. С законной королевской кровью. Именно на них строился план Авестера. Но Ивельенов уже нет. И что остается? Искать кого-то с сомнительными правами на трон? Но таких среди заговорщиков нет. А значит, даже если и сядут – не удержатся. Что сами отлично понимают. Для них самым лучшим выходом будет бегство. И им дадут это сделать – до определенного предела. Создадут иллюзию свободы, а потом на их след вступят убийцы. Механизм охоты давно отработан.

Рано или поздно, так или иначе – им не жить.

Лиля только рукой махнула. Туда и дорога. А ей надо было приходить в себя и готовиться к встрече с супругом. Эдоард обещал, что в обиду ее не даст, но...

Джерисон Иртон – ее законный супруг. И Лиля боялась. Безумно боялась. Ее успокаивали все. Август, Алисия, которая заметно оживлялась в присутствии корабеля, Миранда, которая твердила, что папа замечательный...

Верилось с трудом.

А встреча все приближалась...

Александр Фалион соскочил с лошади и бросил поводья слуге. Тот послушно повел коня в конюшню.

Мужчина оглядел дом.

М-да...

Как он был счастлив в свое время, приехав сюда с молодой женой. Как было чудесно, когда родилась дочь.

А что теперь?

Мечты разбиты в осколочки. Жена безумна. Та же болезнь может обнаружиться и у дочери. Его род обрывается... На чудо Фалион не особенно надеялся.

Но что же делать?

Для начала – вызвать сюда дочь и выдать ее замуж. Эта болезнь может и не передаться по наследству. Если повезет.

Потом обратиться к королю с прошением.

Жена, увы, полностью здорова физически и проживет еще долго.

Надо отдать Александру должное: он грустил и проклинал судьбу, но мысль накормить жену мышьяком ему в голову ни разу не пришла. Подлость была не в его характере. Да, интриги, но не против же беззащитных?! Против таких же игроков, когда когти к когтям, зубы к зубам – все законно.

А уничтожать по-подлому... увольте.

Мужчина вздохнул.

Что самое печальное – он может убить жену, завести новую, отравить и ее... а любимая женщина рядом с ним не будет. Никогда.

Лилиан Иртон – жена Джерисона Иртона. И ничего с этим не поделаешь. Разве что Джес сам от нее откажется. Но не такой он дурак. Зато бабник – именно такой. Увидит Лилиан – клещом в нее вцепится. Наверняка.

Не только приданое, но и красота, и ум, и... просто – какая женщина!

На развод или разъезд надеяться нечего. Так им король и позволит.

Был еще вариант с физическим устранением графа, но... а вдруг она его действительно любит? И Миранда...

Фалион встряхнул головой. Ну надо же! Рассуждает как нервная девица.

Нет уж! Надежды терять не следует. Лилиан Иртон видит в нем хорошего друга. А при удаче сможет и полюбить. Это плюс.

Джерисон же... вот посмотрим, как пройдет встреча с женой, а там и думать будем. Что, Александр, готов без боя отдать свою любовь другому мужчине и навсегда забыть?

Нет уж!

Даже если им не быть вместе, обижать Лилиан он никому не позволит. И обязательно будет рядом. А там... там посмотрим.

Глава 4

Торжественное прибытие, бытие, битье...

– Ваше величество, прибыло посольство из Уэльстера.

Эдоард, удобно сидевший в кресле, взглянул на Тахира.

– Отпустите меня встречать послов?

Тахир низко поклонился, скрывая в глазах ироничные искорки.

– Как я могу возражать, ваше величество? Кто я такой, чтобы спорить с вами?

– Лекарь, – вздохнул Эдоард.

За несколько дней он смирился с легкой тиранией медиков, присланных Лилиан Иртон. Все они твердо были уверены, что человека надо вылечить. А остальное – потом.

Вот вылечим – тогда ругайся, выгоняй, увольняй. Но только когда будешь здоров. А пока болеешь – слушайся. Про межреберную невралгию в этом мире и знали-то человек пять. Эдоард бы ругался, но... пока ему было действительно плохо – было не до того. Выздороветь бы.

А когда он пошел на поправку, то, как умный человек, понял, что лучше позволить лекарям выполнять их работу. Ему ведь все на благо, не во вред...

Тем более что ханганы были неизменно почтительны. Шипела и командовала только графиня Иртон. Но на нее тоже обижаться не получалось. Она заботилась.

Может быть, где-то неловко, забыв про этикет, не думая о последствиях... но ведь из лучших побуждений и к лучшему. Например, она так принялась ругаться, когда Эдоард хотел – стоило боли чуть схлынуть – вылезти из кровати, что пришлось лежать дальше. Причем все вежливо... «Ваше величество, выздоровеете – хоть палкой со двора прогоняйте! А пока дайте вас долечить! Или все опять собаке под хвост и начинай с нуля! Вам что, болеть понравилось?»

Будь Эдоард здоров, досталось бы графине на орехи. Но коварная боль вспыхивала то тут, то там... Нет уж, лучше пусть долечит. К тому же делами он таки занимался. Доклады можно и в постели принимать, диктовать – тоже, а канавы копать королю и не требуется. Физические усилия оставим, а разум... разум работал. Особенно когда Лилиан решила отказаться от обезболивающих, туманящих рассудок. Если королю и давали что-то такое, то очень маленькую дозу. И соображал он отлично.

– Ваше величество, если вы позволите... разумеется, вы можете встретить посольство, если потом разрешите заняться вашей болезнью более интенсивно.

Эдоард кивнул.

Опять растирания, опять порошки, ну да ладно. Полежит вечерок без дела. Зато придворным покажется, чтобы трепетали.

– И, с вашего позволения, я буду сопровождать вас...

– Куда? Доброго дня, ваше величество.

Графиню Иртон королевский камердинер пропускал без доклада. Проникся благодарностью за лечение. Старик был безраздельно предан Эдоарду и, видя, что графиня не просто стремится помочь, но и помогает, и ничего не требует, проникся к ней благодарностью. Лилиан была объявлена «настоящей дамой, не чета этим тупым свиристелкам» и получила беспрепятственный допуск к королю.

Эдоард, кстати, не возражал. К доводам камердинера добавлялся еще один. Как-никак – жена его старшего сына. Почти родственница...

А манеры... а что вы хотите от дочери корабела, купца, выросшей под присмотром одной

старой няньки... нос занавеской не вытирает – и то благо.

Тахир уважительно поклонился графине и быстро заговорил на ханганском. Король понял лишь несколько фраз.

Лиля прищурилась и кивнула.

– Ваше величество, разумеется, вам надо встретить посольство. Сильных обезболивающих давать не будем, но прошу вас потом заняться своим здоровьем.

Эдоард усмехнулся.

– Графиня, составите мне компанию?

– Ваше величество?

– Почему нет? Вы имеете полное право сопровождать меня.

– А...

– Репутация? Вы – жена моего племянника.

– А баронесса Ормт?

Эдоард фыркнул. Красотка пыталась пролезть к нему пару раз, но камердинеру был дан строгий наказ гнать в шею. Тут болячка на болячке, а эта... на что она способна?

Глазки состроить? Посидеть пострадать у кровати?

К Мальдонае!

– Заодно и баронесса поймет, что отставлена. Так как, графиня? Будете рядом с пациентом?

Лиля вздохнула. Эдоард, если отставить в сторону королевский титул, был симпатичным человеком. И напоминал ей леопарда. Милая пушистая киса... с когтями и зубами. Дашь пальчик – руку по плечо отжует.

– Ваше величество, а что я скажу мужу? Какие сплетни пойдут?

– Вашему мужу полезно немного пострадать за те беды, которые он обрушил на вашу голову. К тому же я сам с ним поговорю. Поверьте, вас не сочтут моей фавориткой...

– Повинуюсь вашей воле, ваше величество.

Эдоард весело и немного ехидно усмехнулся. С графией было легко. Да, она не знала многих вещей – и неудивительно. Сначала дом отца, потом глушь – там короли не водятся. Но в любой момент было видно, что его уважают. Как человека уважают. А ведь это важнее всего, разве нет?

Самодуром Эдоард в жизни не был.

Лиля тем временем оглядела свое платье и вздохнула.

– Ваше величество, я не одета для приема.

– Пустое, графиня. Вы отлично выглядите. А если вы так переживаете по этому поводу... – Эдоард коснулся колокольчика и, когда на пороге появился камердинер, попросил его принести графине Иртон золотистый жемчуг.

Лиля еще раз оглядела себя. Простое кремовое платье, украшенное кружевами, кружевные перчатки... Неплохо, но не шикарно.

Хотя, надев несколько нитей роскошного золотистого жемчуга и перевив подобными же волосы, Лиля чуть утешилась. Лицом в грязь ударить не хотелось...

Посольство Лиля не назвала бы великолепным. Тут Ханганат отвоевал себе первое место. Но впечатление они произвести старались.

Церемониймейстер утомил всех перечислением титулов и прочими завитушками, из которых Лилия поняла дай бог одну треть. Стоять за королевским тронном, изображая фаворитку и периодически нежно касаясь руки короля (щупая пульс, но кому это объяснишь?), было утомительно и скучно, и она принялась разглядывать посольство.

Так... десятка три разряженных в пух и прах людей, среди которых резко выделялись мужчина с небольшой короной на голове и молодая девушка.

Как всякая женщина, Лилия сначала посмотрела на мужчину. Его величество Гардвейг.

Ну... что можно о нем сказать? Симпатичный. Определенно умный, лет сорока, глаза живые, ясные, но с ногой явно что-то не то. Наступать на нее он боится, опирается на трость, да и лицо... такое выражение бывает у тех, кто старается сжиться с болью. Или справиться с ней. Раньше умру, чем подчинюсь!

Интересно, что с ним?

Но в молодости мужик был чертовски хорош. Он и сейчас высокий, светловолосый, синеглазый... Лев Уэльстера. Так его, кажется, называют?

Заслуженно. Даже сейчас при взгляде на него начинаешь облизываться. Эх, пропадай парад гормонов! Лет бы десять ему сбросить – и Лилия бы соблазнилась статусом королевской фаворитки. Хотя... привычка жениться у этого монарха неистребима.

Но красив.

Совсем другого типа девушка рядом с ним. Невысокая, темноволосая, темноглазая... Тоненькая диадема на голове, куча драгоценностей, пышное платье, грязная шея... а еще искренний невинный взгляд и рассеянная улыбка.

Мужчины таким обычно обманываются. А вот женщины... либо стараются казаться еще более невинными и трепетными, либо бесятся. Лилия относилась ко второй категории. Анелия предпочитала решать проблемы за счет папы-короля, Лилия – своим трудом. Похоже, контакта они не найдут.

А вот найдет ли его Лонс?.. Лилия искренне сомневалась, что эта жучка променяет статус принцессы и кучу брюликов на рай в шалаше. Не та девочка, не тот типаж.

Анелия, почувствовав ее взгляд, вскинула глаза. И Лилия едва успела опустить ресницы. Но и секунды хватило. Это был взгляд не принцессы. Спокойный, уверенный... Это был взгляд крысы, загнанной в угол. И готовой кусаться. Но почему этого никто не замечает?

Бедный Лонс...

Один из типов, прибывших с Гардвейгом, открыл рот и выдал на-гора ответную речовку, тоже минут на двадцать. Эдоард кивал, показывая, что он в восхищении.

Потом короли – опять-таки через придворных – обменялись грамотами, заверили друг друга в своем искреннем восхищении по пятому кругу. Эдоард пригласил Гардвейга на ужин в его честь и в честь прекрасной принцессы, озарившей своей невинной прелестью весь дворец (Лилия изо всех сил сдерживалась, чтобы не фыркнуть, хватит с нее одной государственной тайны), выразил надежду, что через пять дней они посетят традиционный бал-маскарад, и Гардвейг со свитой отбыл в отведенный под его резиденцию замок.

Эдоард приказал церемониймейстеру разогнать придворных – и без сил откинулся на троне. Лоб в поту, пульс частит... Лилия подозвала камердинера и с его помощью транспортировала короля обратно в кровать. Отлеживаться.

– Надеюсь, вы будете на балу, графиня?

Лилия кивнула. А куда деваться?

- Ваше величество, Миранда хотела навестить кузин. Принцессы не возражают.
- Пусть приходит. Я отдам распоряжение.

Спустя десять дней после морского боя корабли Эрика бросили якорь в гавани Лавери. И прибывшие направились во дворец.

С корабля на бал.

Бал?

Так прибыло посольство из Уэльстера. Лев Уэльстера во главе и при нем Анелия Уэльстерская. Естественно, Эдоард должен был дать бал в их честь. Ну и... вывернулись.

Каждый год, примерно в одно и то же время, давался бал-маскарад. К нему готовились за месяц, шили костюмы, интриговали насчет приглашений, подбирали пары, ну а в этом году король пригласил развлечься на балу уэльстерское посольство. И волки целы, и овцы сыты... Хотя кто здесь поймет эту шутку, кроме Лили?

Лонс рвался на бал, увидеть свою ненаглядную, Лиля подумала и решила, что стоит нарядиться под ханганскую даму, а Лонса нарядить под хангана... бороду прилепить, купив у цирюльников, - почему нет? К тому же ханганы тоже приглашены.

Принц Амир? Пожалуй, ему подойдет родовой наряд стража караванной тропы. Принц может надеть любой наряд, над ним никто не рискнет смеяться. А смотреться будет весьма экзотически.

Препятствия начались практически сразу. Ну не нашлось у ханганских дам одежды подходящего размера. И что тут будешь делать? Подгонять? А времени почти и не было. Марсия с подругами взвыли. Чтобы их графиня и отправилась на бал в повседневном платье? Никогда!!!

Лили выслушала их предложение и вздохнула. Классика вечна. Летучая мышь, говорите?

Черное платье у нее есть, черную бархатную маску сделать - минута, черный плащ... Да запросто! Подшить в него коротенькие реечки, почти лучинки, только чтобы форма была, обрезать края - и получится вполне приличное вампирское крыло.

Волосы оставить распущенными, но обильно перевить черными лентами и нитями черного жемчуга, подаренного Августом.

Отлично!

Плащ девочки переделали за три часа и даже расшили гагатовыми бусинами. Платье есть, украшения Эдоард распорядился на бал не надевать, но держать при себе, в кошельке у пояса, чтобы предъявить на входе.

Лонса переделали в хангана без особых усилий. Черная борода придавала ему такой устрашающий вид, что Лили едва сама не шарахнулась. И еще раз постаралась напомнить ему:

- Не смей говорить своей любимой, где ты живешь, у кого служишь... только если она согласится бежать с тобой немедленно - разрешаю. Ты понял?

Лонс покивал. Но уверенности у Лили не было.

Амир, напротив, сильно расстроился, что нельзя взять с собой Миранду. Лили сдвинула брови и решительно утащила парня в свой кабинет.

- Ты что творишь? Во что Миранду втягиваешь? Она же малявка совсем!

- Почему? - не понял Амир. - В этом возрасте уже заключают помолвки. А еще лет через пять вы ее можете отправлять жить к супругу. Она уже взрослая...

Лили сдвинула брови:

- Не ты ли претендуешь?
- А хоть бы и я! - не растерялся ханган. - Я это давно обдумываю.
- Насколько давно?
- Еще когда начал выздоравливать в Иртоне. Миранда красива, умна, с ней не скучно...
- И ты запрешь ее в гареме, куда никому нет доступа?
- Не знаю пока... постараюсь это изменить.
- А если не изменишь? Миранда воспитана иначе...
- Но ведь и у ваших женщин не так много свободы. Дом, выезды к знакомым...
- Вы разной веры!
- И что? Женщина может быть любой веры. А нам разрешено жениться на женщинах из иных стран.
- Миранда тебя не любит.
- Это дело времени.

Лиля прищурилась:

- Что еще скажет мой супруг...
- Можно подумать, вы его часто спрашиваете. - Амир тоже решил не церемониться и резал правду-матку. - Миранда - ваша дочь.
- Его. Я ей мачеха.
- Не важно. Я - очень выгодная партия. Если что, я могу даже жениться по вашему обычаю. Почему нет?

Лиля вздохнула:

- Амир, она ребенок.
- Ненадолго. Дети растут.

Тьфу!

Проторговавшись два часа, сошлись на следующем. Перво-наперво спросить Миранду. И только если она не против - заключить предварительный договор. Договор заключили - и забыли лет на десять. Раньше шестнадцати Лиля ребенка никуда не отпустит, разве что в гости.

Ну а в пятнадцать (Лиля говорила о семнадцати, но Амир настоял на своем) заключается брак. Его вступление в полную силу будет зависеть от состояния невесты. И - тут уже Лиля уперлась - если Миранда захочет пользоваться противозачаточными средствами (принц покраснел, но поди поспорь), никто ей мешать не будет. Еще не хватало, каждый год по ребенку, в тридцать - уже старуха! Пусть сама выбирает, когда рожать и сколько. А то вот один супругу в могилу родами свел, потом Тадж-Махал отгрохал, но ей-то не пофиг, где лежать?

Любовь любовью, но мозги тоже иметь надо!

Сам Амир был весьма доволен. Даже если нельзя иметь четырех жен - почему бы мужчине не завести наложниц? А наследником может быть любой сын, лишь бы умный и сильный был.

Зато Миранда - выгодная партия. Уже сейчас она много знает и умеет, а Амиру и в Ханганате пригодится женщина, которая может плести кружева, знает, как лить прозрачное и гладкое стекло, умеет лечить людей, плюс Миранда - родственница

короля, что тоже ценно, не с помойки берем...

Лиля это тоже понимала. Но как тут сопротивляться? Амира она знает, юноша умный, порядочный, ненамного старше Миранды. И король возражать не будет, и ребенок пока с ней поживет. А вот кого бы там для дочери граф Иртон присмотрел?

А хвост его знает! Мы не можем ждать милостей от Джерисона Иртона, мы можем их взять сами!

Да и случись что с Лилей – Миранда отправится к жениху. Ее тронуть побоятся. Ханганат хоть и не Уэльстер, но жизнь попортить может ощутимо. Просто раньше им это не надо было. А сейчас, когда начали налаживаться контакты...

– Мам, ты нервничаешь?

Миранда. Подошла тихонько, погладила по лицу – Лилия сидела в кресле, и ребенок мог дотянуться.

– Переживаю, малышка.

– Из-за чего? Потому что папа еще не вернулся?

– И это тоже. А еще... из-за тебя.

– Почему? – Синие глазенки были удивленными.

– Потому что к тебе посватался принц Амир.

– Амир? Ко мне?

– Ну да. Он предложил, что ты будешь его невестой, а потом, лет в пятнадцать, выйдешь замуж. Или чуть позже, лет в семнадцать...

Мири задумалась.

– И я уеду в Ханганат?

– Боюсь, что да. Ты сможешь приезжать сюда, но ненадолго.

– А ты со мной поедешь?

Лиля взъерошила непослушную челку девочки.

– Малышка, в этом возрасте я уже буду тебе не нужна. Я буду вязать пинетки и чепчики для твоих детей и передавать их тебе с оказией. Ну и приезжать иногда...

– Мне без тебя будет плохо.

– Мне тоже.

– Мам, а никак нельзя отвертеться?

Лиля вздохнула.

– Только один выход.

– Какой?

– Согласиться сейчас, чтобы тебя не выдали замуж за кого-то другого. А потом посмотрим, когда ты повзрослеешь. Амир умный юноша, если ты влюбишься в другого, он тебя отпустит.

– Ты думаешь?

– Король заинтересован в этом браке.

Миранда совсем не по-детски вздохнула.

- Тогда спорить нельзя. Мама, я боюсь...

- Чего, маленькая?

Миранда забралась к Лиле на колени, прижалась покрепче...

- Что у меня будет так же, как у тебя. Вы же с папой друг друга не любите...

- Почему ты так решила?

- Ма-ам...

Голос был почти страдальческим. Ну да. Взрослый ребенок, в этом мире дети рано взрослеют.

- Ладно. Ты права. Но у тебя так не будет.

- Правда?

- Да. Я твоего папу до свадьбы и не видела ни разу. А у тебя так не будет, обещаю.

Мири прижалась к матери.

- Честное графинское?

- Честное графинское...

- Мам, а давай в нарды сыграем?

Разумеется, Миранда согласилась на брак. А кто бы отказался в ее возрасте.

У Лили было большое желание надавать его высочеству оплеух, но пришлось промолчать. Потом жизнь все расставит на свои места.

Ладно. Впереди бал.

Джес рвался в свой городской дом, но Рик не пустил его.

- Подожди. Давай сначала к королю, а потом начнешь искать свою супругу. Глупо ведь выглядеть будешь.

Насчет того, как он будет выглядеть, Джес мог поспорить. Но лучше и правда сначала все узнать, потом уже действовать.

Во дворце было шумно и оживленно. Но принца не то что пропустили – сопроводили под руки. Вместе с графом. Вирмане отправились ждать в караулку – мол, пошлют за ними, тогда и... Не любит их король, что тут поделывать?

Рик прямиком отправился к отцу.

Эдоард сидел в своем кабинете. Чуть побледневший, чуть похудевший, но такой... родной. Ей-ей, надо уехать, чтобы понять, насколько тебе дороги близкие люди! И насколько тебе плохо без них!

Рик не удержался и обнял отца. И почувствовал, что руки Эдоарда чуть дрожат.

- Сынок...

Второе крепкое объятие досталось Джерисону.

- Ну рассказывайте. Все ли в порядке?

Да уж куда там...

Эдоард только головой покачал, когда узнал, как пригодились вирмане. Спасли всех, кого смогли, сражались как львы, кое-кто там и полег...

- Надо будет им награду выдать. Зря я на них злился.

Рик предложил обеспечить вирман кораблями с верфи Брокленда. Эдоард пожал плечами – мол, Август и так чего-то там усовершенствовал. Но мы можем оплатить им несколько кораблей классом повыше. Это вполне достойно.

Рик принялся расспрашивать про заговор, однако Эдоард удовлетворил его любопытство ровно настолько, насколько счел нужным. Рика его величество намеревался посвятить в это дело полностью, но позже. А вот Джесу подробности знать незачем. Здоровее будет. И он, и его жена, как-никак она имеет отношение к этой истории.

Заговор? Был. Еще какой. Авестерцы устроили. Нашли где-то фальшивого сына Эдмона и хотели посадить его на трон.

От кого сын? Да от какой-то дворцовой служанки, придумали, что у них была неземная любовь, жить друг без друга не могли, нашли мифического пастора, якобы венчавшего их, – и решили, что все поверят. Заговор, конечно, раскрыли, но при этом не обошлось без жертв. Погибли Ивельены. Почти все. Подозреваем покушение, выданное за несчастный случай, работаем, ищем виновных.

- Да, нам тоже горько и тоскливо, – вздохнул Эдоард. – А что делать? Только отомстить заговорщикам за бедную девочку. И за ее семью тоже. Хотя и не любил я Ивельенов. Но довольно об этом. Сегодня у нас ежегодный бал-маскарад. Надеюсь, вы придете оба.

- Мы только приехали...

- Придворные портные вам помогут. А тебе, Джес, тем более надо быть.

- Зачем? Ваше величество, смилуйтесь! Я с корабля, устал, домой хочу хоть ненадолго...

- Затем, что здесь будет твоя жена.

- Моя жена?! Но...

- Ты еще не понял, что она имеет мало общего с образом розовой коровы? Лилиан Иртон – милая и умная женщина. Поэтому мой тебе совет: погляди на нее сначала издали. Я скажу тебе, кем она нарядится. А потом уж явишься домой. И... я хочу поговорить с тобой наедине. Сейчас. Рик, прогуляйся пока к придворным портным, пусть тебе что-нибудь подберут.

- Я лучше у вирман одеждой разживусь. В знак примирения.

Эдоард кивнул:

- Молодец, сын. А вы, граф Иртон, пожалуйста, оставайтесь.

Рик подмигнул приятелю и вышел. Джес ссутулился в кресле. Но Эдоард не стал его распекать, лишь вздохнул устало.

- Да хватит уж... я ведь не дурак. Что ты хочешь мне сказать? Что поведение твоей жены в Иртоне решительно отличается от ее поведения сейчас? Характер, манеры, вкусы...

Джес кивнул. И это – тоже. И не только это. Но...

- Ваше величество, может, я сначала вас послушаю? А то чувствую – все не в лад...

- Послушай, я ведь с твоим отцом всю жизнь дружил, тебя с колыбели помню. Ты мальчик неглупый. И сейчас наверняка злишься на свою супругу.

Джес пожал плечами.

- Сейчас? Нет, сейчас уже нет. Вот раньше – было. А сейчас... перегорел.

- Хорошо, что перегорел. Потому что я тебе так скажу. Этот брак мне нужен. Лилиан – умная женщина. Я собираюсь дать ей титул, так что второй твой сын будет носить титул барона Брокленда. Или третий – кому таланты деда передадутся. Лилиан просила. Если я пожалую ей дворянство – а я пожалую, Брокленд становится наследным дворянством.

- Лилиан - дворянство?

Эдоард коснулся роскошного кружевного манжета.

- А ты, племянник, не удивляйся. Были уже такие случаи в истории. И готов поклясться чем угодно - тогда мужья этих дам так же походили на раков. Большими выпученными глазами... А дальше у тебя два варианта. Или развод, но тут я поддержу твою жену, она мне нужна. Или ты слегка обуздаешь свою гордость. Скажи честно: гулял от жены?

Джес даже и глаз не потупил. Ну было.

- Украшения ее дарил любовницам?

- Э-э-э...

- Тебе Август отдал ее украшения, ты что с ними сделал?

- Не помню. Но я ей отдал все украшения Иртонов...

- А пару ее колец подарил своей любовнице. Август выкупил, в том числе кольцо, принадлежавшее матери Лилиан, и пришел в бешенство. Едва успокоили.

Джес присвистнул. Августа мог понять, оскорбление нешуточное. Хоть он и не со зла... но разве докажешь?

Дверь скрипнула.

- Ваше величество...

- Входите, графиня.

Увидев Алисию Иртон, Джес напрягся. Это что же, ее специально пригласили? Или она сама пришла? Что это значит?

Алисия поклонилась королю, дождалась разрешающего кивка и подошла к креслу, в котором сидел Джес.

- Сынок... рада тебя видеть невредимым.

- Матушка.

Джес выполнил весь придворный ритуал приветствия, не заметив в глазах Алисии особой теплоты.

- Как прошла поездка?

- Если бы не вирмане, лежать бы мне на дне и кормить рыб. Да и Рикку тоже, - признался Джес. - Кто ж знал, что Шальзе...

- Никто не знал. И Амалия тоже. Это был серьезный заговор, который ставил целью уничтожить всех связанных со мной и посадить на престол Тайреса.

- Графа?!

- Не просто графа. Он в родстве с королевской семьей, а еще он тесно связан с Авестером, - заметил Эдоард, выдавая Джесу одного из самых знатных «заговорившихся».

- Но этого же мало!

- Если бы никого другого не осталось, сам понимаешь.

Джес понимал.

- И что теперь с ним?

- Посмотрим. Они начали с Ивельенов. Потом были на очереди ты и Рик. А потом - я. Меня можно было заставить подписать отречение, ну и женить негодяя на одной

из девочек.

Джес сжал кулаки.

– Дядя... а почему начали с Амалии?

– Потому что у Ивельенов больше прав на престол, чем у каких-то Тайресов, сам понимаешь. А еще потому, что ты – друг Рика, а Амалия твоя сестра. Начнись вся эта свистопляска, Питер бы поднял восстание, поэтому заранее устранили самых сильных. Например, Ивельенов, Лемарглов...

Насчет Лемарглов Эдоард лукавил. Им несчастный случай устроила уже его тайная служба. А именно запалили дом с четырех сторон, проследив, чтобы никто не выбрался. Официальная причина пожара – неосторожное обращение с огнем. А нечего вот в заговоры лезть. Да и Ивельены тоже... но Джерисону лучше было этого не знать.

– Твари...

– Именно. Кстати, и меня могли отравить. Скажи спасибо своей супруге.

– Как?!

– Тахир Джааман дин Дашшар. Тебе это имя о чем-то говорит?

– Докторус из Ханганата...

– Абсолютно верно. Когда я заболел, твоя супруга притащила его во дворец, дневала у меня и ночевала, сама горшок выносила...

Судя по глазам Джеса – ему уже просто было плохо от таких новостей.

– Да-да, не удивляйся. Лилиан вовсе не такая, какой ты ее описывал, и я искренне удивлен, что ты в ней не разобрался. Вот и твоя мать может подтвердить...

Алисия улыбнулась.

– Лилиан – женщина, которую я с радостью зову своей невесткой.

Джес подумал, что это не самая лучшая характеристика.

– Она умна, красива, обожает Миранду – тебе мало?

Много. И даже слишком.

– Какие у тебя намерения в отношении жены? – Это уже его величество. Смотрит внимательно. И вот тут надо побережться.

Джес развел руками.

– Сейчас и сам не знаю. Вот честно: сначала хотелось голову ей оторвать. Потом – запереть в Ирhone. Потом – сначала поговорить, а следом все перечисленное. Сейчас мне хочется сначала поговорить, а потом уж решать.

– Слышу речь не мальчика, но мужа. И о чем говорить собираетесь?

Джес чуть воспрянул духом.

– Первым делом расспрошу, как она жила без меня. Похвалю за Миранду. Подарю подарки... Я тут такое нашел!..

– Что же такого ты нашел? – не удержалась от любопытства Алисия. – Простите, ваше величество.

– Нет-нет, графиня. Кто еще может посоветовать подарок для женщины, как не другая женщина.

– К счастью, наши вещи удалось снять с корабля, – сказал Джес. – Да, полагаю, вирмане прихватили многое с кораблей Шальзе...

- И не жалко. За ваши жизни я бы и больше отдал, - отмахнулся Эдоард. - И так?
- Набор столовых приборов. Поскольку Лилиан любит поесть, - принялся отчитываться Джес.

Уголки губ Алисии чуть дернулись.

- Столовые приборы? Как интересно... Они сделаны в Ивернее или Уэльстере?
- Нет, это мастер Лейтц. - Джес пожал плечами. - Вроде бы как даже ативернский.

Эдоард кивнул.

- И это все?
- Нет, конечно. Еще я купил ей серьги с янтарем. Работы того же мастера. У них весьма интересная застежка...

- Очень хорошо. - Глаза Эдоарда подозрительно блеснули, но Джес не принял это на свой счет.

- И уже непосредственно перед отъездом из Ивернеи я купил кое-что еще... Зеркало!

- Зеркало? - повторила Алисия.

- Да. Стекло. Оно, правда, не слишком большое, всего с ладонь, но в нем все так видно! В металлическом так себя никогда не увидишь! И оправка роскошная! Лилиан обязательно понравится.

- Безусловно. - Голос Алисии слегка дрогнул. - А чье производство?

- Не знаю, но там есть клеймо. Красный крест.

Алисия вцепилась в веер так, что безделушка чуть не хрустнула.

- Столовые приборы, серьги, зеркало...

- И кружевная накидка, - добавил Джес. - Ее я, правда, купил уже в Альтвере, точнее, перекупил, но женщинам нравит...

- Безусловно, - согласилась Алисия. - В-ваше величество?

Эдоард покачал головой.

- Джес, ты неподражаем. Значит, новинки, все самое модное и дорогое, да?

Граф недоуменно моргнул. И что такого? Да, модное, да, дорогое, сколько одна накидка стоит - подумать страшно!

- А что...

- А то, племянничек, - ядом в голосе короля можно было полдвора перетравить, - что мастер Лейтц работает на твою супругу. И все делает по ее эскизам и предложениям. Кроме кружева. Его плетут несколько кружевниц, которые также работают на графиню Иртон.

- И зеркала, - почти всхлипнула Алисия. - Их тоже Лилиан смогла сделать.

Удар по голове? Вот его Джес и ощутил в полной мере.

- Н-но...

- Да, сынок. Твоя супруга. - Алисия уже более-менее взяла себя в руки. - И она передает все эти секреты государству.

- Не безвозмездно. Но по сравнению с предполагаемой выгодой - это медяки, - усмехнулся Эдоард. - Кстати, о медяках. Где ее девичья доля?

- Э-э-э... - искренне растерялся Джес. - Я ей посылал деньги в Иртон. Тратить их там, конечно, некуда, но все же... можете проверить!

- А управляющий воровал. Теперь понятно, откуда у него такие суммы. Ладно. В этом ты не виноват. Идем дальше. У Лилиан к тебе особых претензий нет. Ее опаивали, ей было плохо... Не разобрался? А кто б тут разобрался, когда докторус врет в глаза...

- Нашли, кто его нанял?

- Ты думаешь, покушались только на Амалию? - Горло у Эдоарда перехватило. Говорить о дочери до сих пор было больно. - Все те же, все там же... кстати, твои знакомые, Йерби.

- Твари!

- Сам виноват. Надо бы тщательнее приглядываться к тем, кого на работу берешь, а ты - с глаз долой, из сердца вон. Джес, ты с Августом вел дела?

- Было такое.

- Вот и посмотри на него. Умница, профессионал.

- Разве что слишком со своими мастерскими носитя.

- А ты привыкай. Лилиан - такая же. Если кто ее людей тронет - стеной встает.

Джес помотал головой. Вот уж во что верилось с трудом.

- Истерики закатывает?

- Я же тебе говорил: ее опоили.

Граф Иртон тяжело вздохнул.

- Что вы от меня хотите?

- Значит, так. - Эдоард смотрел жестко и холодно. - Сегодня на балу присмотришь к своей жене, а завтра-послезавтра я устрою вам встречу. Поговоришь, подумаешь... Мне кажется, что она тебе понравится. Если поведешь себя по-умному - я вам помогу. А по-глупому...

- Видел бы ты, как придворные взглядами ее облизывают, - усмехнулась Алисия.

Джес не видел. Но внутри что-то дернулось. Его жену? Вот еще не хватало!

- Сейчас Ричард вернется, пойдешь к придворным портным. Потом поспишь пару часов до бала - и действуй. Столько женщин по тебе вздыхают, неужели свою жену не обаяешь?

В этом Джес не сомневался.

- И еще... на-ка вот, посиди почитай на досуге. - Эдоард вытащил из ящика стола и поставил на стол большую шкатулку. Положил на ее крышку маленький ключик. - Здесь протоколы допросов. Приятного чтения.

О том, что они были слегка фальсифицированы, чтобы произвести нужное впечатление, Джесу знать не стоило. Пусть изучает и проникается всей глубиной трагедии.

- И вот это заодно. - На стол легло еще несколько свитков. - Твоя жена, как ты понимаешь, попала под мой надзор достаточно давно. Вот и полюбопытствуй, чем она без тебя занималась.

- А...

- А обо всем остальном потом поговорим.

- С вашего позволения, ваше величество, я тоже откланяюсь? - Алисия присела

в реверансе и, дождавшись милостивой улыбки и кивка короля, направилась к двери.

Джес неловко встал из кресла, поклонился, сгреб со стола шкатулку и направился вслед за матерью. Эдоард покачал головой, глядя ему вслед.

Балбес, хоть и сын родной. Не в отца пошел.

Рик вошел в кабинет отца не без робости, но Эдоард смотрел тепло, и его высочество перевел дух. Значит, разноса точно не будет.

- Ну садись, рассказывай.

- Да вроде и не о чем, - развел руками Рик.

- Анелия или Лидия?

- Анелия.

- Уже неплохо.

- Так ведь ты ее и хотел, разве нет?

- Именно ее, - не стал отрицать Эдоард. - С Гардвейгом нам дружить надо.

- Значит, будем. А что это за история с заговором?

- Догадался, что все не так просто?

- Понял. Но ты не хочешь, чтобы об этом знал Джерисон?

Эдоард кивнул:

- И ты ему никогда не скажешь.

- Почему?

- Потому что у Эдмона был ребенок не от служанки. А от Амалии.

Рик выругался и задумался.

- Вот-вот.

- Тогда все становится на место. И поэтому дядя Джайс его отравил?

- Именно поэтому. Дочь, любимая и родная...

Рик задумался.

- А кто, что...

Эдоард выставил на стол вторую шкатулку. Уже чуть поменьше, но со специальной печатью, означающей «Только для королевского взора».

- Здесь протоколы. Они будут храниться сначала у меня, а потом у тебя. И, Джес, сам понимаешь...

- Для него это будет страшный удар.

- Не будет. Потому что этого - не было. Никогда.

- Как прикажешь.

- Прочитаешь - сам поймешь.

- Хорошо. Сегодня займусь. А что с женой Джеса? Тут тоже все не так просто?

- Любопытство заело? – усмехнулся Эдоард.

- Не то слово. Сам понимаешь, мы в чужой стране, письма просматриваются, раскрывать наши внутренние дела тоже не с руки, толком ничего не узнаешь, а слухи ходят страшные! Графиня то вирман нанимает, то ханганов, то...

- Слухи не сильно врани.

- Так что же все-таки произошло? Интересно же.

- Бумаги на эту тему у Джеса. Потом возьмешь посмотришь. Все не настолько страшно. Жила-была девочка, Лилиан Брокленд. Жила в глуши, в своем доме, общалась только с отцом, человеком незаурядным, но своеобразным. Вышла она замуж. В первую ночь волновалась, потом в шоке была, а потом муж ее в глушь отослал, даже не приглядевшись. Лилиан с себя вины не снимает, говорит, что могла бы... но что она могла? Джес ведь ее и видеть не желал.

- Было такое.

- Вот. А там ее и опаивать начали. Когда она потеряла ребенка – была на грани смерти. Опаивать ее перестали, думали, что умрет, но благодаря заботе служанки она пришла в себя. А умная женщина... да еще с характером, да если она умирать не желает – это серьезно.

Рик тряхнул головой.

- Железная госпожа?

- О нет. Лилиан очень милая и обаятельная женщина. Но есть в ней... нечто. Она мила, она любезна, она многое знает, но... это как надрыв.

- Не понимаю.

- Она не желает править. Ей даром власть не нужна. И деньги она на себя не тратит. Любая женщина, получая столько, сколько она, накопила бы себе нарядов, побрякушек... эта – нет. Она обучает за свой счет детей бедноты. Кормит их, одевает, содержит на всем готовом, чтобы, как она выразилась, эти дети не пополнили городское дно, а стали верными слугами короны.

- Ради короны?

- В том-то и дело, что ради детей.

Ричард покачал головой:

- Странно как-то.

- И мне было странно. А потом я разобрался. Она ведь третье поколение. Отец Августа был отличным военным, он сам корабел от Альдоная, ну а его дочь и того интереснее – кровь не спрячешь.

- Может быть... а ее не могли подменить?

- Нет. Она все время была на глазах у слуг, да и кто?

- Сосед, еще кто-то...

- Отец ее опознал.

Рик пожал плечами.

- Как сказка. Сидел человек на лавке пятьдесят лет, а потом взял меч и пошел врагов крошить.

- Жизнь интереснее сказки бывает.

- Это верно. А с Джесом что?

Взгляд Эдоарда похолодел.

– Дай ему понять, что я им не слишком доволен. Если он поссорится с женой, пусть пеняет на себя.

– А если полезет в бутылку?

– Пусть в ней и остается. Иди, посиди, почитай, подумай.

Рик ушел. Спустя два часа он вернул документы отцу и отправился в покои Джеса.

Граф Иртон пребывал в ступоре. Шкатулка с пергаменами была открыта. Их явно читали, выдергивали, кое-как засовывали обратно, пара свитков упала на пол... Рик посмотрел на эту картину и принялся разливать вино.

Джес выпил кубок вина, как воду. Синие глаза были тоскливыми.

– Рик, я болван?

– Нет.

– А чувствую себя именно так. Столько всего не заметить... с ума сойти!

– И что ты теперь делать будешь?

– Пойду на маскарад.

– А с женой?

– Не знаю. Слушай, ты мне свитки не продашь, которые в Ивернее купил? Хотя бы часть?

– Зачем? Ты ж ей подарков накупил...

Кубок полетел в угол.

– Накупил?! Подарков?! Да она их сама и делает!

– Как?!

– Ну не делает, она за этим стоит. Столовые приборы – ее изобретение. И входит ведь в моду! Десятками заказывают. Как же! Благородные господа не должны есть руками, да и манжеты заляпать легко, и платье, а тут все аккуратно, красиво! Зеркало? Опять ее! Ювелиры из эвиров вокруг нее на цыпочках ходят! В свите графини три кружевницы, у них еще десятка два учениц...

Рик от души фыркнул.

– Короче, ты попал. Продам. Думаешь, оценит?

– Хоть что-то будет, – буркнул Джес.

– А с купленным что делать будешь?

– Миранде отдам.

– И то дело.

– Рик, я себя чувствую идиотом. Управляющий собирался продать мою жену в рабство, сосед собирался похитить мою дочь, Йерби собирались вообще и меня на тот свет отправить... шикарно!

– Сам гадючник развел!

– Можно подумать, я во всем виноват, – окрысился Джес. – Сам знаешь, как дело было. Сначала отец умер, я с его делами замотался, потом верфи, потом посольство...

- Держал бы жену в столице...

Джес так сверкнул глазами, что Рик решил умолкнуть. Принцев посылать по матери не принято, но ведь могут же.

- Короче, я кругом виноват! А эта... пресветлая Лилиан! Не женщина, а невесть что! Везде успела! Врагов выловила, воров казнила, дочь воспитала, производство наладила... Рик, это вообще в человеческих силах?

- Если человек это сделал - значит, да.

- Человек ли...

- А кто еще?

- Знаешь, судя по объему, тут без Альдоная не обошлось. Или без Мальдонаи.

- Джес, вернись на землю. Август что, сумасшедший?

- А он тут при чем?

- Твоя жена - его дочь. А кровь себя всегда проявит.

- К-кровь... корова клятая!!!

- Что, опять она у тебя виновата?!

- Да не виновата, но, Рик... Ну слов у меня нет! За ней точно никто не стоит?

- Ты сам отчеты читал. И как?

- Монахини веселее живут. Дом - работа, дом - работа... Работа, Рик!!! Женщина - работает! Может, она все-таки шильда?

- А может, нет? - огрызнулся Рик, которого Джес в конце концов вывел из себя. - Сам подумай! Шильды одержимы похотью и мужчинами. Работой, друг мой, они не одержимы! Ни разу! Вертикальных зрачков у твоей супруги нет, голой она не бегает, к мужчинам не прикасается, ну разве что в танце. Ну так? Скорее это тебя можно заподозрить, судя по твоему кобеляжу.

Джес все-таки послал его высочество куда подальше.

- Что, не нравится? - ухмыльнулся Рик. - Ты б на жену молился. Судя по письмам, которые она тебе писала, она не в обиде. И мир может наладить, если ты все не порушишь. А если не справишься - не обессудь.

Джес слишком давно находился при дворе, чтобы не обратить внимания на последние слова.

- Тебе король сказал?

Рик и не подумал отрицать.

- Да. Поэтому трижды подумай, прежде чем что-то делать.

- А я и подумаю. Пойду на бал, послушаю, что о моей жене говорят, а там и решу, - внезапно развеселился Джес. - Я так понимаю, первая встреча у нас будет при короле?

- Правильно понимаешь. Отец тебя хорошо знает.

- Тогда тем более... сейчас подыщу, что надеть, - и на маскарад.

Рик внимательно посмотрел на друга.

- Тебя одного-то оставить можно?

- Можно, можно. Иди, сам готовься.

Рик пожал плечами и пошел. Готовиться.

Оставшись один, Джес нервно допил вино из кубка друга.

Итак, выбор прост. Либо он налаживает отношения с женой – либо налаживает отношения с соседями и разбойниками на границе у Мальдонаи в... неприличном месте.

Чем хорошо второе?

Сохранением своей гордости. Наверное. Зная короля, можно не сомневаться – он его и там достанет.

Чем хорошо первое?

Прогнаться перед женой придется. Но, судя по ее письмам, много она не потребует. А в остальном... Он молод, красив, умен, что, он свою жену не обаяет?

Да запросто. А если за ней кто-то стоит, его надо будет просто найти и прикончить. И самому управлять этой коровой. Почему нет?

Ну не верил, не верил Джес в деловые способности своей жены, даже несмотря на все прочитанное. Но и на рожон лезть не хотел. Незачем.

Ладно. Надо выбрать, что надеть.

– Папа!!!

Джес обернулся, подхватил на руки маленький снаряд, пролетевший по комнате и с диким визгом повисший у него на шее.

– Миранда!!!

– Папочка!!!

Миранда была с визитом у принцесс. Девочки вместе записывали истории про барона Холмса. Но случайно услышала, как служанки шушукались, что вернулся принц. А если принц, то и... папа? Вот Мири и решила навеститься в дворцовые покои отца.

– Папа, я так рада!!!

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем ребенок соизволил слезть с отцовской шеи.

Джерисон пригляделся к ней – и не узнал своей дочери. Он оставлял бледную и робкую малышку. А сейчас перед ним стояла девочка с загорелым лицом, черные волосы заплетены в сложную косу и перевиты шитой золотом и жемчугом лентой, на губах улыбка...

Невысокий рост не мешал Мири держаться с королевским достоинством. Странная одежда – синяя юбка, синий жилет, расшитый бисером, белая рубашка с дорогим кружевным воротником. Широкий пояс украшен красивыми ножнами... Нож? У его девочки?

За Мирандой неотступно следовала здоровущая серая собака. Явно вирманская сторожевая. В ответ на его пристальный взгляд песик оскалился и зарычал, показывая немаленькие зубки.

– Ляля, свой!

Псина легла, показывая всем видом, что никакой это не свой, но, если уж хозяйке угодно, она пока потерпит.

– Ты стала такой взрослой, девочка моя!

– Ага, Лиля тоже так говорит. Пап, а это – Ляля.

- Ляля?

Имя, по мнению Джеса, не слишком подходило здоровущей серой зверюге. Вот Живодерка или Кошмар было бы намного удачнее.

- Ага. Мне ее Лиля подарила! Красавица, правда?

- Лилия?

- Ну мама!!!

- Мама?! - Джес не ожидал, что его ребенок станет называть матерью постороннюю женщину.

- Твоя жена, Лилиан, моя мама.

- Миранда, а ты помнишь, что она тебе не родная? - осторожно уточнил Джес.

Девочка фыркнула.

- Не та мать, что родила, а та, что вырастила. Я первую маму и не помню. А Лилия хорошая. И мы по тебе скучали.

- Я тоже. Мири, я тебе подарки привез...

Мири радостно взвизгнула и ринулась к сундуку, на который указал отец. Минут через пять она сообщила:

- Пап, а мы все это делаем! Ты знаешь?

- Знаю. Тебе это не нужно?

- Пригодится в хозяйстве. Или в приданое пойдет.

Джес чуть не поперхнулся.

- Папа, ты на бал пойдешь?

- Пойду. А мама?

- Тоже пойдет. Я точно знаю. Только пока не знаю в чем. Она костюм не готовила, хотела у ханганов что-нибудь взять...

Джес кивнул.

- А как я выгляжу, малышка?

Мири присмотрелась. Обошла вокруг отца. И поморщилась:

- Папа, от тебя пахнет.

Джес недоуменно втянул носом воздух. Да, наверное... путешествовал же на палубе вирманского корабля, да и переодеться не во что было. Но не так уж и сильно от него пахнет.

- А...

- Папа, мыться надо хотя бы раз в день. Каждый день. А одежду стирать почаще, - выдал ребенок. - Ты меня не испачкал? - Миранда осмотрела себя. - Вроде нет. А то Марсия ворчать будет.

- Марсия?

- Наша портниха. Она вечно ругается, если я в новых нарядах куда-то влезу.

Интересно, кто это позволяет себе ругать виконтессу?

- Тебя? Кто она и кто ты?

Миранда сдвинула брови.

- Она - человек. Который тяжело трудился, чтобы сшить для меня одежду. А я ее порвала или испачкала... разве это хорошо?

- И что? Ты виконтесса...

- Виконтесса - не значит свинья, - отрезал любимый ребенок, нокаутируя папочку.

- Я только что с корабля.

Миранда задумалась ненадолго.

- Я могу попросить слуг, чтобы они принесли тебе ванну и чистую одежду.

- Одежда у меня здесь есть.

- Но не на грязное же тело ее надевать? Ты посиди отдохни, а я пока распоряжусь.

Джес кивнул. Миранда вылетела за дверь. Благородный граф почти упал в кресло и перевел дух.

Нет, кто тут сошел с ума?

Он, Миранда, мир?

Минут через пятнадцать в дверь постучали, и несколько лакеев вкатили в комнату большую бочку. Установили и принялись таскать воду.

Когда бочка-ванна была наполнена, на смену мужчинам явились две служанки, которые, хихикая, помогли благородному графу раздеться, утрамбоваться в ванну - и принялись его тереть. С шуточками, скользя шаловливыми пальчиками там, где не надо бы...

- Что тут происходит?! - разнесся по комнате звонкий голос Миранды.

- Э-э-э... - замялся Джес.

- Пошли вон! - рявкнула Мири вполне по-взрослому.

Служанки подобрали подолы и скрылись за дверью. Миранда смерила отца укоризненным взглядом.

- Полагаю, они зашли сюда совершенно случайно. Купайся. А я пошла к Анжелине и Джолиэтт.

Джес поморщился. Нет, ну надо же так попасть. Главное, чтобы дочка об этом жене не рассказала. Очень некстати будет, если Лилиан обидится на такие мелочи. С ума сойти! Его ребенок - и так держится, так распоряжается... Да неужели это результат воспитания его жены?

Хотя... Он ведь тоже дочь воспитывал, правда? Скорее всего, Миранда проявила качества, унаследованные от отца. Да, именно так, и никак иначе.

Джес вымылся и принялся одеваться. Бал?

Отлично!

Ханганы, говорите?

Если его величество в ней так заинтересован, лучше не лезть на рожон. Да, Джерисон был вспыльчив, высокомерен, он ни в грош не ставил тех, кто ниже его, - но дураком он не был.

Сначала разведка.

Потом действия.

Бал-маскарад. Приглашенные приходят в масках и маскарадных костюмах. Все браслеты и знаки, указывающие на статус, снимаются на это время.

Танцы, вино, флирт, веселье... Эдоарду это нравилось. Когда он был молодым, они с Джесси обожали эти балы. На них они могли быть свободными. Сейчас пусть развлекаются дети.

Сам он танцевать не собирался, и для него была оборудована ложа. Удобные кресла, стол с закусками, свечи, создающие приятный полумрак... Отсюда он мог наблюдать почти за всем залом.

Сегодня к нему присоединится еще и его величество Гардвейг. Да, это против протокола, по которому королевское общение должно обставляться множеством церемоний. Но... кто смеет спорить с королем? С двумя королями? Тем более что их величества собираются породниться, оба будут в масках, оба не возражают поболтать, оба не могут танцевать... у них много общего.

Да и вообще, если Эдоарда с кем и связывали дружеские отношения – ну насколько таковые возможны между королевскими особами, – то только с Гардвейгом.

У обоих – нелюбимые жены. Только Гард оказался сильнее, да и короля-отца лишился слишком рано, воспитывать было некому. Мальчишкой остался на престоле, вот и пришлось выживать. Эдоард искренне сочувствовал Гардвейгу, когда у того не было сыновей. Сейчас же, когда Милия родила ему уже трех мальчишек, был только рад за соседа. Род не прервется. Это – главное.

Эдоард удобно устроился в кресле. Тахир дин Дашшар встал за его спиной, но Эдоард указал ему на стул в углу.

– Считайте, я разрешил вам сидеть в моем присутствии сегодня. Бал будет долгим, мне не нужно, чтобы вы к концу его с ног падали.

– Как прикажете, ваше величество.

– Полагаю, графиня появится чуть позднее?

– Она прибудет вместе с ханганами, ваше величество.

Уже три коронованные особы. Почти. Амир Гулим не король, он только принц, но может стать и королем. Надо налаживать контакты... Идеальным вариантом было бы выдать за него кого-нибудь из принцесс. Анжелину или Джолиэт...

Иная вера? Это не имеет никакого значения, когда речь идет о благе государства.

В будущем союз Ативерны, Ханганата и Уэльстера может заставить считаться с собой даже стервятников с Лориса. А то и повычистить их гнездо. Почему нет?

В ложу вошел Гардвейг. Удобно устроился в кресле, покосился на Тахира, небрежным жестом отослал свиту.

– Ваше величество.

– Ваше величество.

Короли приветствовали друг друга легким наклоном головы. Улыбнулись из-под полумасок.

– Как ваше самочувствие, друг мой?

Эдоард чуть опустил ресницы.

– С тех пор как Тахир Джиаман занялся моим здоровьем, я чувствую себя намного лучше. А как ваша нога?

– Полагаю, мне стоит попросить у вас разрешения и пригласить вашего лекаря. –

Гардвейг чуть усмехнулся.

Эдоард не замедлил проявить благожелательность:

– Разумеется. Господин дин Дашшар, надеюсь, вы не откажете в любезности осмотреть нашего глубокоуважаемого гостя? Его величество Гардвейг...

– Ваше величество, я гость на вашей земле, и ваше желание – закон для меня. Но моя ученица...

– Я дам ей разрешение, – кивнул Эдоард. И пояснил для Гардвейга: – Ее сиятельство графиня Иртон, жена моего племянника – главная причина того, что господин дин Дашшар еще не уехал к себе в Ханганат.

– И почему же? – Гардвейг вскинул брови.

– Я обещал госпоже научить ее всему, что знаю сам, ваше величество. А слово чести...

– Разве ханганы ценят слово, данное женщине?

– Любому существу. Даже если ты даешь слово наедине с собой, Звездная Кобылица читает в твоём сердце. И растопчет внутренности лжеца и предателя.

Гардвейг пожал плечами. Варвары, не знающие Альдоная. Что тут скажешь? Только одно:

– Я буду счастлив видеть и вас, и вашу ученицу.

Тахир низко поклонился. И опять отступил в тень. Кажется, его практика пополнится еще одним интересным случаем.

Лиля приехала на бал в свите Амира. Она подозревала, что покоя ей не дадут, а потому пошла на хитрость: под ханганскими покрывалами на ней было черное длинное платье с вшитыми сзади несколькими полосами ткани, создающими иллюзию крыльев.

Показалась на входе церемониймейстеру, а потом под прикрытием ханганов скользнула за портьеру. Размотать покрывало – пара пустяков, и выпорхнуть летучей мышкой. Она даже маску поменяла с белой на черную. Отдала все ненужное кому-то из свиты Амира, пусть уберет, чтобы никому на глаза не попало.

И – вперед.

Расслабляться, танцевать, флиртовать...

Женщина она или лошадь рабочая? Надо хотя бы попробовать расслабиться!

Ричард и Джерисон, не привлекая к себе внимания, вошли в зал. Каждому тут же подобрали пару, мужчины провели дам по залу в танце и ловко растворились в толпе. При дворе этим искусством владел любой.

Ричард отправился в ложу к отцу. Там мелькала чалма какого-то хангана, там шла серьезная беседа. А Джерисон решил поискать среди гостей свою супругу и принялся высматривать особо крупных дам.

Никто не удосужился сообщить графу Иртону, что к его жене теперь больше применимо понятие «приятная полнота». А сам он по привычке искал корову в розовом. И не мог найти.

Зато взгляд останавливался то на одной даме, то на другой: соблазнительные вырезы, округлые плечи, блестящие глаза под масками...

Джерисон сделал пару кругов по залу и даже слегка заскучал.

Потанцевать? Почему бы нет. И продолжить поиски.

- Лилиан...

Лиля обернулась так резко, что пряди волос взлетели и зацепились за шитье на костюме маркиза Фалиона.

- Маркиз!

- Рад вас видеть, Ли...

- Нет-нет! - жестом остановила его Лиля. - Сегодня маскарад. Не по имени, прошу! Называйте меня... Мышкой. Сегодня.

- Вы не похожи...

- А на летучую?

Фалион чуть улыбнулся.

- Пожалуй. Тогда и я для вас сегодня Алекс.

Лиля подарила ему улыбку.

- Потанцуем, Мышка?

Лиля плохо танцевала, но с таким партнером, как Фалион, танцевать было одно удовольствие. Александр вел ее уверенно и спокойно, подсказывал шаги, мягко улыбался, шутил...

Кажется, вечер начинал оправдывать ожидания. А то Лиля уже и затосковать успела.

Три шага. Поворот. Проход. Еще два поворота.

- Алекс, вы отлично танцуете...

- Мышка, вы чудо.

- Я действительно готова взлететь, - рассмеялась Лиля. - Мне так легко...

- Вы сегодня очаровательны...

- А в обычные дни?

- Вы всегда прекрасны...

Обычная болтовня. А сердце - сердце бьется быстрее из-за танца. И от него же кружится голова и плывут в глазах звезды.

Только от него...

Лиля и не заметила, как прошла в танце мимо высокого брюнета в маске. Сначала один раз, а потом, по фигуре танца, еще и обратно.

Джерисон подпирал стену, потягивал вино из высокого кубка и рассматривал танцующих.

Жену найти пока не удалось, поэтому он просто отдыхал, наслаждался праздником... Он жив. Разве мало?

Звонкий смех ударил словно плетью.

- Мышка...

Фалион?

Нельзя сказать, чтобы они были близкими приятелями, но общались без вражды, и Джерисон узнал его голос. Сейчас он удивился интонации сыночка Вяленой Шуки – тот всю жизнь относился к женщинам ровно и потребительски, а уж чтобы смеяться...

С кем это он? Джерисон пристально взгляделся в женщину, с которой танцевал Фалион.

Симпатичная, ничего не скажешь. Лица не видно, но фигура определенно заслуживает внимания, м-да...

Шикарный бюст, высокий рост, приятная полнота, но толстой ее не назвать. Стройная, статная, этакая вирманка... светлые волосы, длинные, перевиты нитями черного жемчуга – недешевое украшение.

Платье интересное...

Попробовать познакомиться?

Поскольку Джес не считал Фалиона близким другом, он мог спокойно отбить у него даму. Пару раз уже такое было, почему бы и не повторить?

Хотя... нет. Не стоит. Ему надо найти супругу и приглядеться к ней со стороны. Лучше не отвлекаться. И вообще выйти в сад. Погулять немного или посидеть в беседке... Интересно, где бродит эта корова?!

«Корова» честно станцевала с Фалионом несколько танцев и решила, что пока хватит. Надо бы выйти подышать воздухом. Как ни крути – не ее это. Ой не ее.

Люди сильно потеют, когда танцуют. И пахнут. А когда от такой нежной нимфы на тебя шибает ароматом пота, духов, несвежей одежды, цветочной воды... увольте! Лучше неделю в бомжатнике!

Лиля обмахнулась веером и направилась в сад. Фалион хотел составить ей компанию, но его отвлек какой-то толстячок, и Лиля беспрепятственно выскользнула на террасу.

Спуститься в сад? Тоже вопрос. Если кто не в курсе – отходы жизнедеятельности там попадают на каждом втором шагу. Так что лучше где-нибудь посидеть. Рисковать новыми туфельками Лиля не хотела.

Да, после долгих мучений ей удалось создать что-то близкое к желаемому. До шпилек, супинаторов и лодочек было еще очень далеко, но сделать платформу и наметить каблучок местные мастера сумели. На каблуках себя иногда и стройнее чувствуешь!

Кажется, где-то здесь должна быть беседка? Ага, вот она...

Когда на пороге беседки возникла женская фигурка, Джерисон искренне удивился, но вслух ничего сказать не успел.

– Извините, – заметив его, тут же отреагировала женщина. – Я не видела, что тут занято.

Скользнула по черной ткани светлая прядь. И Джерисон узнал ее. Спутница Фалиона. На ловца и зверь?..

Нет, в зале он не стал бы. Но здесь-то... и вообще, ни к чему серьезному это не приведет. Это просто флирт. Вот!

– Госпожа, я буду рад вашему обществу. Прошу вас разделить со мной это уединение. Полагаю, вам тоже наскучили придворные увеселения?

Женщина чуть склонила голову.

– Да, пожалуй. Благодарю за любезное приглашение.

Она прошла в беседку, провела пальцами по скамье, потом вытащила из кармана

носовой платок, вытерла им сиденье – и уселась.

– Еще раз благодарю.

Откинула назад голову и прикрыла глаза.

Лиля не собиралась разговаривать, а Джерисон просто не представлял себе, что делать дальше. Странно, обычно женщины охотились за ним, а тут вдруг полное безразличие...

Анелия Уэльстерская танцевала, смеялась и развлекалась от души. Альдонай великодушный, как же здесь замечательно.

Все склоняются перед ней, она великолепна, сияют улыбки, шуршат шелка... Да! Она желает быть королевой! Она создана для этого!

Чернобородый ханган склонился перед принцессой, прикладывая руку к сердцу. И Анелия приняла приглашение. Почему нет?

– Анелия, сердце мое...

Анелии повезло, что они чуть отделились от танцующих пар. Поэтому, когда она начала оседать в обморок, ханган подхватил ее и втолкнул в один из альковов. Похлопал по щекам, поднес к носу нюхательную соль.

– Анелия, милая, сейчас не время!

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем принцесса пришла в себя.

– Лонс...

– Угадала, малышка.

– Ты живой?!

– Да. И даже процветаю. Я пришел за тобой.

Он пришел за ней. Живой Лонс – катастрофа. Он ее не отпустит. Он может все разрушить. Обследование у повитух она не пройдет, если вдруг таковое будет назначено. Несмотря на все ведьминские средства.

Что ему надо?

– Ты ведь моя жена. И я нашел для нас место. Там почти никто не бывает. Тишина, уединение, мы с тобой будем управляющими. Хозяин хороший человек. – Лонс не утратил способности соображать и не назвал имени Лилиан Иртон. – Он все понял. И примет мою супругу.

– Ты хочешь, чтобы я уехала с тобой?

– Ты моя жена. Почему нет? Ты ведь... ты любишь меня?

Анелия поспешно закивала.

Да, Альдонай, да, лишь бы не было скандала.

– Люблю. Н-но... как? Как получилось, что ты жив?

– Мне повезло. Мы можем уйти прямо сейчас...

Анелия покачала головой:

– Нет. Сейчас не можем.

– Почему?

– Потому что... – Анелия уже опомнилась. И язык привычно принялся плести словесные

кружева: – Наше посольство – оно ради договора. Все уже согласовано. Женой принца должна стать Лидия. Я же обязана здесь быть. Но если я сбегу сейчас, мы не выберемся из столицы.

– Выберемся. Я знаю как.

Но уверенности в голосе Лонса не было. Побег он не готовил, что верно, то верно. А надо добраться до гавани, найти корабль... вирмане помогут, но в ночь они не выйдут, только с отливом. А до того принцессы хватятся... Да и помогут ли вирмане?

Для графини они сделают все, так ведь он не графиня. И Анелия – без всего самого необходимого, на корабле...

Анелия почувствовала его колебания.

– Нас будут искать. И кроме того... нам ведь нужны деньги, разве нет?

– Да.

– Я могу взять свои украшения. Это будет не лишним.

– Ты мне дорога без украшений.

– Лонс, но почему нет? Не нам, так нашим детям.

Анелия выглядела такой невинной...

– Милая... не могу без тебя.

Принцесса уперлась Лонсу в грудь обеими руками.

– Приди в себя. Если нас тут застанут...

– Когда я увижу тебя? Как?

Анелия задумалась.

– Я тут чужая, я ничего не знаю... Ты бываешь во дворце?

Лонс кивнул. Как сопровождающий Лилиан Иртон или Миранды Иртон он мог пройти.

– Бываю, но лучше... В двух шагах от дворца храм Альдоная. Приходи туда по утрам на службу.

– Не завтра, но я приду. Клянусь, – поспешила согласиться женщина.

– Я сообщу, когда все будет готово. Ты согласна уехать со мной?

– Да. Готовься.

Лонс поцеловал ей руку:

– Любимая...

– Я тебя тоже люблю, – торопливо сказала Анелия. – А сейчас уходи. Если нас застанут вместе...

Лонс чуть наклонил голову, соглашаясь. И исчез за шторой.

Анелия посидела еще минут десять, приходя в себя. Чудо, что ее никто не хватил. Но ведь есть место, куда даже принцесс не сопровождают. А в круговерти бала, в суматохе и разноцветье, так легко потерять из виду подопечную...

Самая страшная опасность устранена. Бежать сию секунду ей не придется. Но... что же делать? К кому советовал обратиться Альтрес Лорт? Не сейчас, не на балу, но...

Бежать невесть куда с воскресшим (Мальдоная бы его забрала!) супругом Анелия не собиралась. Только не тогда, когда она может стать королевой Ативерны. Вот еще

не хватало!

Умер? Ну и не являйся живым. Или придется отправить тебя обратно, к мертвым.

Свежий воздух после бально-зальной духоты оказал на Лилию почти опьяняющее воздействие. Она сидела, откинув назад голову, и почти «плыла».

Хорошо, уютно...

Мужчина, чье уединение она нарушила, тоже молчал, не делая ни малейших попыток приблизиться. Вот и чудненько. Ей был нужен не флирт, а отдых.

Но увы. Идеальных мужчин не бывает. И тишина вскоре оказалась нарушена.

– Странно, что такая красивая женщина – и одна. На месте вашего спутника я бы вас не оставлял ни на минуту.

– Откуда вы знаете, что я красивая, – лениво парировала Лилия. – Может, у меня все лицо в бородавках?

– Зато голос у вас восхитительный.

Смотрел он при этом на грудь, что не осталось незамеченным. Надо бы фыркнуть и уйти, но лень...

– И уши приятные, правда?

– Уши? – растерялся Джерисон. Но многолетняя выучка ловеласа взяла свое. – Не сомневаюсь, что вы прекрасны – полностью. Каждой частью... э-э-э...

– Моего безусловно прекрасного тела. – Ехидства в голосе Лилии и на троих хватило бы.

Джерисон покаянно вздохнул, меняя тактику.

– Смейтесь над несчастным, сраженным вашей красотой, милая дама. Смейтесь... Как жестоко ваше сердце!

Лилия вздохнула.

Еще один канис вульгарис. То есть кобель обыкновенный. Как же вы все надоели.

– Дама благодарна вам за приют. Всего хорошего.

Лилия хотела было встать и выскользнуть из беседки, но Джерисон перегородил проход.

– Прошу вас, не обижайтесь. Я не питал недобрых намерений...

Лилия вздохнула. И разъяснила:

– Сейчас вы начнете извиняться. Я приму извинения, и мы продолжим посиделки. Потом вы опять начнете свои заигрывания, я захочу уйти, вы меня опять удержите... и так достаточно долго. Пока одному из нас не надоест. Считайте, что мне уже надоело.

Джерисон моргнул.

– Я вам так неприятен?

– Вы мне безразличны. Как и любой незнакомый человек.

– Так разрешите мне представиться. Джерисон, граф Иртон.

Лилия пошатнулась. Схватила руку за опору беседки.

– Д-джерисон?

Граф с удивлением увидел, как лицо собеседницы под маской заливает мертвенная

бледность. На миг ему показалось, что она сейчас упадет. Но нет. Выпрямилась, глубоко вздохнула...

А Лиле действительно стало плохо. Под маской она просто не узнала мужа. Голос показался смутно знакомым, но и только. А вот когда он представился... это было как удар под дых.

- Мы знакомы? Не могу поверить. Я никогда не забыл бы такую красавицу...

Ага, встречались в кровати.

Лиля решительно тряхнула головой.

«Спокойствие, только спокойствие. Ты не нервничаешь... Нет, ну вынесли же черти?! И что теперь? Здравствуйте, дорогой супруг? Да, я твоя супруга, каз-зел? Нет уж. Лучше третий вариант».

- Посольство уже вернулось?

- Да, мы прибыли только сегодня днем.

- И попали с корабля на бал?

- С приказом его величества не спорят.

- А вы тут выполняете задание его величества? Какое же? - прищурилась Лилия.

- Это государственная тайна.

Лилия вскинула брови.

- Тогда я не стану выпрашивать. Кстати, я знакома с вашей супругой. Милейшая женщина... Она с вами?

Джерисон скривился так, что даже под маской стало заметно.

- Д-да... она на балу.

Лилия уже поняла, что ее не узнали, и решила воспользоваться случаем по полной программе. От своего-то имени она ни скандал, ни сцену не закатит... Генрих Айзенштайн хоть руки супруги вспомнил. А этому можно весь организм показать - и не поймет, что к чему. В любом случае раскрывать свое инкогнито и выяснять отношения сейчас не стоит.

- Очаровательная женщина. Вам очень повезло с женой.

- Д-да, безусловно.

- И такой талантливый докторус... это так необычно для женщины.

- Вы давно с ней знакомы?

- Я бы не сказала. Но она уже успела произвести впечатление на придворных. Мой друг сказал, что хорошо вас понимает. Такую женщину надо держать в глуши, а то уведут... столица ведь полна искушений.

- Да...

- Она меня к вам не приревнует?

- Н-нет. Она сейчас с принцессами, - нашелся Джерисон.

Ага, с принцессами. Погоди ж ты...

- Скажите, а истории про барона Холмса вы ей рассказывали? Или это в детстве?

- Барона Холмса? - Джерисон напоминал себе попугая. Причем - глупого. Это надо было прекращать. - Прошу вас, госпожа, назовите хотя бы свое имя, и вы осчастливите меня

на всю жизнь!

Тихий смех стал ему ответом.

– О нет. Это ведь маскарад. И мне пора. Да и вам не стоит надолго оставлять супругу одну.

Джерисон снова скривился. Ему не хотелось отпускать эту женщину, так ничего о ней и не узнав.

– Но мы еще встретимся?

– Разумеется. Я бываю при дворе.

– Я ведь не это имел в виду...

Лиля сжала кулаки. Нет, ну погоди ж ты! А еще муж!

– Вас ждет жена. А я тоже замужем. Извольте меня пропустить...

– Но... я вас узнаю при встрече?

Лиля усмехнулась и вынула из уха сережку. Маленькая черная жемчужинка. Оправил мастер Лейтц.

– Возьмите на память. И обязательно меня по ней узнаете.

Захрустел гравий. Джес на миг отвлекся – и Лиля ловко толкнула его под руку. Высокородный граф чуть пошатнулся, но этого было достаточно. Не станет же он хватать даму за платье?

Лиля проскользнула мимо и вылетела из беседки ракетой. И вовремя. На дорожке показался Фалион.

Лиля бросилась к нему, вцепилась в рукав...

– Уведи меня отсюда! Скорее...

Джерисон наблюдал из беседки, как его незнакомка бросилась к Фалиону. Нахмурился.

Но, похоже, близких отношений между ними не было, иначе бы мужчина ее обнял, а не подхватил под руку. Да, заботливо, но любовников отличает многое. Жесты, взгляды, аура близости...

Здесь этого не было.

Забота, дружба – безусловно. Но не близость.

Джес покрутил в пальцах сережку.

Черный жемчуг. Дорогое удовольствие. Что ж, у него еще будет шанс.

Да, ему придется уделять какое-то время жене, но... незнакомка его заинтриговала. Они еще встретятся. И разговор будет другим. Они обязательно встретятся.

То же самое думала и Лиля, почти повиснув на Фалионе. Слава богу, Александр заметил, что женщину колотит крупная дрожь, поэтому он повел ее не в зал, а в один из альковов. Усадив Лилу, он ушел и через минуту вернулся с кубком вина.

– Пей.

Лиля послушно сделала пару глотков.

– Что случилось?

- Там был мой супруг.

Скрывать Лиля не собиралась. Да и вино вкупе со стрессом сделали свое дело.

- Джерисон Иртон?

Удивления в голосе Фалиона не слышалось. И Лиля воззрилась на него.

- Ты знал, что он вернулся?

- Мой отец вернулся. А значит... я полагал, ты уже в курсе.

Лилию затрясло.

- Нет! Да!! Теперь я знаю!!!

- Выпей еще вина.

Кубок полетел в стену.

- Проводи меня к карете.

- Лилиан...

- Я хочу домой. Проводи меня...

- Я могу тебя сопровождать?

- Да... Только быстрее, пожалуйста.

Никто не заметил их ухода.

Джерисон танцевал, развлекался, беседовал... и не мог поверить своим ушам.

О Лилиан говорили разное. Кто-то ругал за заносчивость. Кто-то хвалил за познания в лекарстве. Кто-то считал ее королевской фавориткой, кто-то был уверен, что Эдоард видит в ней дочь. Болтали всякое, но сходились в одном. Лилиан Иртон красива, умна, обаятельна, с ней выгодно и полезно дружить. А враждовать?

Баронесса Ормт попыталась. Пока король болел, она принялась распространять сплетни о Лилиан Иртон. И после выздоровления короля вылетела из дворца впереди своей сплетни.

Его величество однозначно дал понять, что пересудов за спиной не потерпит. Особенно неуважительных.

Оказавшись перед королевской ложей, Джес учтиво поклонился их величествам. Эдоард кивнул и жестом велел ему подойти.

- Развлекаешься?

- Пытался найти жену, но ее тут нет...

Эдоард окинул взглядом зал, подозвал церемониймейстера, спросил негромко. Выслушав ответ, чуть нахмурился.

- Действительно, твоя супруга была на балу, но уехала домой. Кстати, не так давно.

«Видимо, пока я разговаривал с незнакомкой... Обидно!»

- Я надеюсь навестить ее завтра.

- Отнюдь.

- Ваше величество?

– Завтра я приглашу Лилиан во дворец. И извольте первую встречу провести в моем присутствии.

– Не доверяете?

– Нет, – спокойно отозвался король. – Ни тебе, ни ей. Чувства, страсти, обиды... разругаетесь вдрызг, а мне потом все это исправлять? Лучше пообщайтесь в моем присутствии.

Джес поклонился и по знаку короля растворился в толпе.

Раз жены нет – хоть потанцевать.

В карете Лиля сжалась в клубочек и забилась в угол.

Ожили воспоминания Лилиан-первой. И если кто-то назовет их приятными – пусть на себе такие радости и испытает!

Когда вы любите и вас разлучают с любимым – у вас остается ощущение своей правоты. Вы ведь могли быть счастливы. Вы любили, вы могли... это просто судьба такая.

А вот когда вы-то любите, а на вас наплевать...

Именно это было у несчастной толстушки. Именно это...

Любовь. Уж какая есть. Глупая, безнадежная, истеричная... но любовь. И прояви Джерисон чуть больше заботы, внимания, понимания, пришли хотя бы цветок, хотя бы что-то... До могилы толстушку довели не только покушения, но и отсутствие любви.

Потеряв единственное, что привязывало ее к любимому человеку, она расхотела жить.

Сейчас Лиля разрывалась на части.

Лилиан Иртон любила. Все еще дрожала от одного звука его голоса. Мечтала о теплоте в синих глазах.

А Аля... Она всю жизнь исповедовала принцип: не любишь – пошел вон! И вообще, у нее Лешка был. Алешенька...

Вдох. Выдох. Спокойствие.

Куда там...

– Останови... – выдохнула Лиля.

Фалион что было силы застучал в стенку кареты. Лошади замедлили ход, и Лиля почти вывалилась на дорогу. Упала бы на колени, если бы Фалион не подхватил. И Лилу начало выворачивать наизнанку. Такая вот нервная реакция.

Ее рвало желчью. Жестоко и безжалостно. До сухих болезненных спазмов.

Александр был рядом. Поддерживал ее под руки, вытирал испарину со лба, потом постарался напоить водой... Лиля сделала пару глотков – и все пошло по новой.

Прошло не меньше часа, прежде чем она чуть-чуть пришла в себя. Фалион держал ее на руках и смотрел с искренним сочувствием.

– Лилиан... Лилечка...

Лиля уткнулась лицом в его плечо и на миг закрыла глаза. Хотя бы секунду, хотя бы минуту, но ощущать себя защищенной. Хотя бы так...

– Все будет хорошо. Правда.

– Это из-за... него?

Лиля кивнула.

– Я убью его.

– Прекрати, Александр. Не надо. – Лиля впервые говорила так спокойно. – Это ничего не изменит.

– Ты будешь свободна.

– А король тебе не простит. Не надо.

– Одно только слово...

Лиля молчала. Если мужчина способен на такое – приводить женщину в чувство, видеть ее несчастную, разваливающуюся на куски, и не брезговать ею, принимать, как она есть...

– Александр...

Фалион мягко отвел золотистые пряди с усталого лица.

– Ты всегда можешь на меня рассчитывать. Всегда.

Лиля вздохнула.

– Я хотела бы... ох, Александр...

Фалион наклонился и едва коснулся губами лба любимой женщины.

– Ты знаешь.

Лиля сжала его руку.

– Поедем, Александр. Мне надо домой...

Фалион повиновался. Они ехали в карете – и молчали. Но это молчание было выразительнее, чем сотня слов.

«Я сделаю для тебя все...»

«Я не позволю тебе подвергать себя опасности».

«Я сам решу».

«Ради меня – не жертвуй собой. Даст Альдонай – все образуется».

«Альдонай помогает тому, кто сам себе помогает...»

Поздно ночью Лиля с любовью смотрела на спящую Миранду. Как всегда, девочка забралась в ее кровать.

Как всегда, собаки улеглись в ногах, стянув на себя одеяло.

Лиля вдохнула. Выдохнула. Сейчас она уже немного успокоилась и могла рассуждать здраво.

А теперь – логический анализ.

Она до сих пор любит мужа? Или это физиологическая реакция? Типа условного рефлекса?

Скорее второе. Уже легче.

Нужен ли ей такой бабник в копилку?

Лиля прикусила губу.

Вот тут ответ однозначный. Пока – нужен. Но на своих условиях. Согласится – отлично.

Нет? Пусть проваливает к черту! Разведется, найдет себе нового мужа... «Так, притормози, ты не в двадцать первом веке, где разводиться можно было хоть по шесть раз на неделе. Здесь тебя за это сожрут».

Или подавятся?

В любом случае козырь у нее уже есть. Чтобы на балу, где присутствует твоя жена, начать флиртовать с другой женщиной – это надо вовсе совести не иметь. Это первое.

Второе: она предупреждена, а значит, подготовится к визиту по полной программе.

Держитесь, граф Иртон... а то снесет!

А Фалион?

А вот тут сложнее. Он любит? Вопрос...

А она его любит? Или это просто желание опереться на сильное плечо? Желание защиты? Стремление побыть слабой?

Если так – плохо. Она сильная, умная, но стоит ей стать слабой, и ее просто съедят. Да и Фалион – любит он или просто желает?

«Не знаю, ничего не знаю... Да поможет мне Бог».

Проснувшись утром, Лиля решила не ехать в Тараль. Зачем? Все равно все из рук валиться будет.

Оно и валилось. Шпилькой чуть в ухо не попала, пояс порвала... зато Мири была довольна и счастлива.

– Папа приехал!

Только ради девочки Лилия готова была мириться с графом Иртоном. Любит ведь она отца. Любит.

А еще... Амир прав. Надо поговорить с Эдоардом и составить брачный договор. Если у них с супругом развернется война – нельзя, чтобы Мири была в ее центре. Нельзя никак.

Лилия оглядела себя в зеркале. Отлично. Зеленая юбка-брюки, зеленая блузка, белая отделка, украшения – браслет и кольцо обязательны, серьги. Единственная роскошь – кружевные перчатки. Вредная привычка, знаете ли, ногти грызть от переживаний. А кружево хоть как-то защищает руки.

– Ваше сиятельство, к вам гонец от короля.

Гонец поклонился и вручил свиток. Лилия сломала печать и пробежала глазами несколько строчек.

Явиться ко двору. Немедленно.

Ну понятно. Граф приехал. И Лилия бы очень удивилась, если бы его величество не пожелал лично проконтролировать первую встречу супругов.

– Я прикажу седлать коня. Так быстрее. – Она кивнула слуге, и тот умчался на конюшню.

А Лилия развернулась к окну. Вдох. Выдох.

«Спокойнее, девочка, спокойнее. Сердце колотится как бешеное. Если тебя опять вывернет наизнанку – на господина графа, вы уж точно не договоритесь. Дыши ровнее. Спокойнее...»

Шестеро всадников – гонец, Лилиан, четверо охранников – вихрем неслись по дороге, разбрызгивая грязь. Лиля порадовалась, что сегодня выбрала одежду темно-зеленого, почти черного цвета – пятна будут почти незаметны.

Лидарх стлался над дорогой, и Лиля начала успокаиваться.

Она готовилась к этой встрече с того момента, как узнала, что супруг есть.

За ней сила. В ней заинтересован король. Вирмане. Ханганы. У нее есть друзья, она – центр небольшого, но очень важного мира. У нее есть свое производство, если супруг захочет заточить ее где-нибудь в башне, он получит неплохой откат.

Ее обожает Миранда, ценит и уважает Алисия...

Да, в семью лезть никто не будет.

А с другой стороны – нельзя многое, но если очень нужно, то можно.

Надо так провести первый разговор, чтобы супруг не менял статус-кво. То есть не показывать свою силу. Ибо любой мужчина – это пружина. Надавишь – отскочит в лоб. А вот если медленно, аккуратно и вежливо, можно добиться своего. Эта методика знакома любому хирургу. Очень осторожно, очень бережно... иначе операции и не проводятся. Никто пациента крест-накрест не полосует. Так что шансы на успех есть.

Супружеских отношений с графом Иртоном не хотелось. И вообще никаких. Но договариваться-то надо?

Значит, так. Как писал один умный автор – я женщина трепетная, хрупкая, как хряпну, так и хрупнет. Нет, сначала-то будем вежливы и корректны. И вообще, она блондинка? Вот блондинкой и будет! Главное, ресницами не забывать хлопать.

Джерисон удобно устроился в кресле в королевском кабинете. Эдоард смотрел серьезно.

– Джес, я хочу, чтобы ты постарался найти с Лилиан общий язык.

Джес потер висок. Он вчера не переусердствовал, но, видимо, стрессы и усталость сказались на организме. И в виске чуть покалывало.

– Постараюсь я, постараюсь. Дядя, а какие у вас виды на мою супругу?

– Что?!

– Полдвора думает, что она ваша новая фаворитка.

Эдоард даже возмущаться не стал. Только покачал головой:

– Балбес...

– Дядя!

– С твоего рождения дядя. Значит, так. Считаю, это мой приказ. Постарайся... наладить отношения с женой. Хотя бы ради дочери.

Джес уже начал закипать, но упоминание о Миранде подействовало как ледяная вода на голову. А ведь действительно, девочка ее любит и не простит, если Джерисон обидит обожаемую Лилиан. Общение с Лилиан пошло Мири на пользу. Настоящая маленькая принцесса, и не такая уж маленькая. Замуж скоро выдавать. Да, ради дочери он согласен на многое.

– Графиня Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон...

Повинуясь жесту его величества, Джерисон покинул кресло и отошел в угол кабинета.

– Проси, – распорядился Эдоард.

Лилиан вошла в кабинет и присела в реверансе.

– Ваше величество.

– Рад вас видеть, Лилиан. Прошу.

– Я тоже рада. – Лилиан бросила быстрый взгляд из-под ресниц, обнаружила, что Эдоард улыбается, и расцвела в улыбке. – Как вы себя чувствуете?

– Вашими заботами. Да и Тахир от меня не отходит...

– Я рада. Ваше величество, но вы помните, что надо соблюдать режим...

– Тахир мне про него твердит постоянно. Лилиан, я вас пригласил не просто так. Ваш супруг вернулся.

– Я рада, ваше величество.

Нет, если бы вчера Лиля с ним не столкнулась, она была бы в шоке. А сейчас адреналин уже отгорел. Надпочечники, они тоже не железные, чтобы его в товарных дозах выбрасывать.

– И это все, что вы можете сказать?

Лиля сверкнула глазами.

– А это зависит от того, что скажет мой супруг, ваше величество.

– Джерисон...

Был ли Джерисон в шоке?

Ну, мягко говоря... да.

Он ожидал увидеть кого угодно, но не золотоволосую красавицу с королевской осанкой и легкой улыбкой на розовых губах. Дорогие украшения, плавная походка, уверенность, сквозящая в каждом слове, каждом жесте...

Первую минуту он даже с места двинуться не мог.

Розовая королева? Да если бы она так раньше выглядела!

Какой Иртон?! Таких женщин прячут с максимальной надежностью – в своей постели. И не выпускают оттуда.

Какая женщина! Какая фигура! Да, присутствует легкая полнота. Но не такая, когда женщина кажется откормленной гусиной, нет. Скорее пышность форм, мягкость, плавность...

Еще бы он не был в восхищении!

И это – его жена? Верилось с трудом. Да увидел бы он такую красавицу при дворе – точно не успокоился бы. Хвостом бы за ней следовал, добивался...

Жена. Лилиан, графиня Иртон. И даже сейчас стоит как королева.

А Лиля и правда полностью контролировала себя. Присела в легком реверансе – и подала руку, как учил Лонс.

– Надеюсь, граф, ваше путешествие было приятным?

– Э-э-э... да...

Лиля едва не фыркнула. Супермен, красавец – и...

Было у ее мамы любимое выражение «как из-за угла пыльным мешком прибитый». Вот сейчас на лице графа и было такое растерянно-изумленно-непонимающее выражение.

– Я рада видеть вас целым и практически невредимым. Надеюсь, Джейми оказался на высоте?

– Д-джейми?

– Джейми Мейтл. Он же барон Донтер. Тахир дин Дашшар учил нас обоих. И юноша отправился лекарем на корабле вирман...

– О да! Если бы не он, погибших было бы намного больше.

Джес вспомнил, как Джейми чистил раны вирманам, ругаясь нехорошими словами, как перевязывал, обрабатывал, менял повязки...

– Вы уже видели Миранду? Она сегодня не во дворце, но ради приезда отца я освобожу ее от занятий...

Эдоард фыркнул, не побоявшись уронить свое королевское достоинство. Похоже, эти двое не собирались тут же убить друг друга. А что еще требуется?

Если в дальнейшем они решат поссориться – он их не удержит. Джес, судя по всему, растерян. Такого он просто не ожидал и сейчас продумывает новую линию поведения. Придется тебе, мальчик, побегать за своей женой, ой придется... Лилиан явно чуть забавляется. Видимо, кто-то ее предупредил (какие умные люди), и у нее было время подготовиться. Поэтому она спокойна и безмятежна. Внешне. А чтобы вывести ее из себя... за один раз даже Джес не справится.

– Так, ваши сиятельства... Джес, бери жену – и отправляйтесь домой. У тебя в городе есть дом, там и поговорите.

– Слушаюсь, ваше величество, – машинально ответил Джес.

Лиля присела в реверансе. И шагнула к двери.

Джерисон, опомнившись, шагнул вслед за ней, поддержал под локоть... Руку она не вырвала, но с тем же успехом он мог держать за руку деревянную куклу.

По коридорам дворца они шли молча.

Джерисон пытался осознать произошедшую в жене перемену. Еще бы! Оставляешь корову – получаешь королеву... Может, в Ирhone воздух полезный? Ей-ей, на улице бы столкнулись – не узнал бы. Как себя с ней держать? Неясно.

Она-то спокойна. Идет, чуть улыбается своим мыслям, отвечает на приветствия...

Если бы Джерисон смог прочитать мысли своей жены, он бы очень удивился.

Красавица вовсе не была спокойна. Наоборот. Сейчас в ее голове опять пытались бороться Лилиан-первая и Лили-вторая.

Несчастливая любовь, узаконенное изнасилование и доведение до самоубийства. Да, там и убийцы постарались, но причина-то вот – топает рядом как ни в чем не бывало!

И между нами, девочками, Лилиан-первую понять можно. Красив, этого не отнять. Лицо из тех, что притягивают к себе взгляд, но без слащавости. Это – мужик. Да и фигура на уровне. До Эрика недотягивает, но мышцы накачанные, так, навскидку, килограммов сто – сто десять в благородном графе было. Не хлюпик. И можно понять девчонку, в такого влюбишься. Это с одной стороны.

С другой же... Наблюдаем у благородного графа прискорбное неумение разбираться в людях: иная хозяйка на кухне столько тараканов не разведет, сколько граф недоброжелателей развел.

Нежелание обрезать свои капризы. Эгоизм и самоуверенность в обострении.

И наплевательское отношение к женщинам.

Главное достоинство – он любит Миранду. Или – девочка его любит. Остальное – сплошные недостатки. Ну ладно, еще пара плюсов – смазливая внешность и графский титул.

Интересно, а раздельное проживание супругов у них тут практикуется? Ах да, это только для тех, у кого детей двое и больше...

Лиля приуныла. Внешне она по-прежнему была невозмутима, улыбалась и кивала знакомым, но внутри...

Хоть убивайте – графа ей не хотелось! Ни в каком виде. Муж, друг, любовник – нет, и все тут! Аллергия у нее на мужскую самоуверенность и эгоизм. Почесуха, крапивница и отек Квинке. В своем мире она таких отшивала раньше, чем парни успевали глазом моргнуть, но тогда у нее был Алексей и полная свобода. Как сделать так, чтобы граф сам отвязался? Или хотя бы соблюдал нейтралитет?

Как-никак сейчас с ней ведут дела из-за ее титула. Даже если она разведется – статус уже не тот, для бизнеса вредно... Но и пускать супруга в свои дела? Перетопчется... Жаба не подпишет!

Лиля нарушила молчание, лишь когда они вышли из дворца:

– Я приехала сюда верхом. Вы в карете?

– Нет. Но я полагаю, конь для меня найдется.

– Я попрошу одного из своих телохранителей...

– Телохранителей?

– После покушений мои люди не отпускают меня одну. Никуда.

– Благодарю, но я воспользуюсь королевской конюшней.

– Как вам будет угодно, – кивнула Лилиан, спускаясь по ступеням.

Ее ждали четверо вирман, один из них кроме своей лошади держал под уздцы роскошного аварца. Эту породу Джес мог отличить сразу. Чистокровный, стоящий бешеных денег...

– Это ваш?

– Знакомьтесь. Лидарх.

Конь, услышав свое имя, горделиво изогнул шею. Лиля потрепала его по роскошной гриве.

– Правда красавец?

Джерисон кивнул:

– Он великолепен.

Лилиан легко взлетела в седло.

– Мы ждем вас.

Прошло минут десять, прежде чем слуга привел Джерисону оседланного коня. И все это время граф пытался найти общий язык с Лидархом. Увы, конь, чувствуя настроение хозяйки, вел себя не лучшим образом. Фыркал, отворачивался и даже чуть не цапнул графа за плечо. Лошади не кусаются? Лидарху об этом сказать забыли.

Но наконец графу привели коня, и процессия выехала за ворота.

Увы, звезды сегодня не сошлись для графа Иртона. Роковым явилось сочетание нескольких факторов.

Во-первых, вчера, после расставания с таинственной незнакомкой, чья сережка все еще согревала грудь в потайном кармашке камзола, граф слегка покрутился среди знакомых дам.

Во-вторых, Миранда утром отправилась в городской особняк графа, повидать папу. Папы дома не оказалось, и Миранда решила заглянуть на конюшню, где стоял Шаллах.

В-третьих, баронесса Ормт, узнав, что граф вернулся из путешествия, пожелала нанести визит с утра пораньше. Ну в ее понимании пораньше. Ей хотелось обсудить с графом поведение его жены. А то лезут тут всякие в фаворитки, выталкивая бедную баронессу с честно нагретого места... Вот если граф свою жену немного поколотит или там дома запрет, место при короле опять освободится, а ведь старая любовь – она лучше новой, не правда ли?

Миранда, услышав шум и думая, что вернулся отец, выскочила из конюшни и увидела раззолоченную карету, из которой выбралась роскошно одетая дама. Она осмотрелась, заметила чумазого мальчишку во дворе и властно кивнула.

– Эй, ты! Поди сюда!

Коня чистить – не в гостиной сидеть. Широкий грязноватый фартук надежно прикрывал одежду. С заколотыми волосами и чумазым личиком – кто бы узнал в ней виконтессу Иртон?

– Чего надо? – Мири и не подумала послушаться.

Она не боялась. Стоит ей крикнуть – примчатся сопровождающие ее в поездке вирмане. И в обиду ее никто не даст. Да ей и в голову бы не пришло, что ее кто-то может обидеть. А тот раз, когда Лиля ругалась, – так заслуженно! И она сама потом плакала, Мири видела...

Баронесса вспыхнула. Да что ж это такое творится?! Всякая тварь ей дерзить будет?!

Она кивнула своему кучеру.

– Привести ко мне! Живо!

Мири и пикнуть не успела. Забилась в жестких руках, от возмущения забыв про все. Про нож в сапожке, про то, что Лиля учила ее высвобождаться из захвата, про вирман. А отставная фаворитка смотрела злыми глазами. С ее точки зрения все было правильно. Пара плетей паршивцу не повредит, а Джерисон вряд ли станет сердиться. Подумаешь, дворовый мальчишка...

– Ты, маленькая дрянь, ты слушаться должен, а не спрашивать! Я сейчас прикажу – и тебе плетей на конюшне всыпят!

– Пусти! – завопила Миранда. – Немедленно!

Баронесса прищурилась.

– Жан! Немедленно всыпать этому сопляку десять плетей!

Жан перехватил Мири поперек туловища, девочка закричала громко и отчаянно. Единственное, что пришло в голову. Она не звала на помощь, нет...

– Мама!!!

Крик Миранды Лиля услышала бы и за десять километров. Но, к счастью, до особняка оставалась пара сотен метров.

Крик отчаянный, громкий... Забыто было все.

Джерисон, опешивший и протянувший руку, чтобы перехватить резко пришпоренного каблучками Лидарха, вирмане, которые следовали за ней...

Рядом была ее дочь – и звала ее.

Лидарх влетел во двор огненным вихрем, оправдывая свое имя. Кнута у Лили не было, но аварец сам по себе страшное оружие, тем более обученный.

Миранда бьется в руках какого-то бугая. Рядом стоит какая-то великосветская шлюха! Лилиа и в страшном сне не вспомнила бы баронессу Ормт. Сейчас для нее имела значение только Мири. Где ее охрана?

Не важно! Все потом!

– Отпустить!

Кучер шарахнулся. Мири этого хватило. Вид Лили привел ее в чувство – и она, извернувшись, вцепилась зубами в удерживающую ее руку. Ощутила вкус крови, рванулась, едва не попав под копыта Лидарха... Лилиа прыгнула на землю, подхватила малышку, прижала к себе.

– Я здесь, маленькая, все хорошо.

– Я так испугалась... мама...

Лилиа крепко прижала к себе девочку.

– Все. Все уже хорошо. Никто тебя не обидит, котенок, обещаю.

Девочка всхлипнула, уже чуть успокаиваясь.

– Мама, кто это?

Лилиа передала девочку подросшим вирманам, взглядом пообещав большие разборки. И нехорошо прищурилась на баронессу. Вытащила из-за пояса хлыст и сделала несколько шагов вперед. Взбешенная до предела. Сейчас она не задумалась бы и убить.

Ее ребенка трогать?!

Бывшая фаворитка попятилась, настолько страшным было лицо Лилиан. Только что клыки из-под губ не лезли.

– Ты, гнида, на моего ребенка руку поднимать будешь?! – Лилиа почти рычала.

– Н-но... я же не знала! – взывала баронесса.

Лилию это не успокоило.

– Если бы ты знала – я бы тебя вообще убила...

– Что здесь происходит?

Джерисон Иртон добрался до места происшествия. И увидел вовсе не то, что было на самом деле.

Гневную Лилию. Бледную баронессу Ормт. Вирманина с «мальчишкой» на руках. И искренне возмущенный, глядя на Лилию:

– Графиня, как вы можете себе такое позволять?

Лилиа зашипела кошкой. Она?! Позволяет?!

Еще минута – и досталось бы всем. И Джесу в первую очередь. Хлыстом поперек смазливой физиономии. Но положение спасла Миранда:

– Папа!!!

Она вывернулась из рук Лейфа и бросилась к отцу.

Теперь и Джерисон узнал родное чадушко, наклонился и подхватил малышку на руки. И стало видно, как они похожи. Одинаковые темные волосы. Синие глаза. Упрямые подбородки.

Лиля выдохнула. Ладно, пусть живет. Хотя бы дочку этот придурок любит.

– Миранда Кэтрин Иртон, тобой что, конюшню чистили?

– Нет! Пап, я коня чистила! Это мой жеребенок! Его зовут Шаллах! Лиля говорит, что он будет сильным и быстрым! Как настоящий аварец! А еще говорит, что о своем коне я должна заботиться сама!

– Должна, – согласился мало что понявший Джес.

Лиля еще раз вдохнула и выдохнула. И смогла наконец заговорить, не опасаясь, что сорвется.

– Объясните этой шлюхе, любезный супруг, что не стоит распоряжаться в чужом доме. И тем более пытаться причинить вред моей дочери.

– Вашей дочери? – опешил Джерисон. Ситуация развивалась слишком уж стремительно. Он нашелся бы с ответом, несомненно, но...

– Пап! Пусти! Мама, а кто такая шлюха?

Лиля чертыхнулась про себя. М-да. Нахватается от нее ребенок...

– Когда мальчикам страшно спать одним, а жены рядом нет, они берут к себе в постель специальных женщин. Чтобы те их грели и развлекали. Вот такие женщины и называются шлюхами, – объяснила она Мири, которая все-таки вывернулась из отцовских рук и подбежала к ней.

– Пап, а если тебе было страшно, почему ты маму не взял?

Мири каким-то детским чутьем поняла, что Лиле грозит опасность. И старалась защитить ее так, как могла. Подтверждая ее статус.

Это – моя мама!

Не трогайте ее!!

Я ее люблю!!!

И Джерисон это понял. Гневная речь замерла на губах. Он посмотрел на злущую Лилю, на баронессу Ормт, которая готова была впасть в истерику, на вирман, которые откровенно наслаждались представлением, на Миранду, которая так прижалась к его жене, что не отодрали бы и втроем.

– Дражайшая супруга, не затруднит ли вас забрать нашу дочь и подождать меня в доме?

Лиля чуть наклонила голову в знак повиновения и потянула за собой Миранду.

– Пойдем, малышка.

Развернулась на каблуках – только косища взметнулась. Подхватила девочку, поудобнее устроила на руках. И до Джеса донесся обрывок разговора:

– Миранда Кэтрин Иртон, я тебя чему учила? Если руки свободны – бей ножом. Где был кинжал?

– Я растерялась...

– Растерялась? Завтра занимаемся на час больше! Поняла? Отрабатываем уход от захватов!

Джес едва не сплюнул. Да что здесь вообще творится?!

Этот вопрос он задал баронессе. И еще спросил – за какой Мальдонаей она сюда явилась?

Баронесса клялась, что это недоразумение. Вчера она не успела пообщаться с милейшим Джерисоном и решила заехать по дороге. А тут мальчишка-конюх выходит из конюшни. Ну да, не признала она виконтессу. А когда тот начал дерзить... Это недоразумение! Страшное! Ужасное! Она бы никогда и ни за что!

Джерисон ей верил. Но чем дальше, тем отчетливее понимал, что попал. Крупно и лихо. Жена ему такого поворота событий в жизни не простит...

Лиля успела успокоить Миранду, и они договорились, что девочка приведет себя в порядок и отправится с вирманами домой, когда в холл вошел его сиятельство. Злобный, уставший и весьма недовольный баронессой.

– Что с Мирандой, графиня?

– Жива, здорова, сейчас поедет домой, да?

Миранда послушно кивнула. Пай-девочка, не иначе.

– И придумает там, зачем она приехала сюда...

Ответ Лиля знала. Девочка очень хотела видеть отца... Но нарушения правил безопасности это не оправдывало!

– Да, мам...

Джерисон не возражал. Им предстоял долгий разговор – и лучше бы без детей. Нет, если бы Лиля проявила хоть каплю агрессии, хоть малейшее желание поиздеваться да хоть легкий намек – он бы взвился. Но Лиля ничего подобного себе не позволила.

Увы...

Красивым женщинам мужчины прощают и легче и больше, чем некрасивым. То, что не простилось бы «розовой короле», легко было забыто при взгляде на очаровательную даму в темно-зеленом.

Иными словами, договаривающиеся стороны старались не нарушить равновесие. И пока им это удавалось.

– Что здесь делала баронесса?

– Клянется, что заехала по дороге навестить меня.

– Она и вас... навещала, как и его величество?

– Меня – нет. А что вы делали рядом с его величеством?

– Помогала его лечить. – Лиля была спокойна, как египетский сфинкс. – Мы будем говорить в холле?

– Пройдемте в библиотеку? – нашелся Джерисон и был вознагражден милостивым кивком.

Войдя в библиотеку, Лилян огляделась, уселась в кресло и посмотрела на супруга, предоставляя тому право высказаться первым.

Джерисон занял позицию в кресле напротив.

– Дорогая супруга...

От порога донеслось звяканье и грохот упавшей со столика вазы. Лакей в полном шоке смотрел на очаровательную женщину. И, кажется, не мог поверить, что это – Лилян Иртон.

- Ты что, сдурел?! - рявкнул Джерисон. - Живо все убрать! Шевелись, каналья!

Он осекся, увидев в зеленых глазах смешливые искорки. Лилиан поманила его пальцем, прося придвинуться поближе.

- Насколько же я изменилась... Удивительно, что вы меня узнали.

Джерисон, не будь дурак, тут же нашелся с ответом:

- Вас я узнал бы даже в крошечной тьме.

Ага, не иначе как на ощупь. Уже не узнал. И вообще...

Но иронизировала Лиля исключительно про себя. Вот такая грань. Лезвие бритвы. Нельзя дать себя подмять. Но и давить не стоит. А что надо делать? Вести переговоры.

Человек двадцать первого века не умнее и не лучше своих предшественников. Но преимущество его в том, что он быстрее обрабатывает информацию и привык к ее громадному количеству. Отсюда и чудовищная для человека Средних веков работоспособность и активность. Хотя лень - она всегда лень. Сейчас Лиля собиралась воспользоваться своими преимуществами в полной мере. И выторговать у графа по максимуму!

- Вашего лакея удар не хватит?

- Выживет, - буркнул Джерисон. - Нашего лакея.

- Хорошо. Нашего. Хотя я здесь не чувствую себя дома.

- Вы здесь были так недолго...

- Полагаю, меня с таким же успехом и здесь бы отравили. - Лиля вздохнула. - И даже сочувствую вам. Я себя почти не помню - тогда. Все затмевал какой-то туман... даже страшно иногда становилось. А если я из него выплывала, тут же хотелось вернуться обратно.

Не будем давить. Но виноват - ты! Каз-зел!

- Моя вина, что вас травили...

А подтекстом: «Разумеется, ты меня простишь, дорогая... женщины на меня дольше двух минут не сердятся...»

- Вы не Альдонай, чтобы все предусмотреть.

- Но я должен был о вас позаботиться.

Рука Джерисона легла на ладонь Лилиан. Она высвободила пальцы и поправила непослушный локон. Не оттолкнула, нет. Но и сократить дистанцию не позволила.

- Так был составлен контракт. Да. Но теперь поздно об этом говорить.

- И почему же?

- Потому что прошлое прошло. Вы живы, я жива, мы более-менее здоровы - говорю именно так. Вы ранены в руку. Я страдаю от последствий выкидыша.

- Что-то серьезное?

- По словам докторусов, мне нельзя беременеть еще пару лет. Иначе я могу погибнуть вместе с ребенком.

Джерисон активно изобразил сочувствие.

- Что ж, пара лет - это немного.

Лиля пожала плечами. «Немного? Для тебя это будет до-олго... блин, что ж я леди Вельс заложила? Надо было развестись, женить тебя на ней - тебе бы и корова ангелом

показалась...»

- Осталось определиться с нашими отношениями.

- Что с ними не так? Вы моя жена перед Альдонаем и людьми.

Вот пусть Альдоной тебе супружеский долг и исполняет. Перед людьми...

- У нас есть дочь. И скоро придется решать, за кого ее выдавать замуж. Что же до наших отношений... А как вы их видите?

Об ответе Лиля догадывалась по масленому взгляду, направленному на ее грудь. В мозгу благородного графа крупными буквами было прописано «ВСЕ БАБЫ – ТЕЛКИ». Со всеми вытекающими. А раз телки – их надо иметь. Но не слушать.

- Я буду вам плохой женой. Мне нельзя пока иметь детей.

Дойдет это до тебя или нет?

- Это не важно. Рано или поздно докторусы разрешат рожать, – отмахнулся Джерисон.

- А до тех пор вы будете развлекаться с любовницами? – Вопрос был поставлен резко и жестко. Зеленые глаза сверкнули яростными искрами.

- Не буду, – спокойно отозвался Джес. – Незачем. Рядом с вами все остальные женщины кажутся страшными...

- А леди Вельс с этим согласилась бы? Она несколько раз покушалась на мою жизнь. – Лилиан встала из кресла и заходила по комнате. – Я не виню вас за то, что было. Давайте признаем честно. Я нервничала перед свадьбой, я была сама на себя не похожа – вначале. А потом... потом все как-то завертелось. И вряд ли можно было посчитать привлекательной женщину, от которой оставалось только тело. Разум же... какой в дурмане разум? Но это было тогда. А что сейчас? Надо мной будут смеяться? Показывать пальцем: вот это графиня, это граф, а это его любовница?

- Успокойтесь. – Джерисон чуть ли не насильно усадил ее в кресло. – Раз уж вы сами все понимаете... скажите, зачем мне любовница с такой красавицей дома?

Лилиан насмешливо прищурилась.

- А красавица должна вытереть хрустальную слезинку и упасть к вам в объятия?

Ирония удивила Джерисона. Нет, а что не так? Они женаты, он привлекателен, она привлекательна...

- Почему бы и нет?

- А почему – да?

- Потому что вы моя жена.

- А вы об этом помнили, когда крутили любовь с другими женщинами?

В голосе Лили звучала такая обида, что Джерисон невольно усмехнулся про себя. Женщины, все они женщины... Готовы простить что угодно, кроме наличия соперниц.

- Других больше не будет.

Джерисон даже не сомневался в силе своего обаяния. А Лили даже и не думала давить. Она страдала.

Она давно поняла, что малейшая попытка давления приведет к установлению отношений а-ля каменный век. Дубинкой по башке – и в кровать.

Туда не хотелось. Во всяком случае – пока.

Привлекателен все-таки... граф! Этого у него не отнять. Ну и что? Все равно еще

побегаёт за своей же женой.

Любовь? Господи, да о чем вы?

Если ее сейчас признает и Джерисон Иртон – все, подозрений на ее счет не будет.

А вот если графа бортануть – он точно поднимет волну... начнутся неприятные вопросы, упреки...

Лиля отлично понимала, что сейчас она держится за счет своей полезности. Король ее терпит потому, что она его лечит. И потому, что из ее мастеров со временем вырастет неплохой противовес гильдиям. И они это тоже постепенно осознают. Это раньше у Эдоарда не было альтернативы. А сейчас, когда он получил возможность поднять гильдии, чтобы он ею не воспользовался?

Да он ради такого и Мальдонау потерпит. Не то что Лилиан Иртон.

– А сколько их было? Да при дворе каждая вторая мне вслед усмехается!

– Забудьте о них.

– Разве это легко?

Примерно в таком ключе разговор продолжался минут двадцать. Супруги сошлись на том, что надо, надо появляться при дворе почаще. И вместе. Чтобы всем заткнуть рты.

Джерисон клятвенно обещал не волочиться. Лиля смотрела с недоверием, но изображала кого-то вроде Татьяны Лариной. «Онегин, я тогда моложе, я лучше, кажется, была, и я любила вас...»

Признание в любви тоже прозвучало. И красочное описание Лилиных страданий, когда она пришла в себя. Ребенок потерян, замок развален, муж пошел по любовницам... «А я ведь любила, я страдала, как вы могли причинить мне такую боль?»

И слезы, слезы ручьем.

Мужчины, не верьте в женские слезы. Если они не луковые, конечно. Любая женщина может плакать по заказу.

И Джерисон расслабился. Все укладывалось в схему. Слабая женщина, хрупкое создание, нервы, ревность...

Ну не мог, никак не мог благородный граф воспринимать женщину всерьез как хозяина и управителя.

Замок?

Все было в развалинах, но сначала я крутилась как могла, а потом отец прислал доверенного...

Производство? Папа помог. Прислал своих людей... Тарис Брок, его доверенный...

Докторусы? Случайность, если бы они были в Иртоне раньше, наш ребенок остался бы жив... О-о-о, наш несчастный ребенок, простите ли вы меня когда-нибудь за него? Если бы докторус Крейби не опаивал меня, пока вы были в отъезде, какое горе...

Вирмане? Отец помогал им с кораблями и когда узнал... Граф, я не могла даже надеяться, вы были так заняты, ваши солдаты оказали неоценимую помощь...

Ханганы? Чистая случайность. Я искала лучшего докторуса, чтобы больше никогда не повторилась история с выкидышем.

Лиля внимательно приглядывалась к Джерисону. Граф не считал нужным скрывать свои эмоции, поэтому легко было угадать, что и как говорить.

Как проще всего убедить человека в своей безобидности? Говорить ему то, что он желает услышать.

Лиля просто перевела стрелки на своего отца. Тому было ни жарко ни холодно, а Джерисон убедился, что любовника у его супруги нет, и успокоился. Август имеет полное право помогать дочери. А если еще и по просьбе зятя, мол, муж уехал, за ней надо приглядеть...

Ему даже в голову не пришло заподозрить Лилиан в изощренном коварстве. И осуждать за это мужчину не стоило. Каждый представитель сильного пола свято уверен, что женщина – это нежное, трепетное создание.

И объяснить, что нежное создание может одним взглядом коня остановить, и вообще... Встает трепетное создание в пять утра, готовит завтрак, кормит-собирает супруга, кормит-собирает детей, отводит их в школу, мчится на работу, в обеденный перерыв еще успевает в магазин, после работы мчится домой, там опять по кругу: ужин – супруг – дети – тетради – свекровь – супруг... а еще постирать, убрать, приготовить, помыть-почистить...

И сколько там нежности останется?

Да приличная лошадь, двигаясь по такому графику, давно загнута бы. А женщины бегают из года в год.

Лиля всхлипывала, показывая свою слабость. Говорила о своем разбитом сердце. Джерисон успокаивал ее, но палку не перегибал. Любую женщину можно уложить в постель, но спешить не стоит. Он женщин никогда не насиловал – зачем? Сами готовы были. И начинать с супруги тем более не собирался. Чуть раньше, чуть позже – поломается и тоже упадет ему в руки.

Чего уж там – сейчас перед ним незнакомка. Эту Лилиан он просто не знает. А знал бы...

Джерисон сейчас задавал себе вопрос: если бы на свадьбе он увидел эту женщину, как бы он поступил? Уж точно не стал бы напиваться. И не отослал бы ее...

Джес был сердит. И на жену, и на себя... только вот Лилиан вела себя так, что напуститься на нее было просто не за что. Упреки? Да. Но со слезами. И без злости, без истеричности. Не так: «Сволочь, негодяй, мерзавец!!!» Нет.

«Мне было так плохо, я хотела умереть, Вы все не писали и не писали...»

Близкие по сути, но очень разные по формулировке претензии.

Лилиан балансировала на тонкой грани. Передавишь – взрыв. Недодавишь – придется покоряться и прогибаться. И каждый шаг почти вслепую, каждое движение как на льду... страшно. А выхода нет...

Джес пару раз попытался распустить руки – приобнять, погладить по плечу... с-скотина, но Лиля удачно увернулась, разрыдалась, принялась расхаживать по комнате...

И хорошо, что она успела перемигнуться с вирманами. Олаф («Умничка, расцелую!!!») выждал законный час (плюс-минус десять минут) и поскребся в дверь.

– Ваше сиятельство, вы к альдону сегодня хотели... Он ждать будет.

Джерисон сверкнул глазами на вирманина, но тому, хоть усверкайся, все было как слону бананы.

Лиля схватилась за голову.

– Ой Альдонай! Меня же ждут. Ваше сиятельство, дорогой супруг, мне надо бежать.

– Я могу составить вам компанию?

Отказа граф не ожидал. Его и не последовало.

– Разумеется. Не сомневаюсь, что альдон Роман будет счастлив видеть вас. Он мне уже намекал на нашу семейную жизнь...

Лиля спешно вытащила из кармана зеркало, погляделась, вытерла слезы,

высморкалась – сейчас ветерком продует... хоть она и блондинка, но удачная. Есть те, которым плакать никак нельзя. С тонкой кожей... а у нее шкурка плотная, гладкая. Через двадцать минут и следа не останется.

Или это экология такая? А, не важно...

После упоминания о семейных ценностях супруг явно передумал. И Лиля удрала. Разумеется, пообещав вернуться домой вечером. А где ее дом? Пока – в поместье Алисии Иртона. А что имел в виду граф? Вот что хочет, то пускай и имеет...

К альдону Лилия действительно сегодня собиралась. Но только после обеда. И раз уж она в столице...

– Поедем на стройку?

Олаф кивнул:

– Ваше сиятельство...

Лилия смотрела грустно.

– Ты о графе? Не бойтесь ничего. Официально – вы люди моего отца. И все остальное завязано именно на него. Что бы граф ни попытался сделать со мной, вас это не коснется.

– Так ведь я не о том... Разрешите?

– Давно разрешила.

– Не годен он вам! Бабник...

– Сама знаю, – вздохнула Лилия. Вот честно: если раньше она думала, сохранять ли статус-кво ради Миранды, то сейчас решила разводиться – и однозначно! Почему?

Граф Иртон был хорош. Красив собой, статен, неглуп. Но! Одно проклятое «но»!

Лилия обязана была иметь семью. Крепкую и хорошую. То есть в ее понимании семья была сделкой. Она обеспечивает мужу любовь, заботу, детей, репутацию. Муж ей – то же самое. Ну ладно, детей может не рожать, пусть просто участвует в процессе зачатия.

А что будет с графом Иртоном?

Проблемы. Однозначно. Господин граф самолюбив, горд, эгоистичен, ходок. Вопрос: можно ли перевоспитать человека, наделенного такими достоинствами? Ответ: не стоит и пытаться. Это все равно что алкоголика кодировать. Рано или поздно, так или иначе – он сорвется. Исключения подтверждают правило. А если кто-то сейчас заговорит о великой любви...

Вот заговорите мне только!

У Джерисона Иртона есть уже одна любовь. Зато всей жизни.

Он любит себя.

Любил Амалию, земля ей пухом, Миранду любит чуть меньше. Дальше по списку – Эдоард, Рик, кто там еще... А, кто бы ни был – не важно! Она в этот список все равно не попадает. Она – просто приложение. Сначала к верфям, потом к выгодному бизнесу... но любви между ними не вспыхнуло. И вряд ли появится.

Лилия вспомнила уже почти призрачное... Аля Скороленок, тогда еще шестнадцатилетняя. Лешка Сатин. Призывник, на пару лет старше ее. Это потом он уже учился, все потом...

А тогда – двое ребят, которые катятся с горки на санках. И смеются. Весело смеются. У него увольнительная, у нее выходной и каникулы – они просто счастливы. Сосны раскачиваются над головами, вздымается серебристым одеялом снег, сияют глаза... санки замедляют ход, и они смотрят друг на друга. Просто смотрят. И светятся.

Это сияние любви описывается в романах, пьесах, кинофильмах... но в жизни... в жизни происходит иначе. Ты просто смотришь на человека и понимаешь, что он – твоя жизнь, твой свет... и без него будет темно, пусто и холодно. И никак иначе.

Вот с Лешкой так было. С Джерисоном же... «Не верю!» – скулили осколочки прежней Лилиан. Скулили и стонали. Но Лиля безжалостно затаптывала их в прах. Не фиг! Ибо на фиг!

Итак. Любить ее Джерисон не будет. Значит, рано или поздно пойдет налево. Такой человек. И ничем его не удержишь. А значит, смешки за спиной – это раз. Болячки – это два. Антибиотиков тут нет, а вот сифилис есть. Надо? Перебьемся.

Дети? Дети от него будут неплохие. Но их еще воспитывать надо. Результат воспитания Джерисона она видела. Миранду едва успели спасти от превращения в копию Лилиан-первой. А родных детей ей дадут воспитать нормально? Могут и не дать. С его-то самомнением...

Дела Лиля бросать не собиралась. То есть граф так или иначе оказывается на вторых ролях рядом с женой. Нет, кто поумнее примет это спокойно. Лиля знала такую семью. Она бизнесмен, он полковник, собирался стать генералом со временем – отличный рабочий тандем. Мужик принял, что жена – талантливый экономист, и даже гордился этим. Да, она сильная, она умная женщина – завидуйте мне! Вам такой не досталось! Она – моя жена, и я ее люблю! Джерисону до таких высот не подняться.

Он ее не любит, не уважает, а ценить будет... а будет ли?

Собственно, сохраняя существующее положение вещей, что мы имеем?

Миранду. Титул. Активизированный геморрой с супругом.

Бросаясь альдону в ноги с воплями о неверности супруга, что мы получаем?

Титул его величество обещал. Хотя тут вилами по воде. Значит, надо будет сразу искать нового супруга. Король подберет из «угодных короне». О каком-то выборе по любви речи не идет. Потолок – два-три кандидата, чтобы создать видимость этого самого выбора. Это мы переживем? И даже пережуем. Собственно, брак по расчету Лилу бы вполне устроил и с Джерисоном. Но вот беда, граф ее доводов не примет.

Она – баба. То есть нечто безмозглое по определению. Вы бы стали беседовать с хомячком о его вкусах, оборудуя аквариум? О нет. Все устраивается так, как нравится человеку. А хомячок... сдохнет – нового купим. Значит, рано или поздно граф начнет закручивать винтики, потом пойдет налево, потом пойдут скандалы, а она лишится репутации, ибо кучу времени будет тратить на скандалы. И вообще, как ты дела ведешь, если со своим мужем договориться не можешь?

Не-эт, такой номер не пойдет.

Развод?

Лиля покусала ноготь прямо через перчатку.

Дадим Джерисону месяц. В течение которого она будет вести привычный образ жизни. Если он проявит себя как умный человек – отлично. Если начнет давить ей на психику – разрулим ситуацию жестко. Кстати, надо бы начать подготовку уже сейчас. Найти милую даму, которая за энную сумму, пожертвованную посторонним лицом, согласится за удовольствие. Ну и раскрутить графа на пару побрякушек, чтобы компромат был повесомее.

Вопрос в другом. Допускать до себя или не допускать?

С одной стороны – лучше бы не надо. Мало ли чего товарищ нахватался по командировкам.

С другой стороны – мало ли что и где случится? Стрессовые ситуации, нервы, законные права, ущемленная гордость – никогда не угадаешь.

Можно взять противозачаточное у Джейми. Пока она замужем – это нормально. Секс – природная потребность организма. В данном случае, ибо о любви речь не идет. А вот для восстановления гормонального баланса – надо бы хоть пару раз... Впрямую отказывать мужу в его законных супружеских правах Лиля не собиралась. Как, впрочем, и бросаться на шею с воплем: «Милый, я тебя хочу!» Что выйдет, то и выйдет.

А получив искомое, он может успокоиться и начать жить как привык. Появится возможность провести «краш-тест» пораньше.

Сегодня мужа гоним?

Посмотрим. Может, и гнать не придется. Иди сюда, супруг, я на все согласная...

Лиля ехидно усмехнулась.

Если он сможет безболезненно выставить из ее спальни Миранду, двух собак и мангустов. Ладно. За последних она ему даже спасибо скажет. А то мангуст-мальчик, Таш, повадился спать у нее на голове. А видеть, открывая глаза, мангустову филейную часть с прилегающими органами мало кому понравится.

Модный дом строился рекордными темпами. Были готовы стены, собирались делать крышу. Уже в этом году он распахнет свои двери. Скорее бы...

Торес Герейн отчитывался перед хозяйкой и видел – довольна.

Вместе еще раз распланировали. Летний зал с террасой. Зимний зал с большими окнами и здоровущими каминами. Десять примерочных. Семь на первом этаже, три – ВИП, на втором. Помещения для персонала, кладовые, мастерские...

По всему видно – места хватало впритык.

– Ваше сиятельство, а если нам еще земли докупить?

Лиля мысленно пересчитала наличность. Эввиры за дело взялись рьяно, и процент капал. Девушки активно плели кружево. А уж что до зеркал и стеклянной посуды...

– А, покупай! Потом она тут золотая будет.

Герейн радостно потер руки.

– Так, может, тут и парк разбить?

– Там посмотрим.

Хотя идея с парком Лиле понравилась. Там можно игровую для детей устроить, что зимнюю, что летнюю. Кусты фигурно подстричь. Дорожки проложить. Ну и много чего еще сделать...

Модный дом «Мариэль».

Звучит!

Альдон Роман листал свежееотпечатанное «Слово Альдоная». Пока – десяток страниц, единственный экземпляр. Пока...

Но навстречу Лилиан встал. И даже соизволил чуть наклонить голову.

Лиля отвесила поклон, опустилась на колено, сотворила все полагающиеся знаки.

– Пресветлый...

– Встань, дитя Альдоная.

Вот чем Лиле откровенно нравились местные священники – они никогда не говорили

«дитя мое». Только – «дитя Альдоная». Тут нет «раба божьего», тут есть «дитя Альдоная». Большая разница? Принципиальная.

Лиля послушно поднялась, села в кресло и даже выпила немного черничного отвара – альдон ей спиртного не предлагал, уже усвоил...

– Я слышал, вернулся твой супруг?

– Да, пресветлый.

– Ты встретила его радостно, как и полагается?

Подтекст был очевиден: встретить-то ты его встретила, а потом?

Лиля опустила ресницы.

– Джерисон Иртон – мой муж.

– И вы, разумеется, будете счастливы. Я буду молиться за то, чтобы у вас все сложилось хорошо.

«У вас» было выделено интонацией. Лиля спрятала улыбку.

Ну да. Джерисон альдону по большому счету не нужен, а вот без Лили ему не обойтись. Ибо она владеет секретом производства бумаги и технологией печати. А вдруг потом и чего еще изобретет?

До идеи гравюр тут еще не дошли. А Лиля ведь кое-что помнила... Но это пока придерживала в рукаве.

Хорошо уже то, что она может обратиться за помощью к церкви. Монастырь – не лучшее место. Но все-таки... смотря как его оборудовать. Иные ученые монахами и были. А иные монастыри – борделями.

– Да услышит вас Альдонай.

Альдон кивнул и плавно перешел к тому, что его интересовало. А именно – к бумаге и ее производству. Крапива, конопля, другие волокнистые растения – что-то было куплено, что-то засеяно, оставалось устроить цеха и наладить оборудование. Часть уже была готова в Тарале.

Определились с составом чернил. Лиля с ними чуток помучилась, но теперь они не расплывались при малейшем попадании воды. Вообще-то это уже до нее сделали, но чернила были грубые и нехорошие. А вот если процедить, добавить чуть спирта...

Маленькие такие хитрости. Но ведь полезные?

Бумага, чернила, рабочие – не графиня ж будет этим заниматься, а стало быть, надобны грамотные люди. Кто? Лучше всего – монахи. Они и неглупы, и образованны – в отличие от части местного дворянства. Альдон, когда с ним об этом заговорили, даже нос кверху задрал. Да и было от чего. Хвалила Лиля монахов так, словно собиралась по весу золота продавать.

Так что были выбраны герои-первопечатники, сейчас они тренировались с уже имеющимися литерами, но вскоре их ждал новый набор. И даже был согласован первый список изданий, в котором наряду со «Словом Альдоная», житиями святых, королевскими указами и «Книгой семейств» (местные генеалогические древа с подробной росписью – кто, кому, кем и когда приходился) были две скромные строчки.

Букварь.

Арифметика.

И вот за них Лиля стояла насмерть. Чтобы дети хоть что-то знали, следует научить их письму и счету. А потом уж они и сами учиться начнут. Альдон подумал, понял, что эти книги будут полезны, и согласился. А его величество и спорить не собирался. Зачем? Результат все равно будет в его пользу, и королевство обогатится грамотными

специалистами.

Вечером Джерисон, граф Иртон ждал домой жену.

Ради такого случая граф изволил побриться, протер кожу куском ткани, смоченным в розовой воде, надушился, надел красивый камзол и даже разложил подарки. Да, уже купленное не подходило по всем параметрам. Ну хоть что-то подарить. Женщины любят знаки внимания.

Увы... Графиня не приехала. Терпения высокородного графа хватило часов до восьми, и он, вспомнив, что жена живет у его матери, рванул в поместье верхами. Не забыв прихватить с собой свитки, которые прислал ему Рик.

Как на грех, зарядил противный мелкий дождичек, так что в поместье граф приехал изрядно подмоченным. И первым делом попал в руки вирманам. Которые тут же и взяли его в оборот на предмет злоумышлений в адрес графини. А то ездят тут всякие, а потом в графиню стрелы из-за кустов прилетают...

Джерисон с удовольствием натравил бы на них слуг или сам ввязался в драку. Но когда ему навстречу выехали два бугая и скромно так предупредили, что у них тут в засаде еще двое с луками, передумал. Ну ввяжется он в драку. А его стрелами утыкают. Их-то потом казнят. А его воскресят? Ой ли... Такими чудесами только Альдоной занимается.

Но долго его вирмане не промурыжили. Расспросили подробно и даже проводили до дома, где навстречу ему вышел Эрик.

- Ваше сиятельство, рад вас видеть.

- Эрик...

Граф без особых терзаний пожал руку вирманина и огляделся.

М-да. Зброшенное ранее поместье матери преобразилось. Все вымыто, вычищено, коврики постелены...

- Эрик! Кто там? - В холл выбежала типичная эввирка средних лет.

- Его сиятельство, Лория.

- Охти! Неужели муж графинюшки? - всплеснула руками Лория. И, видимо углядев подтверждение в глазах вирманина, перешла к делу: - Ваше сиятельство, мы рады вас видеть. Графиня скоро вернется. А пока не угодно ли вам горячую ванну? А я вашу одежду просушу, горячего вина подам... ведь заболеее, по дождю-то скакать!

- Откуда вернется? - уловил главное его сиятельство.

- Так от альдона же! Она всегда гонцов присылает, а то и голубей, мало ли что. Мы за ужин обычно без нее не садимся, но если уж она задерживается...

- Ужин?

- Да, ваше сиятельство. Соизволите попробовать? Пойдемте, я вас в графинюшкины покои провожу...

Видимо, Лория владела основами цыганского гипноза. Джес безропотно проследовал за ней, и спустя полчаса обнаружил себя сидящим в горячей ванне с ароматическими маслами.

Две служанки, полная противоположность королевским, помогли ему вымыться, причем одну он, кажется, узнал. Еще из Иртона... Или нет? Кто будет запоминать лица слуг...

- Это кто же такое оборудовал?

- Госпожа графиня. Она каждый вечер, почитай, мыться изволит.

Джес присвистнул. Нет, ну откуда что берется? Ей-ей, если бы он не был уверен, что это точно Лилиан, подумал бы, что ее подменили еще в Ирtone.

После ванны Джес почувствовал себя довольным и голодным. И тут же появилась Лория с большим подносом. Еда была вкусной, но опять сильно удивила мужчину. Никаких изысков. Здоровущий кусок мяса – как оказалось, мясного рулета, картофель, взбитый со сливками, тушеные овощи, пирог с ягодами и два кувшина, с вином и с чем-то кисловатым, но ужасно вкусным.

Посуда из цветного стекла, красиво. Столовые приборы ничуть не хуже тех, что купили они с Риком. А то как бы и не получше. Белые салфетки, белая скатерть, вышколенные слуги.

Джерисон с аппетитом поел и не заметил, как задремал. Лория подхватила кубок, едва не выпавший из его руки, и позвала стоявших за дверью вирман.

Джеса честь честью подхватили на руки, отнесли в гостевую комнату, уложили на кровать и укрыли одеялом. О чем и доложили приехавшей через полтора часа Лилиан.

Лиля, усталая как собака, выпила кваса и распорядилась: если супруг спит, то и пусть спит. Спросила у Лории, виделась ли с ним Миранда.

Нет? Почему? Ах, была на занятиях, а когда граф приехал, девочке никто об этом не сообщил... ну и ладненько.

– Лория, а между нами, по секрету, с чего бы граф заснул?

Судя по хитрым глазам женщины – со снотворного. Но признаваться она не собиралась. Лиля фыркнула и отправилась сначала в ванную, а потом спать. Миранда уже сопела в две дырочки, собаки дрыхли внизу, медленно передвигаясь к кровати, – точно, к полуночи опять на одеяло заберутся, морды. И уже самым краем сознания Лиля уловила что-то теплое, устраивавшееся у нее на голове.

Опять с утра мангустов гонять...

Знал бы граф Иртон о фильме «Неуловимые мстители»...

Собственно, супругу он поймать просто не смог.

Та встала с рассветом, отправилась на службу, потом побеседовала с пастором, который потихоньку готовился принять сан патера, подурачилась с Мирандой и удрала в Тараль.

Джерисон же проснулся намного позже. И от дивного ощущения.

Благородному графу приснилось, что на него уронили дерево. Пришлось начать его спихивать, дерево цапнуло его за руку (не больно) и сказала «р-р-р».

После такого хочешь не хочешь, а глаза открыть пришлось.

И Джерисон обнаружил себя в кровати в компании двух здоровущих собак. Обе улеглись, положив на него и морды, и передние лапы, и слезать определенно не собирались. Наоборот – смотрели с явным укором. «Мужик, ты чего, хорошо ж лежим...»

Пришлось спихивать уж вовсе не культурно.

И звонить в колокольчик, который обнаружился возле кровати. Прилетели служанки и получили вопрос – что это за зверье в кровати благородного господина?

Увы... зверье оказалось личными сторожевыми ее сиятельства Лилиан Ирton и ее сиятельства виконтессы Ирton. Две здоровущие зверюги, которых звали Нанук и Ляля, свободно гуляли по дому. А спать с людьми они привыкли. Госпожа графиня их в спальню обязательно запускает, после того как на нее убийца покушался...

Зверюг выгнали, притащили таз для умывания, одежду благородного графа, поинтересовались, изволит ли он завтракать в комнате или для него накрыть в столовой, получили ответ, что спустится, и принялись помогать одеваться.

Между делом Джерисон попытался узнать, где жена, и услышал, что супруга его, благочестиво помолившись, отбыла по делам в замок Тараль.

Вернется? Да, наверное, к вечеру...

Джерисон быстро позавтракал и поспешил на конюшню, чтобы ехать в Тараль. Но, выйдя во двор, остановился как вкопанный.

Несколько десятков детей – так показалось Джерисону, на самом деле их было около двадцати – играли в странную игру. Нарисованный круг, кинжалы, которые они бросают себе под ноги, потом проводят полосы по кругу... И среди них – Миранда! Веселая, довольная.

– Миранда!

Девочка заметила отца, помахала рукой:

– Пап, я сейчас! Только выиграю!

Сделав нескольких бросков, она пожала руку мальчишке, который находился с ней в круге, и подбежала к Джерисону.

Граф подхватил дочь на руки.

– Уф! Ну ты и теленок!

– Телочка, – ничуть не стесняясь, поправила Миранда. – Я – женщина.

Джес фыркнул.

– А во что ты играла, женщина?

– В ножички.

Мири в нескольких словах объяснила правила. Джес задумался и попросил показать нож. Увиденное ввело его в легкий ступор. Нож был вполне серьезным. Хорошее лезвие, рукоятка, обтянутая акульей кожей...

– Таким и убить можно.

– Можно, – подтвердила Миранда. – Поэтому с ним надо обращаться очень осторожно. Это не игрушка, а боевое оружие.

Джес, который собирался сказать примерно то же самое, поперхнулся – и дочка постучала его по спине.

– Пап, ты в порядке?

– Да, вполне. А кто тебе его дал?

– Это мне дядя Эрик подарил. Ты не думай, мама разрешила.

– Разрешила?

– При условии, что я научусь с ним обращаться. Мало ли что. Вот если бы я умела, когда меня барон Донтер похитил, я бы его точно убила!

Мири слезла с отцовских рук, огляделась, показала на несколько деревянных столбов:

– Вот, смотри...

Нож свистнул и вонзился в мишень. Вполне неплохо для маленькой девочки. Джерисон только головой покачал. Но ведь и не скажешь ничего. Действительно, похищение было. И лучше иметь козырь в рукаве (нож тоже подойдет), чем оказаться в решающий момент полностью беспомощной.

– Я еще поговорю об этом с мамой.

- А ты мне ничего такого не привез?

Джерисон покачал головой.

- Ты же девочка. Виконтесса...

- И что? Теперь мне себя защищать не надо?

Джес вздохнул. После похищения любые аргументы звучали бы неубедительно.

- Надо. А с кем ты играла?

- С Марком. Он сын пастора Воплера.

Тоже не самая лучшая компания, но по нижней планке подходит. Придаться сильно и не к чему.

Надо ехать к жене, в Тараль.

- Ваше сиятельство, я говорил с Анелией.

- Судя по твоему сияющему лицу, она тебя не отослала прочь?

Лонс сдвинул брови.

- Ваше сиятельство...

- Да рада я за тебя, рада... просто подумай сам. Эдоард очень хочет союза с Гардвейгом. У них уже все фактически решено.

- А не с Ивернеей? С Гардвейгом у него и так хорошие отношения...

- Анелия сказала?

- Д-да...

- Лонс, ты же бываешь при дворе, ты много слышал...

- Ваше сиятельство, если мы решим бежать...

- Ты получишь либо дорогу в Иртон, либо рекомендации в Ханганат. Амир тебя возьмет в секретари, он уже оценил твой ум. Но вот тебе мои условия. Когда вы бежать собираетесь?

- Мы с Анелией встретимся в храме...

- Там и обговорите?

- Ну да.

- Лонс, мои условия, на которых я для вас выкладываюсь, таковы. Обо мне ты Анелии и слова не скажешь. Понял?

Лонс кивнул:

- Клянусь честью.

- А еще... ты понимаешь, какой это будет скандал? Если твоя любовь водит тебя за нос...

- Ваше сиятельство!

- Что - ваше сиятельство? - ворчливо огрызнулась Лиля. - Ты понимаешь, что, если тебе врут, - это верная смерть?

- Анелия не такая. Она добрая, нежная, наивная...

- А ты понимаешь, что при выборе между тобой и принцем, в дальнейшем королем, Анелия выберет не тебя?

- Она меня любит.

- Она тебя уже раз похоронила. Значит, так. Второе мое условие. Садись и пиши. Своей рукой, всю историю, потом я позову пастора, он все засвидетельствует, запечатаем и будем хранить.

- Зачем?

- Если с тобой что-то случится, я хотя бы буду знать, кому отрывать голову. - Лиля невесело ухмылялась.

Елки, ну неужели трепетность и хрупкость могут произвести такое впечатление? Неужели, чтобы вертеть мужчинами, надо активно изображать беспомощную дуру?

Тьфу!

- Ваше сиятельство, - насупился Лонс.

- Пиши. Если все будет хорошо - сама сожгу.

Из Таралья Лиля отправилась к его величеству. Король как раз обедал, но графиню Иртон провели незамедлительно.

Лиля присела в реверансе, улыбнулась Тахиру и заняла свое место неподалеку от короля. При этом, кажется, кому-то сильно наступив на ногу. А, не важно. Подвинутся.

Гардвейг и его дочь на обеде не присутствовали. Ричард куда-то умчался, кажется, проверять, как идут дела у ивернейцев. Ибо вторая невеста должна была прибыть со дня на день.

Придворные косились, ухмылялись и явно завидовали. Лилиан Иртон определенно записали в фаворитки... болваны!

Спать-то можно с любой. А вот найти хорошего медика в любые времена было сложно.

После обеда Эдоард поманил графиню пальцем.

- Ваше сиятельство, вы будете сопровождать меня на прогулке.

Лиля сдвинула брови. Королевскую прогулку она знала. Долго, утомительно... ему бы полежать. Но как оказалось, - король сократил прогулку до получаса.

- Следую вашим рекомендациям.

Лиля усмехнулась:

- Разве я могу, ваше величество?

- Графиня, я подозреваю, что и вы, и Тахир Джааман - страшные тираны. - Эдоард явно подшучивал над графиней. - Как у вас дела в Тарале?

- Все идет полным ходом. Дней через пятьдесят мы запустим производство на полную катушку. Если никто не помешает.

- А пытаются?

- Вирмане несколько раз выдворяли с территории странных людей, которые очень хотели посидеть у огонька ночью, на морском берегу. С собой у них была легковоспламеняющаяся жидкость... в весьма удобной для метания таре.

- Вот как? И кто же эти люди?

- Ваше величество, с этим разбирается Ганц Тримейн.

- Я смотрю, вы с ним хорошо сработались, графиня.

- Он очень умен, ваше величество.

Лиля подозревала, что Ганц видит ее насквозь – во многом. Но молчит. Она выгодна, полезна, может дать многое. Так почему не закрывать глаза на некоторые ее странности? Вот если бы супруг проявил такое же понимание...

- А ваш супруг, графиня?

Серые глаза короля смотрели холодно. Лиля не дрогнула.

- Мой супруг? После нашего разговора у вас мы не виделись.

- Вот как?

- Джерисон приехал ко мне, в поместье вдовствующей графини Иртон. И, видимо от переутомления, уснул, не дождавшись меня. Я же из Таралья возвращаюсь поздно...

- Графиня, вы – женщина. И государственные дела не должны идти в ущерб семейным. – Впрочем, в выговоре не хватало строгости.

Она не должна? А производство кто запустит? Уж точно не граф, потому как не представляет, что надо делать.

- Я поговорю с Джерисоном и прикажу ему сопровождать вас в Тараль. Пусть оценит вашу значимость для страны, ваши... деловые качества.

- Благодарю, ваше величество.

- Не благодарите, графиня. Тем более что я рад вас видеть еще и по другой причине.

- Вашему величеству достаточно только приказать, – присела в реверанс Лиля.

- Графиня... – Эдоард сделал короткую паузу, подбирая слова. – Я очень доволен вашей помощью. И помощью Тахира. Но мой венценосный брат, его величество Гардвейг, скорбен здоровьем. И рад был бы видеть знаменитого докторуса из Ханганата. А Тахир, в свою очередь, заявил, что никуда и никогда не ездит без своей ученицы. Без вас, графиня.

- Вы против, ваше величество?

- Нет, графиня. Тахир рано или поздно уедет в Ханганат. А вы останетесь. Пусть при дворе будет хотя бы один грамотный докторус. А там и ваш проект по созданию школы потянем, с помощью Альдоная.

- Тахир будет рад помочь.

- Не сомневаюсь. Он предан вам, что очень странно для хангана. И называет вас не иначе как Лилиан-джан.

- Ваше величество, это всего лишь знак уважения.

- В Ханганате женщина – это красивый цветок. И уважать его...

- Тахир вечно стремился к знаниям. И, увидев то же стремление во мне, не обратил внимания, юбку я ношу или штаны.

- Дерзите, графиня?

- Как я могу, ваше величество?

- Вы – можете. Ведь за вами стоят вирмане, ханганы...

Ответом Эдоарду была делано невинная улыбка.

Не то чтобы король желал разозлить графиню. Скорее просто прощупывал по привычке. Ее сиятельство была абсолютно спокойна. Словно речь шла о вышивке, а не о ее делах, ее заботах...

И вот это удивляло короля. Что отец, что дед Лилиан Иртон – личности весьма незаурядные. Если бы она ничего от них не унаследовала, было бы странно. Многое можно объяснить воспитанием. Опять-таки дом корабела, купца... Поневоле чему-то да научишься.

И даже ее странные познания... Эдоард вспомнил королевскую библиотеку – кто знает, может, и там, если мыши не сожрали, можно найти много интересного.

Это объяснимо.

Но где, во имя Альдоная милосердного, она научилась приручать и использовать людей? Этому не научат ни в каких школах! Для этого нужен талант, навыки, знания – и Альдонай! – полная отдача.

Можно просто использовать. Но ведь ее люди ей преданы! До глубины души!

Вирмане... Ладно, они просто подвернулись под руку. Но ведь нашла она общий язык с этими морскими волками! И вот уже приплывают корабли с черными щитами на мачтах. И эти люди преданы ей. Он видел тех, кто приходил с ней во дворец. Даже сомнений не было, что за одно слово, один неуважительный жест в ее сторону они порвут на части любого!

Пусть тут взаимная выгода, но такую преданность надо заслужить.

А Ганц? Он душой и кровью принадлежит королю. Но бережет эту странную женщину. Бережет, защищает...

Тахир? Ханганы? Излечение принца – и вот уже они чуть ли не виляют хвостиками у ее ног... Нет. Не виляют. Они преданы ей. Но почему?

– Я принимаю службу своих людей, ваше величество. И плачу им своей преданностью. Они готовы для меня на то же, на что и я готова для них. – Лиля не прятала взгляд. – Я помогла им. Дала возможность выжить, взлететь, поддержку, помощь... Я получаю то же в ответ.

– Я начинаю завидовать вам, графиня.

– Не стоит, ваше величество. Это ведь такая же каторга. Только мне легче. Я отвечаю за нескольких людей, а вы – за всю страну.

– Что-то я не наблюдаю таких же преданных...

– Ваше величество, – интонации были явно укоризненными, – не смотрите на этих, – небрежный взмах заключил в себя полдвора. – А ваши представители? Мой супруг? Я мало вращалась при дворе, но всегда есть те, кто предан королю и своей стране. Просто они обычно живут там, где преданность доказывают не красивыми словами, а делами. Например, барон Авермаль. Он усердно трудится на благо короля – без всякой надежды попасть ко двору.

– Графиня, вы заставляете меня стыдиться.

– Ваше величество, могу ли я...

– Можете. Взять Тахира и отправиться к моему венценосному брату. Сегодня же.

– Воля вашего величества – закон. – Лиля присела в поклоне. – Но как быть с моим супругом?

– Неужели такая умная женщина не сможет найти общего языка с супругом?

Лиля вздохнула. У королей как-то не принято спрашивать – издеваешься, гад? А ведь явно издевается...

- Я немедленно...

- О нет. Немедленно – вы мне расскажете, как поживают Роман и Джейкоб. Миранду я видел. Она весела и счастлива. А младшие Ивельены?

На лицо Лили набежала тень.

- Я нашла им кормилицу, ваше величество. Из вирманок. Как раз она родила, ну и...

- Разумно ли это?

- По крайней мере, они чистоплотны, – вспыхнула Лилия. – Еще не хватало, чтобы по младенцам блохи бегали!

Эдоард фыркнул.

- Как скажете, графиня, как скажете...

- Простите, ваше величество. Но грязь...

- Основа для развития болезни. Я помню. Кстати, действительно, после горячей ванны кости болят меньше.

Лилия довольно улыбнулась.

- Ваша похвала – высокая честь, ваше величество.

- Так что с детьми?

- Плачут. Писают. Спят. Едят.

А чего еще ждать от младенцев, которым месяца нет?

- Здоровы ли?

- Даст Альдонай... – Лилия сотворила знак.

- С альдоном вы виделись?

- Да, ваше величество. Согласовали списки... Ваше величество, разумно ли все книгопечатание отдавать в руки пасторов и патеров? Может быть, имеет смысл...

- Пусть начнет работу хотя бы один печатный дом. Если все пойдет хорошо, откроем еще несколько... И там уже будут работать не только слуги Альдоная.

В качестве временной резиденции Эдоард выделил королю Уэльстера один из своих летних дворцов в пригороде. Замок Тирейн.

Красивое белокаменное строение с тонкими шпилями. Роскошный сад. Куча народу. И неизменный запах... А куда деваться? Не пострадает достоинство высокородного графа или герцога от того, что нагадил он под кустом. И точка.

Лилиан сопровождали четверо вирман и Тахир. Вручая ей письмо от Эдоарда, адресованное его августейшему собрату, королевский секретарь сказал по секрету, что ее визит уже высочайше согласован.

Да, дипломатический протокол бывает строг. Но если два короля сразу хотят на него... наступить, кто станет спорить? Особенно с Гардвейгом, который и по меньшему поводу головы рубил не задумываясь.

Камикадзе – это в Японии. Здесь же всем хотелось жить.

Лилиан спешила у парадного входа, бросила поводья подбежавшему слуге и попросила:

- Любезнейший, доложите. Ее сиятельство графиня Лилиан Иртон с докторусом дин

Дашшаром по повелению его величества Гардвейга.

Спустя десять минут (между прочим, почти рекорд) появился весьма раззолоченный тип.

– Ваше сиятельство?

Лилиан чуть кивнула. Сверкнули изумруды.

– Да.

– Мое имя – Томас Райтон. Лэйр Райтон. Я состою при его величестве. Позвольте вас проводить?

– Буду благодарна, лэйр.

Лиля расцвела улыбкой, и лэйр улыбнулся в ответ. Чего уж там – не самый высокий титул. Сам, своим горбом пробивался. Только вот графы и герцоги всегда на него будут смотреть свысока. Но Лиля даже не подумала чваниться и оперлась на предложенную руку.

От своего сопровождающего Лиля узнала, что ее визит весьма кстати. У его величества с утра разболелась нога, ему уже пустили кровь и поставили пиявки. Правда, король пребывает в очень плохом настроении.

– Уйди отсюда, бестолочь! – рявкнул Гардвейг на дочь.

Анелия послушно бросила примочки и вылетела из покоев, заливаясь крокодиловыми слезами. Возиться с отцовской ногой ей было противно до тошноты. Но и выбора не было. А раз отослали... ее обидели. Пошла плакать.

Кроме того, нервы у принцессы были на пределе еще и потому, что вчера вечером ей наконец удалось переговорить с человеком графа Лорта, и этот разговор она до сих пор не могла вспоминать без дрожи.

– Он жив...

– Кто?

– Лонс Авельс. Мой...

– Знаю. Он здесь?

– Он подошел ко мне на балу... Что же делать? Что делать?..

– Эдоард знает?

– Нет. Он сам по себе, как-то спасся... Альдонай!

– Помолчи! Услышат – себя погубишь!

Вить Анелия престала, но в кружевной платочек (производства «Мариэль») зубами вцепилась. Да так, что спустя минуту принялась от ниток отплевываться. Мужчина о чем сосредоточенно размышлял.

– О чем вы договорились? – наконец спросил он.

– Встретиться в церкви и бежать.

– Умница. Значит, так. В церкви передашь ему записку. Я завтра приду к тебе, продиктую текст. Остальное – не твоя забота.

Анелия побледнела. Но выбора у нее не было. Да и выбирать не хотелось. Между тронем и селом? Смеяться изволите?

– Почему не сейчас?

– Потому что мы не дома. Некоторые вещи готовить надо. Занимайся своими делами и молчи.

Сейчас Анелия спешила в свои покои и гадала, пришел ли тот человек...

Лилиан же вошла в покои Гардвейга и присела в реверансе.

– Ваше величество...

И подняла глаза, только когда прозвучало повелительное:

– Подойдите, графиня.

Гардвейг был красив даже сейчас, а уж в пору юности, наверное, ослеплял своей внешностью. Золотые волосы, мощное телосложение, яркие голубые глаза, умное лицо... Лев Уэльстера.

Увы, Лев был болен. Сейчас он полулежал на кушетке, одна нога его была вытянута и покоилась на табурете, над ней хлопотал какой-то тип. Докторус?

Да, похоже. Иначе зачем бы ему сажать на ногу пиявок?

Фу-у-у...

Были, были в медицине разделы, которые Лиля ненавидела всем сердцем. А именно – гирудотерапия. В бытность студенткой она соглашалась брать пиявок только в перчатках. Ее тошнило от одного вида, она ненавидела этих тварей всей душой, несмотря на их несомненную пользу. Увы...

– Ваше величество, мой король приказал нам приехать сюда...

– И осмотреть мою язву. – Гардвейг действительно был не в настроении. – Что встали? Действуйте!

– Вы позволите, ваше величество?

– Я же сказал! – рявкнул Гардвейг.

– Но ваш докторус...

Гардвейг резко двинул того рукой в плечо.

– Пошел вон!

И тут же скривился от боли. Докторус поспешно шарахнулся за дверь. А Лиля подошла к Гардвейгу и без колебаний опустилась на колени.

– Тахир-джан, вы можете убрать эту радость?

Тахир принялся отлеплять пиявок, а Лиля стала разматывать довольно-таки грязный бинт с язвы, морщась от вони.

М-да... Сама язва была прочно замазана чем-то белым. Из-под него проступало красное с синеватыми жилками. Нога была опухшей и не слишком здорового цвета. Но хоть вены не варикозные...

О язвах Лиля знала многое. Если это трофическая – то хотя бы какая? Диабетическая, ишемическая, варикозная... Или была простая рана, а ее залечили до язвы?

Лиллю больше устроил бы последний вариант. Потому как все остальное вылечить было практически нереально. Без антибиотиков и надежды их получить! Без любимых «циллинов», «мицинов» и «циклинов». Без... да без всего, одними народными средствами!

Спору нет, можно и ими. Но ведь на начальной стадии! А не на такой, когда она вполне полноценна. И неясно, где она образовалась изначально!

- Ваше величество, чем вам намазали ногу?

- Позови докторуса да спроси, - сварливо отозвался Гардвейг.

Лиля встала и поклонилась.

- С вашего позволения. Тахир, пока готовь инструменты...

- Докторус!

Тот влетел ракетой.

- Ва... ваше величество?

Гардвейг кивнул в сторону Лилян. Мол, она звала - она и спрашивает. Докторус перевел взгляд. И даже вздрогнул от убийственного холода зеленых глаз.

- Давно вы лечите его величество?

- П-полгода...

Лиля едва не зашипела.

- И чем?

- Это фамильный секрет! - приосанился докторишка. - Это чудодейственная мазь, которая образует корку, а рана под ней...

Лиля чуть не взвыла. Вот уж чего нельзя делать при некоторых язвах - это накладывать мазь. Между прочим, бактерии под ней размножаются весело и игриво.

Пока неизвестно, с язвой какого типа они имеют дело, а потому...

- Тахир, - позвала Лиля.

Дин Дашшар, который осторожно снимал пиявок и протирали кожу его величества спиртом, обернулся.

- Надо промыть рану. Как следует.

- Да, сейчас диагноз поставить не удастся, - грустно согласился Тахир. - Ваше величество, вы позволите?

Гардвейг вскинул брови:

- А что, не видно, что это язва?

И тут Тахир выступил во всю мощь:

- Видно, ваше величество. Но покорнейше прошу простить недостойного - ни одна болезнь не возникает сама по себе. У нее всегда есть причина. И именно ее мы попытаемся установить. Если ваше величество будет так благосклонно и потерпит...

- Потерплю, - кивнул Гардвейг.

Он, конечно, злился. И нога болела. Но!

Было в этих двоих что-то такое... каждый король - прежде всего хороший психолог. Профессия такая. И он видел, что это не связка учитель - ученица. В лучшем случае - это двое равных. В худшем - главная тут графиня. Судя по тону, по манерам, по уверенности в себе. Но и Тахир тоже многое знает. И вопреки всем обычаям ханганов спокойно относится к ее приказам. Больше того, иногда в его взглядах видно... почтение? Да, пожалуй.

Эта пара стоила наблюдений.

А еще они были первые лекари, которые не заявили: «Мы вас обязательно вылечим». О нет. Внутренне они были готовы и к удаче, и к неудаче. Ханган немного нервничал,

а вот графиня была спокойна. Покосилась на банку с пиявками, сморщила нос.

– Уважаемый докторус, как ловили этих тварей?

– На свинью! – оскорбился мужчина.

Лиля облегченно вздохнула.

– Не люблю их. Но полезны. И разумеется, они использовались только в лечении его величества?

– Разумеется!

Не врал. Лиля еще раз выдохнула. Им только заражения крови или инфекций не хватало.

– Хотите – помогайте, – просто сказала она докторусу.

Тот фыркнул, но и уходить не стал. Пристроился рядом.

Лиля еще раз извинилась перед его величеством. Накинула на себя стерильную рубаху с завязками на спине, помогла завязать такую же Тахиру, убрала волосы под косынку и приступила к работе. Тахир (кстати, недавно сбравший бороду – узнал, сколько гадостей может быть из-за попавшего в рану волоса) уверенно ассистировал. Подавал инструменты, помогал промывать...

Гардвейг, весь зеленовато-бледный (хоть и под обезболивающим), скрипел зубами, но держался.

А Лиля очищала язву. Медленно, уверенно, как учили в свое время в гнойной хирургии... полцарства за фурацилин!

Наконец все напластования были сняты – и Лиля принялась тщательно обнюхивать рану в поисках характерной вони. Кто хоть раз имел дело с гангреной – не перепутает. Но нет. Не гангрена. А что же?

Язва была качественно промыта настойкой календулы, поставлена примочка с морской солью – и троица медиков принялась расспрашивать Гардвейга. Со всем возможным почтением, но впились не хуже пиявок.

Спустя полчаса Лиля перевела дух.

Не диабет. И не варикозное расширение вен, хвала богам. Иначе фиг бы она что вылечила. Ларчик открывался просто. Лет десять назад во время охоты Гардвейга укусил волк. По мнению Лилиан – справедливо. Не фиг в животных острыми палками для забавы тыкать. Ладно бы для пропитания, так ведь нет. Захотел поразвлечься. И – получил от души. Волчьи укусы вообще-то штука опасная. Этот зверь умудряется не только впиться, но и рвануть. А зубы, как известно, волки вовсе не чистят. Гардвейгу же досталось по полной программе. Хорошо хоть животное было не бешеным, а то бы правил сейчас кто-то другой.

При этом у мужика был шикарный иммунитет. Как видно, сначала ногу ему не вылечили, а залечили. То есть, возможно, в ране что-то осталось. Например, волк о кость зуб сломал. Но кого из местных медиков это волновало? Не гниет, зарубцевалось – ну и ладненько. А вот когда через полгода-год открылась первая язва – все запаниковали. Но с волчьим укусом это никто не связал и не подумал, что язва – посттравматическая.

Сначала – маленькая, но глубокая. Залечили повторно.

Еще через полгода – уже поглубже и противнее. Пока иммунитет мог перебарывать снадобья местных лекарей – рана закрывалась. А вот как не смог...

Собственно, бедой короля стали почтительные докторусы и мерзкий характер. Спорить с ним никто не осмеливался, образ жизни он вел нездоровый, лечить его пытались всеми известными народными средствами, вплоть до мочи беременной кобылицы – ну и результат?

Вместо того чтобы как следует вскрыть рану, прочистить, сделать дренаж и ждать рубцевания по всем правилам – старались снять боль и скорее залечить. И язва росла.

Как еще жив-то до сих пор?

Лиля прикинула, как это объяснять Гардвейгу, но не успела. Тахир, испросив у нее разрешения, развернулся во всю ширь медицинской науки. Объяснил, что язву можно вылечить. Но процесс этот длительный, уход за ней нужен серьезный, об охоте придется забыть, передвигаться лучше с тростью, чтобы не так сильно нагружать ногу, режим дня соблюдать. Алкоголь исключить и всякую гадость не есть.

Но все это так почтительно и со столькими поклонами, что самому вредному королю придраться было бы не к чему. Лиля только головой качала. Ей до таких вершин дипломатии было далеко.

Гардвейг подумал и решил попробовать. Ну год понадобится. И что? Эти хоть что-то здоровое говорят. А остальные только трясутся от страха и уверяют, что обязательно вылечат. А язва все хуже и хуже. А умирать нельзя. Сейчас, когда дети маленькие, – нельзя.

Лиля переглянулась с Тахиром, и ханган принялся уговаривать Гардвейга: мол, ваше величество, либо я тут остаюсь, либо мы вашего докторуса обучаем.

Сошлись на промежуточном варианте. Раз в день Тахир будет приезжать. Привозить мази, настойки, стерильные (ну хотя бы прокипяченные) бинты, следить за одной из перевязок... Графиня периодически будет приезжать с ним. А докторуса они ненадолго заберут и проинструктируют.

Гардвейг под воздействием обезболивающего, благодаря примочкам и грамотно наложенной повязке чувствовал себя немного полегче. Так что согласился. Лиля с Тахиром чуть ли не под локти вытащили уэльстерского докторуса из королевских покоев. Вышли в парк и заняли первую попавшуюся беседку.

Лиля плюхнулась на скамейку и шумно перевела дух.

– Ф-фу-у-у! Тахир-джан, слава Альдонаю, что язва не гниющая. У короля замечательный иммунитет.

– Я и сам испугался сначала. Если бы что... Лилиан-джан, какой у него прогноз, если честно?

– Год лечить. А то и больше.

Докторус из Уэльстера во все глаза смотрел на эту пару. Мужчина и женщина абсолютно спокойно обсуждали лечение короля. И... явно знали, о чем говорили. Он – не знал. Искренне полагал, что язва – от истечения кожных соков и дурной крови. Ан нет...

Неужели они обладают какими-то новыми знаниями? Говорил в основном ханган, графиня больше делала. Значит...

Главная беда людей – это не только незнание. Самая главная беда – это отсутствие желания узнать. Из самолюбия, самолюбования, самоуверенности или просто по глупости – не важно. Если нет желания узнать, то и не будет. А вот у этого докторуса оно было.

Мужчина поклонился Тахиру.

– Глубокоуважаемый...

– Тахир Джиаман дин Дашшар, – представился Тахир.

– Очень приятно. А я – докторус Леонар Либертиус. Не могли бы вы объяснить мне, что именно произошло с его величеством и от чего его надо лечить?

Лиля переглянулась с Тахиром, и ханган принялся объяснять. Внятно и простыми словами. Ему было и проще, кстати. Лилиан периодически забывалась и сбивалась

на медицинский жаргон своего мира. А Тахир объяснял, как понял сам.

Лекция затянулась чуть ли не на час. Уэльстерский докторус слушал с открытым ртом. Но... ханганы? Да хоть кто! Лишь бы королю помогло и полегчало! А то, знаете ли, тем докторусам, которых прогнали со двора, еще повезло. Кого-то и казнили. И Леонару абсолютно не хотелось ни уезжать из Уэльстера, ни умирать... ради такого он и Мальдонау бы послушал, не то что посторонних.

Чего уж там. Что отличает хорошего медика от плохого? Во все времена – умение признать свои ошибки. Леонар состоял при его величестве уже полгода, видел, что его лечение не особенно помогает – ну разве что язва намного больше не стала. Но излечить ее увы, не мог. Если эти могут, так пусть поучат! Они вроде как и не против. А если что – можно на них и свалить всю вину за неудачу. Все мы люди...

И Тахир, и Лиля об этих мыслях догадывались. Но ведь не сидеть им целый день около Гардвейга? Им и родного короля за глаза хватает, который периодически страдает невралгией. И позвоночник у него не в порядке, и печень пошаливает... Пусть коллега мается со своим королем. Сделает, как ему скажут, – и того хватит. Хуже точно быть не должно. Да и язву пиявками лечить спорный метод. Они обычно при других болезнях помогают. Хотя, возможно, общее состояние Гардвейга они и улучшали?

Все равно, кто-то из женщин не любит мышей. Лиля не любила пиявок. Хотя и признавала их пользу.

– Ваше сиятельство...

– Лэйр Ганц! – искренне обрадовалась Лиля.

Если королевский представитель хотел кого-либо видеть – он своего добивался. Они с Лилиан встретились на дороге между Таралем и Лавери.

– Я рад вас видеть... Лилиан?

– Вы же знаете, Ганц, для вас я всегда Лилиан.

– А что думает по этому поводу ваш супруг?

Лиля придержала Лидарха, и он пошел бок о бок с жеребцом Ганца. Кони переглядывались, но кусаться и лягаться не пытались.

– После встречи с Джерисоном Иртоном меня мало волнует его мнение – по любому поводу.

– Даже так?

– Граф самовлюблен, самоуверен и самодостаточен. Я ему не нужна. Наше общее – это фамилия и Миранда, – горько подвела итоги Лиля. – Впрочем, уложить меня в постель он не откажется, хотя бы из коллекционерского тщеславия.

Ганц промолчал. Но слова им были и не нужны.

– Да, наверное, развод. Не знаю. – Лиля смотрела грустно и чуть беспомощно.

– А король?

– Я ничего не знаю, Ганц. Ничего...

Лэйр покачал головой.

– Ваше сиятельство, вы настолько женщина...

– То есть?

– Вы великолепно ведете дела, вы умны, как лекарь вы выше всяких похвал, но, когда дело касается чувств, вы просто теряетесь.

- Чувств?

- Разве нет?

- Мне кажется, что нет. - Лиля горько усмехнулась. - Ганц, я чувствую себя как подлая девка. Я взяла то, что предложил мне Джерисон Иртон, но оплачивать долги не хочу.

- Долги - это попытки покушения? - невинно уточнил мужчина.

- Вы же понимаете, о чем я. Имя, титул, деньги...

- Отнюдь. Имя? Да, вы с ним начинали. Но будь вы Лилиан Брокленд - разве вы не сделали бы столько же?

- Не знаю.

- Зато я знаю. Чуть медленнее, но вы добились бы своего. Так что и имя и титул дорогого не стоят... Деньги - ваша доля, они выделялись из вашего приданого. А вы думали, откуда они у Эдора?

- Ах вот оно что...

- Работоторговлей столько не сколотишь. Так что вы многого добились сами. А Джерисону можете сказать спасибо за дочь. И то - если бы вы не были самой собой, полюбила бы вас Миранда?

- Вряд ли.

- Вы не так сильно ему обязаны, как думаете. Не вините себя ни в чем.

- Но я буду. Ох, Ганц...

- Лилиан, вы можете на меня рассчитывать, вы это знаете.

Ответом была благодарная улыбка.

- Я не люблю мужа. Но и не знаю, что делать дальше.

- Разве, ваше сиятельство?

- Я могу потянуть время, но неужели этого достаточно?

- Иногда время - наше все.

- Ганц, если с Джерисоном что-то случится из-за меня, я в жизни себе этого не прощу.

«Разумеется, графиня. Если узнаете об этом». Но вслух лэйд Ганц этого не произнес.

- Все, что случится или не случится с графом, будет только по его вине. Не по вашей.

- Если бы. Ах если бы так...

Мужчина и женщина ехали рядом, в сопровождении деликатно приотставших вирман. Они молчали, но слова им были и не нужны.

Ганц знал, что Лиля знает, что он знает... - и так до бесконечности. Они молчали, и это молчание их связывало сильнее, чем договор об убийстве, подписанный кровью.

- Дядя, моя жена просто неуловима!

- Значит, ловил плохо. - Эдоард явно подсмеивался над Джесом. - Она сегодня в Тарале побывала, ко мне заехала, в посольство Уэльстера отправилась... и ведь это еще не все.

- У нее что, помело под юбками? - вскипел Джес.

И тут же был срезан ледяным взглядом.

- Попридержи язык. Графиня сейчас не меньше полезна для короны, чем ты. Она, кстати, и меня лечила. Ты хочешь сказать, что это происки Мальдонаи?

- Дядя... - растерялся Джес.

Эдоард мягко положил ладони на стол. Наклонился вперед.

- Джерисон, думай головой. Или, может, сделать проще? Развести тебя с графиней и выдать ее замуж за кого-то поумнее? Миранду она, конечно, любит, но... Кстати, о Миранде. Ко мне обратился принц Амир.

- И? - Джерисон откровенно не понимал, о чем речь.

- Он просит твою дочь в жены.

- Ни за что! - возмутился Джерисон.

Эдоард вскинул брови.

- И почему?

- Он же язычник!

- Он уже сообщил, что ради Миранды готов принять нашу веру в Альдоная. И даже допустить миссионеров на территорию Ханганата. Альдон этому весьма порадовался.

Эдоард мудро умолчал о том, что Амир при этом подозрительно улыбался. На самом деле ханганам было абсолютно все равно, в кого там верит правитель. Амир и не собирался устраивать храмы в Ханганате и насильно обращать народ в новую веру. Хотите - приезжайте. Если вас кто послушает - ваше право. Верит ли он в Альдоная? Первым делом он верит в Звездную Кобылицу. А кто там ее конюший - вопрос философский. Пусть о нем жрецы спорят.

Да и наследник Великим Ханганом выбирался никак не за религию. А вовсе даже за ум, связи, силу... Чтобы смог удержать страну и не допустить смуты. И вообще, кому важно, что произошло в другой стране, у язычников?

- Я думаю, что нам нужны связи с Ханганатом.

- Но Миранда! Почему она?

- Потому что он сам попросил. И учти, если бы он выбрал Анжелину или Джолиэтт - я бы и слова против не сказал.

- Моя дочь еще мала!

- Вот именно. Поэтому сейчас заключается помолвка, а лет через семь - десять - свадьба. Не раньше. Так сказал сам Амир.

Джерисон чуть успокоился.

- Но у них ведь принято иметь несколько жен?

- Миранда будет первой и единственной.

- А наложницы?

Взгляд Эдоарда стал откровенно ехидным.

- И это мне говорит мужчина, который прогулялся с поднятым знаменем... и спущенными штанами чуть ли не по всем придворным дамам?

Джерисон потупился. А Эдоард продолжил добивать:

- Если бы у нас многоженство было, ты бы и туда влез. Без сомнения. А что жена на тебя дуется... ты думал, что приедешь, пару безделушек подаришь - и тебе все забудут? Ну-ну...

– Не сразу, конечно.

– И не факт, что потом тоже. Как тебя угораздило дарить этой шлюхе драгоценности матери Лилиан?

– Дядя, да не дарил я ей ничего фамильного! Не настолько уж я беден! Между прочим, никогда не дарил бабам старые вещи! И Аделаиде покупал у ювелиров всякие побрякушки.

– А кольцо?

– Она же у меня бывала дома. Могла и стащить.

– Именно его?

– Или слугу подкупить. Тоже возможно.

– Болван.

Джерисон сверкнул глазами, но обиду проглотил.

– Растяпа, – припечатал его дядя. – Ты думаешь, Август в это поверит?

– Вряд ли.

– Вот именно. И учти – он просил не подпускать тебя пока близко к верфям. А то голову со злости оторвет. Доверил девочку! Не покушения, так заговоры!

Эдоард покачал головой, вспомнив, как Август в сердцах выдохнул: «Да лучше б я ее за купца замуж выдал... польстился на титул!»

– Не так уж ты и виноват, тут многое помимо тебя сошлось. Но разгребать все равно тебе. Сочувствую...

Джес понял, что выволочка закончилась.

– Дядя, могу я поговорить с принцем Амиром?

– Можешь. И помни: если мы сдружимся с Ханганатом – это хорошо. А если еще и Рик женится на Анелии – это еще лучше. Мы тогда втроем и пиратов с Лориса к ногтю прижмем, и торговля оживится... Гардвейг, конечно, из-за соли дуется, но, если Тахир его подлечит, уже хорошо. Да и мы долго ее не сможем производить в нужных количествах, какое-то время так и так закупать будем. Хватит им времени разобраться с товарами.

Джес пожал плечами:

– Политика... куда деваться.

– Никуда и не денешься. Кстати, изволь сегодня ночевать во дворце и все проверить. Завтра приезжают ивернейцы. Мне прислали голубя, они уже почти рядом со столицей.

– А...

– Завтра и с женой увидишься. Она ко мне каждый день заезжает. Знаешь, Джес, я тебе, конечно, сочувствую... но и завидую тоже. Мне бы лет двадцать скинуть...

– А как же тетя?

– Джессимин я любил, – признался Эдоард. – А такими, как твоя жена, восхищаются. Они умные, много умеют... но вот любить их сложно. Зато сколько пользы они могут принести государству... Ты подумай об этом.

– Вы мне предлагаете роль приживала?

– Точно – болван. – Эдоард потер виски. – Да не приживала. А мужа, который честно отдал жене на откуп то, что у нее получается лучше.

- А что скажут в свете?

- Иди и подумай, - надавил голосом Эдоард.

Джерисон вскочил, раскланялся и вышел из королевского кабинета. Настроение было хуже некуда. Ну что ж, сейчас его гвардейцам достанется по полной программе! И на тренировочную площадку забежать надо, злость стравить... «Убью кого увижу!»

Глава 5

Принцессы так непостоянны...

– Альдонай милосердный...

Церковная служба шла своим чередом. Анелия сидела как на иголках и с трудом дождалась ее окончания. Ее внимание привлек вставший с одной из передних скамей рослый чернобородый мужчина, одетый как зажиточный купец. Направляясь к выходу, он даже не взглянул на принцессу, но она все равно узнала своего супруга.

– Пожалуй, я поговорю с патером. Ждите снаружи! – приказала Анелия фрейлинам.

Расчет был на то, что храм такое место, где никому и в голову не придет следить за принцессой. Храм, патер... что тут может случиться?

Как оказалось – может. Лонсу достаточно было оставить молитвенник на одной из скамеек, где его и подобрала Анелия, с ним же вошла в исповедальню – и вышла с ним же. Но не стала забирать, оставила на скамейке. А забывчивый купец вскоре вернулся за молитвенником. И нашел среди страниц коротенькую записку:

«Завтра ночью, у ворот золотарей, с восточной стороны замка, приготовь все для бегства. А.»

Лонс помчался к графине. В отличие от графа Иртона он-то знал, где ее найти.

Лиля встретила новость с явным неудовольствием.

– Значит, отправляешься в Иртон?

Лонс активно закивал.

– Да, ваше сиятельство.

– А кто мне тебя заменит?

– А вот этот друг, – усмехнулся Лонс.

Лиля сдвинула брови, глядя на учителя естественных наук.

– Леон Альтхерт?

– Да, госпожа. – Учитель поклонился.

– Хотите ко мне в секретари? Почему?

– Ваше сиятельство, вы о естественных науках знаете как бы не больше меня. Дети мне потом такие вопросы задают, что я себя дураком чувствую. Самому учиться в пору.

Был грех. Рассказывала. И действительно – дети вопросы задавали, им было интересно.

– И?

– И скоро вы меня выгоните. А уходить не хочется. У вас интересно, да и платите вы щедро. Может, хоть так от меня польза будет? Я хоть и не лэйр, мой отец простым купцом был, но знаю многое, почерк у меня хороший, а служить буду верно.

Лиля прищурилась.

– А если кто-то предложит деньги за информацию обо мне?

Леон коснулся рукой кошелька. Потом потряхнул светлыми волосами, озорно улыбнулся.

– Возьму, разумеется. И немедленно обо всем расскажу господину Тримейну, ваше сиятельство.

Лиля усмехнулась.

- Ладно. Попробуем поработать. Освойтесь за тридцать дней - оставлю. Нет - пойдете опять в учителя.

- Как прикажете, ваше сиятельство.

- У него почерк красивый, - вступился Лонс, - мне он помогает давно... да и я ведь не умирать собрался. Приедет ко мне, подучу, а пока у вас и Тарис Брок есть на всякий случай, и отец вам людей прислал...

Лиля покачала головой.

- Ладно, Лонс. Вы когда встречаетесь? И как ты собрался бежать? Кони, карета...

- Куплю сегодня пару лошадей. Деньгами вы меня не обижали. А что до остального... Ваше сиятельство, не мог бы Эрик...

- Мог бы, мог бы. Поговори с ним. Или, хочешь, я поговорю.

- Ваше сиятельство!

- Ладно. Поговорю. На тебе же лошади, твоя Анель, сборы, документы опять же передать заместителю. Глядишь, вернетесь через пару лет, когда все утихнет.

Лонс пожал плечами. Вряд ли...

- Я побежал?

- Стоять! - рыкнула Лиля.

Нашупала в столе кошелек с монетами. Не очень увесистый. То выплата жалованья, то расчеты с поставщиками - деньги разлетались с рекордной быстротой. Кому сказать - графиня, владелица марки «Мариэль», продукцией которой потихоньку начинают торговать эввиры во всех королевствах, медяки считает.

Но... сколько было.

- Бери. Денег много не бывает.

А платье ей новое не нужно. И в старом при дворе потерпят.

Лонс откланялся и удрал.

Лиля задумчиво посмотрела на Леона.

- Что ж, Леон. Сначала разберите почту. Потом зайдете ко мне, кое-что будем писать.

Леон поклонился - и умчался работать.

Лиля коснулась рукой одного из ящиков стола. Там лежал свиток, в котором рукой Лонса было четко и ясно написано, кто, как, откуда, о свадьбе с Анелией, как осуществились законные права, как его продали на корабль вместо того, чтобы убить, как...

Написано было в присутствии пастора Воплера, что он и засвидетельствовал своей личной печатью после того, как Лонс просушил чернила песком, свернул свиток и запечатал личной печатью.

Лиля откровенно не верила в желание Анелии бежать с Лонсом. Но вдруг? Пусть у них все будет хорошо. Главное, что ее люди нигде не засветятся. Заберет свою Анелию, доедет до побережья, там сядет на корабль. Это если все пройдет гладко. Если же нет...

Случись что - на стол Эдоарду ляжет анонимка.

Лиля и не собиралась признаваться в своей осведомленности. Ее тут и рядом не пробежало! Но бучу она поднимет. Спускать какой-то жучке смерть своего человека?

Ни за что!

А главное в анонимке что?

Чистая правда! Любая проверка на девственность покажет, что принцесса-то ненастоящая! То есть – дефлорированная. А значит – врала в лицо. За что и схлопочет, и огребет... Пусть потом доказывает, что не верблюд! Пусть!

Лиля позвонила в колокольчик.

– Леон, будь другом, вызови ко мне Эрика, как появится.

– Да он уже здесь, с утра своих ребят гоняет! Позвать, ваше сиятельство?

– Зови!

Надо же обеспечить этому Ромео транспорт до верфей Августа? Там парочка переседет на другой корабль и отправится в Иртон. Или в Ханганат. Лучше даже второе.

Влюбленные, тьфу!

Эрик сразу согласился ночью взять на борт Лонса со спутницей и двумя конями и дойти до верфей Августа. Лиля послала его к Лонсу утрясать вопросы и расслабилась, хотя и не до конца.

Следовало честно признать – вариантов было два. Либо Лонс с женой сегодня отбывают на все четыре стороны. Либо...

О втором варианте думать не хотелось. Но один раз Авельса спасло только чудо. Случится ли оно второй раз? Весьма сомнительно.

Что в этой ситуации делать Лиле? Подстраховаться и предоставить событиям идти своим чередом. И никак иначе.

Лиля вытащила лист бумаги, провела на нем несколько линий, деля его на отдельные сектора-варианты, почти как таблицу. Задумалась.

Вариант первый в рассмотрении не нуждается. Все любят друг друга и активно размножаются.

Вариант второй...

Если Анелия рассказала обо всем уэльстерским спецслужбам? Однажды люди графа Лорта прокололись, но это не означает, что так будет каждый раз. Либо сегодня Лонса не станет, либо...

Варианты возможны. И самые разные.

Первый: схватить и пытать. Ну, неплохо, но негде. Не та страна, не то время. Любой шум – и песец приходит в гости к вам, вряд ли на это пойдут.

Второй: убить. Ну тут просто. Нет человека – нет проблемы.

Третий: Лонс чудом спасается. Тогда надо срочно гнать его пинками к Эдоарду или как-то прятать. Потому что искать его будут. Найдут рано или поздно. И проблемы падут Лиле на голову.

Так что... готова она ко всему, а вот что реализуется – Альдонау известно. Хотя... второй вариант самый печальный.

М-да, священники из оставленного Алей мира взвились бы. Спасти, удержать, остановить. Как можешь ты, раба божия, так хладнокровно размышлять о смерти человеческой и ничего не делать, чтобы предотвратить ее...

А вот так.

Печально, но факт.

Лонс – взрослый мужик, с мозгами и руками. Если он неправильно оценил свою жену – кто виноват? Он все равно будет лезть, только нарвется намного сильнее. И скандал

будет, и головы полетят...

А как его удержать? За хвост ловить и не пущать?

Ну-ну... это каждой матери знакомо. Особенно если сын или дочь нашли себе «абсолютно неподходящую» любовь. Получается удержать? И все слушаются, и все расстаются и дружно кричат «вау!»?

Как ни крути, а результат один. Если это не разругать по-тихому, то за громкое всем головы оторвут. И ей – в первую очередь.

Пусть случится что суждено. А ей сегодня надо бы ко двору, прибывает ивернейское посольство, но... неохота! Да и супруг наверняка там отирается, а вот что с ним делать – до сих пор не ясно...

И нечего о всяких гадостях думать! Был бы Джерисон другим – она бы первая ему на шею кинулась. А так... обычный мужчина Средних веков и средних мозгов. Не гений, не дурак, но ведь и ее не примет – вот такую. Увы...

И тут куда ни кинь – всюду клин.

Настроение испортилось, и Лиля решила съездить в Тараль. Хоть развеется. Да и Лидарх застоялся. Эх, рано, рано отказались в ее мире от лошадей в качестве транспорта. Насколько они красивые, умные, обаятельные...

Эх, где то время? Она уже и не скажет, что она Аля Скороленок. Лилиан Иртон – и все тут. Только вот ведь беда: из своего времени она выпала, а в это до сих пор не вросла. Еще бы года два-три хотя бы... дадут ли?

Лидия Ивернейская смотрела из окна кареты на приближающийся Лавери.

Красивый город, морем пахнет...

– Сестренка, как твое самочувствие?

Брат. Старший. Принцессу сопровождали принцы Адриан и Мигель. Сам Бернард решил не ехать.

– Спасибо, братик. Я чувствую себя неплохо, только устала. Мы сейчас?..

– К королю. А потом в посольство – отдыхать.

Лидия вздохнула. Они, конечно, переночевали рядом со столицей, отправили гонца, утром привели себя в порядок. Но все равно на душе у принцессы скребли кошки. Ей ничего не хотелось.

После краха первой любви, после шантажа... Да и вообще, Лидия была неглупа. Она прекрасно понимала, что некрасива. Что проиграет Анелии. Что ее приданое невелико. Что...

Причин было много. И в целом было обидно. Но надо ведь сохранять хорошую мину при плохой игре.

Эдоард принял их со всем радушием. Гостей сопровождал почетный эскорт, у королевского дворца выстроились в две шеренги гвардейцы с обнаженными саблями... Братья были довольны. Лидии было грустно.

Ее никто не любил. До нее никому не было дела.

Мигель помог сестре выйти из кареты, и они пошли за Адрианом, который нес верительные грамоты.

В коридорах дворца их процессию встречали дамы и кавалеры, которые рассматривали их, почти не скрывая любопытства. Лидия заметила и жалость в глазах женщин, и брезгливое равнодушие в глазах мужчин... Она никому тут не нравилась.

Она никому и никогда не будет нравиться. Умная дурнушка – что может быть печальнее?

Вот и тронный зал. Началась церемония представления, но Лидия вела себя отстраненно. Цепляли ее взгляды.

Как ни твердила она, что ей наплевать. Как ни уверяла себя, что она умнее и сильнее. Как ни подпитывала свою гордость... А ведь все равно ее это цепляло. Ей было неприятно. Это как песок и гранит. Одну песчинку не заметишь. Но когда их десятки, сотни, тысячи – и гранит принимает новую форму.

Лидия вздернула подбородок. Но... чему это поможет? Тусклые волосы, не слишком идущая к ее лицу прическа и немодное платье, грубоватые туфли, холодные манеры... Альдонай, помоги! Пусть все это закончится!

Лидия выдержала всю процедуру до конца. И Эдоарда, который дружелюбно улыбался, но смотрел с состраданием. И Рика, который поцеловал ей руку, что сопровождалось злорадными ухмылками придворных дам.

Она может быть трижды принцессой, но спать он будет с другими. Она все равно дурнушка. Да еще и умная... это ужасно.

Глупая может не осознавать происходящего. Умная же...

Лидия прилагала все усилия, чтобы не выдать своих эмоций. И ей удалось это – во дворце. А вот по возвращении в посольство ее прорвало. Она бросилась на кровать в своих покоях, послала к Мальдонае всех служанок и наревелась всласть.

Обидно, унизительно, противно!

А когда Рик выберет не ее, они будут злорадствовать! О нет, в лицо ей никто ничего не скажет! Но в глазах будет читаться «даже титул принцессы такой страшилке не поможет!»! Это скажут за глаза, и не раз. И не два.

И сколько бы она ни говорила, что Рик ей не нужен, – кто ж поверит? Даже если это трижды правда?

Тошно, Альдонай, как же ей тошно...

Тошно было и Лилиан Иртон. Бегать от мужа?

Вот уж чего ей не хотелось. Надоело себя в своем доме чувствовать посланным казачком. Но сегодня, по счастью, Джес был во дворце. Его величество отзывал его на работу намного чаще, чем до отъезда с посольством.

Надо бы им с Джесом поговорить откровенно, надо. Но Лиля тянула и боялась.

Потом ведь не отыграешь назад.

Лиля механически выполняла обычную работу, занималась с Мирандой, с детьми, с мастерами, проверяла подмастерьев... но сегодня ей было особенно тошно. И она знала почему.

Лонс Авельс.

Когда все закончится – как бы это ни произошло, – она вздохнет с облегчением.

Лонс Авельс был счастлив. Он ехал за любимой женщиной.

Анелия сегодня будет с ним. Его жена, его девочка, его любимая...

Она его не бросила, не предала, не разлюбила. Их разлучили обстоятельства, но теперь они будут вместе! Они будут жить, рожать детей, стариться вместе... и лет через десять – пятнадцать все будет вспоминаться с улыбкой...

«Анелия, любимая... как же я соскучился!»

И как он благодарен Лилиан Иртон! Если бы не она... никогда бы ничего не было. И его бы уже не было. А теперь все будет хорошо. Они будут счастливы. А будет у них дочь – они обязательно назовут ее Лилиан. В честь их спасительницы.

Вот и резиденция короля Уэльстера. Задние ворота, для золотарей...

– Я пойду один. – Лонс спешился, бросил поводья одному из двоих сопровождавших его людей Лейса. Этот еще из Иртона... как же его зовут? Нет, не вспомнить. Да и не важно сейчас.

Мужчина пожал плечами:

– Мы вас здесь подождем.

Лонс медленно пошел к воротам. М-да. Грязно, воняет, стоят несколько бочек золотарей... Ничего, ему только Анелию дожидаться. А запах... на него можно не обращать внимания. Это тоже не важно. Совершенно не важно.

Свист стрелы он услышал. И даже успел ощутить боль. Всклипнул, упал на колени, с удивлением глядя на оперение, торчащее из груди. А потом увидел лицо Анелии.

Она улыбалась и ждала его. Боль куда-то исчезла – и Лонс побежал по лугу, сбивая, как в детстве, головки ромашек.

Лонс не знал, что три стрелы свистнули почти одновременно. Подчиненные Лейса оказались невольными жертвами. Люди Альтреса Лорта – их было шестеро – ждали в засаде чуть ли не с полудня, поскольку предполагали, что Лонс может явиться за принцессой не один. Чего уж там – кто бы приехал в одиночку на его месте?

И подготовка у людей Альтреса Лорта была явно лучше, чем у вчерашних крестьян. Выйдя из укрытий, они сноровисто коснулись жилки на шее жертв и деловито кивнули друг другу. Мол, мертвы.

Что теперь?

Обыскать тела и все найденное сложить в одну кучку. Это первое.

Обломить стрелы, не вытаскивая из тел. Это второе.

Запихать тела в заранее приготовленные бочки золотаря. Они стояли на телеге у ворот и выглядели и пахли соответствующе. Весьма неприятно. Но лучшего, чтобы вывезти трупы, и не придумаешь.

Телега отправится на берег моря, там бочки набьют камнями и скатят в заранее присмотренное место. Глубина, страшный прибой, камни... рыбаков там не бывает. А вот рыба теперь будет.

Осмотреть все найденное в карманах. Деньги – особенно много у Лонса. Целый кошелек. С гербом?

Нет, без герба. Лиля недавно обзавелась этим кошельком.

Надо было бы его схватить и допросить, но негде. Это тебе не родной Уэльстер, это Ативерна. Слуги в посольстве из местных, и шпионов среди них – каждый третий. Так что от греха подальше. Лорт не похвалит, если хоть тень сплетни просочится наружу.

Люди графа работали быстро и сноровисто, но, кроме денег, ничего не нашли. Лошади? На них тоже еще клейм не ставили. Лошадей они заберут с собой и продадут куда-нибудь подальше, нечего добру пропадать.

Лиля хотела выдать своим людям именные бляхи, типа шерифских, но потом передумала. И правильно – зато теперь ее никто не смог бы связать с этими людьми.

Эрик так и не дождался пассажиров и на рассвете отправился к Лилиан с донесением.

Анелия Уэльстерская металась по комнате.

Сегодня!

Неужели...

Альдонай, как же жутко...

Сегодня она станет вдовой. Если повезет. Звучит просто ужасно. Да, желать смерти другому человеку нехорошо. Но что ей еще остается? Лонс закрывает ей путь к свободе, богатству, короне! И все потому, что когда-то она имела неосторожность...

Анелия чуть сморщила носик. Ну да. Она была маленькой и глупой девчонкой, едва-едва начавшей осознавать свою силу и власть над мужчинами. У нее едва налилась грудь, округлилась фигурка, чуть понизился голос...

Лонс занимался с ними давно. Очень давно. Уже года три. Но тот день она помнила особенно четко. Он рассказывал о какой-то глупости, вроде землеописания, стоял у доски – и вдруг сквозь прореху в затянутом пергаментом окне ворвался шальной солнечный луч. Осветил его лицо, Лонс улыбнулся и стал настолько симпатичным, что стало даже страшно.

Тогда Анелия и решила его заполучить. Ну и еще в пику сестре, которой он тоже понравился.

Как же они хитрили, как изворачивались... каким это мелким и нелепым кажется сейчас!

Она одержала победу. Лонс Авельс стал ее законной добычей. И... ей было хорошо с ним. Действительно хорошо. Даже замечательно. Но что он мог ей предложить? Только свое имя. А лэйра для принцессы – это меньше чем ничего. Разве что простая крестьянка стоит ниже?

Но она приняла его предложение. И даже какое-то время была счастлива.

Это-то и царапает разум. Потому и плохо.

Из песни слова не выкинешь. Она его любила. Только вот Лонс не принц. И не будет им.

Нет у них общей судьбы.

Если бы он сам это понял!

Он сам виноват!

И только он! Вот!!!

Зачем ему понадобилось приходить? Зачем он воскрес из мертвых?

Анелия знала ответ, но гнала его от себя.

Жалкий болван! Как он смел даже подумать о ее любви?!

Фу! Он заслужил свою судьбу! Туда ему и дорога!

И все же при мысли о том, как они были безыскусно счастливы в старом замке, на глазах вскипали слезы.

Анелия всхлипнула и бросилась на подушку. Посмотрела на луну.

Уже за полночь.

Все кончено.

Все уже кончено.

Прощай, Лонс.

«Прощай, мой супруг. Теперь я действительно вдова».

Эрик пришел, когда Лиля завтракала. За стол она села чуть позже, чем обычно. Сегодня она отдыхала от нервного напряжения, как следует отоспалась, приняла с утра ванну, повертелась перед зеркалом. Джес остался во дворце на ночь – и Лиля перевела дух. Но вирманин мигом испортил ей настроение.

– Эрик, что случилось?!

– Они не пришли. Ни он и она, ни кто-то из ваших людей.

– Та-ак... а ты...

– Я отправил своих людей, они осмотрели все вокруг, нашли несколько капель крови, примятую траву... им повезло. Пока роса не легла...

Лиля кивнула.

– Думаешь...

– Уверен. Убийство.

Лиля бросила на стол салфетку. Аппетит пропал совершенно.

– Ганц Тримейн. Мне он нужен. Срочно!

Ганц как почуял – явился буквально через полчаса. По дороге утащил в столовой пару булочек и, жуя, явился к графине в кабинет.

– Прошу простить, ваше сиятельство...

Лиля отмахнулась и позвонила в колокольчик. На звон явилась служанка.

– Завтрак лэйру Ганцу. Сюда, в кабинет.

– Ваше сиятельство... – попытался вставить слово лэйр. Но кто его слушал?

– И живо!

Лиля сидела неподвижно, пока Ганц ел. И только когда он отложил столовые приборы, принялась расхаживать по комнате.

– Ваше сиятельство... Лилиан, что случилось?

И Лиля решилась:

– У меня есть подозрения, что сегодня ночью убили Лонса Авельса.

– Что?!

Ганц аж подскочил. С Лонсом они сдружились, пару раз выпили вместе, поболтали, да и работоспособность Авельса Ганц, сам тот еще трудоголик, успел оценить.

– Да. Его сегодня ждали, а он не пришел.

Ганц видел – женщина недоговаривает. Но молчал, опасаясь спугнуть.

Лиля прошлась по ковру, постучала пальцами по полке камина, тяжело вздохнула...

– Ганц, мы уже храним столько секретов, что одним больше, одним меньше...

Он печально усмехнулся:

- Главное, никому не проговориться. Что теперь? Кем был Лонс? Шпионом? Принцем? Незаконнорожденным братом Гардвейга?

- Супругом принцессы Анелии.

- Что?!

Лиля удалось удивить Ганца.

- Он был сначала учителем юных принцесс. Потом Анелия его полюбила, начала клеиться...

- Простите, что?

- Оказывать ему знаки внимания и добиваться таковых от него. Он не устоял. Но, будучи честным человеком, женился.

- Но Гардвейгу не признались. И не бежали. Жили тайно?

- Тебя это не удивляет?

- Вообще-то Гардвейг мог и голову отрубить. И в монастырь сослать. Запросто.

- Мог бы, - согласилась Лиля, вспоминая короля. - Еще как мог. Одним словом - было.

- Ага, а закончилось, когда Анелию выбрали в невесты Рику?

Лиля кивнула:

- Умный вы, Ганц.

- Убивать пора? - ехидно улыбнулся представитель.

- Нет, повышать.

- Так что случилось?

- О них узнали. По словам Лонса - не король. Граф Лорт. Умная гадина...

- Точное определение.

- Вы о нем знаете? - вскинулась Лиля.

- Глава разведки Гардвейга. Тварь и мразь. Но умный. И брату и стране предан по-собачьи.

- Брату?

- Гардвейг его молочный брат.

- Во-о-от оно что... - протянула графиня. Застыла, глядя в стену, и Ганц чуть подтолкнул ее:

- Ну да. Значит, граф Лорт застал их...

- Да. Допросил и приказал убить Лонса.

- И как он выжил?

- На нем решили срубить пару монет и продали в рабство.

- Повезло парню. Вырвался...

- Судя по всему - нет. Ох, Ганц... Лонс, когда мне это рассказал, просил помочь вернуть Анелию.

- Лилиан, куда вы ввязались?!

Лиля впервые видела Ганца в таком состоянии. Он побелел как мел. Взлетел из-за стола, вцепился в ее плечи...

- Кто еще знает?! Кто знает о вас?!

- Никто. Лонс молчал. Я тоже...

Ганц отпустил ее и почти упал на стул. перевел дух.

- Простите, госпожа...

- Лилиан. Обо мне никто не знал.

- Слава Альдонаю!

Лиля кивнула.

- Не настолько уж я глупа. За такие тайны кровью платят...

- И своей и близких, - мрачно откликнулся Ганц. - Ваше сиятельство, а что еще вы от меня скрыли? Может, Лидарх - это зачарованный принц? Я уже во все поверить готов, ей-ей...

- Лидарх не принц. Я тоже. Вроде бы это все тайны. А что?

- Ваше сиятельство, уж простите, но... не умеете вы хранить секреты. И лгать тоже. Так что еще осталось?

Лиля поколебалась и достала из ящика стола простенький пергаментный свиток.

Огнеупорный сейф пока еще не был готов, но ящик уже выковали и песком набили. Теперь мучились с замком. Лиля принципы действия не помнила, хоть убивай. А идею воплощать нелегко, тем более - кодового замка.

- Это написано Лонсом собственноручно. Там полное признание.

Ганц смотрел на свиток, как на ядовитую змею. Потом взял, повертел в руках...

- Печать пастора Воплера?

- Да.

- Он - читал?

- Нет. Лонс просто писал при нем. А потом запечатал и отдал запечатать пастору.

- Ага, вот оно как... Пастор жив останется. Это хорошо. А что вы собираетесь с этим делать?

Лиля вздохнула.

- Не знаю. Ганц, я хочу, чтобы ты выяснил, что с Лонсом и двумя людьми Лейса. Если они живы, их надо освободить. Если мертвы...

- Вы захотите мести?

- Мести? - Лиля горько усмехнулась. - Ганц, я похожа на идиотку?

Ганца так и подмывало ответить, что в некоторых случаях сходство идеальное. Промолчал. Но графиня что-то все же почувствовала и грустно опустила ресницы.

- Сейчас у нас с Уэльстером мирные отношения. Что будет после обнародования такой свиньи?

- Свиньи? - растерянно переспросил Ганц.

- Письма, в котором сказано, что Анелия - порченный товар?

- Скандал, ссора, война...

- Нам это надо?

- Нет.

Мужчина и женщина переглянулись. Оставлять убийство Лонса – если он мертв – без последствий никто не собирался. Но вот как мстить, чтобы не потянуть в яму всех остальных, надо подумать.

- Съезжу-ка я в посольство. Один не поеду, обещаю. И если что-то узнаю, пойму... Где они договорились встретиться?

- Я почти ничего не знала. Записку от Анелии Лонс вложил внутрь. Написанную ее рукой.

- Вот как... так где?

- У ворот для золотарей.

Ганц вздохнул.

- Ваше сиятельство, пообещайте мне ничего не предпринимать до моего возвращения.

Лиля пообещала с чистой совестью.

Замок Тирейн. Бывал там Ганц. Еще до приезда уэльстерцев бывал. И ничего удивительного. Работа такая. И ворота эти он знал.

А еще предполагал, почему они выбраны. Да потому, что золотари приходят с утра пораньше. Если там что и случилось – все следы уже затоптали двадцать раз. Но проверить надо.

Увы... Проверка никаких результатов не дала. Собственно, у ворот все было настолько затоптано и испаковано нечистотами, что там можно было и сто человек прирезать – не поймут.

Не считать же успехами несколько найденных лежанок? Или лежек?

Короче, в этих местах кто-то долго лежал. А зачем?

А это не запрещено. Но, судя по свежести примятой травы, можно было догадываться...

Авелс приехал сюда. Здесь его и поджидали. М-да... Скорее всего, Лонс убит.

Ганц не считал всех глупее себя. Схватить? Допросить? Держать где-то? Ну-ну... На территории чужого государства, на чужом поле, где в любую минуту могут все обнаружить и грянет скандал? Ой ли...

Он бы просто убил. И даже если потом что-то всплывет, нет человека – нет обвинения. Принять как исходную версию? Почему бы нет. И так, Лонс мертв. И двое людей Лейса, скорее всего, тоже.

Есть собственноручно написанное признание и даже доказательство. Хотя и плохонькое. А вот кому это донести?

Королю? Можно. Но... Насколько он заинтересован в браке? В союзе с Уэльстером?

Не выгоднее ли прикопать агента и списать все на государственную необходимость? И так уже Ганц слишком много знает. Можно убивать?

Есть в этой шуточке графини доля правды. Как ни печально...

А кому еще?

Гардвейгу? Смешно!

Ивернейцам? Надо обдумать. Но это уже пахнет государственной изменой.

А вот если расставить ловушку, в которую Анелия просто не сможет не попасться?
А письмо отдать Ричарду?

Вот тут можно попробовать извернуться. И главное – остаться в стороне. А еще Ганц совершенно не хотел подставлять графиню. А ведь она тоже предана своим людям. И если в это дело не влезет он – она точно не удержится. А дальше...

Ей-ей, бык в посудной лавке произведет меньше разрушений. И придется им всей компанией удирать в Ханганат. Потому как ближе – достанут.

Хотелось бы обойтись без таких крайностей.

Услышав стук в дверь, Анелия после небольшой паузы разрешила войти. Вошедший почтительно поклонился, словно и не он грубо тыкал ей пару дней назад.

– Ваше высочество, все улажено.

– Он...

– Да. Теперь уже навсегда.

– Б-благодарю вас...

Анелия смогла дождаться, когда мужчина выйдет. А потом упала на кровать и разревелась. От облегчения? От горя? От тоски?

Альдонай знает...

Больно! И все тут!

– Лидди, вечером мы едем во дворец на бал.

– Мигель... – Лидия посмотрела на брата. Мальчишка. Видит Альдонай, мальчишка. – Едем. А чему тут радоваться?

– А почему нет? Потанцуешь, развлечешься...

Лидия промолчала. Хотя и могла бы сказать, что толку от того бала...

Рик уже выбрал другую. Все происходящее сейчас – это просто дипломатические реверансы. Унижение, через которое ей надо пройти. Она не красавица. Она не богата. И приданое за ней скромное, хоть и принцесса.

И рана у нее в душе до сих пор не зажила. Предательство – штука такая. Болит и болит... и еще лет двадцать болеть будет... Тоскливые годы. Одинокие годы... Абы за кого отец ее не отдаст, а что будет дальше?

Лидия не знала. Хотя нет, что будет на балу – она знала. Злорадные взгляды, смешки, шепотки... Плевать!

Она – Лидия Ивернейская! И отношение всяких плебеев ее задевать не должно! Она – принцесса!

Лидия по натуре была бойцом. Просто не так уж часто ей приходилось драться за себя.

Лиля с Мирандой как раз играли в нарды в гостиной, когда в дом заявился Джерисон Иртон. И наткнулся взглядом на мирную картину. Мать и дочь склонили головы над доской, фишки, кубики...

– Марс!

– А я все равно попробую!

– Давай. Не сдавайся. Это правильно. Может, сведешь к проигрышу без марса!

Игроки не заметили бы графа, если бы не зарычали собаки. Мири повисла у отца на шее.

– Папа приехал!

Лилиан поднялась медленно.

– Ваше сиятельство...

– Госпожа графиня, – отвечал Джес, награждая Миранду поцелуем в нос. – Миранда, иди погуляй.

– А вы с мамой не поссоритесь?

– Постараемся. Иди...

– Иди, Мири, и собак заведи, – попросила Лилия.

Девочка бросила на нее возмущенный взгляд и вышла вон. Как же, выставляют! Лилия посмотрела на супруга.

– Итак?

– Госпожа графиня, не настало ли время поговорить?

– Если вы так считаете, господин граф. – Лилия тихонько фыркнула.

– Считаю, – честно признался Джес. – По возвращении мне было, откровенно говоря, не до семьи. Дела, отчеты, торговля, гвардия – это заняло достаточно времени. А заодно позволило многое узнать о вас. А еще – не рубить сплеча.

Лилия сосредоточилась. Кажется, намечается серьезный разговор.

– Вот как? Кстати, не хотите сока?

– Вина нет?

– Не пью. Могу приказать принести.

– Не надо. Давайте сок. Кстати, с какой поры вы не пьете вина?

– С момента потери ребенка.

Джес разглядывал супругу из-под ресниц.

Красива. Вот куда не денешься – красива. Будь она такой на свадьбе, он бы считал себя счастливым. Определенно. И уж точно не подумал бы напиваться. И отсылать ее – тоже.

Высокая, с шикарными формами, но тонкой талией, роскошные золотые волосы, белая кожа, зеленые глаза, легкая улыбка и потрясающее чувство собственного достоинства. Где были его глаза? Женщина казалась спокойной, но стакан чуть звякнул в тонких пальцах. Волнуется. И не напрасно.

– И с того же момента вы начали меняться?

– Скорее, приходить в себя после отравления.

– Понятно... Итак, я занялся делами. И узнал о вас много нового и интересного.

Лилия молчала. Приемчик был откровенно детский. «Что вы узнали?» – «А вот это и еще кое-что. Объяснитесь?» – «Нет. Промолчу сразу».

Не дождавшись реакции, Джес продолжил наступление:

– Скажите, почему вы от меня бегаєте?

Если бы Лиля была спокойна, если бы над ее головой, как топор на ниточке, не висел вопрос, что делать с Анелией, если бы...

Ей сейчас было не до тонкого внутреннего мира Джерисона Иртона, иначе она построила бы разговор по-другому. А Джерисон, в свою очередь, не хотел давить, потому что подозревал, что при силовом разрешении конфликта больше потеряет, чем приобретет. Если бы супруги могли понять друг друга, возможно, многое пошло бы иначе. Но часто ли люди откладывают понимание на потом?

– Потому что мы до сих пор ни в чем не определились.

– Неужели? Например, вы – моя жена. И это определенность.

– Жена – понятие сложное. – Лилия усмехнулась, подавая супругу бокал с соком. – Ее можно оставить в столице, рядом с собой. Можно отослать в Иртон. Можно вообще убить или развестись.

– Можно.

Одной рукой Джес перехватил бокал, а другой привлек женщину к себе. И почувствовал, как она напряжена.

– Вы меня боитесь?

Лилия усмехнулась. Покачала головой.

– Не так, как вы думаете.

– То есть?

– Я боюсь тех радостей, которыми могли вас наградить любовницы.

Джес опешил от неожиданности.

– Боитесь получить их от меня?

– Разумеется.

– Это уже неплохо. То есть вы допускаете между нами супружеские отношения?

– Я допускаю все, – парировала Лилия.

– При первой встрече мне показалось, что ваши последние письма написаны кем-то другим.

– При первой встрече мне показалось, что вы не готовы разговаривать в деловом ключе.

Взгляды синих и зеленых глаз скрестились. Полетели первые искры.

– И что же вы мне предложите в... деловом ключе?

Лилия стояла почти нос к носу с супругом, но отстраняться не собиралась. Кто первый отойдет – тот слабее. Но это не она. Определенно. Позднее можно проявить слабость. Но не сейчас, только не сейчас...

– А чего вы хотите?

Пальцы прошли по ее шее.

– А вы мне дадите... что я хочу?

– А вы руки мыли, прежде чем их об кружево вытирать?

Джес вскинул брови:

- Частое мытье вредно для здоровья.
 - Два пальца не грязь, три – сама отвалится? Любезный, я не сплю со скотным двором.
- Джес не разозлился. Дерзость не большой порок для красивой женщины.
- А с законным мужем?
 - Еще раз повторяю: после того как буду уверена, что вы ничем меня не наградите.
 - Уже неплохо. А как вы видите нашу жизнь?
 - А вы?
- Джес подобрался.
- Отсылать вас в Иртон я не буду. И запрещать что-либо – тоже. Дядюшка... то есть его величество этого не одобрит.
 - Но вы можете сделать мою жизнь намного тяжелее.
 - А могу намного легче. Итак?
 - Вы не отнимете у меня Миранду?
 - Вы знаете о сватовстве?
 - Знаю. И я его одобрила. А вы?
 - Это не худшая партия. Даже несмотря на веру. Но муж да спасется женой своей.
 - «Слово Альдоная», стих шестнадцатый.
 - Именно... Миранда останется с вами. С нами.
 - А вот тут сложность. Я писала вам. – Лиля высвободила руку и нервно заходила по комнате. – Сейчас вы для меня – незнакомец. Я для вас – незнакомка. Мы просто не поняли друг друга, но главного это не отменяет. Мы в положении только что поженившихся людей. И должны приглядеться друг к другу. Иначе...
 - Иначе?
 - Что-то может задеть вас. Что-то меня. У вас сильный характер, и мужчина вы решительный.
 - Полагаю, дражайшая супруга, это можно сказать о каждом мужчине.
 - Хорошо. Но и я не подарок. – Лиля в задумчивости поигрывала веером. – При столкновении мы оба проиграем.
 - Несомненно.
 - Поэтому предлагаю назначить период притирки.
 - Чего?
 - Ну притирания, привыкания друг к другу... Вы никогда не ухаживали за женщинами? Сколько вы обхаживали ту же леди Вельс?
 - Месяца три.
 - Вот. Я прошу меньше. В течение месяца совместной жизни вы не станете тянуть меня в кровать.
 - А других?

Вопрос был задан в шутку, но Лиля притворилась, что не поняла.

- Так, чтобы никто не знал. И попросите Тахира, пусть осмотрит и вас, и ваших любовниц. Интимные болезни штука сложная. И лечится плохо.

- А вы откуда о них знаете?

- Да от него же...

Джерисон сдвинул брови.

- Итак, госпожа графиня, подведем итоги. Мне необходимо ухаживать за собственной женой, так?

- А мне необходимо перечеркнуть все, что было, и посмотреть на своего мужа с новой стороны, - парировала Лиля.

- И вы хотите это сделать за месяц.

Она развела руками.

- Я не знаю, как нам еще быть. Поймите, Джерисон, вы симпатичны, достаточно умны, пользуетесь успехом у женщин. Я же... Я обычная женщина, которой хочется мира в доме и взаимопонимания. А этого у нас нет. Что-то неправильно сделала я. Что-то вы. Но общий язык нам искать надо, чтобы дом не превратился в поле боевых действий.

Джерисон развел руками:

- Хорошо. Давайте попробуем жить вместе. Присмотреться друг к другу, притереться... попытаемся?

Лиля улыбнулась. Пока еще робко.

- Покои графа заняла Миранда. Но она может переселиться ко мне.

- Не в детскую?

- Мири привыкла. - На этот раз Лиля улыбнулась от всей души. - И мне приятно с ней заниматься.

- А еще это лишняя защита от нежелательных ночных визитов?

В синих глазах блеснула ирония. И Лиля ответила шуткой на шутку:

- Возможно, со временем вы поменяетесь с Мирандой местами?

Джерисон рассмеялся.

- Ладно. Я согласен. В моем доме вы жить не хотите?

Но спрашивал он больше для проформы. Уже зная про Тараль, про то, сколько графиня делает для государства...

Лиля покачала головой.

- Я бы рада. Но мы там просто не поместимся...

- Я прикажу слугам перевезти вещи. Завтра. А сегодня, - в глазах Джеса опять заиграли веселые огоньки, - предлагаю вам прекратить прятаться от мира.

- Я не прячусь, - обиделась Лиля. Прозвучало это настолько по-детски, что она сама невольно фыркнула.

Смеяться вместе с мужем получалось неплохо. Получится ли все остальное?

- Просто у меня много работы.

А еще пропавший Лонс Авельс. И Ганц, который должен вернуться с докладом, и... Но об этом - молчок.

- Но я хочу сегодня пригласить вас на бал. В честь прибытия гостей из Ивернеи.

Лиля мученически вздохнула про себя.

Балы... Вот уж что ей никогда не нравилось. Но придется потерпеть.

- Тогда я должна уже сейчас начать приводить себя в порядок. Разрешите мне пока откланяться?

Джерисон развел руками.

- Как пожелаете, госпожа графиня.

Лиля вышла из гостиной и направилась в свои покои. Надо выбрать платье, сделать прическу - это надолго...

И мелькает в голове подленькая мыслишка: тянуть время? Пусть так, она именно этим и займется.

Джерисон проводил жену взглядом.

За эти дни его много раз кидало из одной крайности в другую. С одной стороны, когда выражали восхищение его женой - он автоматически надувался индюком. Да, я такой, и жена у меня такая.

С другой же... Как должен поступать муж, у которого практически не осталось рычагов воздействия на жену? А Джерисону их именно что не оставили. Чувствуешь себя загнанным в угол, разозленным и беспомощным. Разве это понравится?

И Джес тоже оттягивал встречу с женой. И тоже боялся не отыграть потом назад.

Но вроде бы все прошло неплохо?

А месяц воздержания... да еще и осмотр у докторуса...

Раздражает, да. Но мужчина должен уметь себя сдерживать. Иначе это не мужчина.

На приготовления к балу потребовалось столько времени, что успел вернуться Ганц Тримейн. И застал графиню во всей красе. Белое платье, летящие зеленые кружева, дорогие изумруды на шее, в ушах, на руках... Золотые волосы заплетены в сложную косу, которая тоже перевита кружевом и золотой нитью. Красавица. И по-другому не скажешь.

- Ганц! Наконец-то! - Лиля перехватила в зеркале серьезный взгляд. - Девочки, все выйдите...

Ганц дождался, пока закроется дверь за последней служанкой, обошел комнату, заглянул в прилегающую - и вздохнул.

- Ваше сиятельство, все плохо.

- Насколько?

- Полагаю, ни Авельса, ни ваших людей мы больше не увидим.

- Полагаешь?

- Точно сказать не смогу. Но это место было выбрано не зря. Там затопчут что угодно.

- А тела? Если бы их вывозили...

- Телега золотаря. С бочками. Тела в бочки, никто и не заглянет.

- А потом по этой дороге столько народу проехало и прошло...

- Именно. Так что...

- Это плохо, - вздохнула Лиля. - Что будем делать?
- Думать. В любом случае шлюховатая убийца на троне - не лучший подарок для страны.

Лилия кивнула.

- Кто знает, где выплывут старые грешки и кто еще возьмется за поводок. И что тогда будем делать?

- Пару дней придется подождать.

- А потом?

- А потом я что-нибудь придумаю, Лилиан.

Лилия вздохнула. Было тоскливо и тошно. Она уже теряла близких. И теперь теряет человека, который стал ее другом, ее учителем в этом мире... уже потеряла... больно.

На плечо ей опустилась сильная ладонь.

- Ты бы его не удержала.

- Знаю. Но я могла...

- Не могла. Лилиан, не считай всех глупее себя. - Дерзость, да. Но Ганц имел право и не на такое. - Если его ждали сегодня - что произошло бы потом?

- Он бы пришел. Она - нет. Он бы... отправился обратно ко мне!

- И за ним проследили бы. Смерть Лонса - это плохо. Но он спас тебя от серьезных бед и проблем.

- Но нас и так можно связать друг с другом...

- Через кого?

- Пастор...

- Печать на бумагах? Я оплавлю ее. Будет видно, что она не вскрыта, но не будет точно видно, чья она. Еще кто?

- Лонс старался не показываться, не представляться, скрывался...

- Лонс - имя распространенное. К тому же здесь он отрастил бороду, да и мало кто мог его узнать. Ты о нем не упоминала лишний раз?

- Нет.

- Лилиан, давно ты знала о его... избраннице?

- Давно. Поэтому он старался скрываться.

- Он-то понимал, чем ему это грозит. И чем все грозит тебе. Нет, с нами его не свяжут. И это хорошо.

Если Ганц говорит, что это правильно, значит, так и есть.

- Ганц, скажи, что будет, если узнают про Анелию?

- Скандал.

- Нет! В смысле - если его величество и его высочество...

- Тогда будет проще. Скорее всего помолвка расстроится. А вот далее...

- Что ждет девушку?

- Монастырь.

Лиля прикусила губу. О местных женских монастырях она была наслышана. Но...

- Поделом. А как это отразится на наших отношениях с Гардвейгом?

- Вряд ли положительно. Но договориться можно всегда. Особенно если это не афишировать.

- А у него же вроде бы и еще есть дочери?

- Да. Но они младше Анелии... старшая из них, да, где-то на два года. Через год как раз вступит в брачный возраст.

Лиля согласно опустила ресницы. Пусть так и будет.

- Когда ты отдашь письмо?

- Сегодня или завтра. А ты...

- А меня муж везет на бал.

- Желаю вам от души повеселиться, ваше сиятельство, - не удержался от поддразнивания и поклона Ганц.

Лиля скорчила рожицу. Ганц весело улыбнулся. Оба отлично знали, что графиня предпочла бы тихий вечер у камина. С дочерью, собаками, книжкой, близкими людьми... Ганц и сам любил такие вечера, когда после ужина в Ироне все удалялись в гостиную и занимались чем хотели. Кто-то читал, кто-то разговаривал, вирманки вязали, Лиля что-то писала, отвлекаясь то на одно, то на другое, пастор спорил с Лейфом, дети играли на медвежьих шкурах со щенками, и все было уютно и спокойно... иногда шумно, иногда весело. Но какое-то внутреннее тепло не покидало его в течение всего вечера. И здесь тоже случались такие вечера, но намного реже. А жаль. Ганц тосковал по ним...

- Надо, ваше сиятельство.

- Надо, - в тон Ганцу вздохнула Лиля. - Я на вас очень надеюсь.

Джес знал, что его жена - красивая женщина. Но чтобы настолько?

По лестнице к нему спускалось прекрасное видение. Роскошные формы, длинные волосы, загадочные зеленые глаза, платье, стоящее безумных денег...

Мужчина невольно склонился в поклоне.

- Лилиан, вы прелестны.

Лиля поблагодарила за комплимент легким кивком.

- Позвольте... - В руках Джеса оказался небольшой мешочек, и из него появился браслет с изумрудами. Не такой тяжелый и массивный, как графский. Нет, это был легкий и изящный ободок, украшенный мелкой россыпью камней и крохотными алмазиками.

Лиля протянула свободное запястье, и Джес застегнул браслет. А потом коснулся губами надушенной кожи в долгом поцелуе.

- Благодарю за подарок, супруг мой.

- Они такие же, как ваши глаза...

- Вы мне льстите.

- Нет, я лещу изумрудам.

Лиля позволила накинуть себе на плечи плащ, позволила подсадить себя в карету и даже улыбнулась Джесу. Граф собирался ехать во дворец верхом, а как он поедет оттуда - будет видно. Месяц - это слишком много, чтобы не попытаться сократить сроки.

Но сейчас Джес не хотел спугнуть добычу. И плевать, что это – его жена. Принуждение не доставляет никакого удовольствия... Ну почему она не выглядела так на свадьбе?!

Балы, вальсы, красавицы в пышных платьях, галантные кавалеры, нежные улыбки и первая любовь...

Эх... Если где-то это и было – там все было романтично. Красавицы не ловили на себе блох, рыцари не чесали... половые органы, собаки не бродили под ногами, музыка не раздражала своей нестройностью...

С другой стороны, Лиля просто была на взводе. Она отлично понимала, что при иных обстоятельствах рассматривала бы здесь все как веселое приключение. Комнату ужасов или комнату смеха. Но не сейчас... когда она топает под ручку с благородным графом, приветствует всех, их приветствуют, а за спиной шепчутся. Помирились? Переспали? Он теперь смирится с ее неженской профессией? Она станет терпеть его измены?

А ведь шепчутся. Лиля могла бы перечислить всех дам, с которыми у ее супруга что-то было. И не сильно бы ошиблась, каждая норовила соорудить глазки, коснуться рукава, а то и записочку подсунуть или платок уронить... козы драные!

Хотя... раньше-то ее тут никто не видел. И если Джес изменял тогда – что ему мешает это делать сейчас? Ее ведь судят по первой Лилиан, которой больше нет, но людям этого не скажешь. И все гадают – какой у нее недостаток, что муж запер ее в имении и принялся изменять направо и налево.

Лиля кипела, но виду не показывала. Вежливо побеседовала с королем о состоянии здоровья, сделала реверанс перед Гардвейгом – тому после лечения стало чуть легче, ну, во всяком случае, нога не так сильно болела, поэтому его величество был в хорошем настроении. Он отослал Джеса потанцевать с принцессой, а Лилиан пригласил присесть рядом и побеседовать.

Ему еще лечиться и лечиться, а не по балам бы ходить и не по дорогам раскатывать. О чем Лиля и сообщила со всеми возможными расшаркиваниями и извинениями.

Король в ответ заметил, что, если поможет, он всегда готов. Потому что долго с такими язвами не живут. И Лиля в принципе понимала почему. Что бы ни было в исходниках у таких язв, лечить их здесь не очень-то умели. До концепции микробов еще не додумались. Зато отлично понимали, что от таких язв происходит «горение крови».

И неудивительно.

Рано или поздно лекарь-дурак заносил грязь в рану. Начиналось воспаление, которое лечили – в зависимости от везения пациента. Могли и клизмой. А там... Заражение крови, гангрена, смерть...

Лиля намерена была это исключить. Да и болевой симптом удалось приглушить. Тахир серьезно занимался язвой, и Гардвейг ощущал себя чуть получше, даже соизволил выразить Лиле свое благоволение. Мол, приезжайте к нам в резиденцию, будем рады видеть вас. Да и в Уэльстере ждем. И вообще, вы с супругом красивая пара.

Джерисон вернул принцессу отцу и исчез. Лиля, полностью сосредоточившись на его величестве, даже не обратила на него внимания. Эка невидаль – муж удрал.

Она вежливо улыбалась Гардвейгу... потрясающее обаяние личности. И знаешь, что развод у него через плаху, а все равно хорош!

Впрочем, минут через пять ее от Гардвейга увел один из немногих, кто имел право. Принц Амир Гулим.

– Его величество согласился на наш с Мирандой брак.

– Я рада за вас.

– И ваш супруг тоже.

Лиля улыбнулась. Вот так. Миранда уже почти не ее. Это и есть материнская тоска? А что будет дальше?

С чем останется она, приняв Джерисона?

С красивой картинкой? Звучало откровенно тоскливо...

- Ну наконец-то!

- Рик, я тебя с женой хочу познакомить.

- Познакомь. А то скоро своей обзаведусь, а с твоей пока еще не знаком.

- А как связано одно с другим?

- А вдруг я тебе рога захочу наставить?

Рик посмеивался, но Джес сверкнул глазами:

- Поосторожнее!

Принц заинтересованно взглянул на друга:

- Ревнуешь?

- Охраняю...

- Не надо. От меня - не надо.

- А от кого надо?

- Да тут каждый третий на нее заглядывается, как на пирожное с кремом!

- А, тогда вы квиты. Вот, посмотри на Тисию. Она сейчас из платья выпрыгнет, только бы ты взглянул.

Джес взглянул. Миниатюрная брюнетка действительно готова была на все. Но прежних эмоций уже не вызывала. Он думал, что ему нравятся худощавые невысокие брюнетки?

Нет.

Ему нравятся высокие пышные блондинки.

- Да ну ее... У тебя как?

- Сегодня скажу Анелии, что буду просить ее руки у Гардвейга.

- Лидия точно побоку?

- Джес, сам понимаешь. Уэльстер - сосед. Приданое опять же, мирные отношения... ну и наконец - ты с этой воблой в постель лечь сможешь?

Джес покачал головой, вспоминая Лидию.

- Мне и своей коровы хватило.

- С коровой ты обманулся.

- Боишься, что тоже обманешься?

- Боюсь. Но и выбора у меня фактически нет. Поэтому - Анелия.

- И да поможет тебе Альдонай. Пойдем, я тебя познакомлю с Лилиан.

- Пойдем... Где она?

Джес завертел головой, выискивая белое платье, и заметил его рядом с принцессами. Анжелина и Джолиэтт, по-взрослому нарядные и в роскошных драгоценностях, разговаривали с его супругой. Лилиан весело отвечала им, смеялась, девочки хихикали... И вся троица явно чувствовала себя отлично.

- С твоими сестренками.

- Так идем. Кстати, пригласи малявок потанцевать, им приятно будет.

- Приглашу, - улыбнулся Джес.

- Ваше высочество Анжелина, ваше высочество Джолиэтт...

Джес склонился перед принцессами. А Лилиан отвесил учтивый поклон высокий блондин в белом, отделанном золотом камзоле.

- Госпожа графиня, позвольте представиться. Ричард. Давний друг вашего супруга.

Лиля едва не фыркнула. Тоненькая диадема в золотых волосах собеседника отчетливо говорила о его статусе.

- Рада знакомству, ваше высочество.

- Я тоже, графиня.

Джес светски улыбнулся и пригласил на танец Анжелину. Какой-то герцог пригласил Джолиэтт, и Лиля осталась один на один с принцем.

М-да... Ожившая девичья мечта. Отличная фигура, золотые волосы, серые глаза, одухотворенное лицо... того и гляди, растаешь от восторга.

Ага, сейчас. Вот только шнурки погладит. Чисто из упрямства Лиля продолжила разглядывать принца. Красивый мальчик, да. Но... один такой уже есть. А они с Джесом хорошо смотрятся. Позитив и негатив. Играют на контрасте?

- О чем вы думаете, графиня?

- Вы неплохо смотрите вместе с моим мужем, ваше высочество. - Лиля и не подумала смутиться. - Девушки млеют?

Ричард опешил от такой откровенности. Но Лиля смотрела спокойно.

Сложно сказать, чего в ее словах было больше - наглости или расчета. Но ей надо было переломить впечатление, которое о ней создал Джес, - это первое. Стать другом, а не женщиной - это второе. Приучить принца к своей эксцентричности. Это третье, и главное.

Лиля прекрасно понимала - она более чем оригинальна. Но если Эдоард и Гардвейг терпят ее из-за лечения, то Рику оно пока не требуется. А ей нужно прикрытие и в лице будущего короля тоже. И Лиля чуть отыграла назад.

- Прошу простить мою дерзость, ваше высочество. Когда постоянно общаешься только с книгами, потом очень сложно разговаривать с людьми.

- Вы любите читать? - В серых глазах вспыхнул интерес.

- Среди оплывших свечей и вечерних молитв...

Ричард насторожил уши.

- Это стихи?

- Да, ваше высочество.

- Я никогда не читал таких...

– Хотите, я прочитаю по памяти?

Ричард хотел. И Лиля прочитала. Про книжных детей, про любовь, еще кое о чем... Ее знакомая по общаге обожала Высоцкого и Лилю приобщила.

Потом кое-что прочитал Ричард, потом они немного поспорили о ритме... минут через десять Джес растащил их и бесцеремонно напомнил принцу про заброшенных принцесс.

Рик сверкнул глазами, но о долге вежливости действительно забывать не стоило. А Джес занялся женой.

– Вы нашли общий язык с принцем...

– Он тоже любит читать.

– Он вам понравился?

Лилия взглянула на супруга. Сердится? Ревнует? Но лучше успокоить сразу.

– Как мужчина он мне безразличен.

Джес пристально посмотрел на нее, но Лилия выглядела абсолютно безмятежной, и он чуть успокоился.

– Я вам привез в подарок кое-какие свитки.

– Какие?

– Завтра посмотрите, узнаете.

Свитки, выпрошенные у Рика, были готовы и даже перевязаны лентой. Интересно, как оценят его подарок?

Нельзя сказать, что Анелия была жестокой или злой, но, увидев Лидию, она не удержалась от злорадного взгляда. Да уж, эта бледная высоченная мошь рядом с ней выглядела просто жалко.

Лидия тоже смерила принцессу-конкурентку взглядом, но получилось у нее хуже. И намного. Как ни повторяй себе, что душа у тебя прекрасная и ум – главное твое достоинство, Лидия отлично понимала, что проигрывает Анелии, и это ее корбило. А та развлекалась изо всех сил. Танцевала, смеялась, да и Рик уже два раза танцевал с Анелией, а с Лидией – ни разу. Предпочтения принца были всем ясны, поэтому вокруг Анелии вился хоровод придворных, а Лидия одна стояла в сторонке. Братьев и тех отвлекли какие-то вертихвостки. А что, принцы – товар штучный.

Но Лидия справилась бы, если бы Анелия не решила чуть-чуть утвердиться за счет соперницы.

– Милая Лидия, а вы все одна? – заворковала она, подбегая поближе в промежутке между двумя танцами. И сделала знак одному из придворных. – Принесите мне вина, я устала... – И пожаловалась Лидии: – Столько танцевала, ноги гудят. Наверное, туфельки до дыр затанцую, как девочка из сказки. А вы не танцуете?

– Не хочу, – коротко ответила Лидия.

– Я обязательно попеняю Рiku, что он вас вовсе не приглашает. Есть же законы гостеприимства, хозяин обязан...

– Хозяин здесь – его величество Эдоард.

Вроде бы и послать Анелию к Мальдонае было невежливо. Она же не грубит. Но и терпеть тоже... никаких сил не хватало.

– Ну так потом же будем мы с Риком...

- Вы так уверены в его выборе? – Лидия боролась из последних сил.

- Он мне сам сказал. Да и неудивительно. Я молодая, красивая, с богатым приданым...

А в глазах так и читается: «А ты – старая крыса, за которой и не дадут ничего толком».

И Лидия не выдержала:

- Извините. Мне надо поправить чулок. Подвязка развязалась.

Скользнула за портьеру и ринулась куда глаза глядят. Найти покои – и выплакаться!

Сил нет! Альдонай, лишь бы никто не помешал!!!

Анелия проводила соперницу торжествующим взором и вскоре забыла о ней. Потому что к ней направлялся Ричард.

Может быть, сегодня он сделает ей предложение?

Скорее бы...

Ричард действительно успел отдохнуть за беседой с графиней Иртон – и теперь намеревался опять уделить время своей будущей жене. А почему нет?

Симпатичная, веселая, чуть глуповата, но разве это важно? Умные женщины – это хорошо. Но отдыхать от них тоже надо.

А Лилиан решила отдохнуть от разговоров. Да и мужа своего ей видеть пока не хотелось. Мальчик-мажор. Только с поправкой на Средние века. Увы...

От отца – дело. От короля – чувство вины и опека. От женщин – восторги, от друзей – полное понимание, ибо сами такие же. Разве что Рик чуть посерьезнее, но ненамного. Просто ему фехтование и прочие турнирные радости плохо даются, вот и ударился в чтение книг. Да и отец его воспитывал, а не только баловал. Неплохой сам по себе парень получился. Но искренне считает, что все для него. Сказать-то умные слова он может, а вот почувствовать их, осознать, чтобы они в душе сами выросли... ну да на тронах и поглупее сидели. Ничего страшного, нахватается.

Главное – найти общий язык. Но надо будет соблюдать паритет, Джес с Риком друзья, бортанешь одного – обидишь второго.

Лиля вздохнула и, как только Джеса отвлекла какая-то дама, тихонько выскользнула в какой-то коридор.

Хотя бы чуть передохнуть от шума и гама. И от вони тоже...

Лиле не сразу, но удалось найти незапертую дверь. Она хотела войти в комнату, но ее внимание привлекли рыдания, доносившиеся из дальнего конца коридора.

Кто-то плакал. Отчаянно и безнадежно, просто сердце разрывалось.

«Нет, ну что тебе там надо? Кто тебе там рад будет? Не лезь затычкой в каждую бочку, идиотка!» – обругала себя Лиля и отправилась на поиски страдальца.

Страдалицы. Женщина в простом белом платье лежала лицом вниз на кушетке и редела так, что, казалось, у нее уже не осталось никакой радости в жизни, никакой надежды...

Лиля присела рядом. Коснулась плеча...

- Помощь нужна?

- Уйди! – рявкнула женщина, не поворачиваясь.

Лиля погладила ее по мягким волосам.

- Еще раз спрашиваю: помощь нужна?

Лидия обернулась. Сверкнула глазами. Неизвестно, кого она ожидала увидеть перед собой, но уж точно не высокую блондинку, смотрящую на нее со спокойным интересом. Так получилось, что Лиля не присутствовала при представлении Лидии двору, она ее вообще в первый раз видела. Бриллианты в кольце были скрыты длинными свободными рукавами платья, а в остальном – девушка как девушка. Симпатичная. Хотя здесь и не станет пользоваться спросом.

Лиля быстро оценила внешность незнакомки.

Волосы пепельно-русые. Кто-то скажет – пепельный, кто-то – мышиный.

Глаза серые. Достаточно большие, но брови надо выщипывать и подкрашивать. А так они слишком широкие и бесцветные. Подбородок тяжеловат, а лицо чуть длинновато, но это корректируется косметикой и прической.

Фигура тоже на уровне. Здесь ценятся пышки, а эта – почти модель. Классическая вешалка. Но это ведь как подать...

Лиля протянула незнакомке платок.

- Высморкаешься? Или помочь?

Лидия, слегка ошавев, тряхнула головой.

- Вы кто?

- Лилиан. А ты?

- Л-лидия...

- И чего ревом, Лидия?

Между делом Лиля достала из сумочки симпатичный льняной платочек – и ловко, почти как с Мирандой, ухватила девушку за нос.

- Ну-ка, выдох носом! Сможешь?

Вконец утратившая ощущение реальности Лидия высморкалась и посмотрела на незнакомку.

- В-вы... почему т-так...

- Ну так вот, – спокойно объяснила Лиля, – у меня дочь немногим младше. – Она скромно умолчала о том, что это падчерица. – Не обижаешься, что я по-простому, без титулов?

Лидия мотнула головой:

- Н-нет...

В другое время она никогда не позволила бы ничего подобного. Она бы обрушила на негодайку громы и молнии. Она бы ее...

Но в другое время и в другом месте.

А вот когда ей было плохо, больно и тошно, когда кругом враги и даже некому пожаловаться, когда душа просто срывается, когда она готова кричать от боли и тоски...

Любой, кто бескорыстно поддержал бы Лидию в эту минуту, получил бы ее благодарность. Просто так, потому что она поняла бы, что не одинока в этом мире.

В другое время и Лиля не полезла бы к принцессе. Но сейчас...

У нее самой был стресс, и рыдающая девчонка показалась подругой по несчастью. Утешить – прорезалось основным инстинктом. А что принцесса – так на ней не написано. Может, баронесса, может, лэйра...

– Жаль, водички с собой нет. Тебе бы сейчас попить и умыться.

– М-мне п-посидеть, чтобы никто не беспокоил... – Лидия от шока громко икнула.

– Мне уйти? – уточнила Лиля. Навязываться она не собиралась.

– Н-нет... – Принцесса не должна исчезать надолго, еще сплетни пойдут... Репутация наше все. А тут женщина, которая явно неплохо к ней отнеслась, проявила участие, пожалела...

– Тогда останусь.

Лидия кивнула. Она поняла, что эта женщина просто ее не знает. И повернула кольцо на пальце бриллиантом вниз, чтобы не сверкнуло.

Вот и пусть дальше не знает. Тем более – не простая служанка. Графиня, судя по изумруду в кольце. Для чести нет ничего зазорного в том, что графиня и принцесса изволили побеседовать. Благо никто не слышит.

Минут пятнадцать у женщин ушло на приведение Лидии в порядок. Они перебрались в ближайшую свободную комнату, как шпионы, прячась и оглядываясь, и графиня занялась девушкой вплотную. Лилия кое-как уложила ей растрепанные волосы и даже попробовала припудрить лицо. Потом покачала головой – мол, тут мало что сделаешь... ну хоть что-то.

Попутно Лилия пожаловалась на балы, которые ей жутко не нравились. И нашла с Лидией общую тему. Той тоже не нравились балы. Принцесса к тому же пожаловалась на жениха, который вроде бы и не жених, и уделяет все внимание сопернице... а ей хоть бы немного уделил, из вежливости.

Лилия посочувствовала. Ну а какие извечные женские темы? Тряпки, косметика, мужчины. Вот они и обсуждались следующие минут двадцать.

Лидия жаловалась. Лилия ее утешала.

Лилия жаловалась. Лидия ей сочувствовала.

– Почему всем важна только внешность?

– Потому что по одежке встречают.

– Но будь я красивой – я все равно не изменюсь! И альдоны говорят, что душа – самое важное.

– Все правильно. Но сначала смотрят на обертку.

– Это несправедливо...

– Это жизнь. Есть такая история...

История была простая. Жила когда-то принцесса. Красивая, умная, добрая, так ее и прозвали – мол, наше солнышко. Жизнь идет, надо замуж выходить. Посватались женихи. Один красавец писанный, второй вояка лихой, третий богач, четвертый калека, но принц. Мучается девушка, не знает, кого выбрать. А все с ней ласковы, все приветливы... Тут нянька и подсказала.

На следующий день оделась принцесса в лохмотья, лицо как могла измазала, волосы убрала под платок – и принялась милостыньку просить у ворот дворца.

Кто подает, кто ругает... красавец мимо проехал, как на грязь посмотрел, вояка чуть конем не затоптал, богач плетью вытянуть хотел, калека монетку подал и говорит: ты, мол, приходи сегодня. Место служанки тебе найдем. Не дело это – побираться.

За него замуж и пошла принцесса. И не пожалела ни разу. Остальные-то были добры к знатной да красивой, а этот ко всем людям.

Лидия сначала не поняла, к чему это. Лилия принялась объяснять:

- Сказка ложь, да в ней намек. Вот смотри. Если только один из четырех в душу заглянул – повезло. Но таких – единицы. А тех, кто на обертку смотрит, гораздо больше.

- Т-так...

- А если у человека не хватит ума вглубь заглянуть – зачем тебе такой нужен?

- Н-но...

- Вот подумай сама. Это не жизнь будет, это мучение. Ну выйдешь ты за него замуж, утрешь нос сопернице. Одной. А остальных вилами гонять всю жизнь будешь? Да лучше отдать ей это сокровище – и порадоваться. Пусть она с ним и мучается всю жизнь.

- Но как-то...

- Хочется, чтобы он у твоих ног ползал, а ты его гордо отвергла и ушла? А вот это – некрасиво. Оставь парню хотя бы иллюзии. А несчастным он и сам себя успешно делает.

Когда в комнату заглянул принц Мигель, всюду разыскивающий сестренку, он обнаружил двух абсолютно довольных собой и жизнью дам. Правда, у одной из них нос был еще слегка красноватым, но улыбка уже была вполне веселой. Они прикидывали, какие фасоны причесок пойдут Лидии, и договаривались о визите Лилиан с модистками. Лидия была все-таки женщиной, а выглядеть красавицей и модницей – разве это не мечта?

- Лидия, ты здесь? А мы тебя ищем.

- А мы тут заговорились. – Лидия улыбалась. – Мигель, знакомься. Моя подруга Лилиан.

- Графиня Иртон. – Лиля сделала реверанс.

- А это мой брат. Его высочество Мигель Ивернейский.

Сказать, что Лиля ощутила себя душой, – это почти что промолчать. Ощутила. Но, видя веселые искорки в глазах Лидии, снова присела в реверансе, признавая свое поражение. «Лихо вы меня сделали, ваше высочество».

Новые подруги быстро договорились о визите Лилиан и распрощались.

Графиня направилась в зал и по дороге ее перехватил Александр Фалион.

- Лилиан, рад вас видеть. Я скучал. Потанцуем?

Лиля кивнула, и маркиз закружил ее в танце.

- Вы здесь с мужем? – На публике маркиз был подчеркнуто уважителен.

- Да.

- Примирение семьи?

Лиля сдвинула брови. А вот это касалось только ее и Джеса. Но... ладно уж.

- Все в воле Альдоная.

Фалион помрачнел. Но намек понял и в чужую жизнь не лез. Они сделали круг по залу, и маркиз оставил Лилю. И практически сразу к ней подошел Джес, заявивший, что хочет представить ее Анелии. Хорошо хоть отвертеться удалось, а то Лиля за себя не ручалась.

Остальное все было вполне на уровне. И поездка в карете. И комплименты – заезженные, но ведь старался, говорил. И даже поцелуй руки перед расставанием...

Лиля прошла к себе, привычно спихнула с кровати собак, поправила одеяло на Миранде, подвинула мангустов, улеглась и тут же отключилась.

Сил не оставалось даже на то, чтобы проанализировать свои поступки и подвести итоги

дня.

Его высочество Ричард Ативернский лег еще позже Лилиан. На столике у кровати его ждал небольшой свиток.

«Его высочеству Ричарду Ативернскому лично.

Важно».

Рик пожал плечами и кликнул слугу.

– Кто входил в спальню?

– Никто, ваше величество.

– А это из воздуха появилось?

Слуга признался, что отлучался ненадолго по нужде, вот в то время, видимо, и...

Ричард разозлился и предложил слуге распечатать свиток. Вдруг отравлено? Тот сломал печати, развернул пергамент, подождал пару минут – и по знаку принца вышел вон.

Пробежав глазами по строчкам, Рик сначала нахмурился, потом сжал кулаки и едва не запустил свитком в стену. Но сдержался.

Дочитал, осторожно положил на столик.

Твари, сволочи!!! Четвертовать мало!

Анонимка. И препоганая. Вранье?

Конечно!

Или – нет?

Ричард сделал пару глотков вина из бутылки, выждал минут пятнадцать. Перечитал. И был вынужден признать, что если это и вранье, то уж очень похожее на правду.

Неизвестный... Хотя почему неизвестный? Шевалье Лонс Авельс описывал свою жизнь, свои отношения с Анелией Уэльстерской, свое похищение, свое прибытие в столицу, встречу с супругой, и писал, что если его убьют, то письмо окажется на столе у Эдоарда. А там уж все в воле Альдоная. Мол, допустить войну нельзя. Но и сажать такое на трон...

Ричард дураком не был. И написано все было чрезвычайно убедительно, с подробностями интерьеров замка, в котором воспитывалась Анелия, с перечислением всего, что имело к ней отношение, вплоть до личных примет – родинки в форме щита на пояснице. Дано описание пастора, который их венчал, приметы похитителей... Единственное, о чем Лонс Авельс предпочел не особенно распространяться, это о том, как ему удалось выжить и добраться до Ативерны. Объяснил, что его хозяин не в курсе и он, шевалье, ни в коем случае не хотел бы подставить под подозрение достойного человека.

Рик не стал дожидаться утра и через десять минут уже стучался в двери отцовских покоев.

Открыл ему личный камердинер Эдоарда.

– Спит?

– Нет пока. А...

– Спроси, можно мне войти?

Камердинер скрылся ненадолго в покоех и, вернувшись, пригласил Ричарда войти.

Спальня отца изменилась, добавился новый запах. Свежести? Мята...

Ричард был даже удивлен. Все выскоблено, вычищено, выстирано, в вазах пучки мяты и каких-то еще душистых растений... приятно.

Эдоард полулежал в постели, и Тахир растирал королю ноги. Все-таки тяжело его величеству пока давались балы.

- Что случилось, сын?

- Вот. - Ричард протянул свиток.

Эдоард сдвинул брови и принялся читать. Сначала быстро, потом все медленнее. Аккуратно свернул свиток и задумался. Жестом отпустил лекаря.

- Думаешь, правда?

Рик пожал плечами:

- Не знаю, что и думать. Но похоже на правду.

- Ты ничего не замечал?

- Даже если что-то и было - тогда в глаза не бросилось, а задним числом думать... тут такого навоображаешь.

- Это верно. Ты в нее не влюблен, так?

Ричард кивнул.

- Это хорошо. Но и в Лидию...

- Только не она!

Эдоард смотрел серьезно и грустно.

- Вот и давай подумаем. Лидия нам не подходит. Это решено. Анелия же... как теперь выясняется, тоже не подходит. И остаемся мы ни с чем...

- Но...

- Если автор этого письма не солгал, Анелия твоей женой быть не может. И дело не в том, что она была замужем, сам понимаешь.

- А в том, что она предала одного, предаст и второго, - поддакнул Рик.

- И является замечательным объектом для шантажа. Знаешь, я и сам не без греха. Но ни Иоджин, ни Джесси никогда бы...

- Знаю.

- Да и с Гардвейгом ссориться нежелательно.

- А может, и не придется, - пожал плечами Ричард. - Знаешь, я как-то в брачные сети не рвусь. Подождать пару лет, а там у него еще одна дочка подрастет. А пока заключить помолвку, да и если это правда - Гардвейг присматривать за дочерью будет пуще орла.

- Хм... - Эдоард задумался. Выход был вполне достойным. Только вот... - А как тогда отделаться от Лидии? Бернард понял бы, предпочти ты Анелию. Но ее младшую сестру...

- Пока не знаю. Но точно знаю, что на этой воле я жениться не хочу. Да и толку от нее...

- Она неглупа.

- Это верно. Но в приданое она толком ничего не принесет. Ивернея от нас дальше Уэльстера, да и с Гардвейгом отношения испортим...

- Надо завтра это все проверить.

– Как?

– Договорюсь с Гардвейгом о встрече, покажу ему письмо. Если все окажется правдой – плохо. А если нет... любая повитуха установит, девица твоя Анелия или нет. Но на всякий случай пригласим нескольких...

– Но если нет – думаешь, она могла бы меня обмануть?

Эдоард криво усмехнулся.

– Сын, лишение девственности подделать несложно. Крики, куриная кровь... меня так пару раз пытались провести. Могло и с тобой пройти. Особенно в брачную ночь.

– Может быть. Не стану зарекаться. Итак: разговор с Гардвейгом, повитухи – и ждем?

– Пока – да. И подумай, как отделаться от Лидии, чтобы не обидеть ее и ее отца. А я утром прикажу проверить это письмо.

– Договорились.

Ричард оставил свиток у отца и отправился к себе. Но заснуть еще долго не мог. Неприятное было ощущение...

На этот раз задание досталось не Ганцу, а одному из его знакомых, лэйру Вальесу. И королевский представитель принялся рыть землю.

Первым делом узнать о шевалье Авельсе в Уэльстере. Навести справки о пасторе, который венчал Авельса и принцессу. Одно-то имя было достаточно известным в определенных кругах. Граф Альтрес Лорт.

Все, кто имел дело с секретами короны, знали, что граф – начальник тайной службы Гардвейга. То есть самая подходящая кандидатура, чтобы навести справки о ком угодно. Но лезть к нему с вопросами можно, только если жизнь не дорога.

В Ативерне найти следы шевалье Авельса было просто нереально, потому что он не упомянул, где жил, где работал, откуда приехал, вообще обошелся без имен.

Анелия же...

Зайти с другой стороны?

Встречались на балу? Да, безусловно. Такое могло быть. Ибо королевский бал – та еще неразбериха. С одной стороны, многое регламентировано. С другой – если человек хочет уйти из-под наблюдения, он это сделает. Это несложно при определенных навыках. Отсылаешь одного туда, второго сюда, идешь поправить чулки – и растворяешься в дворцовых коридорах, комнатах, парке...

Технически такое возможно. Но окончательное суждение можно будет вынести только после получения сведений из Уэльстера. Или – после разговора его величества Эдоарда с его величеством Гардвейгом.

После вчерашнего конфуза Лиля даже не представляла, как держаться с Лидией. Но принцесса разрешила все сомнения сама, пожаловав в гости без лишних церемоний.

– Я тут в гостях, поэтому можно немного нарушить протокол, – объяснила она.

Ну нарушить так нарушить. Выпили чаю. Лидия похвалила пирожные, Лиля сделала комплимент волосам принцессы, Мигель, приехавший с сестрой, восхитился вирманскими сторожевыми, слово за слово – и лед постепенно подтаял.

Женщины могут стать подругами, если им не приходится что-то делить. А в паре Лилиан – Лидия так и было. Они не были соперницами. Лилиан была замужем, Лидия собиралась обратно в Ивернею... и поскольку была умна – решила взять все возможное

от визита. Лиля это понимала, но почему бы не воспользоваться случаем и не прорекламировать себя в Ивернее?

Лилия обмолвилась, что принцесса могла бы стать очаровательной, Лидия чуть надулась, но Лилия предложила ей попробовать. Мигель махнул рукой – мол, давай, сестренка, если хочется, нам спешить некуда – и принялся обсуждать с вирманами собак. Вирманские сторожевые, особенно Нанук, произвели такое впечатление на юношу, что он готов был расспрашивать о них часами. Пришлось предоставить ему вирман для беседы. А Лилия отвела принцессу к Марсии, и та занялась девушкой всерьез.

Лидия в результат не верила, но безропотно отдала себя в руки девушки. Еще свежи были в памяти вчерашние обиды. Да, она проиграла Анелии схватку за сердце Ричарда. Но в ее силах сделать так, чтобы счет не оказался разгромным!

До стационарного окрашивания бровей здесь еще не додумались. А басмой этот вопрос решался очень быстро. Темные брови сделали лицо Лидии чуть выразительнее. Платье, сметанное на живую нитку... розовое, да! Но Лидии этот цвет шел, оживляя бледную кожу и оттеняя пепельные волосы, правильная прическа – никаких зачесов назад и валиков, все очень естественно, косая челка и несколько выпущенных на свободу локонов, плетеные сандалии...

Лидия в шоке уставилась в зеркало.

Отец никогда не позволит... Стыд какой... А ведь она – красивая!

Высокая, с великолепной осанкой, пепельные локоны небрежно выпущены из-под розового кружева мантильи, брови изумленно вскинуты – и видно, что они есть и они красивые, глаза сверкают из-под подтемненных ресниц, кожа вовсе даже не тусклая, платье цвета увядшего шиповника подчеркивает маленькую, но высокую грудь и тонкую талию. И удачно маскирует узкие бедра. Зато сразу понятно, что ноги у нее длинные и стройные.

А подкрашенные губы блестят розовым (слава Ханганату), и подбородок вроде бы не такой массивный... и вовсе ее не портит.

– Это – я?!

– А есть сомнения, ваше высочество? – улыбнулась Лилия.

Сомнений не было. Было только восхищение.

– Лидия, предлагаю спуститься вниз, чтобы брат оценил. Потом платье придется снять и отдать Марсии. Пусть до ума доведет.

Лидия скользнула пальцами по розовому шелку.

– Сколько я за это должна?

Лилия сверкнула глазами, и принцесса тут же поправилась. Она отлично поняла, что делалось все от души. Не за деньги.

– Спасибо.

Лилиан чуть смягчилась.

– Будем считать... вы ведь...

– Ты. И Лидия. Хорошо?

– Лилиан. Но только наедине.

Лидия кивнула. Ну да. Подругами они быть не могут, статус не позволяет. Поэтому для света все останется чопорно и правильно. А так вот, наедине поболтать о том о сем – почему бы нет?

– Кстати! Серьги!

Картину довершили две розовые жемчужины в оправе работы мастера Лейтца. Лидия полюбиалась на замочек и кивнула.

– Замечательно... Но мне хотелось бы как-то отблагодарить тебя.

Лиля коварно усмехнулась.

– Если ты хоть раз появишься при дворе его величества Эдоарда в таком платье, да еще упомянешь о марке «Мариэль»...

– «Мариэль»?

– Это в честь моей матери. Я хочу сделать салон. Чтобы женщины приходили туда, и им помогали, вот как тебе. Согласись, одежда и прическа не главное. Да и внешность тоже. Но красивым легче живется на земле.

Лидия согласилась.

– Пойдем? Хочу посмотреть, как отреагирует братик!

Лиля ответила проказливой улыбкой. Ей тоже хотелось посмотреть!

Мигель тискал щенка и спорил о методах дрессировки, когда в гостиную вошла...

Что уж там, принц просто не узнал сестру. Видение в розовом и Лидия не имели между собой ничего общего. И принцу даже неловко стало, что он сидит, болтает с вирманином... Он поспешно вскочил с ковра, Эрик последовал его примеру.

– Госпожа, разрешите представиться... Мигель, принц Ивернейский. Вы здесь в гостях?

Лиля, будучи не в силах сдерживаться, закрыла лицо руками, содрогаясь в спазмах беззвучного хохота. Лидия шагнула к брату и цепко схватила его за ухо.

– Я?! Еще как в гостях!

– Лидди?!

Искреннее изумление в глазах брата стало принцессе наградой за все вчерашние унижения. А восхищение в глазах вирманина стоило и того больше.

Эрик уважительно поклонился.

– Ваше высочество, позвольте сказать – вы восхитительны.

Лидия покраснела и опустила глаза. Лиля усмехнулась:

– Прекрасная принцесса из сказки.

И добавила про себя: «Приятно, когда внешность соответствует содержанию».

Следующие десять минут Лидия наслаждалась комплиментами брата, Эрика, заглянувшей в гостиную Миранды, круглыми глазами слуг, а потом в сопровождении графини отправилась в руки Марсии и остальных кружевниц. А Лиля, пока девушки наряжали принцессу снова и снова, прикидывала, что еще подойдет Лидии. Холодные тона – нет, не ее. А вот теплые, персиковый, может быть, кремовый... надо прикладывать ткань, смотреть. А может, скомбинировать, например, персиковый с голубым или зеленым...

– Ваше сиятельство?

– Ганц!

Лэйр смотрел так, что Лиля махнула рукой кружевницам – мол, сейчас вернусь – и выскользнула из примерочной. Пара минут у них есть, чтобы посекретничать.

– Письмо у Ричарда. – Ганц почти шептал.

– И?!

– Ночью он ходил к отцу. И письма потом уже в его покоях не было.

Лиля предпочла не уточнять, откуда это известно Ганцу. Знает – и ладно.

– Полагаете, он примет к сведению?

– Надеюсь.

Лиля опустила ресницы. Не нужна ей Анелия на троне. И стране тоже не нужна. Самонадеянно? Да нет. Вспомнить двадцать первый век, где бизнесмены покупают политиков. Она в данном случае просто убирает. Да и... кто мешал Анелии честно поговорить с мужем? Предложить ему забыть обо всем? Или уехать с Лонсом?

Он бы понял, чай не дурак. И не полез бы в бутылку, и жив остался, и у Лили претензий не было бы. А сейчас – извините. Гибель своих людей она никому не простит.

Глава 6

Второй узел

Гардвейг чувствовал себя с каждым днем все лучше. Докторус регулярно обрабатывал рану, язва выглядела уменьшившейся в размерах, хотя до заживления было еще далеко.

Но были шансы, а значит, появлялась возможность прожить еще лет... да хотя бы пять! Уже неплохо! И ребенка не младенцем оставишь, и страну можно подтянуть, и... кто их знает, ханганов? Может, за это время они еще что-нибудь придумают?

Гардвейг и от десяти дополнительных лет не отказался бы.

А Лиля могла сказать, что они... ну, должны быть. Все в воле Альдоная, включая пролетающие кирпичи, но сосуды у короля хорошие (может быть, стоит сказать спасибо пиявкам), сахарного диабета вроде нет, при правильном питании и уходе – почему бы и не десять лет?

Главное, правильно зарубцевать язву и не допускать рецидива.

Гардвейгу эти истины поведал Тахир дин Дашшар. Со всеми реверансами и раскланиваниями. И король проникся. А кому охота умирать раньше времени?

Сейчас он был согласен на многое. И к переданной через гонца просьбе Эдоарда о встрече он отнесся благосклонно.

Гардвейг передал свиток своему церемониймейстеру.

– Я согласен. Вечером. Сегодня или завтра. Согласуйте.

– Мой дом. Наш дом, – с легкой улыбкой произнес Джес.

Лиля осматривалась по сторонам. Прибежище холостяка. Уютно, неплохо, но чего-то не хватает. Тепла? Света? Цвета?

– Вы здесь редко бываете, граф?

– Обычно я живу во дворце. Там у меня свои покои. А здесь... Миранде здесь нравилось.

– Она замечательный ребенок.

Говорить о дочери было безопасно. И Джес с радостью подхватил эту тему, пока графиня не придумала повод, чтобы оставить его в одиночестве и сбежать по делам.

– Меня только тревожит ее брак.

– Помолвка с Амиром? – понимающе уточнила Лиля. Ее это тоже беспокоило.

– Именно. Иная вера, иная страна...

– Обычаи, культура... Я сама тревожусь. Но верю Мири. Она умная и сильная девочка. А если мы вырастим ее сильной и умной – она справится с чем угодно.

– Все же, когда твой супруг имеет право на наложниц, а ты не имеешь даже права голоса...

– О да. – Лиля не удержалась от язвительной ухмылки. – С другой стороны, у нас мужчины тоже имеют право на любовниц?

Джес помрачнел, но пилюлю проглотил. А как тут вывернешься? «Не виноватый я, они сами меня в угол загнали и изнасиловали»? Лиля взмахнула рукой, отменяя тему.

– Здесь мило. Но я сюда переехать не смогу. Лучше уж вы к нам...

– Нам бы хватило места.

- Нам? Вы, я, Миранда, дети Амалии и Алисия, так?

- Так. - Джес помрачнел. - Дети, да...

Роман и Джейкоб дядю еще ни разу не видели. Джесу было больно смотреть на детей погибшей сестры, даже думать о ней. Насколько поняла Лиля, король не открыл ему всю подоплеку заговора, ну а она тем более слова не скажет. Еще не хватало.

Поэтому Амалия оставалась в сознании Джеса почти святой. Ну и пусть. Так оно спокойнее. Мстить не помчится... хотя нет. Помчится. Но только тем, на кого укажет Эдоард.

- А что делать с моей свитой?

- Э-э-э?..

- Вирмане, ханганы, мастера...

- Мастера скоро переедут в Тараль. Вирмане... сколько им тут еще торчать?

- С Лейфом у отца трехгодичный контракт, - пожала плечами Лиля. - А что до остальных - не знаю. Могут и уехать...

С момента попадания в этот мир ее удивляло, что был известен только один континент. И сейчас графиня Иртон хотела взять на себя функцию испанской короны - снарядить корабли к неизвестному побережью.

Единственное, что ее нервировало, - это местная физика, в законах которой она вообще не разбиралась.

На Земле полюса планеты совпадали (практически) с магнитными. И компас она могла сделать за три минуты. Берется иголка, чашка с водой, пробка, чтобы на поверхности плавала, иголка нагревается с одного конца, после чего он размагничивается, ее на пробку, ту в чашку - нагретый конец будет указывать на юг. Однако как это будет работать здесь?

Но, допустим, компас есть, подзорные трубы есть, корабли...

О кораблях вскоре после приезда в столицу был разговор с Августом, после чего отец (да-да, отец) подумал - и принялся усовершенствовать вирманский корабль. Ему тоже хотелось большего. А если есть деньги, есть возможность... почему не попробовать?

Опять же вирмане пристроены. Раньше они были обычными пиратами, конкурировали с Лорисом, но если Ативерна договорится с Уэльстером и Ханганатом, Лорис и так вычистят. А вирманам что делать? Зубы на полку класть или в оппозицию уходить? Увольте...

- Вот, ханганы скоро отправятся на родину, - удовлетворенно сказал Джес.

- Примерно через полгода - год.

- Так долго?

- У Амира было тяжелейшее отравление. Мальчишку вытащили чудом.

- Понятно. Но ему ведь не требуется постоянное присутствие докторуса?

- И все равно...

- Дорогая супруга, - синие глаза Джеса нахально блеснули, - а вы не ищите ли отговорок?

- Ишу, - так же нахально созналась Лилиан. - Ежедневное присутствие такого мужчины, как вы, опасно для добродетели.

- Для добродетели невинных дев. А вы - моя жена.

- А еще мне нельзя иметь детей...

- Ну и пес с ними. Пару лет потерпим. Есть же травы...

- А откуда вы о них знаете?

Джес сморщил нос.

- Вы меня всю жизнь будете попрекать любовницами?

- Сложный вопрос...

Лиля кокетничала. Но... а почему нет?

Это - ее супруг. Он оказался достаточно умен, чтобы наладить контакт или хотя бы попытаться это сделать. Смысл строить из себя невинную монахиню? Она, между прочим, молодая здоровая женщина. С определенными желаниями. Ладно еще в Ироне, первые полгода. Пока оправлялась от выкидыша, пока дел было... а вот потом... Иногда - накатывало. Хотелось. Но...

Не с Джесом.

Не нужен ей был этот смазливый красавчик, в котором не было ни души, ни желания ее пробудить. Не нужен. Даже Рик был интереснее.

«Авось кто-то и сдохнет. Или я, или падишах, или ишак - хвала Ходже Насреддину за его вековую мудрость. А потом разберемся, кто из нас лучше знал богословие».

- Гардвейг... спасибо, что согласился встретиться.

- Отчего же не согласиться, Эдоард. Пожалуй, я должен тебе спасибо сказать. За Тахира.

- Смотрю, меньше хромаешь?

- Есть такое. Лечат...

- И что говорят?

- Что лет десять могу протянуть. Если возьму себя в руки и буду делать, что скажут. Есть что полезно, травы пить, опять же упражнения делать...

- Я смотрю, ты уже с этим смирился?

- Ты же знаешь, мне раньше и того не давали...

Эдоард знал. О зверствах лекарей по отношению к беззащитным монархам он мог рассказать многое. На себе испытал - и ведь выздоровел! Но здоровье пока не позволяло правителям общаться официально. Эдоард своей королевской волей мог никого не допустить на эту встречу. И Гардвейг его поддержал. В итоге - обычный зал с камином, столик и двое немолодых людей, сидящих в уютных креслах.

- Что-то случилось?

- Да вот ведь... прочти сам.

Гардвейг принял из рук Эдоарда небольшой свиток пергамента и пробежал глазами по строчкам. Уже на середине его лицо покраснело. Потом побелело, а потом он запустил свиток в угол и прорычал:

- С-стервь малолетняя!!!

Эдоард смотрел серьезно и внимательно.

- Думаешь, правда?

Гардвейг махнул рукой. Мол, подожди, дай успокоиться. Эдоард посмотрел на него и сам

налил ему вина, протянул кубок...

Гардвейг сделал несколько глотков, постепенно успокаиваясь.

- Это откуда?!

- Рику прислали. Так это правда?

- Не знаю, - мрачно отозвался Гардвейг. - Но если Анелия пошла в мать, я бы не удивился. Та с любыми штанами готова была закрутить, эта тоже вот... Чем хочешь клянусь - не знаю.

- А так там все верно?

- Про воспитание, про воспитателя - верно. Про родинки... У нас есть одна семейная - на пояснице. Но мало ли что, как, откуда. И я ее не осматривал.

- А если я осмотрю? Найдем повитуху, докторуса... сам понимаешь.

Гардвейг понимал.

Собственно, он женился несколько раз на вдовах. Но ведь не на убийцах! И не вслепую... он-то про своих жен все знал, с самого начала.

- Понимаю. И возражать не стану. Об этом кто знает?

- Никто. Слово короля, я сохраню тайну.

Гардвейг чуть расслабился. Если Эдоард пообещал...

- Политика...

Он не оправдывался, не объяснял, он сообщал то, что королям и так было известно. На троне чистеньким и благородным не останешься.

- Верно. Но мне договор с Уэльстером тоже выгоден. Ивернея не устраивает меня, а Лидия - Рика.

- А Анелия... Дурища! Своими руками придушу!

- Если выяснится, что Анелия девственна, в тот же день объявим о помолвке. Обещаю. Но если нет...

Гардвейг молчал. И так все понятно, если нет. Но Эдоард вдруг усмехнулся и продолжил:

- А если нет... твоей второй дочери сколько?

- Тринадцать.

- Два-три года Рик подождет. Но заниматься ее воспитанием тебе придется не за страх, а за совесть.

Гардвейг вскинул глаза на собеседника.

- Ты это всерьез?

- Более чем. Мы можем подождать немного. Недолго. И даже заключим помолвку сейчас, договор, все остальное, а придет девочка к нам... когда скажешь. Хоть бы и сразу - никакого ущерба ее чести не будет. У меня своих двое, поселим с ними, а если Рик за ней еще и ухаживать будет... может, у него и к счастью срастется?

Его величество Гардвейг облегченно выдохнул:

- Эдоард...

Слов у него не было. Не приучены короли искренне благодарить, обычно им проще отдариться.

- Учти, на провинции Бальи в приданом я настаиваю.

- Я тебе в приданое даже пошлю соли на кожу. Тем более у нас с этим назревает проблема...

- Э нет, - прищурился Эдоард. - Технология вываривания соли у вас тоже есть. Да, она теперь будет дешевле. Но мы ведь можем поиграть с чем-нибудь другим. Например, уголь...

- Обсудим? - ухмыльнулся в ответ Гардвейг.

- Обязательно. Но сначала дело.

- Анелия. - Его величество чуть помрачнел. Все складывалось не так уж и плохо. Дочь совершила глупость? Да, безусловно. И последствия для нее будут самыми печальными. Но не для Уэльстера. Его репутация останется незапятнанной. Это главное. - Ладно. Еще раз все, что касается Анелии, чтобы не было недоговоренности.

- Осмотр. Пригласить ее ко мне во дворец, и пусть повитухи с докторусами ее осмотрят. Разумеется, они не будут знать, кто перед ними. Если она девушка - тут же заключаем помолвку. Если же нет...

- Тогда надо что-то придумать... - Гардвейг нахмурился, размышляя. - Тогда она должна просто исчезнуть.

- Она - твоя дочь.

- И что? У тебя тюрем нет? Пусть посидит где-нибудь, шум поднимать не будем, через пару лет перевести ее в монастырь... а всем объявить, что она сбежала.

- И ты ради исполнения наших обязательств предложил мне вторую дочь... почему бы нет?

Эдоард подумал про Стоунбаг. Упрятать Анелию туда навечно он не собирался, как и переводить в монастырь. По прошествии времени можно будет выпустить ее и либо дать денег - и пускай отправляется на все четыре стороны, либо выдать за кого-нибудь замуж. Да мало ли вариантов?

Сейчас Гардвейг в бешенстве, не контролирует себя. Если наломает дров - потом пожалеет.

Эдоард знал точно, что, если бы его девочки ввязались во что-то подобное, он все равно простил бы их. Рано или поздно. Потому что глупые соплюшки. Вот Амалию он простить не мог. Она была взрослой, она осознанно вела страну к мятежу и бунту. А Анелия... да соплюшка она еще. Поумнеет.

- Когда?

- Да хоть бы и завтра с утра.

Их величества переглянулись. Они понимали друг друга с полуслова. Гардвейг отдавал дочь на проверку, а если что - и на растерзание. Но ему важнее была страна.

Эдоард принимал эту жертву, но старался помочь Гардвейгу. И это тоже было оценено по достоинству.

- Джерисон, ты можешь оказать мне услугу?

- Да, дядя. Что случилось?

- Ничего особо страшного. Рик?

Ричард, не вставая с кресла, перебрал пергаментный свиток.

- Это должно остаться между нами. Сам понимаешь.

Джес прочитал. Выругался. Потер лоб.

- Нет, чего-то я не понимаю! Но - как?!

- Как и обычно.

Джес вздохнул:

- Честное слово, у меня ощущение, что я живу в мире, который перевернулся. Моя жена оказывается красавицей, любовница - убийцей, принцесса - шлюхой... что еще ждет впереди?

- Может, ты просто заглянул под маски? - усмехнулся Эдоард, с грустью глядя на сына. Взрослеть тяжело в любом возрасте.

- Может быть. Что требуется от меня?

- Завтра я приглашу Анелию сюда, во дворец. От тебя требуется встретить ее, сопроводить, ну а после осмотра будем действовать уже по ситуации.

- То есть?

- Либо Рик сделает ей предложение - и все будет замечательно. А автора сего опуса будем искать и казним.

- Либо?

- Стоунбаг.

Слово упало тяжело. Увесисто так... Джеса передернуло.

- Ваше величество...

- Джес, она нам еще за это спасибо скажет. Гардвейг ее за такое вообще казнил бы, - вмешался Рик.

- А вы?

- А мы ее через пару лет выпустим, и пусть идет куда пожелает.

- Я возьму людей, которым...

- Нет. - Эдоард взмахнул рукой, отменяя все возражения. - В том-то и дело... Джес, как бы ни повернулось, никто не должен об этом знать. Все должно быть тайно.

- Тогда почему...

- Не в резиденции? Во время королевской прогулки дворец почти пуст. Все будут на прогулке, а ты займешься Анелией.

- И я, отец.

Эдоард кивнул сыну.

- Как пожелаешь. Но сам ты не должен беседовать с Анелией до окончания осмотра или присутствовать там, Альдонай упаси! Если что, Джес, ты с ней справишься?

- Уж как-нибудь, - усмехнулся граф Иртон. - Единственная женщина, с которой мне сложно, это моя жена.

- До сих пор сложно? - вскинул брови Эдоард.

- Не настолько, дядюшка. Она постепенно поддается на уговоры, да и Миранду она любит. А остальное - дело времени. Договоримся.

- Вот и отлично. Знаешь, я был бы рад видеть твою супругу при дворе, но ей это определенно не по душе.

- Вся в отца. Что он на верфи жил бы, что она, дай ей волю, в мастерские переключит. С лекарями чуть ли не в обнимку ходит...

- Но ведь лечат они неплохо?

- Докторусы в бешенстве. - Рик улыбался. - Ну и пес с ними. Главное, что отец здоров.

Эдоард уже успел рассказать Рику часть правды, и принц был искренне благодарен графине. А гильдии давно королю поперек горла стояли.

- Гардвейг тоже чувствует себя получше. Если повезет - еще лет десять будет править. А Ативерна и Уэльстер - дружить.

- После... - Джес выразительно потряс свитком.

- Вот именно. А теперь слушай мой приказ. Ты встречаешь принцессу, объясняешь ей все и сопровождаешь на осмотр. Приглашаешь докторусов, ждешь вердикта. Если она невинна - извиняешься и провожаешь к Рику, пусть сам свою невесту утешает. Если же Анелия уже давно не девушка, отвезешь ее в Стоунбаг. Все ясно?

- Абсолютно. Я все сделаю.

Анелия чувствовала себя не очень хорошо. Что-то было не так. Что-то было неправильно. Видимо, крысиные инстинкты проснулись. И вопили, что ее загоняют в угол. Но девушка пока держалась. Хотя яд пару раз проверила на сохранность. И даже переложила в карман платья маленький пузырек.

Чего стоило Гардвейгу не оторвать ей голову по возвращении - бог весть. Нельзя, нельзя, ведь Уэльстер будет выставлен на посмешище. Мальдона с ней, с этой соплюхой, ну шлюховата оказалась, в мамочку, но ведь остальные пострадают! И честь ее сестер окажется под сомнением, и репутация Гардвейга - тоже король, за дочерью не уследил, и... да много всего.

С другой стороны... Гардвейгу не давало покоя кое-что другое.

Граф Лорт.

Эдоард оказался благороднее, чем думал Гардвейг. Он не спросил, он словом не помянул Лорта, полагая, что в своем курятнике Гардвейг сам разберется. И тот ему был искренне благодарен.

Альтрес, Альтрес, что же ты наделал...

Правда ли это?

Скорее всего - да. Но винить брата Гардвейг не мог. За сокрытие информации - да! Тут ему голову мало оторвать! А с другой стороны, было уже такое. Когда Альтрес убирал своей волей заговорщиков, а Гардвейг об этом узнавал задним числом. Тогда и надо было рвать и метать, сейчас-то уж чего?

Много воли брату дал? Странное дело, а сколько - нормально?

Случись что с ним - и Альтрес остается регентом при Милии. И при его детях. И решения о жизни и смерти других людей ему принимать придется волей-неволей. Годом раньше, годом позже - он ведь больше чем на пару лет и не рассчитывал. Это сейчас надежда появилась.

Ничего он брату не сделает, разве что отчитает, чтобы много на себя не брал. Но Альтрес мог, мог... Чтобы скрепить союз с Ативерной, мог он на такое пойти - и учителя убрать, и Анелию припугнуть, чтобы молчала. Эх... тяжело болеть.

Надо бы отправить братцу записку с голубем. Хотя... он и так все узнает. Есть ведь в посольстве его люди... кстати! Вот их и надо расспросить. И начать с барона Килмори.

Увы, по возвращении в резиденцию бароном Гардвейг заняться не успел. Килмори

не смогли найти, а потом королю стало не до него – разболелась нога, Тахир пришел со своими притираниями, потом обезболивающее дали... одним словом, Гардвейг уснул. А когда проснулся утром – было уже поздно. Анелия отбыла во дворец.

Когда королю доложили об этом, он расстроился. Но не сильно.

Отбыла и отбыла, теперь пусть будет как будет. Девственна? Значит, вскоре станет королевой. Нет? Тогда не обессудь, дочка.

Родственные чувства? Помилуйте, да о чем вы? Вот уж чего Гардвейг в жизни не испытывал, разве что к брату. Альтреса он любил. Милию ценил, потому что та родила сыновей. Сыновей... да, наверное, любил, как свое продолжение. Но опять же как можно любить ребенка, который пока и осмысленное-то что-то сказать не может?

А дочери?

Анелия была памятью об измене ее матери. Остальные – скорее свидетельствами неудач. Ну и что тут приятного? С глаз долой и позабыть!

Гардвейг распорядился вызвать барона Килмори и подумал, что ему повезло с Эдоардом. Союз Ативерны и Уэльстера выгоден обеим странам. Но ведь даже ради выгоды люди часто не могут сделать очевидного...

Да, вчера он фактически пожертвовал своей дочерью, Эдоард принял это, но оба правителя договорились действовать по максимально мягкому варианту. Посидит пару лет в Стоунбаге, потом выгонят ее на все четыре стороны, пинка дадут и денег в дорогу. И пусть сколько угодно кричит на всех углах, что она – Анелия Уэльстерская.

А кто-то другой мог бы и опозорить Уэльстер на весь мир. И втянуть в войну...

Гардвейг себя не переоценивал.

Он сейчас не воин. Альтрес тоже... брат хорош в интригах, но как полководец... не его это, не его. И что будет ждать Уэльстер в таком случае? Да на куски растащат! Третью земель останется, да и та не у его детей. А детей и вообще перережут. Страшно и думать о таком.

Эдоард же поступил... порядочно, хоть и нельзя говорить такое о короле. Для них порядочность давно исчезла под грузом государственных интересов. Гардвейг чувствовал себя слегка обязанным ему и долг собирался отдать. Если все пойдет хорошо – дружба между двумя государствами крепкой будет.

В дверь постучались, и слуга доложил о прибытии барона Килмори.

Гардвейг кивнул, мол, позволяю, барон вошел и низко склонился перед повелителем. Король смотрел хмуро и зло. И вопрос был задан жестко, в лоб:

– Кто убил шевалье Авельса?

Как барон ни владел собой, но скрыть реакцию ему не удалось. Дернулось лицо, мелькнул в глазах сдерживаемый страх – Гардвейг и здоровым не отличался кротостью нрава... И король все понял.

Клятая анонимка была правдива до последней строчки. Анелия действительно была замужем, и ее мужа убили. И барон отдавал приказ.

– Я все знаю, барон. – Гардвейг вздохнул. – И Эдоард тоже.

Теперь на лице барона отражалась только одна мысль: «Катастрофа».

Гардвейг хмыкнул. Могло быть и так, чего уж там. Могло бы... Альдонай уберег.

– Лонс Авельс оставил письмо, которое передали королю Эдоарду. Вчера мне сообщили о нем.

Барон упал в ноги Гардвейгу. Король послушал минут двадцать его вопли «не виноват!!!», «помилуйте!!!» и «граф приказал!!!», а потом великодушно махнул рукой.

– Эдоард не станет поднимать скандал. Радуйтесь. В противном случае я бы вас... а так все должно обойтись. Но если еще раз...

Последующее «никогда!!!», «оправдаю!!!» и «отслужу!!!» он выслушал уже спокойнее. Нога почти не болела. Душа... душа тоже. Ничего с Анелией не будет, даже не убьют. А посидеть без мужиков в Стоунбаге ей только полезно будет. Недаром альдоны твердят на проповедях, что воздержание облагораживает...

Джес ждал принцессу у парадного входа. Казалось бы, можно ли найти более неудачное место для осмотра принцессы, чем дворец? Там везде глаза и уши, поползут сплетни, слухи...

А вот и нет.

Дворец – очень сложная система. Есть разные коридоры, которыми можно пройти, есть покои, которыми никто не пользуется, и уединения во дворце тоже можно добиться.

Сейчас король на прогулке. Потом он изволит что-нибудь откусать на свежем воздухе. А придворные...

Двор следует за королем. И это не красивые слова.

Гуляет король, спрашивает, где граф такой-то или барон сякой-то, а их – нет. На горшке сидели. Или не присутствовали. И – немилость. На такое никто по доброй воле не пойдет.

А еще королевская прогулка – это шанс продемонстрировать монарху, в настоящий момент лишенному фаворитки, своих жен и дочерей. Поговорить с нужными людьми как бы исподволь. Для молодежи – пококетничать и даже обменяться поцелуями.

Все будут на прогулке, и ее высочество, даже в компании графа Иртона, не привлечет во дворце ничье внимание. Слуги? Даже если они примутся сплетничать – кому это будет интересно? С тем же успехом можно прислушиваться к собачьему лаю.

Джерисон с поклонами проводил принцессу в специальную комнату. Потом он пригласит туда докторусов. А потом... Если Анелия невинна – он проводит ее к Ричарду. Если же она порочна – инструкции просты. Связать, вставить кляп, доставить в Стоунбаг. И забыть обо всем.

Докторусы точно забудут. Да и не будут они знать, кого проверяли. Маска готова, а представляться им принцесса не будет. В остальном же – самая обычная процедура.

Анелия слегка удивилась, когда в королевском дворце ее встретил граф Иртон. Потом подумала и успокоилась – почему бы и не он? Друг принца, доверенное лицо. Но когда Джерисон повел ее куда-то переходами – девушке стало тревожно. А потом...

Потом сбился ее самый страшный кошмар.

В комнате, куда ее привели, никого не было.

– Что происходит?! – возмутилась принцесса.

Она подумала, что Джерисон собирается помогать ее. Но почему сейчас?! Она будет сопротивляться... Обернулась к графу Иртону, но тот уже успел закрыть дверь и заслонить ее собой.

– Ваше высочество, согласно старому обычаю, любая женщина, которая собирается замуж за принца, должна удостоверить свою невинность.

- Что?! - взвилась Анелия. Ее возмущение не выглядело наигранным. Страх за свою жизнь стимулирует.

Джес выслушал истерику не моргнув и глазом. Покачал головой.

- Ваше высочество, ваш отец дал согласие. И вы можете выйти из этой комнаты только после заключения докторусов.

- Да как вы...

- Или вообще не выйти. Ваш отец это одобрил и сказал, что бояться нечего.

- У вас есть его приказ?! В противном случае...

- Ваше высочество... - Синие глаза Джеса сверкнули. Он уже почти не сомневался в правдивости анонимного свитка. - Взгляните.

Анелия приняла из рук Джерисона свиток - и тут же опознала печать Гардвейга. Отец давал согласие на осмотр. Еще вчера написал, в компании Эдоарда.

Разум ее работал как бешеный.

Раскрыли. Где, что, как - это сейчас не важно. Проверку она не пройдет, если Альдонай ее снова девушкой не сделает. Но это вряд ли.

А что можно сейчас предпринять? Только одно: сбежать.

На ней дорогое платье, его можно продать. На шее, в ушах, на пальцах - драгоценности. Наряжалась... дура!

Но сейчас это ее капитал. Однако, чтобы им воспользоваться, сначала надо как-то выбраться отсюда. А как?

Граф Иртон ее не выпустит.

Обмануть?

Можно попробовать.

Пальцы Анелии коснулись крохотного пузырька в кошельке на поясе. Достать - пара минут. Но надо незаметно.

Анелия всхлипнула - и сползла на пол к ногам графа.

- Джерисон, прошу вас!!! Не надо!!!

Анелия вцепилась в его сапоги и зарыдала. Через слезы пробивалось что-то невразумительное, типа: «Ужасно... такой позор... мой отец...» Джес «поплыл» и не заметил, как принцесса извлекла пузырек из кошелька на поясе. Спрятала в рукаве. И продолжила истерику.

Минут через пять Джес поднял Анелию с пола, отряхнул на ней платье, усадил на кровать и даже налил вина из кувшина. Дворцовые слуги свои обязанности знали, им сказали подготовить комнату - они и расстарались.

Анелия сделала пару глотков - и истерика пошла с новой силой.

Джес растерялся. Приводить принцессу в чувство пощечинами было как-то некорректно. Встал, заходил по комнате... и не заметил, как Анелия, бившаяся в истерике, вылила в кубок все содержимое пузырька.

Наконец слезы начали стихать. Джес попытался снова предложить Анелии вина, но она отмахнулась.

- Граф, объясните мне, зачем это унижение?

- Ваше высочество, - как можно мягче заговорил Джес, - это обычай. И в нем нет ничего

оскорбительного. Ваш отец дал согласие...

- Это такое унижение... посторонние люди...

- Ваше высочество, все обставлено по возможности тайно. Нас никто не видел, докторусы и повитухи ждут в соседней комнате.

- Они меня узнают.

- Что вы! Наденете маску, мы еще набросим на вас покрывало, и никто ничего не поймет. Клянусь, вас не узнают.

Анелия поежилась.

- Я никогда не была с мужчиной. Но если так надо...

Джес принялся ее заверять, что надо. И если бы не... он бы никогда, и льстит себе надеждой, что ее высочество поймет... Он был уверен, что Анелия врет. Но проверить все же надо.

- Наденьте маску, ваше высочество.

Анелия кивнула.

- Хорошо, сейчас... только сделаю пару глотков. В горле пересохло...

- Разумеется, ваше высочество.

Анелия поднесла к губам кубок. Принюхалась. Сделала вид, что пьет, не позволяя жидкости даже коснуться губ. И сморщилась, сплюнула.

- Граф, какая гадость! Что это за помой?! Это вино в рот не возьмешь, оно кислое!

Джес пожал плечами.

- Омерзительная кислятина! - вскочив с кровати, топнула ножкой Анелия. - Да вы сами попробуйте! - Сделала пару шагов к графу. - Дайте мне маску, я надену. Вот, убедитесь сами, какой гадостью меня поите... У нас такое даже слугам на стол не ставят!

Анелия протянула Джесу кубок, забрала маску и принялась пристраивать ее.

Наблюдая, как она возится с завязками, Джес рассеянно сделал глоток. Потом второй. Нормальное вино. Чуть кислит, да, и запах какой-то странный...

Анелия что-то слишком долго возится с маской. Джес хотел поторопить ее, но вдруг обнаружил, что не может вдохнуть. Издал какой-то клопочущий звук, дернулся... поздно. Все было поздно.

Принцесса развернулась - и посмотрела на графа. Ведьма не гарантировала мгновенной смерти. Но в течение ближайших десяти минут он умрет.

Граф хрипел, царапая ногтями горло, выгибался на полу... Его словно сжигало изнутри невидимое пламя. Все горело, болело, заходило в бешеном беге сердце, не хватало воздуха, мышцы сводило спазмами, хотелось кричать от боли, но сквозь сведенное судорогой горло прорывались только слабые стоны.

Джесу казалось, что он оглушительно кричит, но даже Анелия его почти не слышала.

Принцесса огляделась.

Да, соплюшка. Но за год жизни в постоянном страхе, сейчас, когда страхи стали реальностью, она уже почти не боялась.

Так. Маска... убрать в карман, вдруг пригодится? Плащ... возьмем графский, который он так небрежно бросил на стул. Цвет не самый лучший, ну да ладно. Деньги... деньги ей очень нужны, но не обшаривать же его карманы... при одной мысли о том, что надо прикоснуться к умирающему, Анелию замутило.

Она осторожно приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

Никого.

Альдонай, помоги...

Эдоард прогуливался по парку. Позднее, вспоминая этот день, он скажет, что ничего не чувствовал. Не ныло, не давило, не предвещало, ни-че-го.

Ричард был с отцом на прогулке, как и его величество, предполагая, что предложение сегодня делать не придется. Эдоард почти не сомневался в правдивости письма. Да, можно многое придумать. Но... должны быть хоть какие-то основания.

Кому выгодно расстроить брак с Анелией?

Ивернее? Да, возможно. Но в любом случае на Лидии Рик не женится. Не нужна ему такая жена.

Эдоард был неглуп и оценил девушку по достоинству. Умна. Определенно умна. И не привыкла скрывать свой ум, не привыкла искать компромиссы – разве только с отцом. Но Бернард свою дочь любит, балует и многое ей позволяет. А женщина, которая умнее своего супруга, но недостаточно умна, чтобы это скрывать... нет, счастливого брака не получится. Вообще брака не получится.

Разве что с клиническим подкаблучником. Но Ричард вовсе не таков. Ему нужна жена, которая будет смотреть на него снизу вверх. Или хотя бы любить и не действовать за его спиной. Ему нужна такая, как Джессимин.

Лидия же...

Вскоре после брака она захочет того же, к чему привыкла у отца. Дела и самостоятельности, хотя бы относительной. А кто ей даст? Первое дело королевы – наследник. Рика она не любит, он не любит ее, начнутся стычки, скандалы, в которых будут правы оба и виноваты оба. Как это ни печально.

Кто окажется крайним? Королевство.

И с Ивернеей дружбы не получится, чего уж там. Бернард дочку любит, братья сестру тоже любят, увидят, что она несчастна, – и начнется. Одно, другое... Второй Авестер? Перебьемся.

Лучше уж протянуть руку Гардвейгу. Да, придется подождать пару лет. Но его вторую дочь можно забрать сюда. И Рик будет приучать невесту к себе. Гардвейг пойдет на это, ему тоже выгодно.

Если бы Анелия не загуляла!

Эдоард жестом подозвал к себе придворного. Спросил о какой-то ерунде и выслушал угодливый ответ.

Взглянул на солнце.

Скоро полдень.

Анелии как Мальдоная ворожила. А если точнее – Эдоард постарался, чтобы в этой части дворца было как можно меньше народу. Плотно завернувшись в зеленый плащ и набросив на голову капюшон, принцесса стремительно шла по коридорам, пытаясь вспомнить дорогу, которой ее вел Джес.

– Ваше высочество?

Анелия вскинула брови. Кажется... да, этого человека она знала.

– Барон Рейнольдс!

Мужчина поклонился:

– К вашим услугам, ваше высочество.

Несколько секунд Анелия раздумывала. А потом улыбнулась, мило и очаровательно.

– Проводите меня к выходу, барон.

Тарни Рейнольдс снова поклонился.

На прогулку он не попал по очень простой причине. Слуга, мерзавец, не разбудил его вовремя. А присоединяться сейчас... можно, но надо осторожно.

Тарни это и планировал, но раз уж подвернулась Анелия... почему бы и не оказать услугу принцессе, о которой даже кошки на крыше знают, что она станет королевой? А потом она может мягко повлиять на мужа... Тарни понимал, что любой королеве нужна своя партия при дворе. И почему бы не он? Почему бы и не послужить кормящей руке?

Ведя Анелию к ближайшему выходу из дворца, по дороге он пытался ненавязчиво ее расспросить, что случилось, почему она здесь одна, почему на ней плащ с чужого плеча, что да как...

Внутренне Анелию трясло от страха, но барону она отвечала спокойно.

Плащ знакомый одолжил. А тайком приехала во дворец потому, что получила письмо от одной из придворных дам. Якобы у Ричарда... кто-то есть.

Вранье? Помилуйте, она и сама это понимает. Но не приехать не могла. Втайне от отца, он, наверное, ужасно разгневается...

– Барон, вы ведь промолчите, правда? Вы не станете компрометировать даму?.. Я в вас и не сомневалась, вы такой милый... вы настоящий мужчина.

Тарни распускал хвост и поддерживал принцессу под локоток. Довел до ворот, усадил в карету – и даже помахал ручкой на прощанье.

Анелия откинулась на подушки, сосредоточенно размышляя. У нее есть пара минут все обдумать.

Если отец разрешил с ней это проделать – в резиденцию возвращаться нельзя. Он выдаст ее Эдоарду. Тем более после смерти графа Иртона. Анелия не знала, как действует яд старой ведьмы, но сильно подозревала, что графа не спасут. А он племянник Эдоарда. Подводя итоги – она не девушка, она убийца, на нее будут охотиться и защитить ее некому.

Надо бежать. Как можно быстрее и дальше.

А куда именно?

Бежать надо по-умному, а у нее ни денег, ни даже расчески с собой нет.

Видимо, адреналин обострил умственные способности Анелии, потому что рассуждала она вполне здраво. Сейчас ей надо ехать куда-то, где можно заложить украшения, и в порт. Уехать, уехать отсюда! Как можно скорее! И как можно дальше!

В Авестер, Эльвану... да хоть и в Ханганат! Куда корабль будет! А там...

Не будет Анелии Уэльстерской. Будет вдова Анелия Авельс. Хотя бы. Лэйра из небогатых. Совсем небогатых. А там... новая жизнь, можно выйти замуж... Анелия заскрипела зубами.

Лонс, будь ты проклят!!! Все из-за тебя, если бы не ты!!!

Анелия и думать забыла, что сама фактически соблазнила мужчину, чтобы похвастаться

перед сестрами. Забыла, что он-то ее любил. Что его едва не убили из-за нее же, и что она фактически приговорила его к смерти. Лонс стал для нее врагом номер один, даром что умер.

Итак, где бы заложить драгоценности...

Анелия стукнула в стенку кареты и приказала кучеру отвезти ее в ювелирную лавку.

Спустя полчаса Анелия уже входила в нее, чуть пригнувшись, чтобы не удариться о низкий дверной косяк. Ювелиром оказался престарелый эввир. Анелия подумала – и выложила на прилавок ожерелье. Кольца и серьги она пока оставит. Мало ли что...

– Сколько вы мне за него дадите?

Эввир посмотрел на девушку в плаще с чужого плеча. Подумал. И предложил грабительски малую сумму. Анелия торговаться не умела, но нужда творит чудеса. И призрак плахи за спиной – тоже...

Спустя двадцать минут шумной торговли, сопровождавшейся призывами в свидетели Альдоная и всех эввирских богов, у Анелии была в кошельке не то чтобы приличная, но вполне сносная сумма. Которой ей должно было хватить на дорогу до Авестера и даже на пару месяцев скромной жизни. Очень скромной.

Но выбирать не приходилось.

Кричать Джес не мог, только хрипеть. А дохрипеться до доктуросов за толстой каменной стеной и двумя дверями было нереально. Но скорченное в судорогах тело с силой выгнулось и распрямилось. Ноги ударили по ножке столика.

Да будут восславлены жуки-древоточцы. Дерево не выдержало, и на пол обрушилась тяжелая мраморная столешница. Грохнулась, разлетелась на осколки... шум был такой – мертвых поднять хватило бы.

Люди в соседней комнате насторожились. Один решил выглянуть в коридор – никого... Но все-таки Лиля зря сердилась на докторусов. Заметив, что дверь чуть приоткрыта – Анелия была невнимательна и закрыла ее неплотно, докторус подошел, прильнул к щели глазом... А через несколько секунд, осознав, что именно видит, уже орал на весь коридор, призывая помощь.

Повезло Джесу и в том, что среди докторусов и повитух находился Тахир дин Дашшар. Как-никак в Ханганате такие проверки в порядке вещей.

Тахир примчался на вопль, увидел корчащегося на полу графа Иртона, увидел разбитый кувшин, кубок, винные лужицы на полу – и понял если не все, то многое.

– Граф отравлен! – рявкнул он. – Помогите!!!

Два докторуса подняли тяжелое, корчащееся тело, перенесли на кровать, повернули набок – и один принялся разжимать сведенные судорогой челюсти Джеса. Тахир обнюхал лужицу на полу, смочил в вине палец, но лизнуть не решился. Судя по виду графа – яд впитывается уже через слизистую.

«Лилян Иртон, спасибо тебе... я, по крайней мере, знаю, как бороться. Но тут многое зависит от яда, от дозы. От времени...»

– Ему надо вызвать рвоту.

Тахир распоряжался уверенно и спокойно. И докторусы слушались, понимая, что с них спросят за все до последнего чиха, а вот с подданного Ханганата, может, и взятки будут гладки. Делали, как он сказал. И точка.

Разжать зубы, пощекотать пером дыхательное горло, чтобы вызвать рвоту... так, рвота необильна, воды ему, воды. И слабительное обязательно. Но сначала промыть желудок, а потом вывести ту часть яда, которая всосалась в кишечник.

Не знал Тахир об аконите. Не знал. И о некоторых приятных добавках вроде солей мышьяка. И еще о нескольких травах.

Но какая разница? Он врач и борется за жизнь пациента.

У Лили тоже не было никаких дурных предчувствий. Она в момент убийства была у Августа и делилась с ним новостями.

– Сегодня проверила свой дом моды. Здание почти готово, крышу осталось настелить. И начнем отделявать. Месяц-другой... к зиме модный дом «Мариэль» примет первых клиентов.

– Мариэль... Мама гордилась бы тобой.

Лиля послала отцу улыбку. Да, отцу. Август Брокленд, несмотря на все свои недостатки, стал для нее именно отцом. Умный, серьезный, сильный, он всегда был готов помочь.

Совет? Получи.

Деньги? Девочка моя, да за твои идеи – компас и карты с координатной сеткой – моряки себе руку отгрызут. Пока еще все это делается только для государства, но долго в секрете это не сохранить. Да и не надо. Карты – пусть копируют, а что касается компаса, то еще надо догадаться, как его сделать, и уметь пользоваться.

Так что деньги есть. И еще будут.

Королевский казначей был доволен Лилиан Иртон и ее работой. И тоже мог предоставить ссуду. Просто Лили предпочитала не жить в долг. А у отца попросить... это не долги. Она отдаст все до копейки, но надо сначала запустить проект, а потом стричь купоны.

– А какие у тебя отношения с мужем?

Правильно. Вот так вот. Сначала о делах, о заботах, а потом и о себе подумать.

– С мужем? Не знаю, – призналась Лили. – Сначала я избегала встречи с ним. Потом мы поговорили, но лучше не стало.

– А подробнее?

Лиля вздохнула. Запустила пальцы в густые золотистые волосы, нещадно растрепывая косу.

– Папа, мы чужие люди. И этого не изменить. Я благоустроила Иртон-кастл, я люблю Миранду, я с радостью пользуюсь преимуществами моего титула, но и все. А в остальном – пустота. Джерисон Иртон не мой мужчина. И этого ничто не изменит.

– Что значит – не твой мужчина?

– Он властный. Неглупый. Но он никогда не будет готов принять меня как партнера. Не как женщину, жену, сосуд для наследников. А вот именно как человека, личность, полноправного партнера.

– Да и я твою маму не готов был так воспринимать.

– Разве? – прищурилась Лили. – А Алисию?

Август чуть смутился, но ненадолго.

– Она тебе нравится?

– Очень. Учти, если что – я за! Детям нужна такая бабушка, как бы ни сложились в дальнейшем наши с Джесом отношения.

– Ты предполагаешь, что вам надо расстаться?

Лиля передернула плечами.

– Вот смотри. Я сейчас отвоевала себе место. Король заставил его это признать. Согласится он? Да никогда. Смирится на время, а потом пойдет в атаку. Может быть, медленно, ненавязчиво, но пойдет. И у меня останется только два выхода: я либо уйду, либо превращаю дом в поле битвы. Я в ловушке, в тупике, и то, что стены тупика обиты бархатом, дела не меняет.

– Ты о нем плохого мнения.

– Я? Папа, он не успел приехать, помириться с женой и прочее, а на маскараде стал приставать к незнакомке.

– К незнакомке?

– Он меня даже не узнал, – усмехнулась Лиля.

– Я бы тоже не узнал.

– Приставать, тащить в постель, предлагать встретиться – это достойно верного мужа?

Август покачал головой. М-да. Можно заставить мужа соблюдать приличия. Но заставить его быть верным? Смешно...

А ведь неверность Джеса ставит под удар многие планы Лилиан. Очень многие. Кто будет уважать женщину, которую не уважает ее муж?

А значит, и его, Августа, планы.

– Если развод...

– Король тут же найдет мне нового супруга.

– А если найти его самой?

– И навлечь на себя королевское негодование?

– Найти такого, который будет не хуже Джеса.

Лиля хотела сказать, что с нее довольно одного королевского бастарда, но промолчала. От греха.

– Если такой найдется, если он свободен, если решится, если, если, если... шило на мыло?!

Август и сам это понимал. Но разве это повод сдаваться без боя?

– Мы можем уехать.

– Куда?

– В Ханганат.

– Там я буду еще больше несвободна. Нет, папа. Надо все делать здесь. Так, как должно, и с тем, с кем получилось. Выхода нет... – Лиля опустила голову на руки. Закрыла ладонями лицо, чуть потеряла глаза. – Я справлюсь.

– То-то и оно. Ты справляешься и справляешься. А жить когда?

– С вопросом о жизни – к Альдонаю...

Август посмотрел на свою дочь. Что тут можно сказать? Да только одно:

– Ты всегда можешь на меня рассчитывать, Лили. Что бы ни случилось.

Что могла ответить Лиля?

Только обнять и поцеловать отца.

– Я тебя тоже люблю, папа.

Рик был в шоке.

Джеса – отравили!!! И кто?!

Ее высочество!

Почему был сделан такой вывод? Ну, если в комнате находились двое, потом один отравлен, а второй исчез – подозревать будут вовсе не Альдоная. Ричард помнил, как прогуливался по саду, ожидая результатов осмотра, потом не выдержал и решил вернуться во дворец. И обнаружил, что вместо принцессы все занимаются графом Иртоном. Бедняга Джес бился в судорогах, к тому же его периодически рвало. Двое повитух и три докторуса удерживали графа и вливали в него воду.

– Что происходит?!

– Ваше высочество! – вскрикнула одна из повитух.

Тахир даже и не подумал отвлекаться. Сначала – пациент. Все остальное потом, потом...

И не повлияли на его старание никакие посторонние мысли. Да, это супруг Лилиан Иртон. И что?

Лиля могла бы гордиться своим учеником. Для Тахира больной на кровати не имел ни имени, ни титула. Это был просто человек, которому плохо, которому надо помочь и спасти. Все остальное не важно. Важна только вода, которую, слава Кобылице, принесли еще, и много... Лейте же! Аккуратно, чтобы не захлебнулся... Судороги? Переживем! Лишь бы он это пережил.

– Что случилось? – громко спросил Рик.

Одна из повитух подошла к принцу, присела в глубоком реверансе и скороговоркой поведала, как они ждали, а потом услышали грохот. Прибежали, а тут такое творится. И ему плохо, очень плохо... Тахир сказал, что это яд.

Рик посмотрел на Тахира. Чего ему сейчас хотелось – это подойти и по-детски спросить: вы же спасете моего друга, правда?

Что он должен был делать? Не отвлекать людей, которые полностью выкладываются в этой попытке. И... остановить принцессу.

Неужели это ее рук дело? Поверить сложно.

А с другой стороны – сколько всего за душой у каждого из нас? И открой это посторонним людям – пальцем у виска покрутят. Но ведь есть же, есть...

И Рик опрометью бросился поднимать стражу.

Увы... Удача ему не способствовала. Анелия Уэльстерская успела покинуть дворец.

Рик, вспомнив рассказы отца, послал гонцов к Лилиан Иртон. В поместье и в Тараль. Где окажется. Может быть, она поможет?

Алисия Иртон на прогулке с его величеством скучала и поэтому заметила стражника сразу, как только он появился на аллее. Весь какой-то... встрепанный. Что-то случилось? Интересно, что?

Король вскинул брови, но стражника выслушать изволил. И... было впечатление, что он его ждал. Но вдруг Эдоард побледнел. Пошатнулся... Хорошо, что рядом оказался герцог Фалион.

Вяленая Щука не раздумывал. Он одной рукой подхватил короля под руку – потом пусть казнит, все лучше, чем если его величество в обморок тут грохнется, а второй достал из кармана флакон с нюхательной солью.

Через несколько вдохов Эдоарду явно стало лучше, но здоровый цвет лица так и не вернулся.

– Графиня Иртон!

Алисия поспешила на зов.

– Составьте мне пару. Мы возвращаемся во дворец.

Алисия повиновалась и Эдоард зашагал так быстро, что придворные сразу же безнадежно отстали.

– Ваше величество?

– Джес отравлен.

– Как?!

– Не важно. Потом, все потом.

Ее сына отравили? Кто?! Зачем?!

Алисия ничего не понимала. И все же, все же... лишь бы Лилиан это никак не затронуло. И Мири...

Его величество стремительно вошел в свои покои, почти таща Алисию за собой. Она покорно и молча следовала за ним и вскрикнула, лишь когда споткнулась на ступеньке открывшегося в стене тайного хода. Эдоард обернулся и подхватил ее под руку.

– Осторожнее, Алисия.

– Спасибо. Темно...

– Мы сейчас уже придем.

– Ваше величество, как это произошло? – осмелилась спросить она.

– Рику подсунули письмо. Анелия Уэльстерская по закону не имела права на замужество, поскольку был жив ее муж. Мы решили проверить самое простое. Если она невинна...

Алисия кивнула, забыв, что темнота скрадывает жесты.

– Понимаю...

– Сегодня должна была состояться проверка. И вот...

– Альдонай!

Разъяснения были скудные, но Алисия многое могла дополнить сама.

Проверка? Да, нельзя сказать, что это самая обычная процедура, но, когда есть сомнения в целомудрии невесты, она проводится. Не так уж важно, семья короля или угольщика. Если была уже замужем – так и говори. Но если загуляла до свадьбы... Альдонай ратует за чистоту душевную. И гулящая баба никому не нужна. Рога – не то украшение, которое всем к лицу.

– Я поручил Джерисону встретить принцессу, проводить в отдельные покои, объяснить все и пригласить докторов.

Эдоард толкнул стену – и та поддалась. Видимо, в этом месте была потайная дверь. Но в первой комнате было тихо. А вот в соседней...

Никто не осмелился заступить дорогу королю. Лицо у Эдоарда было застывшим и страшным.

– Ваше величество...

И Алисия увидела. Джерисон лежал на кровати. Хотя лежал – это не то слово. Кажется, ему делали промывание желудка – воняло в комнате немилосердно.

– Тахир! – резко окликнул король.

Алисия даже сначала не узнала всегда спокойного хангана в этом растрепанном и перепачканном чудовище. Но тем не менее он оторвался от пациента.

– Продолжайте. Надо промыть все, – приказал он коллегам и подошел к королю. – Ваше величество.

Поклон был не слишком низким, но Эдоарду сейчас было не до этикета.

– Что с ним?

– Я подозреваю, что это отравление. Докторус Хейл услышал грохот из комнаты – и вбежал. Граф лежал на полу, рядом с ним было разлито вино... полагаю, яд подмешали именно туда.

– Что с ним будет?

Тахир развел руками:

– Ваше величество, казните – не знаю. Вроде бы много он не выпил, но я не знаю этого яда.

– А кто может знать?

– Барон Донтер, ваше величество.

– Откуда?

Вид Эдоарда был страшен. Но Тахир только пожал плечами.

– Его бабушка была травницей, а я все-таки чужой в вашей благословенной стране. Травы, которые знаю я, не знает он. Мой коллега говорит, что это «лиловый убийца».

Эдоард застонал.

«Лиловый убийца». Страшное растение. У него ядовито все. Цветы, плоды, стебли... Известен случай, когда его подложили в букет для одной знатной дамы. Она несколько дней дышала ядом и погибла.

– Вы... спасете его?

Тахир смотрел в пол.

– Сделаем все возможное, ваше величество. Выдержало бы сердце.

Что мог – он и сделал. Промыл желудок, кишечник, дал слабительное, поил пациента, влил противоядие... ну насколько оно было таковым. Но «лиловый убийца» действительно страшное растение. Его сок можно было просто нанести на слизистую – и он впитывался. Анелия же вылила в кубок весь пузырек. А Джес еще додумался дегустировать отравленное вино, перекатывая во рту.

Тахиру оставалось только молиться Звездной Кобылице.

Известие о «болезни» супруга настигло Лилиан Иртон на пути в Тараль. Гонец перехватил ее недалеко от города. Графиню он знал в лицо – да и кто в столице ее не знал? Кроме того, не так уж и много на дорогах королевства блондинок на аварском жеребце и в сопровождении свиты вирман.

К чести Лилиан – она не колебалась ни минуты. Просто повернула коня и потрепала

по шее, прося бежать быстрее. И Лидарх вихрем понесся к королевскому дворцу.

Увы, в глазах Лили картина выглядела намного печальнее, чем для Эдоарда. Как-никак она в медицине разбиралась.

С одной стороны – если сразу не умер, то не цианид. Шансы есть.

С другой – они так же есть и на неполное излечение. Ведь в этом мире нет ни гемодиализа, ни плазмы, ни сыворотки крови, даже обычную капельницу она пока не сделала. А что это за яд?

Интересно, рыба фугу здесь водится?

Волчья ягода, белладонна и прочие радости были. Стрихнин? Мышьяк?

Да мало ли чем отравить можно! Вылечить сложнее!

Предупрежденные лакеи встретили ее, едва она вошла во дворец, и с поклонами, почти бегом, проводили к королю. Эдоард сидел в той комнате, где раньше ждали докторусы, которые должны были осматривать Анелию.

Лиля показала на миг, присела в реверанс – и поспешила к супругу.

Супругу? О нет. Сейчас перед ней был еще один пациент. Только и всего. В этом была вся Лилиан Иртон. Ничего личного. Родной, близкий... лечить-то надо...

Предварительный осмотр ее не порадовал. Кожа бледная, губы синие... холодный пот, зрачки расширены... чем его могли так травануть?

Лиля пощупала пульс, проверила тоны сердца... м-да. Убиться дверью. Пульс не больше пятидесяти, сердце вообще почти не слышно...

– Давно так?

Обращалась она к Тахиру, но ответил ей один из докторусов:

– Часа три.

– Чем? Неясно?

– «Лиловый убийца». Вроде бы.

Лиля покусала губы.

– Пока укройте его и согрейте. Лишним не будет. Образца яда не сохранилось?

Как оказалось – образец был. Кубок, который выпал из руки Джерисона. На дне было еще около двадцати миллилитров вина. Не все вылилось.

Лиля задумчиво поднесла его к носу.

– Ваше сиятельство! – забеспокоился Тахир.

– Пробовать не буду, – отмахнулась Лиля.

Какие могут быть растительные яды? Черт, металлом пахнет, так не разберешь. И вином... А если чуть поближе к носу?

Лиля обмакнула в вино кончик пальца и поднесла к лицу. Осторожно принялась принюхиваться. Не лабораторная методика? Ну и пес с ней.

Кончик пальца внезапно стал... неметь?

Лиля сдвинула брови. Ну да. Как будто пониженная чувствительность.

Как интересно!

А ведь она о чем-то таком слышала... онемение, онемение... точно! В детстве было кое-

что такое!

– Иголка есть?

Иголка нашлась у Тахира. И Лиля опять принялась за мужа. Увы. При отравлении одной милой травкой наблюдается очень характерное онемение. Губы, язык, вообще лицо, руки и ноги.

Она ткнула иголкой в руку Джеса. Ничего.

Граф был не то чтобы в сознании, но и не в полной отключке. И на внешние раздражители более-менее реагировал. Старался укрыться от света, да и клизмы его явно не радовали...

На укол в грудь Джерисон Иртон отреагировал. Дернулся. А вот нога осталась нечувствительной. И лицо.

Зрачки? Уже расширены. Слюна течет обильно.

Лиля вздохнула. Посмотрела на Тахира, который замер рядом, ожидая ее вердикта. У нее даже мысли не возникло, что мужа не нужно спасать. Чего не было, так это расчетливости.

Как противоядие подошел бы танин, но вот беда – чай в этом мире пока не культивировали и Лиля нигде не могла его найти. Зато были гранаты.

– Тахир, друг мой, его надо напоить горячим настоем гранатовой кожуры, как мы отпаивали Амира...

Тахир получил задание, воспрянул духом и приказал слуге принести кипятка.

Лиля вздохнула и вышла в комнату к Эдоарду и Алисии. Вдовствующая графиня Иртон как раз пыталась утешить короля, когда вошла Лиля. И два испытующих взгляда обратились на Лилиан.

– Ваше величество, все плохо.

Эдоард побледнел. Но Лиля не собиралась утаивать от него горькую правду.

– Я бы предположила «лилового убийцу». – Она помнила это растение по рассказам Джейми. – И с какими-нибудь нехорошими добавками, иначе так плохо не было бы. Если бы просто «лиловый убийца», Джес был бы в сознании.

– И?

– Если сердце выдержит – выживет. Если же нет...

– У него крепкое сердце. – Эдоард глядел с надеждой.

– Дело не в этом. Ваше величество, я не знаю, что еще подмешали в яд, но «лиловый убийца»... сначала сердце бьется безумно часто, а потом вообще не бьется.

– Графиня...

Лиля поняла, что хотел сказать король. За спасение сына он бы ей звезду с неба достал. Только вот... если бы речь шла о хирургической операции – она попыталась бы. Но здесь и сейчас...

Как вывести из организма яд? Как поддержать сердце?

Ну хорошо, второе – настойками. Но ведь это не кордиамин! Не кардиостимуляторы и кардиопротекторы! Не так уж и много ими сделаешь.

– Богом клянусь, я сделаю все, что в человеческих силах. Молитесь за него.

Лиля присела в реверансе и вышла из комнаты. Не стоит ей видеть короля в таком раздрае. Целее будет.

Анелия с ужасом огляделась вокруг. Порт вызывал у нее ужас, отвращение, брезгливость. Но ей требовалось найти корабль, который увезет ее отсюда. Найти, договориться с капитаном...

Она медленно, оскальзываясь на грязи, шла по набережной... вон корабль. Анелия прищурилась, читая название. В кораблях принцесса не разбиралась совсем. Но вроде бы как на него что-то грузят?

«Серебряная акула».

Хм... почему бы нет?

Анелия подошла поближе к кораблю.

Первыми ее заметили грузчики и засвистели.

– Вы заблудились, госпожа?

Анелия развернулась – и едва не уткнулась в грудь мужчины, задавшего вопрос.

Высокий, симпатичный, темноволосый, весьма неплохо одет... на поясе кинжал в дорожных ножнах...

– Э-э-э...

– Питер Леворм, к вашим услугам, госпожа.

– Мне нужен корабль, – решила Анелия.

– Простите?

Принцесса вздохнула и рассказала историю, которую сочинила недавно, пока ехала в карете. Она вдова. Муж умер два дня назад. Его родня собирается упрячь бедную женщину в монастырь. Соответственно Анелия решила взять что поценнее и сбежать из дому. Но она знает, ей будет плохо здесь, где она была счастлива с любимым человеком, лучше уж уехать куда-нибудь в Авестер или в Ханганат...

Мужчина внимательно выслушал и кивнул.

– Сочувствую вашему горю, госпожа...

– Амелия Ультер. Я не дворянка.

– Амелия, милая, позвольте пригласить вас на борт моего корабля.

– Вашего корабля?

– «Серебряная акула» уходит этим вечером, с отливом...

– И куда вы направляетесь? – спросила Анелия.

– В Ханганат.

– Сколько будет стоить проезд?

Капитан назвал цену, которая была Анелии по карману. Принцесса подумала пару минут и кивнула.

– По рукам.

– Тогда прошу вас, госпожа. Я покажу вашу каюту. А вещи?

Анелия покачала головой.

– Родня мужа могла меня остановить...

Питер покивал. Ну да, разумеется. Родня мужа... Нет, то, что девица от кого-то бежит, это понятно. И что ее история брехня от первого до последнего слова, тоже понятно. Но... Питер недоговаривал не меньше.

Про Ханганат он сказал правду. А вот про то, что он туда повезет, умолчал.

Он пойдет вдоль берегов Уэльстера и Эльваны. И попутно заберет приготовленный для него груз рабынь.

Да-да. В Ханганате красивые девушки пользуются спросом. И если есть возможность пополнить список на одну единицу – почему бы нет?

Он предложил Анелии руку и повел ее на борт корабля.

Интересно, солгала она про мужа или нет? Если она не девочка, то можно будет и попользоваться по дороге... приятная кошечка.

Анелию ждало нелегкое будущее. Но по сравнению с тем, что сделали бы с ней отец, граф Лорт или Эдоард, попади она им в руки, оно было вполне приемлемым. По крайней мере, у нее оставалась жизнь и даже возможность в ней устроиться.

Лиля потеряла счет времени.

Уже несколько часов она находилась у постели мужа. То ему промывали желудок, то ставили клизмы, то пытались поддержать сердце...

И все чаще она осознавала, что проигрывает.

Боги, как же она ненавидела смерть... Безвременную, бессмысленную, жестокую, уводящую в неизвестные дали близких людей.

Что бы ни говорила Библия в оставленном ею мире – мол, порадитесь, они теперь там, где лучше, это вам не повезло...

Этого Лиля не признавала. Радоваться?! Драться и только драться! И она боролась за каждого пациента. Отчаянно. Безнадежно, но боролась. Несправедливо, когда уходят такие молодые, сильные... смерть всегда болезненна, но в некоторых случаях – особенно.

Откуда-то появилась бледная и зареванная Миранда. А в синих глазах был только один вопрос: «Папа останется жить, правда ведь?»

Правда?

Что могла сделать Лиля? Только передать ее на руки Алисии и Эдоарду – и ребенок прижался пусть и к неродной, но бабушке, делаясь живым человеческим теплом.

Сердце Джерисона Иртона остановилось первый раз на седьмом часу после отравления. И Лиля делала искусственное дыхание, стремилась хоть как-то помочь...

Второй раз – и окончательно – оно остановилось еще через час. И Тахир оторвал от мертвого тела Лилиан, которая остервенело пыталась запустить сердце, заставить его биться... да хоть как!

– Прекрати. Он мертв.

Лиля дернулась раз, другой...

– Пусти!

Тахир вздохнул и сильно встряхнул графиню.

– Ты же видишь. Он мертв!

Лиля осела на пол и разревелась в три ручья. Бессилие? Злость? Стресс?

Тахир кое-как помог ей перебраться в кресло и оставил там. Вернулся к кровати.

Все было сделано правильно. И промывание. И прочищение. Но... сердце просто не выдержало. Такое бывает. Сильный яд, плюс они начали лечение далеко не сразу, а эта дрянь впитывается через слизистую, плюс наверняка были какие-то примеси...

Отнять жизнь легко, ты поди спаси ее...

Он прикрыл тело графа простыней и вышел за дверь. Там ждали.

Ждал Эдоард, и ему сейчас наверняка понадобится уход.

Ждала Алисия.

Ждала Миранда, которую надо будет успокаивать.

Ждал Ричард – он не мог уйти, не узнав о судьбе друга.

Ждал Август Брокленд. Чтобы он оставил дочь без поддержки? Никогда!

Двор тоже ждал. И уже всем было известно, что покушались на короля, а вместо этого отравили графа. Про Анелию ничего не говорили, и то утешение. Никто не связывал ее с покушением.

Они ждали. И, когда Тахир вышел из комнаты, встретили его вопросительными взглядами.

Ему ничего не надо было говорить. Все всё поняли. Разрыдалась, прижавшись к Алисии, Миранда. Мертвенно побелел Эдоард – да так, что Тахир без лишних размышлений схватил его за руку, посчитал пульс – и тут же накапал в ложку настойки. Вот только короля им до кучи сейчас лечить не хватало.

Август помрачнел на глазах. Ричард же прошел в соседнюю комнату.

На кровати лежало... тело. Вокруг него стояли тоскливые докторусы, в кресле рыдала Лилиан Иртон... Рик сдернул простыню с лица друга.

Что чувствуют в таких случаях? Боль? Недоумение? Растерянность?

Это было в полном составе. И – непонимание. Тяжкое и тоскливое. Как же так? Еще вчера утром они смеялись, валяли дурака, перешучивались, а сейчас от друга осталась только оболочка. Пустая и тоскливая. И в ней нет чего-то самого важного.

Нет, ничего нет и никого нет...

Пустота и холод захлестнули принца, он резко развернулся и вышел.

Лиля не обратила на него внимания.

«Вот она твоя плата, твое сиятельство. Дура, безмозглая дура!!!

Тебе был неудобен муж? Вот и получилось... ты не желала ему смерти, ты просто желала, чтобы его не было в твоей жизни. И не твоя вина, что жизнь выбрала другое.

Ты можешь выть, кусаться, ругаться... ты ничего не можешь сделать. Ни исправить, ни подумать – ни-че-го...

Останься он жив – и ты искала бы обходные пути, думала бы о разводе, бегала бы от него... ты могла бы. А он – умер. И ничего не осталось. Только девочка с синими глазами.

Все ли ты сделала для его спасения? Все, тут себя упрекнуть не в чем.

Ты рада в глубине души? Рада...

И до смерти тебе не освободиться от тяжелого груза. Больно, боги, как же больно...»

– Лилиан...

Август Брокленд заставил дочь встать с кресла и повел по коридорам в покои Алисии Иртон. Там было сейчас единственное, что нужно его девочке. Единственный, кто нужен.

- Мама... - всхлипнула Миранда, увидев ее. И повисла у Лили на шее, разревевшись еще сильнее. - Мама, мамочка...

Лили крепко прижала к себе ребенка и расплакалась вместе с ней.

Август обменялся взглядом с Алисией, и они покинули спальню.

- Пусть побудут одни, - сказала Алисия, плотно закрывая за собой дверь.

- Да, не повезло моей девочке.

Алисия с силой провела руками по лицу.

- Это страшная трагедия. Для нас всех...

- Для вас - тоже?

Август смотрел испытующе. И Алисия не стала лгать. Все равно не получилось бы. Этот мужчина видел ее насквозь.

- По-своему я любила сына...

- Я сочувствую вашему горю. И... я постараюсь ненадолго увезти отсюда дочь. И внучку. Вы поедете с нами?

Алисия растерянно пожала плечами.

- Мне надо похоронить сына...

- Это - после похорон.

Не вопрос, нет. Предложение. И Алисия это понимала. Джерисон ушел, но жизнь - она продолжается. Что она выберет?

Именно здесь и сейчас.

Жизнь при дворе, правила, распорядок и интриги или море, которое даже сейчас плещется в глазах Августа. И маленький, хотя бы на старости лет, кусочек счастья?

- Я п-поеду. - Алисия чуть охрипла.

Август кивнул.

- Я буду ждать. А сейчас... давайте распорядимся о патере и прочем?

- Давайте...

Мужчина и женщина под руку вышли из комнаты.

Жизнь продолжалась.

Эдоард был мертвенно-бледен и словно постарел внезапно лет на десять. Но старался держаться. И Рик понимал его.

Больно? Безумно.

И непонимание - за что? Почему так?

Но есть дела. Королевский долг. Даже когда властитель теряет родных и близких, на его плечах лежит государство. Он - король. Он - должен.

– Что делать с Уэльстером?

Эдоард испытующе посмотрел на сына.

– А что ты хочешь?

Даже сейчас устроил проверку... Рiku становиться королем после него. Ему и решать. Мерзко? Увы... жизнь короля именно такова.

– У нас два выхода, – спокойно заговорил Рик. – Первый: обнародовать подоплеку отравления Джеса и объявить войну Уэльстеру. Второй: замолчать это все, отменить смотрины из-за траура, проводить Лидию и потребовать от Гардвейга... сколько лет второй принцессе?

– Она на год младше Анелии.

– Пусть приезжает, живет здесь и воспитывается с девочками. Жениться мне все равно надо. Так или иначе.

– А месть?

– Анелию я бы своими руками придушил, – оскалился Ричард, вдруг сделавшись на миг похожим на хищного зверя. – Но эта дрянь умудрилась сбежать. А Уэльстер... Наши войны Авестеру в радость.

Эдоард посмотрел на сына с невольным уважением. Дикие решения? Страшные? Сейчас им полагается пребывать в глубоком горе от утраты?

Даже этого себе короли позволить не могут. Даже этого...

Ричард будет не спать ночами от бешеной тоски, будет выплескивать горе в поединках, в работе, но не даст ему разрушить союз с Уэльстером.

– Ты молодец, сынок.

Ричард вздохнул.

– Ох, отец... Тебе лучше сейчас лечь и уснуть. Двору я все объявлю сам.

– Разве тут уснешь?

– Тахира попросим. Не загоняй себе сердце. Сам понимаешь...

Эдоард понимал. И знал, что если сейчас не отдохнет...

– Ладно. Зови Тахира.

Следующие несколько часов для Ричарда слились в глухую черную полосу, и впоследствии он так и не смог вспомнить, что с ним было, что он делал, что говорил...

Он объявил, что было покушение на короля. Что случайно предназначенный для его величества яд выпил граф Иртон. И под этим предлогом в Стоунбаг забрали еще пятерых дворян, которые были в заговоре с Ивельенами. Поставил у тела брата почетный караул. Переговорил с казначеем. Временно принял на себя командование дворцовой гвардией.

И только в двенадцатом часу ночи вошел в покои брата.

Не туда, где лежало тело и молился рядом с ним патер. Нет.

Он пришел в дворцовые покои Джерисона Иртона. В его комнаты, где беспечно брошен на стуле легкий плащ, где валяется на столе подозрная труба, стоит бутылка вина и красивый стеклянный кубок, где до сих пор им пахнет и он кажется живым.

Рик не хотел видеть друга мертвым. Он хотел помнить его иным. Веселым, немного развязным, с насмешливой улыбкой рассказывающим о женщинах...

Живым...

Больно, как же больно...

– Ваше высочество?

– Графиня?

В глубине комнаты чуть шевельнулась белая тень.

– Да... простите, если помешала.

Ричард покачал головой.

– Нет. Почему вы здесь?.. Я могу помочь?

Лилиан, словно зеркальное отражение, повторила его жест.

– Нет. Мне просто хотелось побыть где-то, где он еще живой... не знаю...

Рик вздохнул. Уселся на стул и кивнул Лилиан.

– Присаживайтесь, графиня. Мне хотелось того же.

Она колебалась пару минут и опустилась напротив.

– Это ужасно несправедливо...

Миранда спала, крепко обняв пушистую подругу и едва слышно всхлипывая во сне, а Лиля маялась бессонницей.

Зачем ее понесло ночью в покои супруга, она и сама не знала. Попросить прощения? Пообещать, что не бросит Миранду и вырастит ее настоящим хорошим человеком?

Разве это кому-то важно – теперь, когда нет человека? Нет и все тут. А она так и не успела ничего сделать. Найти общий язык, подружиться, узнать человека по-настоящему... не успела.

По глупости?

Как сказать.

Просто слишком легко все удавалось.

Нет, были и бессонные ночи, и проблемы, и беды, и покушения... были. Но все разрешалось легко и к ее сплошному удовольствию. И Лиля просто заигралась, забыв о том, что иногда игрушки платят кровью.

Лонс, Джес... кого еще она потеряет?

В покоях графа было холодно. Смотрела в окно круглым глазом луна, заливая комнату прозрачным мертвенным светом, и комнаты казались осиротевшими. Хозяин больше не придет.

Лиля подошла к письменному столу. Выдвинула один ящик, другой... в верхнем, на куче всякой мелочи лежала сережка. Та самая, которую она отдала на маскараде. С черной жемчужиной.

Вот так. С женой пытался наладить отношения, но незнакомку не забывал. А если бы она тогда призналась? Могло бы все пойти иначе? Или нет?

Скрипнула дверь, и Лиля, автоматически отпрянувшая в темноту, увидела Ричарда. Принц имел такой потерянный вид, что ей стало его жалко. Это для нее Джерисон Иртон – раздражающий фактор. А для него-то друг. Близкий и любимый. И если принц об этом даже и не знает – брат. Единственный, по отцу...

Как говорили в оставленном и уже основательно подзабытом ею мире?

Жизнь – боль?

В любом случае надо обозначить свое присутствие, иначе потом будет стыдно. Лиля чуть шевельнулась в темноте, привлекая к себе внимание.

А потом они с Ричардом сидели и пили вино. У Джеса в шкафу обнаружились недурственные запасы. Говорил в основном принц.

Ричард рассказывал, как он подружился с Джесом, как они в детстве вместе проказничали, когда тот бывал во дворце, как они вместе тренировались, как Джес стал капитаном королевской гвардии – да, не по заслугам, но все же он был достоин этого места, даже про их с Джесом амурные похождения...

Про Амалию, Алисию, про то, как Джес горевал после смерти второй жены, про то, как он любил Миранду...

Рик почти не контролировал себя.

А Лиля... Она просто слушала. Она была рядом. И они были живы...

Кто сделал первый шаг? Кто протянул руку?

Даже спустя двадцать лет ни Лиля, ни Рик не смогли бы ответить на этот вопрос. Выпитое на голодный желудок вино ударило в голову...

Но не в руки и не в ноги. И, когда их взгляды встретились и губы начали приближаться друг к другу, нагло подглядывающая в окно луна чуть смутилась, покраснела и занавесилась облачком.

Смотреть такую откровенную камасутру ей было стыдно.

А мужчина и женщина пытались то ли забыться в объятиях друг друга, то ли просто потеряли всякие тормоза... и сплетались телами в яростной схватке на медвежьей шкуре у камина. Дойти до кровати им совершенно не пришло в голову.

Холод их тоже не беспокоил.

Гораздо страшнее, когда вымерзает душа.

Утром Лиля проснулась от страшного ощущения. Ей приснилась Индия. И почему-то казалось, что она – преступница, которую должен растоптать слон. Слон наступил ей на голову – и давил, давил, давил... «Да додави ж ты, скотина! Сил нет терпеть!» – взывала она во сне. И открыла глаза.

Слона не было.

Зато все остальное не порадовало.

Голова болела.

Во рту побывала стая активно метящих котов.

В желудок каким-то образом запустили стадо бешеных ежей.

И ноги замерзли.

Остальной организм не замерз, но только потому, что Ричард, пардон, заснул прямо на ней. Интересно, она сейчас по толщине сильно от коврика отличается? Какой-то уж слишком радикальный способ похудения...

Это что же вчера...

От воспоминаний стало еще тошнее.

Ну да.

Она вчера стала вдовой. Потратила несколько часов, чтобы успокоить дочь. А потом отправилась в покои бывшего супруга. Здесь встретила принца, они выпили, а потом...

Лиля вздохнула и принялась выползать из-под любовника. Осторожно, медленно и печально. А то еще и голова расколется... похмелиус вульгарис.

Что это такое – она знала. Ее родной отец, когда узнал, что придется отпускать ребенка за тридевять земель, подстраховался старым проверенным способом.

Понимая, что в общаге будут и гулянки, и пьянки, что Аля – ребенок хоть и армейский, но домашний и что напоить ее могут, устроил ей нечто вроде репетиции. А именно – напоил сам. Зверски. До состояния «мордой в салат» и жестокого утреннего похмелья. Сам отпоил дочку пивом – и сам же объяснил, что он не садист. Просто теперь она знает свою норму, знает, как выглядит спяну и не попадется на эту удочку. Может быть.

И оказался прав. Эх, пива бы... холодненького.

Вместо пива пришлось глотнуть вина из бутылки. Не прислугу же сюда вызывать, когда тут принцы без штанов валяются. Да и сама она... неглиже.

Лиля переждала первую волну тошноты – и принялась кое-как одеваться, ругая себя на все корки: «Дура, самодовольная дура... как ты могла себе позволить так расслабиться? Как ты вообще могла? Неприятный поступок?

Это еще мягко сказано.

С чего тебя вчера так повело, хотелось бы знать? Вроде бы и выпили-то не так чтобы много...»

Лиля знала, что вино вину рознь. И что у каждого человека индивидуальный порог опьянения и своя реакция на алкоголь. Кто-то высосет три литра водки – и ни в одном глазу. Кого-то снесет с чайной ложки шампанского.

Все разные. И свою норму она знала – для Али Скороленок, а для Лилиан Иртон она оказалась принципиально другой. Поменьше. Плюс еще она долгое время вообще не пила, произошло отвыкание, да и метаболизм у нее... м-да.

Но что заставило ее... боги, жуть! Тормоза сорвало?

То ни с кем, а то с кем попало?

Какого черта ее вообще понесло в покои бывшего мужа?

Ладно, с последним все понятно. Угрызения совести. Ведь действительно – не смогла помочь. Хотя и старалась. Но, видимо, яд был качественным. Чего уж там, и в двадцать первом веке от некоторых ядов откачать не могут.

Но почему она не ушла, как только там появился Ричард?

Просто пожалела мужчину. Он выглядел таким потерянным, что захотелось его хоть чуть успокоить. Успокоила. А если... брр...

Лилю передернуло.

А если это продолжится? К Рику ее совершенно не тянуло. И вообще было острое чувство неловкости.

А если она – того? Залетела?

Вот черт!

Лиля растерянно подумала, что не принимала противозачаточные отвары, потому что их надо пить с начала цикла. И с Джерисоном у них ничего пока не было, она только собиралась начать пить... Да и страшновато было. Что бы там ни говорили про натуральную контрацепцию, но отравиться шансы всегда есть.

А если – правда? Могла?

Хорошо, что ее сейчас никто не видел. Потому что по лицу графини расплзалась совершенно идиотская ухмылка.

Если она залетит – значит, судьба точно женщина. Никому другому такой кошмар просто не придумать.

Ричард, насильно лишенный грелки и подстилки, застонал и открыл глаза. А может, поспособствовала и хлопнувшая дверь. Выглядел он жутко. А чувствовал себя еще хуже.

Причем и физически и морально.

Воспоминания о вчерашнем дне – и ночи – возвращались. И не радовали.

Тошнило, голова болела, в глаза словно песку насыпали, а еще...

Как он мог?! Нет, как у него только ума хватило?!

Чуть ли не на могиле друга, с его вдовой...

Ричард заметил предусмотрительно поставленную на пол бутылку, дотянулся и глотнул прямо из горлышка. Стало чуть полегче, и принц смог через пару минут подняться. Сначала – как гордый лев, на четвереньки. Потом и сесть удалось без опасений, что голова разлетится на кусочки.

Нет, ну как его вчера накрыло...

А в принципе ничего тут удивительного нет.

Вчера умер его друг, ему было тошно, плохо, холодно и одиноко. Не подвернись Лилиан – была бы любая другая. Но именно она, вдова друга, Альдоной милосердный...

А что будет дальше?

Так, подумаем об этом чуть позже, после разговора с Лилиан. Судя по тому, что она ушла, не разбудив его, она тоже восторга не испытывает.

Поговорим, посмотрим...

Вот вечером после похорон и...

А сейчас надо взять себя в руки, подняться, одеться и хоть немного привести себя в порядок.

Лиле невероятно повезло. Ей никто не встретился в коридорах – и в покои Алисии она проскользнула, оглядываясь как воровка.

– Хороша-а-а... – протянула Алисия, посмотрев на невестку.

Лилия вздохнула и привалилась к двери.

– Не то слово.

– Как ночь прошла? – язвительно поинтересовалась Алисия.

– Не знаю, – призналась Лилия. – Я просто напилась до свинского состояния.

– И с кем это произошло и где? – Голос «гадюки» был полон яда.

– Так заметно?

– Губы как подушки, и на шее засос. И глаза красные. – Церемониться Алисия не собиралась.

Лиля чертыхнулась.

– Отлично. И как теперь жить?

– Примочку на губы, засос закрыть воротником и списать все на бессонную ночь в слезах, – ровным тоном посоветовала Алисия. – Так кто это был?

– Ричард, – призналась Лиля.

– С ума сошли!

Лиля покачала головой.

– Нет. Просто так получилось. Ему нужно было забыться, мне нужно было забыться...

– То есть это больше не повторится?

Лиля пожала плечами.

– Сейчас у меня нет сил об этом думать.

– Тогда приводи себя в порядок. Примочку я принесу. Одежда в спальне.

Лиля поблагодарила и отправилась в спальню. Миранда еще спала – и то слава богу.

Умывшись и причесавшись, Лиля оделась. Траурно-зеленое платье с таким же кружевом. Ни единой белой ниточки. Зеленый кружевной платок укрывает волосы. Высокий воротник надежно закрывает засос. Поблескивают графские изумруды... «Прости меня, Джерисон. Я с самого начала просто пользовалась, ничего не давая взамен. Или не прощай. Чего уж там, оба виноваты. По твоей вине ушла Лилиан Брокленд, кстати – тоже от яда. По моей вине ушел ты. Жестокое равновесие жизни. И круги замыкаются, просто какие-то раньше, а какие-то позже...»

Лиля еще раз взглянула на себя в зеркало и вышла из спальни в гостиную, где, нетерпеливо расхаживая по комнате, ее ждала Алисия. «Гадюка» с удовольствием отметила, что невестка выглядит более чем достойно, а бледность и круги под глазами – это бывает. И похуже бывает, если от горя. А того, кто посмеет усомниться, она лично уничтожит!

– Как? – поинтересовалась Лиля.

Женщина кивнула:

– Более чем достойно.

– А где Миранда? Похороны...

Лиля недоговорила, но они ведь обе понимали, что это тяжелое испытание для ребенка. И лучше девочке быть рядом с матерью, с бабушкой...

– За ней приедет твой отец. Он собирается забрать ее к себе и на закате привезет на похороны. А вот выслушивать целый день соболезнования девочке не стоит.

– Да, для нее это будет тяжело. А я справлюсь.

– Я буду рядом.

– Спасибо. Откуда платье?

– Твоих вирман попросила.

– Спасибо.

Алисия протянула ей примочку.

– Нам надо будет поговорить через пару дней.

Лиля опустила глаза:

- Обещаю.

- Не вини себя.

- Что?!

- Я тебя знаю. Сейчас будешь переживать, что не спасла, не помогла... не надо. Джес сам выбирал свою дорогу.

- Я не смогла разобраться с ядом...

- А ты и не Альдонай. Не бери на себя больше возможного.

Лиля отняла примочку от губ и посмотрела на Алисию.

- Куда мне надо идти?

- В те покои, где он умер. Тело там. Будете молиться вместе с альдоном.

- Альдоном?

- Альдон Роман приехал. Сказал, что сочувствует тебе в твоём горе. И проведет службу сам.

Лиля кивнула и вышла за дверь.

Осуждала ли Алисия невестку?

И да, и нет. С одной стороны – у Лили умер муж. Умер на её руках. С другой... муж объелся груш. И иначе не скажешь.

Любовь? Привязанность? Уважение?

У них об этом даже речь не шла. Джес жену и в грош не ставил, а Лилиан ему за это не была благодарна. Их связывали Миранда и фамилия, больше ничего. Так стоит ли упрекать?

Алисия поправила прядь волос и отправилась вслед за невесткой. Молиться и плакать.

Похороны были на закате, как принято в Ативерне. Когда бы ни умер человек – в течение следующего дня с ним прощаются, а на закате тело опускают в могилу или в склеп. Разумеется, когда тела изуродованы, их хоронят практически сразу.

По обычаю Джеса надо было бы отвезти в его дом, чтобы там все желающие могли проститься с ним. Но Эдоард распорядился оставить его во дворце.

Перед комнатой, где вчера умер её супруг, Лиля на миг задержалась, поежилась, но потом решительно толкнула дверь.

У тела молился патер (да-да, с недавнего времени патер) Воплер. Рядом с ним стоял альдон Роман. Лиля прошла в комнату, привычно опустилась на колени, и день потянулся. Тоскливый, унылый, мрачный...

Приходили люди, выражали соболезнования, женщины плакали, мужчины целовали её руку, и все это безумно раздражало.

Неискренние соболезнования, взгляды, перешептывания: «Как она страдает!» – «Что удивительного?» – «Беременна или нет?»

Потом все подходили к Алисии, где повторялось то же самое.

Пришел и Ричард. Бледный и с красными глазами. Сказал Лилиан о своей печали и принес соболезнования.

Лиля подумала, что неприятного разговора не избежать. Ну и пусть. Одним больше, одним меньше. Не в разговоре дело. Просто... противно.

Она все смотрела на лицо Джеса. Кроткое и умиротворенное в смерти. В жизни она его никогда таким спокойным не видела.

«Могли мы быть счастливы?»

Нет. Я не стану другой, ты не станешь другим. И все же – прости меня за то, в чем я не виновата. Я просто старалась выжить. Если бы я получила помощь, поддержку, если бы мне подставили плечо, если бы...

Если бы я тогда умерла – было бы кому-то лучше?»

Лиля не знала ответа. Да и кто его может знать? Альдонай? Увы, он ни с кем не поделится сведениями...

Алые лучи заката. Склеп. Не родовой, нет. Джайс Иртон был первым его жителем, Джес – вторым.

Лиля стояла как каменная, лишь по щекам катились слезинки, Алисия была рядом и чуть за спиной, как бы поддерживая невестку, Август поддерживал Алисию, Миранда плакала, альдон молился, придворные изображали массовку, Рик страдал...

Эдоард на церемонии не присутствовал. Не было и Тахира. Его величество слег в постель, и лекарь вынужден был постоянно находиться при нем.

Из вовсе уж посторонних были Лидия с братьями. Принцесса опять преобразилась. Да, Лиля смогла сделать из нее красотку. Но сейчас это была та же серая мышка. То есть зеленая. Цвет траура, цвет печали.

Родовой цвет Иртонов.

Принцесса поцеловала Лилиан в щеку, выразила свои глубочайшие соболезнования, внимательно вгляделась в лицо вдовы. Но прочесть что-то не стоило и пытаться. Лилиан будто окаменела. Гипсовая маска, а человека-то и нет.

Она не ела весь день, выпила несколько стаканов воды – и только.

Когда все закончилось, Лиля сначала и не поняла. Ей было уже почти физически плохо. Люди принялись расходиться, она хотела сделать шаг – и подвернулась лодыжка, кто-то подхватил ее под локоть.

– Лилиан...

Несколько секунд она смотрела на Александра Фалиона, словно не узнавая. Потом кивнула.

– Простите, я не смог приехать раньше.

– Ничего страшного.

– Мне очень жаль...

– Мне тоже.

– Вы в этом не виноваты.

В этом – нет. В другом. Но о произошедшем никто и никогда не узнает.

– Человека нет, Александр. Его просто нет.

Фалион кивнул.

– Если вам понадобится помощь, вы можете просто сказать мне.

Лиля чуть сжала его руку – и поразилась. Какой же он горячий. Или это она заледенела?

– Александр, я вам очень благодарна.

Фалион понял все правильно и исчез не прощаясь.

В гостиной остались всего пять человек. Лиля, Алисия, Август, Миранда и Рик. Да и то Алисия и Август переглянулись – и дружно ретировались. Лиля посмотрела на ребенка.

– Ваше высочество, вы не сообразовалите подождать, пока я уложу дочь?

Может, Ричард и хотел что-то сказать, но девочка выглядела как маленькое печальное привидение, и он смолчал. И честно ждал в гостиной, пока Лилиан Иртон не спустилась вниз.

Невольно вздохнул.

Она была хороша даже сейчас. Отстраненная, в темно-зеленом глухом платье, спокойная и сдержанная. А ведь наверняка волнуется, не железная же она...

Рик не стал ходить вокруг да около.

– Смерть Джерисона – трагедия для меня и для государства.

– Да, ваше высочество.

– Вы можете поговорить со мной сейчас?

– Если вам будет угодно.

Ричард откашлялся. Да, никогда он еще так не попадал. Обычно женщины бегали за ним, старались удержать, просили, умоляли, рыдали и страдали.

Не в этот раз. Графиня ждала, что он скажет, и ему не хотелось оскорблять женщину.

– Лилиан, я должен поговорить с вами о прошлой ночи...

Зеленые глаза сверкнули.

– А стоит ли о ней говорить?

Ричард слегка опешил. Любая женщина, оказавшаяся в такой ситуации, постаралась бы вцепиться в него. Эта же...

Она ничего не хотела. Не ждала. И не требовала. Она просто была. Мало это или много?

– Стоит, – вздохнул Рик. – Иначе это на всю жизнь останется между нами.

– И будет ее сильно портить, так? – Лиля смотрела принцу в глаза. – Ваше высочество, не бойтесь меня обидеть, хорошо? Я понимаю, мы, женщины, тонкие натуры... но мне сейчас и так плохо.

– Мне тоже плохо, – рубанул Рик. – Прошлой ночью... я вообще не соображал, что делаю.

– Я тоже. – Лиля вздохнула. – Слишком много всего наложилось. Смерть мужа, вино, да и последний год выдался тяжелым... я себя не контролировала.

– Я тоже.

Мужчина и женщина смотрели друг на друга уже чуть спокойнее. Рик престал ждать слез и шантажа. Лиля облегченно выдохнула, понимая, что эпизод не будет иметь продолжения.

– Это было... крайне некрасиво.

Рик фыркнул. Кажется, у графини талант к преуменьшению? Некрасиво? Еще бы на трупе устроились. Никогда бы он себе такого не позволил. Но сорвало. Да и... если бы Лилиан была любимой женой, обожаемой, подругой жизни, настоящей половинкой Джеса. Так нет ведь. Розовой короной Джес ее не называл только последний месяц и то потому, что Эдоард запретил. Они даже друзьями стать не успели.

– Согласен. Думаю, такое больше не повторится.

Лиля кивнула, проглотив привычную просьбу не зарекаться. Сейчас присказку явно будет воспринята неадекватно, видно же – принц мучается. Ей было неприятно, да, и даже очень. Но...

В свое оправдание Лиля могла сказать только одно. Вино, усталость, гормоны... страшное сочетание. Вот и снесло крышу. И потянуло к первому, кто оказался рядом, лишь бы живой и настоящий. А так... увольте.

– Да. Мне, наверное, надо уехать? В Иртон, пока длится траур?

Рик покачал головой:

– Нет, графиня. Достаточно, если вы просто перестанете бывать при дворе на официальных мероприятиях. Да и как же ваши проекты?

Лиля вздохнула. Действительно, если она сейчас уедет – многое заглохнет без нее. Да и ее люди здесь не останутся. Не все, но многие последуют за ней.

– Ричард... я останусь и доведу все до ума. Но потом вы позволите мне уехать в Иртон?

– Вас так туда тянет, графиня?

– Мне было там спокойно.

– Несмотря на все покушения на вашу жизнь?

Но что еще могла сказать Лиля. Что еще?

«Если бы меня сюда не понесло, люди были бы живы. А я? Не знаю. Могла бы и выжить. Но мне хотелось не просто выжить, но и жить хорошо. А потом я заигралась. Я забыла, что тут платят кровью. И чем еще предстоит заплатить мне?»

– Мы подумаем об этом – через пару лет. Хорошо?

– Хорошо.

– И называйте меня Ричард.

Мужчина и женщина смотрели друг на друга. Не было между ними пока ни особой любви, ни привязанности, ни чего-то еще...

Не было.

Была просто одна ночь, в которую сошлись два одурманенных горем и вином человека, уставших, потерявших над собой контроль и ищущих тепла рядом. И чужими друг для друга они уже не будут.

Общая тайна, общая неловкость, понимание и прощение. Да, бывает и так...

Кажется, это входит в привычку у королей Ативерны – иметь общие тайны с графинями Иртона?

Ричард вышел, поцеловав на прощанье руку графини. Лиля устало помассировала виски. Голова гудела как колокол.

«Буду жить дальше?

Во всяком случае, попробую. Всем и вся назло!

Буду жить, воспитывать детей, радоваться жизни, думать о хорошем, мечтать, любить, заниматься делом, там, глядишь, и замуж выйду – только надо подобрать подходящего мужа».

Идеальным вариантом было бы партнерство двух умных личностей. Но где найти вторую половинку?

Средние века, не Средние, а женская проблема неизменна. Все лучшие мужчины уже заняты подругами.

Вот и Фалион... «Эх, Александр. Ты никогда ни о чем не узнаешь, а вот я понимаю, что тебя не стою».

Лиля еще долго сидела, глядя в огонь, а потом махнула рукой и отправилась наверх.

Дом, дочь, дела...

Кто хочет – может плакать. А она предпочитает двигаться вперед.

Ричард с плохо скрытой тревогой смотрел на отца. М-да, племянника тот любил. Эдоард был болезненно серым. Лицо осунулось, глаза запали...

– Все закончилось.

Эдоард кивнул.

– Завтра поедешь к Гардвейгу. Расскажешь ему обо всем. Договоришься о приезде его дочери. Полагаю, он нам сильно должен.

Рик вздохнул:

– Еще как.

– Возьми на столике черновик договора. Прочитай, обсудишь.

Рик только головой покачал. Весь серый, на ногах не стоит, но это ведь не повод отлынивать? Работал. Прикидывал, что нужно государству... Альдонай, неужели все короли становятся такими? Как будто внутри все перегорает, и остается серый пепел. Потом на этом пепле вырастает нечто полезное для государства, вот только как жить со сгоревшей душой?

Страшно это...

– Прочитаю.

– И не злись на Гардвейга. Нельзя нам...

Рик прекрасно понял, что хотел сказать отец. Нельзя. Короли не то что обычные люди, не могут они мстить, радоваться, любить, ненавидеть...

Эдоард тяжело вздохнул.

– Иногда я думаю, что зря позволил себе полюбить. Девочки – моя радость. Но остальное... знаешь, за грехи родителей платят дети, но и родители тоже платят, если не успевают вовремя умереть.

– Не говори так.

– Я стар, Рик. И мне не так много осталось. Знаешь, я хотел бы сам оплатить свой счет и закрыть.

Рик покачал головой. Сейчас он не понимал отца. А Эдоард смотрел на сына и думал, что никогда не откроет ему правды.

Когда-то он позволил себе полюбить. Не отпустил Джесси, не дал ей быть счастливой или хотя бы спокойной с кем-то другим, и вот результат. Он видел, как его дочь превратилась в чудовище, пожирающее все вокруг.

Его сын погиб – из-за безмозглой дряни. Или из-за того, что недооценил, не подстраховался... Или потому, что он, Эдоард, не уделял внимания Джерисону?

Ребенка ведь воспитывают до пяти лет, а потом он развивается уже сам, во многом

сообразуясь с тем, что было вложено. А кто тогда занимался детьми? Джайс? Джесси? Он сам?

Увы – нет.

И вот результат.

Стоило всего лишь раз проявить слабость – и столько погубленных жизней. Имоджин, Джайс, Джесси (может, она жила бы и сейчас, не стань королевой? А он мог бы хотя бы видеть ее), Эдмон, Амалия, Джерисон, дети Амалии...

Корона – тяжелая ноша. И требует она от короля такого... страшно это.

Безумно страшно и больно.

«Альдонай, не прощай меня. Пойми. А простить – я себя и сам не прощу».

Ричард поехал к Гардвейгу утром. Король Уэльстера уже ждал его. Выгнал докторуса, посмотрел внимательно и кивнул на кресло.

– Присаживайся.

– Благодарю.

Ричард тоже присмотрелся к собеседнику.

Бледный, глаза красные, явно усталый. Да еще и нога болит. Видно же, как он ее старается пристроить поосторожнее.

– Как вы себя чувствуете?

– Когда узнаю, что произошло, будет лучше, – отрубил Гардвейг.

Действительно, ему стоило немалых усилий заставить всех молчать, когда не вернулась Анелия. Поползли сплетни, слухи – и пришлось сказать, что она решила поехать помолиться.

Почему одна? Не одна. Сопровождение выделил Эдоард.

Кто-то хочет об этом поговорить? Правда? Гардвейг бывал страшен в гневе, поэтому по углам шептались, но вслух старались ничего не говорить. И правильно. Целее будут.

– Анелия прибыла во дворец, была встречена графом Иртоном, который сообщил ей об осмотре повитухами, – без особых эмоций перечислил Ричард. – Испугавшись, что ее тайна будет раскрыта, она умудрилась отравить графа и сбежала.

Гардвейг выругался. Коротко и зло. Взглянул на Ричарда.

– Граф скончался. Я знаю. Мои соболезнования.

– Спасибо.

– А Анелия?

– До сих пор не поймана.

– Знал бы – сам бы удавил.

Ричард внимательно взглянул на собеседника. Нет, Гардвейг не лукавил. Он действительно так думал.

– Никто не знал.

– Что вы теперь намерены делать?

И такая усталость была в голосе этого немолодого мужчины, такая обреченность...

Он знал, что Джерисон – ближайший друг принца, даже почти родственник через вторую жену Эдоарда. Видел его. И понимал, что Эдоард не простит. Сам бы он точно...

А значит – война.

А он в Ативерне, как заложник. Альдонай, смилуйся над Уэльстером...

– Как зовут вашу вторую дочь?

Гардвейг вскинул глаза на Ричарда. Нет, не шалопай и не мальчишка сидел сейчас перед ним. Усталый не меньше него мужчина с грустными глазами. Который потерял близкого человека и нашел все-таки силы не мстить, не лить кровь, не втягивать страну в беды.

– Ты хочешь...

– Да. Анелия забыта, как и не было. Ваша средняя дочь должна приехать сюда. Подрастет – заключим брак. А помолвку как можно скорее. И подпишем все договоры.

Гардвейг выдохнул:

– Ричард... вы с отцом...

– Нам это решение далось нелегко. И надеюсь, мы не ошиблись.

Гардвейг мог бы сказать многое. Но нужны ли были слова в такой миг?

Он просто протянул Ричарду руку. Понимание, признательность, благодарность, уважение – многое было не сказано между двумя королями в этот миг. Да-да, королями, пусть одному из них только предстояло надеть корону – он уже познал горький вкус власти. Гардвейг уже давно принимал жесткие решения и ломал всех, да и себя тоже, через колено. Ричард недавно, но сейчас их роднило одно чувство.

Настоящий король знает, что он – первый, кто имеет честь отдать все для своей страны. Брать – это право однодневков и мерзавцев. Но король знает, что отдаст все, лишь бы жила его страна и был счастлив его народ. И это было общим у обоих мужчин.

Руки встретились. Пальцы сомкнулись. Синие глаза глядели в серые.

Сколько бы лет ни прошло – Уэльстер и Ативерна останутся соседями и друзьями. Пока будут живы эти короли, их дети и внуки. То, что сделали ативернцы для Уэльстера, не сотрется из памяти.

Гардвейг вздохнул и чуть улыбнулся.

– Твой отец должен тобой гордиться.

– Надеюсь. И так?

– Мария. Мою вторую дочь зовут Мария, она на год младше Анелии. Я сегодня же напишу Милии. А сам останусь здесь, пока она не приедет. Благословлю вас, отпразднуем помолвку... и заодно чуть подлечусь. Я так понимаю, дин Дашшар не поедет в Уэльстер?

Ричард улыбнулся в ответ.

– Полагаю, что не поедет, ваше величество.

– Гардвейг.

– Полагаю, Гардвейг, что он не бросит свою ученицу.

– Графиня Иртон. Очень своеобразная женщина. Что с ней сейчас?

Ричард вспомнил спокойную красавицу, которая разговаривала с ним после похорон, едва сдерживая слезы боли и усталости, и так старалась быть сильной.

– Ей плохо, но у нее осталась дочь.

– И только? Очень жаль.

Рик едва не выдал себя. А ведь действительно...

Джес и Лилиан не были близки. Но кто об этом знает? И знает ли вообще кто-то? Джес молчал. Лилиан тоже скрытная. Поэтому если ночь, проведенная им, Риком, с Лилиан принесла плоды... ох...

Ну и пусть. Пусть все будет как суждено.

– Я не знаю, Гардвейг. Полагаю, она и сама не знает.

– Надеюсь, Альдонай смилуется над ней. Хотя я был бы рад видеть ее гостьей в Уэльстере вместе с ее учителем.

– Такие лекари и нам нужны, – шутливо возмутился Ричард.

Самое главное было сказано и принято. Теперь можно чуть расслабиться.

– Ничего, – Гардвейг усмехнулся, – я вот своих к ним на обучение загоню. Может, польза будет.

– Вы себя получше чувствуете?

– Ненамного. Но Тахир хоть не врал в лицо. Знаешь, когда тебе обещают, что проживешь еще долго, а в глазах – успеть бы сбежать, пока ты не сдох...

Ричард сочувственно кивнул.

Гардвейг взглянул на стол.

– Вина предложить не могу. Запретили и даже не приносят, чтобы меня искушению не подвергать. Но есть вода. Холодная, родниковая...

– С удовольствием...

Мужчины чокнулись кубками и дружно глотнули водички.

Ричард думал, что все должно быть хорошо. Посмотрим на Марию, подумаем... воспитаем и влюбим в себя. Никуда она не денется.

А сам он... Тепло, забота и нежность – неплохая замена любви и страсти. Может, и он научится любить эту незнакомую девочку?

Может быть...

Гардвейг думал, что Эдоард молодец. И Ричардом можно только гордиться. Вырос бы его сын таким...

Гардвейг вздохнул. Когда его сыну будет столько же лет, сколько сейчас Ричарду, его уже не будет. А внуки... Поживем – увидим.

– Какова официальная версия для всех?

– Предлагаю сообщить, что мы подписали договор, но Анелия почувствовала вкус к молитвам и решила уйти в монастырь.

– Хм...

Версия была неидеальна, но позволяла монархам сохранить лицо. А это – главное.

Будут сплетничать? Эка невидаль, когда это про королей не сплетничали? Еще как кости перемоют! Ну и что? Нет доказательств – нет и вопросов. А у кого есть...

В Уэльстере Альтрес отлично с ними разберется.

Гардвейг полагал, что и у Эдоарда тайная служба немногим хуже.

– Пусть так. Я поддерживаю любую версию.

«Которая позволит мне и тебе сохранить лицо...»

Мужчины понимающе переглянулись.

– Хотел бы я знать, где эта мерзавка сейчас, – вздохнул Гардвейг.

– А я нет, – признался Ричард. – Я хотел бы знать, что она получила по заслугам.

Мужчины были бы довольны, если бы увидели Анелию в этот миг.

По результатам опробования ее капитаном принцесса получила не особенно прибыльную роль корабельной девки. Хотя и не для всех подряд. Только для самого капитана и его офицеров.

За хорошее поведение Анелии была обещана ее продажа в хорошие руки. Лучше – в наложницы. За плохое – несколько оплеух она уже получила, и ей доходчиво разъяснили, что рыбы в океане непривередливы.

Все деньги и драгоценности у нее отобрали, и она могла только молиться, чтобы ее не убили до конца плавания.

Ей оставалось рыдать, молиться и сожалеть о Лонсе. Лучше бы она с ним уехала, лучше бы она никогда...

Увы. История не терпит сослагательного наклонения. Анелии предстоял долгий путь до Ханганата, и дальнейшее терялось в неизвестности. А Альдонай... как говорят альдоны – он слышит все просьбы, но отзывается весьма редко.

Простившись с Гардвейгом, Ричард отправился в посольство Ивернеи, приказал доложить о себе и принялся ждать.

Недолго. Минут через десять принц Адриан появился в гостиной.

– Ваше высочество.

– Ваше высочество...

Принцы обменялись поклонами.

– Вина?

– Благодарю. – Ричард вновь уселся в кресло и чуть расслабился. Ответил на несколько светских вопросов. И постепенно перешел к делу. – Ваше высочество, я уполномочен сообщить, что мы подписали договор с Уэльстером.

– Я полагаю...

– Да, я должен жениться на одной из дочерей Гардвейга. И приношу вам свои самые искренние извинения...

Адриан пожал плечами.

– Собственно, мы так и предполагали. Полагаю, нам следует поздравить вас с удачным браком?

Ричард улыбнулся. Сейчас он испытывал искреннюю приязнь к отпрыску Бернарда. Ведь мог бы и угрожать начать, и...

В гостиную впорхнула девушка. Высокая, симпатичная... Ричард оценил и пепельные густые волосы, украшенные какими-то цветами, и легкое розовое платье... Он встал и учтиво поклонился. Девушка ответила реверансом и скользнула к Адриану. Небрежно

поцеловала принца в щеку.

– Братик, я уеду ненадолго? Не волнуйся, Мигель будет меня сопровождать, я обещаю к вечеру вернуться...

– Ва... ше вы... со... чес... тво?

Ричард запнулся четыре раза в двух словах, потому что не мог поверить своим глазам.

Это – Лидия?! То самое чучело в старых платьях?!

Роскошная пепельная блондинка, чуть худощавая, но вполне себе при фигурке... С ума сойти можно!

Лидия издала знакомый ядовитый смешок.

– Ваше высочество, это я. Неужели одежда так меняет человека? Или просто вы не дали себе труда увидеть меня под старым платьем? Впрочем, это уже не важно. Вас ждет уэльстерская принцесса, а я могу наслаждаться свободой.

Ричард только головой помотал.

Голос – ее. Гадючий характер – тоже. Лидия.

Нет уж. Змея может перелинять, но перестать кусаться – никогда. Будь она хоть какой красавицей – не нужно ему такого в своем доме. И точка.

Он рассыпался в комплиментах красоте Лидии, поцеловал ей руку, немного поговорил с принцем, согласовал сроки отъезда посольства – и уехал во дворец.

Интересно, кто мог сделать такое с этой гримзой?

Надо узнать. Но сколько Лидию ни украшай – характер у нее лучше не станет. Тому, кто на ней женится, можно только посочувствовать.

Глава 7

Новые завязи

«Дорогой братец.

Надеюсь, в Уэльстере все благополучно.

Сообщаю, что, несмотря на все наши усилия, договор с Ативерной таки подписан. И ты мне еще объяснишь, как Анелия могла выйти замуж, чтобы никто об этом не знал.

Пока же отправь в Ативерну Марию. Приодень, и пусть повитухи подтвердят, что она невинна. Второго раза нам не простят.

Я пока останусь здесь.

Благодаря лекарю из Ханганата, Тахиру дин Дашшару, моя язва благополучно заживает. И он обещает мне, что она не вскрыется по новой. Если буду вести здоровый образ жизни, я смогу прожить достаточно долго. Успокой Милию и позаботься пока о моих детях.

Гардвейг».

Прочитав письмо, Альтрес Лорт перевел дух.

Да, его люди уже направили ему нескольких голубей с сообщениями. Но все же он волновался.

В этом деле все пошло совсем не так с самого начала. Ей-ей, следовало еще тогда, когда он узнал про Анелию, прибить эту шлюху вместе с ее мужем и списать на несчастный случай. Но договор был нужен – и он решил рискнуть.

Что и как пошло наперекосяк, узнаем потом. Важнее то, что Гардвейг не злится и не окажется в заложниках. А если еще его вылечат...

Альдонай, спасибо тебе...

За здорового брата, который проживет еще лет десять, а лучше – больше, Альтрес дал бы руку себе отсечь. И голову тоже.

Но интересно, как...

А, ладно. Надо пойти к Милии. Жена Гардвейга хоть и наседка, но любит мужа. Волнуется, переживает...

Пусть успокоится, не то еще, не дай Альдонай, молоко пропадет.

А за Марией и посылать не придется. Добросердечная Милия после отъезда Гардвейга велела перевезти девочек во дворец и сама занималась ими. Мария была кокетливой, веселой, обаятельной, но на учителей не заглядывалась, хотя проверить ее придется. Надо пригласить повитух.

Альтрес подмигнул своему отражению в непривычно четком стеклянном зеркале, и оно ответило тем же.

Поработаем?

– Лилиан, я тебе так сочувствую...

Лиля вздохнула.

– Лидия, лучшее, что я могу сейчас сделать, – это молиться. Чтобы Альдонай дал мне продолжить наш род.

Объявлять всем, что они с Джерисоном не... и даже дважды «не...» Лиля не собиралась. Как и вспоминать про Ричарда.

Не было. Не знала и не участвовала. А если что-то... Альдонай послал. И точка. Лиля знала, что легко могла залететь, и старалась подстраховаться.

Лидия тоже молитвенно сложила руки. Потом взглянула на Лилиан.

– Я посмотрела твои книги и подсчеты. Кое-где внесла исправления. Но в целом у тебя все неплохо. Ворья нет, в смету должны уложиться, а там и прибыль пойдет с первого же дня.

Лиля вздохнула. Ну да. Когда Лидия пришла в гости, она как раз сидела и считала. Книги лежали на столике, и, пока Лилиан распоряжалась насчет травяного отвара, Лидия раскрыла одну из них и не смогла оторваться от цифр. Как легко догадаться, новый метод ведения бухгалтерии заинтересовал девушку. Слово за слово завязалась беседа, и довольно скоро Лиля поняла, что рядом с ней почти драйзеровский финансист. Грех такие мозги не использовать. Сама-то она увь... ну не ее это – финансы и экономика. Все по необходимости, все чуть ли не из-под палки.

Доверять Лидии секреты Лиля не боялась. Во-первых, не тот масштаб. Может, принцессы и занимаются промышленным шпионажем, но не в модном же доме! Во-вторых, секретом является производство. Что, как, из чего... Это повторить нельзя. А представление о возможных прибылях модного дома «Мариэль»... да на здоровье! Глядишь – и в Ивернее такой откроем, придет пора.

– Мы скоро уезжаем.

– Мне так жаль...

Лиля действительно сожалела. Умная королева – благо для государства, но Ричард сделал иной выбор. Увь...

– Мне тоже жаль. Мы очень мало общались.

– Но к нашим услугам почтовые голуби, да и приезжать в гости мы можем...

– Принцессы не ездят просто так. А тебя не отпустит король.

Лиля вздохнула.

– Значит, письма. И пусть думают что хотят.

Лидия улыбнулась.

– И думать будут, и письма читать...

– И пусть!

Принцесса покачала головой. Да, Лилиан была умной, но иногда, вот как сейчас, она так была похожа на маленькую девочку...

– Пусть. Я тебе все равно очень благодарна.

– За что?

– За Ричарда.

– Но...

– Он как раз приехал отказываться от помолвки со мной. А тут я, во всем новом... Он меня даже не узнал! Представляешь?

Женщины одинаковы в любые времена. И основные темы их разговоров тоже.

– Не представляю, – хихикнула Лиля. – Он со стула не упал?

– Пытался. А вообще я рада, что он от меня отказался. – Про шантаж Лидия рассказывать не собиралась.

– Почему? Он ведь...

– Ну да, принц и достойная партия. А я принцесса. И... нам было бы тяжело вместе. Мне нравятся цифры, а ему книги. Ему нужна тихая и домашняя жена, а я такой никогда не буду, что неудивительно для девушки, у которой столько братьев. С ними нельзя быть слабой, вообще в коробочку засунут для пущей сохранности.

– М-да...

Женщины переглянулись. У обеих был достаточно вредный характер. И найдется ли мужчина, способный посмотреть глубже, за иголки вредности, колючки раздражительности и шипы ехидства?

Героев на свете мало. Профессия опасная.

Ганц Тримейн повертел бокал на свет, посмотрел, как луна играет на стеклянных гранях, превращая компот в густую кроваво-алую жидкость.

Да-да, компот. С тех пор как он познакомился поближе с ее сиятельством, он перестал пить вино, хотя и раньше им не злоупотреблял.

Все меняется рядом с ней. Ее сиятельство Лилиан Элизабетта Маризела Иртон.

Графиня, приближенная к королю, красивая женщина и незаурядный талант. Весьма неординарный. Ганц вспомнил, как встретился с ней первый раз... тогда она еще не была такой, как сейчас. Создавалось впечатление, что бутон был наполовину сомкнут, а сейчас распустился в невероятно прекрасный цветок. Цветок, которому нет названия.

Ему вспомнилась песня, которую графиня пела своей падчерице. «Есть на свете цветок алый-алый...»

Действительно, цветок мечты, надежды, любви, счастья... и сколько его ни ищи – не найдешь, только идешь к нему через семь перевалов и мечтаешь. Вот он и нашел, а приблизился ли?

Сначала он удивлялся мужеству, терпению графини, ее отношению к людям и к себе. Потом восхищался ею. Потом стал уважать и не заметил, когда уважение перешло в бесконечную преданность. Потому и сидел сейчас и лихорадочно искал хоть какой-то выход из сложной, смертельно сложной ситуации.

Лилиан Иртон еще сама не понимала, в какую ловушку она попала. Раньше она была женой королевского... ну, будем называть вещи своими именами, внебрачного сына. У нее был муж, была защита и имя, была связь с Ативерной. Сейчас же она осталась одна. А что бывает с одинокими богатыми женщинами?

Правильно. Вокруг них всегда концентрируется всякая мразь и грязь. И рано или поздно она испачкается. Не в силу своего желания или нежелания, а в силу неопытности и какой-то особой, внутренней чистоты. Она не светлая и не посланница Альдоная, о нет. Но она добрая, яркая, искренняя, умная – она чудесная.

И в то же время она не настолько хорошо ориентируется в этой жизни. Ее можно обмануть, предать, обидеть – и Ганц не хотел такой судьбы для ее сиятельства.

Рядом с ней должен быть сторожевой пес, который загрызет любого. А вот кто?

Он сам?.. Ой ли. Он просто недостоин этого. И кто ему позволит?

Но... может быть, стоит попробовать?

В себе Ганц точно был уверен, а вот в любом другом мужчине сомневался.

Месяц прошел вполне спокойно и уютно.

Ко двору Лиле выезжать не требовалось, и на правах скорбящей вдовы она могла спокойно работать, передвигаясь по маршруту дом – Тараль – салон «Мариэль» – королевское казначейство.

Ее везде сопровождала Мири. Девочка любила папу. Она привыкла, что у нее есть отец и сейчас осталась одна. Ладно, не одна. Лиля у нее была. И доказывала это постоянно. А еще Амир.

Принц вел себя так, что даже заслужил одобрение Алисии. Он малявку разве что на руках не носил... хотя нет. На руках он ее тоже таскал. Подарил сокола, учил фехтованию, Лиля только диву давалась.

Пока Амир сам не признался. Он ведь вырос в Ханганате. Там другие люди, другие обычаи, другие порядки. И любая женщина видела в нем прежде всего принца. А вот Мири всегда будет видеть в нем человека. И это очень важно.

Гарем?

Простите, графиня, у вас представления о гареме просто дикие. Там, между прочим, не только жены живут. Там еще куча племянниц, кузин, двоюродных тетушек и семиюродных бабушек. Наложниц там от силы процентов десять.

И даже если придется их завести – Мири от этого никак не пострадает. Ну будут, просто потому что по статусу положено.

Лиля покивала. И принялась вспоминать фармакологию еще более тщательно.

Надо бы начинать с Мирандой изучать токсикологию в полном объеме. Она бы могла еще с этим подождать, но Миранде – надо. Ведь отравят девчонку...

Пока есть время, надо передать ей все знания, которые могут пригодиться. Или просто все знания?

Кто бы сказал Алевтине Скоролонок, что ее привычка хвататься то за одно, то за другое, заниматься всем подряд и лезть куда только пускают окажется такой полезной?

Лишних знаний не бывает...

– Хватит лежать тут как тряпка. Мне стыдно за тебя, сын!

Александр Фалион повернул голову и посмотрел на отца.

– Что случилось?

– Мой сын почти месяц напивается в хлам чуть ли не каждый вечер, что-то случилось? Знаешь, я надеялся, что у тебя это само пройдет, но ты... ты утратил разум из-за этой девки!

– Не говори о ней так. Она...

– Она, сынок, самая обычная шлюха.

– Отец!

– Пока ты тут размазываешь сопли... ты хоть знаешь, что она спит с принцем?!

– Откуда ты знаешь?

– Слуги донесли. Они уже несколько раз виделись наедине – и явно занимались не чтением стихов.

Самое забавное, что Вяленая Щука попал в точку. Лилиан и Ричарду было о чем поговорить. В том числе и о поэзии. Только вот кому бы из придворных это пришло

в голову?

– Ты... она правда?

– Да. А ты напиваешься как свинья из-за гулящей девки, которая прыгнула в постель с принцем, не успели еще ее мужа оплакать.

Александр смотрел в потолок.

– Слишком многое поставлено на карту. Соберись. Я прикажу принести ванну – искупайся и возьми себя в руки. Я хочу видеть сына, а не размазню.

Вяленая Щука вышел. Александр так же тупо смотрел вверх. Внутри разгоралось жаркое пламя обиды.

Вот, значит, как? Он ждет, пока ее сиятельство позовет, а ей ничего не надо, так?

Она продалась ради титула! Отдалась Ричарду, чтобы получить свое! Она такая же шлюха, как эти размалеванные придворные дешевки! Такая же, как все! Грязная, лживая, паскудная девка!

«Ненавижу! Я бы бросил к твоим ногам все, я бы сделал тебя герцогиней, я бы... А ты... Дрянь. Ненавижу тебя! Ты еще пожалеешь, что отвергла меня, Альдонаем клянусь! Ты пожалеешь...»

Уехало посольство Ивернеи. Принцы дружески распрощались с Эдоардом, а принцесса – с графиней Иртон. Гардвейг, пользуясь случаем и памятуя о своих незамужних дочках, пригласил ивернейцев посетить Уэльстер. Принцы, руководствуясь теми же соображениями, с благодарностью приняли приглашение.

Сам Гардвейг пока домой не уезжал. Он дожидался дочь, чтобы подписать новый договор. Лиле же от этого было ни холодно ни жарко. Ко двору-то все равно нельзя... Траур. Правда, иногда она все же навещала короля, но вечерами и проскальзывала с заднего хода. В плаще и полумаске.

Принцессы по-прежнему радовались ее визитам и вместе с Мири записывали сказки. Пару раз Лилия виделась с Ричардом. Разговаривали, старательно избегая вспоминать ту ночь, Ричард много говорил о Джерисоне, Лилия слушала... секса между ними больше не случалось. Да и не надо было.

Они на всю жизнь останутся повязанными общей тайной, а теперь и не только тайной.

Лилия как в воду глядела, когда размышляла о своей беременности. Когда спустя месяц красных дней календаря не последовало, Лилия не беспокоилась. Но к концу второго месяца вызвала на дом повитуху. Сама-то себя не обследуешь...

Беременна.

От кого? Разумеется, от мужа. И никак иначе. Благо Джерисон был достаточно самолюбив, чтобы не распространяться о своих отношениях с обновленной супругой. И все считали, что у них – было.

Ну слуги догадывались. Да и друзья Лилиан, ее ближайшее окружение, – тоже. Но молчали. И о повитухе – тоже.

Только вот Ганц Тримейн не был бы самим собой, если бы не узнал обо всем в числе первых. Долго размышлял, отменил все дела – и в тот же вечер явился в кабинет к графине.

Приглашения ему не требовалось. Чего уж там – свой. Вошел, уселся напротив...

– Лилиан, вы ждете ребенка.

Не вопрос. Утверждение. Лилия сморщила нос.

- Повитуха?

- Нет. Вы сами. Если бы вы ребенка не ждали, ваша реакция была бы другой.

- А... какая?

- После беседы с повитухой вы отправились к Тахиру. А потом к Ингрид.

М-да. Не подумала. Ингрид должна была родить со дня на день - и Лиля собиралась ей помогать. Она и сейчас не сомневалась в своих силах, но это другое. Ей просто захотелось поболтать с кем-то... из ее стаи. Да и Тахир...

- Я так понятна и предсказуема?

- Почти. А еще Лория принялась заваривать вам укрепляющие отвары. Раньше она делала их только для Миранды.

И то верно.

Лиля боялась. Очень боялась. Вино все-таки... сколько они с Ричардом выпили в ту ночь? Три бутылки? Четыре? Достаточно для потери контроля, но не для потери способности к размножению. Хотя второе полезнее было бы.

- И что теперь? Доложите королю?

- Обязательно. Но сначала я хочу спросить, чей это ребенок.

Два взгляда скрестились ледяными клинками. Но Лиля не дрогнула.

- Мой. И моего покойного супруга.

- У вас с ним ничего не было.

- Было. Один раз, но этого хватило.

- И где же?

- Вы забываетесь!

- Вам все равно придется отвечать на этот вопрос.

Лиля скрипнула зубами. Но... прав ведь. Лучше уж сейчас.

- В его покоях. Во дворце. А на следующий день его не стало.

- Вот как... Вас там не видели.

- Меня много где не видели. Я была в плаще и полумаске. Тихо пришла, тихо ушла. И что?

- И вас так просто впустили?

- Алисия...

- Она подтвердит?

Лиля кивнула. Спокойно и уверенно. Черта с два вы получите возможность для удара, лэйр Ганц! Фигу вам, а не компромат! За своего ребенка...

Да, вот именно в этот момент Лиля и поняла, что внутри нее живет маленькое родное чудо.

Ребенок...

Не важно, чей он. Это - ее дитя.

И ради него она способна на все. Солгать, предать, убить... это - ее ребенок!

И вдруг глаза мужчины потеплели, сверкнули золотистыми искорками. Ганц кивнул.

– Графиня, вы понимаете, что допрашивать под пыткой вас никто не будет, но его величество обязательно поинтересуется...

– Да.

– И вы обязаны будете ответить так же уверенно.

– Мне нечего скрывать. Это ребенок моего покойного мужа.

– Я рад за вас, Лилиан. И все же... Фалион непричастен?

Лиля покачала головой. Ганц незаметно перевел дух. Вот этого он боялся больше всего. Александр Фалион заезжал, и достаточно часто, но его отношения с графиней не выходили за рамки теплых и дружеских. Ганц знал, маркизу хотелось большего. Но перейти определенную черту он не мог. И отчасти в этом была виновата сама Лилиан. Чего уж там, после ночи, проведенной с Риком, она забыла о неудовлетворенных желаниях, которые мешали ей мыслить здраво. Несмотря на взаимную симпатию, они с Фалионом не смогут быть вместе. У него больная жена, а, как известно, больные жены умирают по заказу либо в романах, либо это заказ их мужей. Сможет ли Лиля жить с мужчиной, который приговорил уже одну жену? Ой ли... а если во вкус войдет? Мало ли что с ней может случиться...

Нет. Не надо такой радости.

Да, ее тянуло к нему, но это тяга телесная. К красивому молодому мужчине, который проявил внимание и понимание. Участие, сочувствие... Женщины ловятся на секс? Глупости! На ласку они ловятся испокон веков. На ласку и заботу.

Любовница? Увольте. Женщины все разные. Кто-то для этой роли создан, кто-то нет. Кто-то может так жить годами, а кто-то с ума сойдет на второй неделе. Любовь – это еще и самоотречение. И сейчас Лиля отрекалась от маркиза. Потом было бы намного больше.

Ганц это понял.

– Вы чудесная женщина, Лилиан.

– Спасибо... – Лиля одарила друга теплой улыбкой.

– Мне жаль, что я сейчас скажу вам неприятные вещи...

– Но вы ведь их скажете.

– Именно. Ваше производство, ваши дела важны для короны. Выпустить вас из-под покровительства Эдоард не имеет права. Он сейчас ломает хребет гильдиям. И даже в Ирhone вам жить спокойно не дадут.

– Это я понимаю.

– Пока был жив Джерисон – вы могли многое.

– У меня будет ребенок.

– Это хорошо. Рассмотрим оба варианта?

Лиля кивнула и приготовилась слушать. Чего уж там, в интригах Ганц чувствовал себя как рыба в воде.

– Если у вас родится девочка. Мири отправляется в Ханганат, а девочка рано или поздно выходит замуж, и ее второй сын получает титул графа Иртона. Или первый – если она выйдет замуж за лэйра вроде меня. До совершеннолетия ребенку назначается опекун.

– Так. А если родится мальчик?

– Он получает титул графа Иртона. И ему также назначается опекун.

- И его кандидатура...
- Рассматривается королем. И им же утверждается.
- Ричард?
- Нет. Никоим образом.
- Тогда кто?
- И тут мы подходим к самому неприятному.
- Меня выдадут замуж?

Ганц выдохнул. Посмотрел на Лилиан – глаза в глаза.

- Я всегда знал, что вы умны.
- Этот вывод напрашивался сам. Но вот за кого?..
- Не знаю.
- Это должен быть человек относительно безобидный, от которого не стоит ждать участия в заговорах, преданный короне, послушный воле короля плюс подходящий возраст – он должен дожить до совершеннолетия ребенка плюс иметь определенное благосостояние... Таких много?
- Очень мало.
- А списки есть?

Это был главный и самый напряженный момент во всей беседе. Если его поймут правильно, если поверят, если...

- Король пока не знает о вашей беременности. Но ваше замужество все равно вопрос решенный.
- Только неясно – за кого, так?
- Так.
- Вы хотите что-то предложить? Ганц?

Глаза встретились. И словно невидимые нити протянулись между двумя людьми.

Понимание.

Осознание.

Потрясение.

- Ганц... вы хотите...

Лиле отказал голос. Оно, может, и к лучшему. Иначе она бы точно что-то ляпнула не к месту. Ганц положил руки на стол, и женщина заметила, что его пальцы чуть подрагивают.

- Лилиан, я знаю, что это дерзость. И вы можете счесть это подлостью с моей стороны. Но я умоляю хотя бы выслушать.

Коротко кивнув, Лилия убрала руки под стол. Ее-то пальцы дрожали куда ощутимее.

- Все то, что вы перечислили касательно кандидатуры будущего супруга... Я ведь подхожу. Так?

Она снова кивнула.

- Почему я на это решился... Не знаю. Я бы молчал, и долго. Лилиан, я не могу сказать,

что безумно люблю вас.

Да Лириан и о себе такого сказать не могла, чего уж там. Безумная любовь – это у Шекспира. А у нее сплошной прагматизм.

– Мне хорошо в вашем доме. Да, в вашем. Я уважаю и ценю вас, я привязался к Миранде, я... у вас по-настоящему тепло...

Лиля видела – Ганц нервничает. И говорит от души, пытаясь выразить то, что мучило его все это время.

– Знаете, когда я приехал к вам в Иртон... я приглядывался, составлял мнение – и начал уважать вас. Когда понял, что вы умны, талантливы... я удивлялся, как ваш муж не разглядел этого в вас.

– Он не хотел видеть, – пожала плечами Лиля.

– Я увидел – я удивлялся. И... я завидовал. Джерисону было дано многое. Положение, уважение, теперь еще и такая жена – и что? Он играл жизнью, не ценя ничего из этого. А я бы душу продал за свой дом. За то, чтобы меня ждали. Чтобы было куда вернуться. А он это разрушал. Я так и не смог этого понять. Не важно... В Иртоне вы были совсем другим человеком, чем здесь, в столице...

– Я растерялась, – честно призналась Лиля.

Ганц тряхнул головой.

– Столица – это не ваше. Здесь вы были растеряны, вы не знали, что и как, вы совершали ошибки... и мне захотелось вас защищать. Вы знаете, что с королевской службы просто так не уходят.

– Знаю, – кивнула Лиля. – Собственно, я была уверена, что вы носите королю отчеты. Это ведь так?

– То, что не могло вам повредить.

– И я вам за это очень благодарна.

– А еще... Я здесь отогревался. Не знаю, как лучше сказать...

Ганц беспомощно развел руками, но Лиля его хорошо понимала. Тепло душевное. Когда всем хорошо и уютно. Когда отогреваешься и чувствуешь себя дома. Когда тебе спокойно и тебя ждут. И понимаешь, что ты – дома.

Об этом красиво говорят поэты и писатели. А в жизни... кто знает это чувство – тому повезло. Кто-то принимает за него покой. Кто-то привычку. Но стоит человеку хоть раз понять, какое оно – настоящее, и полумерами он уже никогда не ограничится.

Это непередаваемое ощущение – знать, что ты кому-то нужен, что тебя принимают таким, какой ты есть, любят и ждут. Именно таким – и всегда. Что бы ни случилось.

Лиля так и создавала свой островок в мире средневековья.

Хельке и Лория с ее детьми.

Вирмане. Лейф и Эрик. Ингрид и девушки, которые успешно учились ажурной вязке.

Мастера и мастерицы.

Лейс и его солдаты.

Тарис Брок и Алисия Иртон.

Патер Воплер с сыном...

Все они были частью маленького мира Лириан Иртон и Миранды Кэтрин Иртон. И его же частью стал лэйр Ганц. И хотел в нем остаться. Потому что плохо ли,

хорошо ли, но это было что-то теплое и уютное. Где никто никого не ругает, где даже споры ведутся добродушно, где нет места злости и жадности.

Еще не семья, но нечто очень близкое. И Ганц прикоснулся самым краешком к этому теплу. Отогрелся. И захотел остаться.

Она накрыла своей рукой руку мужчины.

– Не надо. Я понимаю...

Их взгляды встретились. Одну короткую и в то же время безумно длинную минуту мужчина и женщина смотрели друг на друга.

Он – воин. Шпион. Тайных дел мастер. Убийца и дознаватель на службе короны. В его прошлом крови по колено. И грязи – по шею.

Он сражался всю жизнь. За себя, за корону – и против всего мира.

Он устал. И ему нужно что-то для себя. Островок покоя и мира. И вот его лэйр Ганц станет защищать до последней капли крови.

Один, всегда один, кричи не кричи, молись не молись, Альдонай забыл про тебя. И с каждым годом тяжесть на душе все страшнее.

Альдонай, прими меня, устало безверного, не с добром, не со злом, с тем, что есть в душе моей...

Он уже давно не верит в Альдоная, его работа приучила королевского представителя к самой жуткой грязи. И именно поэтому он люто, даже себе не признаваясь, завидовал Джерисону. У графа было все – по праву рождения. И он не понимал, чем владеет. Не ценил, не защищал, не берег...

А Ганц понял. И готов был все отдать, лишь бы его впустили. И приняли.

Лиля смотрела ему в глаза, и он видел в них свое отражение.

То же усталое одиночество. Та же тоска.

Одна. Всегда одна. И за ее спиной ее люди. А она за все в ответе. И любое неправильное решение может стоить жизни ее близким. Уже стоило...

И нет сил ни на что. Только держаться, стиснув зубы, идти вперед, держаться, делать дело – и тихо плакать по ночам.

От тоски.

Не на кого опереться. Некому довериться. И давит ноша принятых решений. Жестоких, безжалостных...

Да, их меньше, чем у Ганца. Но разве от этого легче?

Никогда не легче.

Мужчина и женщина смотрели друг на друга.

Между ними не проскакивала искра безумной страсти. Они не бросались друг другу в объятия. Но это было тихое понимание, которого иногда не достигают и за десять лет брака.

Самому сильному мужчине нужно место, где можно отдохнуть.

Самой сильной женщине нужно знание того, что она не одна. Что за ее спиной есть кто-то сильнее.

Союз?

Выстраданный и ставший возможным только после очень многих бед.

Тяжелых решений, крови, смертей...

Когда-то они подозревали друг друга. Не доверяли. Опасались подвоха. Когда-то они ждали удара.

Сейчас им предстояло принять одно из самых серьезных решений.

Принять? Или оно уже принято?

Ганц смотрел на женщину. Он видел ее каждый день, но сейчас – словно впервые. Отблеск свечей ложится на золотые волосы, искры пляшут в загадочных зеленых глазах, лицо кажется удивительно юным и в то же время мудрым...

Лиля смотрела на мужчину словно впервые.

Темные глаза кажутся совсем черными. Черными кажутся и темно-каштановые волосы. Усы прячут насмешливую улыбку в уголках рта, морщинки на высоком лбу, тонкие сильные пальцы музыканта и художника...

Он не красавец, нет. Джерисон был намного красивее, да и Ричард, и Гардвейг даже сейчас...

И все же это не важно. Красота – это фантик. Но едим-то мы конфету...

– Согласится ли король? – Лиля с трудом узнала свой голос. Такой ломкий. Такой... неуверенный. Она ли это? Или это – именно она?

– Вы согласны, Лилиан?

– Ты. Называй меня Лилей, Ганц. Полагаю, для супругов так будет лучше?

И в темных глазах вспыхнула надежда, сменившаяся шальной радостью.

Этим вечером, ложась спать, Лиля размышляла о самых разных вещах.

Вот честно – никогда она о Ганце даже не думала в таком контексте...

Хотя... она вообще ни о ком не думала, чего уж там. Хватало и переживаний, и проблем, и головной боли – еще о мужиках размышлять! Вот некогда! И хоть убивайте.

Они договорились, что пока не будут предпринимать решительных действий. Траур – штука обязывающая. Длится примерно три года. В течение этого времени выдать ее замуж просто нельзя. Разве что король сильно надавит на альдона и тот даст разрешение. Но именно что разрешение должно быть от альдона.

То есть пока можно было чувствовать себя спокойно. Но до решения Эдоарда.

А тот ведь решать будет. Через нее на Ативерну завязан Август. И она сама уже не последняя фигура.

Строго говоря, пока у них с Ганцем есть две проблемы. В том, что они споются, Лиля не сомневалась. Уже сработались. Уважают друг друга... если уж кому из мужчин она и может доверять – это Ганцу. Потому как вирмане молодцы, но они вирмане. А сколько там завязано на клановую систему... даже думать не хочется. Такой вот скромный вопрос. Выгоднее налаживать отношения с одним Эдоардом или с двумя десятками мелких корошков на Вирме? Ладно, ярлов, но суть-то не меняется!

Нет, на фиг. Ибо не фиг. И точка.

Сбежать в другое государство тоже не выход. Лиля это и сама понимала, без молчаливого подтверждения Ганца. Или отравят, или зарежут, или еще что... но невыездной ей быть долго и печально. Эту систему ой не в советские времена придумали. И спасибо Эдоарду за то, что она до сих пор не под замком.

А вот Ричард...

Да, та ночь навсегда останется между ними. Но ребенок... Сказать или не сказать?

Молчать, однозначно.

После такого кошмара, который случился из-за Амалии и ее любви, – молчать! Можно стимулировать роды, чтобы они прошли раньше. Можно. И списать все на Джерисона.

А почему нет? До Менделя тут еще долго не дорастут. А она никого просвещать по генетике, кроме Ганца, не собирается. Это ребенок от Джерисона Иртона. И точка.

Резать будут, на куски рвать будут – все равно. Ребенок от мужа. И никаких!

Это единственный способ выжить. А Ричард, даже если что-то заподозрит, все равно будет молчать.

Миранда засопела под теплым одеялом и перевернулась на бок, зарываясь в подушку.

М-да, вот еще проблема...

Вот честно – отдавать Мири в Ханганат не хотелось. Ведь отравят малявку. Но и как разрулить эту ситуацию, Лиля пока не знала. Оставалось только ждать и терпеть.

«Смириться надобно для виду, но – тянуть. Кто время выиграл – все выиграл в итоге...»

Вот пока и будем тянуть.

Но что дальше?

Ну вирмане ее решение примут. Они как раз Ганца уважают. Будь возможность – еще бы и почетным вирманином приняли бы. За изворотливость и жестокость.

М-да...

«А не боишься, что станет мужем да попробует навести в доме порядок? Со средневековой точки зрения?»

«А вот не боюсь, – огрызнулась Лиля на внутренний голос. – Ни капельки. И отвали. Вот что нам с Александром делать?»

Фалион ведь приезжал. И за руку брал, и в глаза смотрел... и сил не было его оттолкнуть. А придется.

Нельзя теперь с ним иметь никаких отношений.

В этом они с Ганцем были солидарны. Супружеская верность – это серьезно. Сама Лиля подвигов на стороне совершать не собиралась. Насчет Ганца она не знала, но была уверена: если что-то и произойдет, то в обстановке строжайшей конспирации. Она точно ни о чем не узнает. А что еще надо?

Взаимное уважение у них есть, готовность работать вместе есть, любовь?..

Вот с любовью проблема. Не с физической стороной, нет. Тут как раз Ганца можно было только похвалить. От графини Иртон он благополучно нахватался любви к чистоте, регулярно менял белье и мылся минимум раз в два дня. По здешним меркам – чистюля. И, судя по некоторым обмолвкам, не эгоист, без «особых» вкусов в стиле неизвестного здесь маркиза де Сада – одним словом, жить и любить.

А с духовной...

Лилия печально посмотрела в окно.

Сердцу ведь не прикажешь. Но и ставить все на кон... легко говорить романтикам! А ей-то жить хочется! Жить!

Да, ее тянет к Фалиону. Но... нельзя. Просто нельзя. А значит – надо смириться и обо всем забыть.

И сказать все Александру при следующем его визите.

Так честнее...

– Мири, мне надо с тобой поговорить.

– Да, мам?

– Лэйр Ганц сделал мне предложение.

Мири смотрела серьезно и испытующе. Лиля чувствовала себя неуютно под этим взглядом, но и отступить не собиралась.

– У меня будет ребенок. От твоего папы.

Мири подскочила и взвизгнула от радости. Потом выразительное личико погрузнело...

– Братик?

– Или сестренка. Не знаю. Лэйр Ганц прав в одном. В покое нас с ребенком не оставят, и мне придется выйти за кого-то замуж. Его мы, по крайней мере, знаем...

– Мам, а ты его любишь?

Лиля покачала головой.

– Не думаю.

– То есть он просто будет нас защищать?

Лиля кивнула, признавая правоту девочки.

– А у вас потом тоже будут дети?

– Не знаю. Но это не так важно. Ты все равно мой самый любимый и родной ребенок, даже если у меня еще будет десять детей.

Миранда задумалась.

– Мам, а могу я поговорить с лэйром Ганцем?

– Разумеется. И даже обязана это сделать.

– А он сегодня здесь?

Лиля опустилась на колени прямо на дорожку в саду, так что их с Мири лица находились на одном уровне. Синие глаза встретились с зелеными.

– Миранда, ты не просто должна поговорить с Ганцем. Я скажу тебе больше. Если ты решишь, что он нам не подходит, я не выйду за него замуж. Обещаю.

Лиля была предельно искренна. Она не собиралась жертвовать интересами одного своего ребенка ради другого. Если Миранде будет плохо рядом с Ганцем – да иди оно все к черту!

Найдет способ, как разобраться с проблемами! Пробьется! Уже пробилась сквозь столько преград, черт возьми!

Миранда это почувствовала.

Серьезно обняла мать за шею.

– Мам, я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю, доченька.

Лэйр Ганц сидел в кабинете, который ему выделила графиня Иртон, и работал с бумагами.

Война – это не кто кого перебьет, а кто кого передумает. А потому во главе угла оперативная информация, донесения, их сортировка и прочее.

В кабинет постучались и вошла Миранда.

– Лэйр Ганц, здравствуйте.

Мужчина вежливо встал из-за стола.

– Ваше сиятельство, виконтесса Иртон, прошу вас...

– Лэйр Ганц, это правда, что вы хотите стать моим папой?

Вопрос был задан в лоб, так что растерялся даже выдавший виды королевский представитель.

– Нет, Миранда. Я никогда не смогу стать твоим папой. Разве не так?

– Так.

– Поэтому я просто хочу защитить и тебя, и твою маму. Как умею и как могу.

– Вы не граф.

– Правильно. Но у меня есть надежда на лучшее.

– И вы не такой красивый, как папа.

– А разве красота – это главное?

Миранда покачала головой. Лэйр Ганц чуть оправился от потрясения и сам перешел в наступление:

– Знаешь, я действительно не смогу заменить Джерисона. Поэтому я и не могу стать твоим папой. Но стать другом, защитником, советником и помощником я могу. И мне бы хотелось им оставаться. Если ты позволишь.

– Но вы и так рядом с нами... разве нет?

– Все так. Но сейчас твоя мама вдова, и ее могут снова выдать замуж. И вот этого мы хотим избежать.

– За кого?

– За человека, которого выберет корона.

– А почему не за Ричарда?

– Потому что он принц. А твоя мама не принцесса... Ты уже должна это понимать.

– Я понимаю...

– Мири, пойми меня. Постарайся, пожалуйста. – Голос королевского представителя звучал мягко. – У меня никогда не было ничего своего. Никого, кто был бы мне дорог. Ни единого места, где мне хотелось бы остаться. Твоя мама создала это для меня – и я благодарен ей. Мне хочется помочь и защитить вас обеих. И твоего будущего братика или сестренку.

– Вы любите мою маму?

Лэйр Ганц замялся. Любит?

– Я не умею любить, Мири. Я не знаю, как это.

Миранда серьезно задумалась. А правда – как?

– Вы сможете жить без нее? Без меня? Без всего... этого?

Лэйр Ганц задумался.

– Смогу... Наверное.

Только вот чувство было такое...

– Наверное, смогу, но мир потухнет. Он станет серым и пыльным. Он станет... ненужным.

Миранда смотрела на взрослого человека перед ней. Сейчас она принимала свое первое взрослое решение. Самое первое.

– Если вы ее обманете – я вас убью.

Звучало достаточно забавно от маленькой девчушки, если не вспоминать, кто ее жених. Ганц сильно подозревал, что Амир подарит Миранде и десять голов королевских представителей – только дайте возможность.

– Я клянусь, что не обманываю ни ее, ни тебя. Я просто хочу защищать вас.

Миранда кивнула.

– Я принимаю вашу клятву.

Смешно? Может быть. Но сейчас за решением девочки стояло множество человеческих судеб. А может быть, решалась и судьба государства?

Кто знает, где и на каких весах взвешиваются человеческие жизни...

Прошло два месяца.

Приехала невеста Ричарда. По слухам – симпатичная. Лиля пока еще ее не видела. Гардвейг в торжественной обстановке подписал договор, почтил своим присутствием бал в честь этого события и уехал на родину.

Дела не ждали, а нога почти не болела.

Язва таки зарастала. Тахир надавал королевскому докторусу кучу советов и мазей, тот с благоговением принял их и попросил разрешения переписываться. Был одарен почтовым голубем...

Да и Гардвейг уверял, что обеспечит всем письмам графини по Уэльстеру «зеленый коридор». Он чувствовал себя намного лучше, так что... жить собирался еще лет десять.

Из Уэльстера написал граф Лорт. Обещал свою вечную благодарность за его величество. И вообще, графиня, у вас есть друг в Уэльстере.

Лилия написала ответное благодарственное письмо, но что-то, а ехать в Уэльстер она не собиралась. Ей и тут неплохо живется.

Вот еще бы с личной жизнью разобраться... нет, ну черти ее дернули то вино пить!

Сухой закон!

И никаких поблажек!!!

Следующего визита Фалиона долго ждать не пришлось. Маркиз явился буквально через два дня после отъезда уэльстерцев. Подарил роскошный букет – якобы Миранде. Поцеловал Лилиан руку. И предложил прогуляться по саду.

– Вы грустны, Лилиан...

Лиля опустила глаза.

– У меня есть причины и грустить и радоваться.

– И вы мне их откроете?

«А зачем бы я еще про них заговорила», – с раздражением подумала Лиля.

М-да, беременность началась, и пошел гормональный бунт. Следи теперь за собой, чтобы чего-то не ляпнуть.

– Разумеется. – Лиля чуть грустно улыбнулась. – Даже раньше, чем своему патеру...

– Заслуживаю ли я такой чести?

Игривый тон Лиля тоже не приняла.

– Откровенности вы, во всяком случае, заслуживаете. Я жду ребенка.

Фалион остановился.

– Н-но...

– Мы с моим покойным мужем были близки. Не по моей воле и один раз, но этого оказалось достаточно.

Фалиону понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя.

– Это замечательно. Вас можно только поздравить!

– Да, наверное...

Лиля спрятала усмешку, оценив иронию судьбы. Когда-то Эдоард подбросил своих бастардов Джайсу. Теперь Рик добавил своей крови в род Иртонов... красота! Еще пара поколений с такими наклонностями – и королевской крови в роду Иртон будет побольше, чем в королевской семье.

– И что вы намерены делать?

– Родить ребенка. Дождаться окончания траура. Выйти замуж.

Фалион чуть вздрогнул.

– И... вы уже определились за кого?

Лиля опустила ресницы.

– И его величество согласился?

– Надеюсь на это...

– Имя...

Лиля покачала головой.

– Простите, Александр. Пока все неопределенно...

Сильные руки легли женщине на плечи и развернули лицом к разъяренному маркизу.

– Имя, Лилиан!!!

Лиля даже не шевельнулась. Из кустов раздалось громкое «Кхе!».

Вирмане свою графиню оставлять одну с какими-то там маркизами не собирались. И ненавязчиво предупреждали о своем присутствии. Да, слов они не слышали, но жестов хватило.

Фалион медленно разжал пальцы. Его лицо снова стало невозмутимым. Исчезли все

эмоции, словно их водой смыли.

– Простите, Лилиан.

Бог простит.

– У меня вряд ли будет другой выход. Вы сами понимаете...

– Не понимаю. И не пойму никогда! Мне казалось, что вы и я, что мы...

– Казалось?! – Лиля все-таки сорвалась. – Александр, а что мы можем предложить друг другу? Не говорите мне о любви, скажите, какое место я займу в вашей жизни?! Почетной любовницы? Спасибо... перебыю! Несмотря на психические проблемы, ваша жена жива. И умирать не собирается.

Фалион весьма выразительно скривился:

– И вы готовы предугадать все на три года вперед? Так?

– Не так. Но и уверенности в том, что король согласится на наш брак, у меня нет.

– Верно. Не согласится. А вы?

– А что я? В моей воле только мечтать...

Фалион криво усмехнулся:

– Да неужели?

Лиля пожала плечами:

– Александр, я не могу себе позволить рисковать.

– И готовы лечь под кого угодно, чтобы сохранить имеющееся?

Щеки Лили вспыхнули.

– Я не давала вам права разговаривать со мной подобным образом, – отчеканила она.

– Когда вы блевали у меня на руках, вы о правах не думали. – Фалион сверкал глазами, но руки не распускал. Понимал, что вирмане ему голову оторвут.

– Полагаю, ваш визит окончен, – сказала Лиля и отвернулась.

Вот оно – то, о чем ее тоже предупреждали. Можешь быть какой угодно, но не показывай своей слабости. Именно в слабое место и ударят. Именно в него...

Больно? Нет. Просто противно.

Почему у прекрасного принца обнаруживаются столь неприглядные черты? И что тогда ждать от Ганца?

Лиле хватило выдержки, чтобы дойти до дома и пройти в свои покои с истинно королевским достоинством.

Разревелась она, только закрыв дверь на все замки.

«Чертовы гормоны!!! И вовсе это не любовь! И мне не больно!!

Я сказала – гормоны!!!»

Спустя два дня на стол Эдоарду лег доклад. Король пробежал его глазами и посмотрел на Ганца.

– Вот даже как...

- Да, ваше величество.
- И вы уверены?
- Более чем.
- Тогда пригласите графиню Иртон ко мне.
- Сроки, ваше величество?
- Сколько потребуется времени на подготовку?
- Хотя бы три дня.
- Значит, завтра. И учти, не справишься – казнь...

Ганц криво усмехнулся.

- Если я не справлюсь – и так умру, ваше величество.

Эдоард тоже усмехнулся.

- Ладно. Иди. – И дернул за шнурок колокольчика. – Где его высочество?
- У принцесс, – доложил секретарь.
- Немедленно ко мне!

- Графиня Иртон беременна, – сообщил Эдоард, пристально глядя на отпрыска.

Как ни хорошо владел собой принц, но тут он себя выдал. Дернулся, чуть побледнел – Эдоарду этого оказалось довольно.

- Рик... ты...

Принц поспешно схватил кувшин, плеснул отцу вина.

- Выпей.

Эдоард сделал несколько глотков и посмотрел на сына.

- Рассказывай.

Рик вздохнул.

- Ну... я даже не знал, что она...
- У вас было?

Рик опустил голову.

- Один раз.
- Когда?
- В ночь после смерти Джеса. Мы напились, ну и...

Эдоард выругался.

- Ты понимаешь, что это может быть твой ребенок?
- Полагаю, об этом надо спросить у графини, – ушел от ответа Рик.

Эдоард задумался. В принципе...

Лилиан Иртон не дура. Да, со странностями, но далеко не дура. Вполне возможно, что это ребенок Рика. Но если она об этом скажет...

Ребенок лишится всего, она сама станет изгоем... если она умна – она будет утверждать, что это ребенок Джерисона Иртона. И в определенном смысле этот малыш будет родней Джесу. Да, не сын. Но племянник.

Какая жестокая ирония...

– Прочти. – Он пододвинул к Рику доклад Ганца.

Принц пробежал его глазами. Посуровел.

– Вот это да... Когда?

– Завтра вечером. И ни днем позже.

– Тогда девочки...

– Девочки будут на твоей совести. Сам понимаешь, если что-то пойдет не так...

– А другого выхода у нас нет?

– Если бы... Лучше разрубить этот узел сразу, чем ждать невесть сколько с неизвестно каким результатом.

Рик выругался.

– Тогда у нас очень мало времени. Я пойду?

– Да. И постарайся действовать как можно осмотрительнее. Сам понимаешь.

Рик понимал.

Как же жестоко складывается жизнь... Альдонай, неужели это доля всех королей?

«Ваше сиятельство, прошу Вас сегодня приехать во дворец для приватной беседы.

Я буду ждать Вас в своем кабинете после захода солнца.

Лиля прикусила губу. Три строчки, а сколько в них всего. Тут и нервы, и силы, и...

– Лэйр Ганц не появлялся?

Секретарь покачал головой.

Отказывать королям не принято. Ехать? Обязательно. А ведь страшно.

Рука женщины машинально скользнула на живот, словно бы оберегая от окружающего мира.

Никому не отдам. Лучше сама сдохну. Мой ребенок. Моя частичка...

Хотя сдохнуть – это и не исключается. Если его величество догадается...

Нет!

Ребенок – Джерисона! Все. Обсуждение закрыто.

– Как только появится лэйр Ганц, пусть зайдет ко мне, – приказала Лиля.

Долго ждать не пришлось.

– Лилиан...

– Ганц, рада тебя видеть. Проходи.

– Вряд ли ты и дальше будешь рада меня видеть. Но выбора у меня нет. Мне пришлось раскрыть твой секрет.

– Королю?

- И не только.

- Кому еще?

- Лилиан... ты мне доверяешь?

- Насколько я вообще могу это делать. - Лиля пожала плечами.

В карих глазах лэйра притаилась глубокая грусть. Отчего?

- Лилиан... сегодня вечером должен развязаться последний узел.

- Какой?

- Тот самый заговор Ивельенов. Ты веришь, что они были единственными?

- Разве нет?

- О нет. Голову мы отсекли, но хвост остался. И от него родится новая змея.

- Такого не бывает.

- Лилиан...

Действительно ей о судьбах государства, а она о биологии.

- Что от меня требуется?

- Ты решишься рискнуть жизнью?

- Ганц...

- Это большой риск, но иначе... Мне пришлось надавить на все рычаги. Самолюбие, зависть, злость - я неплохо поработал. А если ты станешь частью приманки, я заарканю всех.

- Кого?

Ганц молчал.

- Не бойся причинить мне боль. Переживу.

Ганц посмотрел в зеленые глаза. Вздыхнул.

И назвал имя.

Дворец встретил графиню тишиной.

- Король приказал собираться, - пояснил Лиле сопровождавший ее лакей. - Двор переезжает в зимнюю резиденцию, в Лироталь.

Лиля поежилась. Часть придворных определенно уже там, потому и тихо. А его величество... удастся ли ей после этого разговора выйти из кабинета не под конвоем?

Страшновато... Но идти-то надо!

Лиля была внешне спокойна. Только пальцы сжимали четки из янтаря. Ну... они ведь не дрожат, правда?

В кабинете короля также находился Ричард, он стоял за креслом, в котором расположился Эдоард. Они ждали.

- Ваше величество. - Реверанс. - Ваше высочество. - Реверанс.

Мужчины смотрели без особой симпатии. Эдоард кивнул, позволяя Лиле встать.

- Графиня, рад вас видеть. До меня дошли слухи... Графиня, вы беременны?

«Корнет, вы – женщина?!» – вспомнилось Лиле. Однако сейчас не до шуток. Надо собраться, а то потом не соберут. Отрицать? Смешно. Это не бабка на лавочке, это же король. И информацию он получает из первых уст.

- Да, ваше величество.

- И от кого?

- От мужа, графа Иртона.

- Вот как? – Недоверие в голосе короля можно было на хлеб мазать. Оно буквально сочилось из каждого слова.

- Да. У нас с Джерисоном было один раз. Но этого, как видите, хватило.

- А ваша ночь с Риком?

- Ваше величество... – Лиля покраснела, но смотрела прямо. – Это вышло чисто случайно. Я была в горе, он был в горе, мы напились... Я сильно подозреваю, что между нами ничего и не было. Я точно ничего не помню.

- Это не может быть ребенок Ричарда?

Лиля замотала головой, как Лидарх – хвостом.

- Ни в коем случае, ваше величество.

- У графини потрясающе нестойкая память, – раздался тихий голос. Знакомый голос.

Лиля резко обернулась, шарахнулась к стене. А в кабинет короля медленно вошли шесть... нет, уже восемь человек.

Троих Лиля знала – Фалиона-старшего, Александра и его друга барона. Остальных видела впервые. Ну и пес бы с ними... Что это значит?

Кажется, она задала вопрос вслух, потому что в ее сторону поглядели все – с откровенным презрением и насмешкой. И Александр усмехнулся.

- Иногда ты бываешь такой душой, Лилиан.

«Ага, когда доверяю всем направо и налево». Вслух Лиля этого, конечно, не сказала. Не стоит злить людей, когда у них в руках мечи. И острые, судя по блеску.

- Это заговор, – спокойно пояснил Эдоард. – Я так понимаю, его остатки? Которые еще не успел проредить лэйр Ганц.

- Уже и не успеет, – усмехнулся Фалион-старший. – Сейчас он уже дает отчет Альдонаю.

Лиля что есть сил сжала четки. Ганц?! Неужели?! Боги, только не это! Еще один ее друг! Да чтоб вы сдохли восьмером! В интересной позе! Убью, если смогу!!!

Страх прошел под натиском ярости. Лилиан надменно вскинула голову. Мозг заработал, выдавая воспоминания.

- Ну да. Йерби же клялись, что за ними стоите вы, а никто не воспринял их слова всерьез.

- И напрасно, – усмехнулся Фалион. – Это действительно так.

- Это вы договорились с Ивельенами. Им корону, а вам что?

- Корону в перспективе, – спокойно ответил Фалион-младший. – Я должен был жениться на Сессилии Ивельен.

- А...

– А потом они просто постарались бы убрать Ивельенов, – пояснил Рик. – Что тут удивительного? Фалионы, кстати, в родстве с нашей династией.

Лиля скривилась. Ну да, две крысы способны договориться против кошки. Но, избавившись от внешней угрозы, они начнут пожирать друг друга. Так благородно...

– А чем эти господа оправдывают свое предательство?

– Помолчи, девка, – оборвал ее Тарни.

Лиля смерила его насмешливым взглядом.

– Какой храбрый мальчик, когда рядом со мной нет собаки.

Барон покраснел и брызнул слюной, обещая Лилиан кары земные, но графиня уже не смотрела на него.

– Я думала о вас лучше, Александр.

Странное дело, но Фалион-младший смутился.

– Я тоже думал о вас лучше, Лилиан. И даже увлекся... Но когда вы пошли по рукам...

Лиля вскинула брови:

– Что значит – пошла по рукам? Я спала только со своим мужем. А то, что собираюсь еще раз замуж, и кто бы меня осудил? Все законным браком, по благословению...

– Да неужели? А его высочество?

Сказано было с определенной издевкой. Лиля усмехнулась.

– А у нас ничего не было. Мы в ту ночь напились до положения риз. Или вы наивно думаете, что после шести бутылок вина он был на что-то способен?

Мужчины переглянулись, кажется поверив. Или примерив на себя. В любом случае пустые бутылки в покоях графа были, все их там точно не подсчитали. Так что все отрицать. А еще...

На предплечьях, в широких рукавах спрятаны два ножа. Если удастся достать – просто так ее не возьмут. Слава богу, ее не обыскивали при входе. А под платьем маленький сюрприз от лэйра Ганца. Тонкая кольчуга. Тяжелая, конечно, но лучше потаскать на себе десять килограммов, чем погибнуть во цвете лет.

– В любом случае ребенок мне ни к чему, – отмахнулся Александр.

– Тебе? – не удержалась Лиля. – А мне?

– На тебе бы я, может, даже и женился. Когда траур закончится.

Лиля фыркнула:

– Это ты уже после разоблачения Ивельенов решил? О, я просто таю от вашего благородства!

Она и сама не знала, зачем все это говорит. Но тянула время. И, судя по взгляду Эдоарда, брошенному на нее – короткому, острому, – она все делала правильно. Да и что ей еще оставалось?

– На самом деле все намного проще, – вступил Эдоард. – После смерти Ивельенов Фалионы поняли, что заговор провалился. Они только не знали, скоро ли выйдут на них. И ваша беременность, графиня, тут не важна. Разве что на самолюбие надавила этому сынку. – Небрежный кивок в сторону Фалиона-младшего. – А так... вы думаете, он планировал жениться? Вы – дочь ненаследного барона, почти купчиха, а его фамилия с королями роднилась.

– С козлами, – тихо процедила Лиля.

Нет, но было же, было между ними пару раз... что-то вспыхивало? В таком женщину не обманешь. Хотя данная коллизия еще в «Унесенных ветром» описана. Когда умом хотят одну, телом другую, а в постель ложатся с третьей. Ничто не ново под луной.

– Самым привлекательным в вас были ваши деньги. Но когда Фалион понял, что ему их не видать, он был в ярости. Заговор потребовал вложений, провалился, и хотя они пока чувствовали себя в безопасности, но...

– Ага. А женившись на мне, он получал возможность загрести и деньги Ивельенов, и Иртонов.

– Прозреваете, графиня.

Лиля вздохнула. Нет, влечение наверняка тоже было. Но что такое влечение, если речь идет о больших деньгах? Это у дам – любовь. У мужчин – бизнес...

– Но разве ваша служба...

– Нужны были доказательства, – вздохнул Эдоард. – Хорошие, крепкие... этим и занимался лэйр Ганц.

– И что они теперь планируют?

Мечи блеснули особенно ярко.

– Полагаю – убить. И нас, и вас, графиня. Может быть, оставят в живых девочек. И женятся.

– А почему они тянули? Не из-за меня же...

– Из-за Гардвейга.

Ну да. Гардвейг не понял бы. И Уэльстер – тоже. А новоявленному королю, кто бы он ни был, не нужна война с соседями. Однозначно.

– Но ведь Фалиона... герцога чуть не убили...

Под насмешливыми взглядами мужчин Лиля особо остро ощутила себя дурой. Еще бы! Конкуренты были и внутри заговора. И волчья стая рвет своих... Шальзе просто устранял конкурента, а потом списал бы все на бой, или на акул, или на Альдоная...

– Вы угадали, ваше величество, – усмехнулся Фалион-старший. – Мы, правда, не ожидали такого везения. Но...

Мужчины шагнули вперед. Ричард положил ладонь на рукоять меча. Рука Эдоарда скользнула под стол. Боги, почему здесь до сих пор нет маленьких арбалетов?!

Четки упали на пол, Лиля опустилась на колени, подбирая их, руки скользнули в рукава. Освобожденные ножи упали в ладони. Только бросай. А это она могла, еще как могла...

Ну пусть хотя бы двое поплатятся!

Жаль Миранду. Без матери останется. И детей Амалии жалко...

Мужчины с презрением посмотрели на ослабевшую женщину и забыли про нее.

– Эдоард, – бросил Фалион-старший, как никогда похожий на вяленую щуку, – сейчас ты напишешь отречение и дашь согласие на брак моего сына с твоей дочерью.

Эдоард усмехнулся:

– Он уже не женат?

– Вдовец, – с ухмылкой пояснил Фалион-младший.

– Жаль, что не наоборот, – прозвучал тихий голос. – Господа, предлагаю вам сложить оружие. Или быстро зарезаться самостоятельно. Иначе...

– Ганц! – выдохнула Лиля.

Действительно, это был именно он. Лэйр Ганц Тримейн. Вполне живой и здоровый, разве что в порванном плаще.

– Слухи о моей смерти слегка преувеличены, господа. – Лэйр улыбался. Нехорошо так, недобро... – Зато число моих людей преуменьшено.

В кабинет один за другим входили люди в скромных темных плащах, под которыми лазурью поблескивали мундиры королевской гвардии.

Звякнул об пол меч Рейнольдса.

Мужчины правильно оценили обстановку. Королевский кабинет просторный. Эдоард сидит за широким столом, быстро до него не добраться. Руки короля под столешницей, и что в них – неизвестно. Метательное оружие... так его еще достать надо. А Ганц прибыл вовремя. И его люди настроены серьезно.

Один за другим мечи с лязгом падали на пол.

Лилия вскинула голову и встретила взглядом с Александром. В его серых глазах была ярость, отчаяние, злость, ненависть, боль...

Это не красило графиню, но не ударить она не смогла. Обиженная женщина вообще благородством души не отличается.

– Предателям удачи не видать, – произнесла Лилия одними губами, почти неслышно, но четко и ясно.

Фалиона как плетью стегнули.

– С-сука!!! – взвыл он, кидаясь вперед.

Никто и не успел бы прийти на помощь графине Иртон. Но «Medice, cura te ipsum». Или, как шутили когда-то, – чего стоит медик, который сам себе не поможет?

Блеснул остро отточенный нож. Лилия кидала в бедро, мало ли – кольчуги никто не отменял.

Александр, может, и дотянулся бы. Но подломилась раненая нога. Лилия упала назад, чтобы ее не достали мечом.

Эдоард усмехнулся.

– Графиня, так вы еще и оружием владеете?

На Фалиона он уже не обращал внимания. Списанные люди, чего уж там.

Лилия грустно улыбнулась.

– Научилась вот... жить хотелось.

– И как бы вы это оружие применили?

Лилия взглянула на второй нож в своей руке, потом кое-как поднялась с пола. Размахнулась. Не сильно, но жест был четким, уверенным.

Клинок вошел в деревянную панель стены рядом с ухом Фалиона-старшего.

– А вот так. Все равно помирать, а за этого негодяя мне бы хоть часть грехов списали.

Эдоард улыбнулся.

– Да-а... вы действительно потрясающая женщина.

– А вы, ваше величество, меня проверяли.

Лилия даже не спрашивала. Утверждала.

Эдоард только руками развел.

– Уж простите, графиня. Сами посудите. Графиня Иртон – вы. Покушались – на вас. Амалии с родами помогли вы. Фалион-младший ухаживал за вами. Фалиона-старшего спасли вирмане, связанные с вами... одним словом – вы все время были рядом. Сегодня я убедился, что вы невиновны.

Лиля чуть поежилась. По спине пробежал холодок – а ведь могла бы и в Стоунбаг отправиться отсюда. И выйти оттуда вперед ногами. Могла бы... но кто предупрежден, тот вооружен и очень опасен.

– Да еще и ваша беременность...

Лиля зло сверкнула глазами.

– Ваше величество, я еще раз повторяюсь. Мы были пьяны. И вряд ли что-то получилось. А ребенок этот – от Джерисона. И я в этом где хотите поклянусь...

– Верю, – отозвался Эдоард после небольшой паузы.

Вообще-то он не верил, но... есть в этом какая-то жестокая ирония равновесия. Да и... троих своих внуков он уже приговорил. Должен же быть предел, тем более что опасности этот внук и не представляет. Как сын графа Иртона – он законный. Как бастард – вообще без всяких прав. И что выберет его мать?

Она ведь далеко не дура...

Лиля посмотрела на Ганца.

– Вы доложили королю о моей беременности.

Ганц пожал плечами. Он был откровенно доволен собой.

Честно говоря, копать под Фалионов он начал с признания Йерби. Но подозрения-то были, а с доказательствами – швах. Фалионы были умнее Ивельенов.

Да и маркиз Фалион откровенно крутился вокруг его подопечной. Ганцу приходилось прилагать уйму усилий, чтобы скрывать некоторые факты от его слишком внимательных глаз.

Совместные поездки, прогулки, ухаживания... все было невинно! Со стороны Лилиан Иртон – абсолютно невинно! Это видел Ганц, и это видел Фалион. Но и объяснить, как это выглядит в глазах света, у Ганца язык не поворачивался.

Если бы он не крутился ужом, то пресекая сплетни, то заставляя сплетников говорить совсем иное, – большая часть придворных поклялась бы, что Лилиан и Александр любовники. Ибо таких вольностей чужим людям не позволяют.

Лиля этого не замечала, но Фалион-то все понимал. И словно бы издевался над лэйром.

Близок локоток, да не укусишь.

Потребовалось много времени, чтобы осторожно подцепить новые ниточки, и получилась печальная картина. Фалионы и Ивельены. В случае удачи заговора Александр женился бы на Сэсси.

Что стало бы с его прежней женой? А нелюбимые и неугодные жены и раньше умирали. Она была жива, пока это было выгодно Фалиону. В случае ее смерти на него, как завидного жениха, началась бы охота, что создало бы ему массу неудобств.

Ганц одно время подозревал графиню, но изменил свое мнение. Просто каких-то вещей дочь купца не могла знать по своему положению, происхождению, воспитанию...

Все что мог – он сделал. Предостерег Лилиан и нанес свой удар.

Ганц постарался, чтобы новости были донесены до Фалиона в нужной ему манере. Спровоцировал герцога на удар – и получил свое.

Риска для короля не было – королевский кабинет имел потайной выход, и наверняка не один. Заговорщики отвлеклись бы на Лилиан, а король и принц могли бы ускользнуть.

Рисковали?

Будешь тут рисковать. Чтобы выжить, чтобы выполоть последнюю ядовитую траву. Но с королевской семьей все ясно. Они боролись за свой трон, свою власть, даже за девочек-принцесс...

А она, Лилиан?

А ей тут сейчас делать нечего, чтобы не возникло ненужных вопросов. Откуда у графини ножи, почему она не волновалась, что было между ней и Александром Фалионом – и так далее. Потом они с Ганцем придумают, что отвечать и как говорить. Потом.

Главное – теперь она может доверять ему еще больше. Не до конца, нет. Но очень и очень многое. Она ведь для него своя, а своих не выдают.

Лиля развернулась и направилась к выходу.

Больно. Больно осознавать, что прекрасных принцев не существует. Зато циничные сотрудники спецслужб способны на героизм, защищая свое. А принцев нет...

Эдоард наблюдал за ее уходом. И столько тоски было в этих опустившихся женских плечах, столько грусти...

Ганц не мог броситься за ней следом, не мог ничего сказать, не мог...

Служба.

Все-таки ему повезло с графиней! Если бы ему еще так же повезло с будущей женой!

Лиля и сама не знала, как добрела до кареты.

Голова болела, тошнило, ноги подкашивались...

Сегодня она уцелела лишь чудом. Ладно, сегодня она уцелела с помощью лэйра Ганца. Но Фалион... Мужчина, которому она настолько доверилась, что даже хотела...

Первый раз ее вывернуло наизнанку в коридоре. Лиля тяжело опустилась на колени. Как хорошо, что поблизости никого нет, сейчас она чуть-чуть отлежится, встанет, пойдет дальше, придет в себя.

Больно? Переживет. Не в первый раз.

Предали? Да, настолько жестоко предали и подставили впервые. Но... а что она хотела? Повелась на красоту? Золото, дворцы, принцы и герцоги, графы и маркизы, титулы и благородство...

Дура! Трижды, четырежды дура!

Там, где дворцы, – всегда смерть, грязь, кровь, яд... Или она думала, что сможет не замараться?

«Ты заигралась, девочка. Иртон был твоим местом. Столица – нет. Ты мечтала о многом, а что получилось?»

Больно. Очень больно.

«Ничего, я сильная, я справлюсь, я в очередной раз смогу убедить себя, что все правильно. Я сделаю вид, что все просто замечательно...»

Больно. В груди хрипели непролитые слезы.

«За что?!»

«А не за что? Ты выживала. Но забыла, что живешь среди людей. И послужила катализатором множества процессов. На твоей совести и кровь, и смерти – и ты надеялась легко отделаться? Не стоило забывать про законы равновесия».

Лиля кое-как вытерла рот платком, поднялась...

В карете ее стошнило еще раз. И не было рядом Фалиона...

«Александр! За что?! Почему все так случилось? Я не понимаю, чего тебе не хватало! Не понимаю!!! Ты ведь не подделывал чувства рядом со мной, ты был искренен. Так почему же...»

Лиля просто не знала, что там, где дело касается славы, власти, денег, меркнут любые чувства. Не у всех, нет. Но Фалион был как раз из таких людей.

Графиня Иртон сидела в карете и смотрела в никуда. По щекам ее катились слезы, и она не вытирала их. Слишком больно. Слишком тошно.

Дома ее встретили слуги.

Ужаснулась Марта, принялась хлопотать Лория, затрещали горничные – и Лиля послушно подчинялась их рукам. Выпила что-то теплое, улеглась в кровать и подумала, что будет до утра лежать без сна. Куда уж тут после таких развлечений!

И провалилась в тягостное состояние между сном и дремой.

А Ганцу Тримейну было не до отдыха.

Ему вот теперь пару месяцев разбираться с остатками заговорщиков. Хотя все и очень удачно получилось. Цели достигнуты, все задуманное выполнено, да и его величество доволен.

Да, с одной стороны, он подверг опасности жизнь монарха. С другой же... сильной опасности и не было. Эдоард в любой момент мог покинуть кабинет через потайной ход. А вот последних героев отловить надо было. Плохо другое...

Ганц вспоминал потерянное лицо Лилиан, ее опущенные плечи – и от тоски заныло в груди. Ныло, тосковало, не давало жить спокойно. И все свое недовольство он вбросил в работу. Чтобы уже с утра отчитаться по полной программе перед его величеством.

– Фалионы признались?

– Да, ваше величество. Изначально затеял это Ивельен. После нескольких неудачных лет ему катастрофически не хватало денег, были и неудачные вложения, и он решился. Да и... иметь такое оружие и не воспользоваться им – для этого Ивельен был слишком изворотлив.

– Ему это не помогло, – поморщился Эдоард. – Когда подключились Фалионы?

– Почти сразу же. На первом этапе. Кто-то же должен был дать денег. А Фалионы далеко не бедны...

– О да.

Эдоард довольно усмехнулся. Не бедны. И наследников у них – одна девчонка, которую вообще можно запихнуть в монастырь. Или лучше – выдать замуж, можно даже кое-что пожаловать в приданое, из того, что казне не пригодится. Вреда от нее быть не должно, а слухи о королевской жестокости лучше не плодить. Ладно, с этим потом разберемся.

– Изначально план был прост...

Ганц докладывал, король слушал, задавал вопросы, потом к ним присоединился принц и беседа затянулась на несколько часов.

– Скажи, что ты сам хочешь за такой труд? – спросил Эдоард в конце разговора. – Ведь

копал, старался, без тебя бы половину заговорщиков не выловили.

Бывают в жизни моменты, когда надо гордо не просить. Ибо сами предложат и сами все дадут. А бывают моменты, когда просить надо. Даже обязательно. Иначе дадут вовсе не то, что надо или что вам хочется. Запросто.

Ганц низко поклонился:

– Ваше величество, не смею докучать своими нелепыми просьбами...

– А если попроще? – поморщился Эдоард. Он устал и хотел лечь. Да и здоровье не железное.

– Ваше величество, разрешите мне просить руки графини Лилиан Иртон?

Удивление было ненаигранным. Что у Эдоарда, что у Ричарда.

– Вы всерьез, Ганц?

Ганц подумал, что Ричард немного задет – судя по выражению его лица. Ну и плевать. Отдавать Лилиан принцу он не собирался. Раз случилось – и хватит. Забыть, как не бывало.

– Да, ваше высочество. Я люблю ее...

– А графиня?

– Она любила мужа. Но я надеюсь составить ее счастье по истечении срока траура.

Эдоард хмыкнул. Вообще, такой вариант его устраивал по многим причинам. И Ганцу будет достойная награда, и Лилиан под присмотром, и Миранда... да и вообще – кто лучше Ганца обеспечит Иртонам и Ивельенам безопасность?

– Ганц, я не возражаю. Но...

Ганц напрягся. Всегда это «но»! Всегда! А мы все равно прорвемся! Он точно знает!

– Во-первых, срок траура – три года. И я даю тебе позволение ухаживать за графиней. Согласится она или нет, не знаю. Но если что – сам разбирайся. Во-вторых, ты лэйр, она графиня. Поэтому... у Рейнольдса, кажется, нет наследников? Будешь бароном. Считаю это моей благодарностью. И назначу тебя опекуном Миранды. Чтобы повод был...

Ганц вздохнул.

– Ваше величество, разрешите тогда просить о милости?

– О какой же?

– Назначьте опекуном Миранды саму графиню Иртон. А мне просто позвольте помогать.

– Закон...

– Лилиан Иртон – не обычная женщина, которая не видит дальше своего дома.

Король хмыкнул.

– Ладно. Сделаем так. Опекать их ты будешь. И графиню, и Миранду, и будущего ребенка. Но так, чтобы они об этом не знали.

Ганц низко поклонился. Это было даже больше того, на что он рассчитывал. И он станет бароном. Это много, очень много. Хотя и не вершина мечтаний.

– Ваше величество, с вашего позволения...

– К графине? Позволяю.

Ганц поклонился и вышел.

Ричард принялся расхаживать по кабинету.

– Отец, зачем?

Эдоард покачал головой, глядя на сына.

– А ты против? Понравилась?

Ричард чуть заметно покраснел. Понравилась, чего уж там. Хотя и была эта ночь недостойной, но была же, из песни слова не выкинешь. И Лилиан... в ней есть что-то необычное. Ричард не подозревал, что это отблески другого мира, другой личности, человека, который принципиально отличается от всех известных ему, но его тянуло к Лилиан.

– Рик, я не буду против, если у тебя появятся фаворитки, но не надо втягивать в это графиню.

– Я и не...

– Что ты можешь ей дать? Семью? Детей? Положение в обществе?

Ричард покачал головой. Все верно. Не может. Но...

– Дружбу. Участие. Понимание...

– Нет. Не тронь ее.

Ричард вскинул брови, и Эдоард счел нужным пояснить:

– Ты хочешь повторения моей судьбы?

Рик не хотел. Определенно не хотел. Он покачал головой.

– Тогда запомни. Сначала – государство. Фавориток у тебя может быть полк. Не важно. Такие, как баронесса Ормт, ничего не решают, ни на что не влияют, они неинтересны и никому не нужны. Да и тебе тоже. Жена не станет к ним ревновать, государство не покачнется, как это едва не случилось по моей вине. Сам видишь – это все из-за меня...

Ричард положил руку на плечо отца:

– Не надо. Ты ведь сам знаешь, что не виноват...

– Не утешай, не стоит. Надеюсь только, что Альдонай простит меня. А даже если и нет – заслужил. – Эдоард вздохнул. – Просто постарайся понять меня. Женщины, подобные графине Иртон, не должны быть вторыми. Она слишком умная для этого, слишком... женщина. Рано или поздно она начнет ревновать тебя...

– Джессимин не ревновала.

– Ревновала. И плакала часто. Я знал. А вот графиня Иртон плакать не будет, уж поверь мне, она найдет способ разобраться с тем, что ей мешает.

– Ты ее подозревал до последнего?

– А каких усилий Ганцу стоило сориентировать всех так, чтобы приход графини, заговорщиков и стражи практически совпал...

– Как ты мог доверять ей лечить себя, если подозревал?

Эдоард усмехнулся.

– Рик, когда я заболел, мне было ни до чего. Я почти умер. О Лилиан Иртон можно сказать многое, но спасала она меня вполне честно. А вот причины... они могли быть разные. Могла растеряться, могла ждать вашего возвращения, могла... да многое. Ты сам не задумывался – откуда у купеческой дочери такой характер и такие навыки?

- Август тоже человек неординарный.
- Не настолько же...
- И что теперь?
- А теперь я за нее спокоен. Ганц за графиней присмотрит.
- Он все-таки только барон...
- Это вопрос времени и заслуг перед короной. И вообще, служивым нужно видеть, что есть чего еще добиваться.

Ричард кивнул:

- Я не трону графиню. Обещаю.
- Не надо обещать. Просто сделай.

Лилиан расчесывала волосы, когда служанка доложила:

- Ваше сиятельство, лэйн Ганц просит принять.
- Пригласите. Прямо сюда.

И принялась меланхолично укладывать челку. Злитесь она на Ганца или не злитесь, а выглядеть надо хорошо. Разве нет? Хотя злости Ганц и не заслужил. А вот благодарность... И все же не получается быть благодарной до конца, хоть тресни. И вспоминаются серые глаза Фалиона...

Лэйн Ганц вошел быстрыми шагами. Лилия невольно отметила и круги у него под глазами, и усталый вид... опять не выспался.

- Как ты?
 - Омерзительно. Знаешь, я до конца не верила, что Фалион...
 - Ты его все еще любишь?
 - Нет. Просто противно, когда тебя предают.
 - Ты позволишь? - Лэйн Ганц взял расческу и принялся проводить по длинным густым волосам Лили. - Клянусь, я ничего не подстраивал.
 - Я знаю, ты просто подтолкнул...
 - Чтобы нарыв прорвался в нужное время и в нужном месте. У меня такая служба. Нас ненавидят, но выбора нет ни у меня, ни у остальных. Мы защищаем нашу родину...
 - Наша служба и опасна и трудна...
 - Именно. Это стихи?
 - Да.
 - А дальше?
- Лилия удовлетворила его любопытство и прочитала стихи до конца.
- Насчет родных - это в точку. Откуда эти стихи?
 - Не знаю. Забыла.
 - Лилиан, нельзя так открыто демонстрировать свои умения и навыки. Ладно я, но могут ведь сопоставить и другие. Ты уже не в захолустье, ты в столице...

И Лиля сорвалась.

– В столице?! Да вот у меня где ваша столица!

Руки что есть силы ударили по туалетному столику, к счастью, тот оказался стойким. Ганц вздохнул. Раз начала – дальше будет легче, главное было пробить эту стену отчуждения.

– Не хочу я здесь оставаться, не хо-чу!!! Кругом грязь, гадость, обман, предательство, подлость! Убийцы в Ирhone хоть честнее были. Им платили – они делали. А здесь?! Детей и тех не жалеют!!! Ненавижу все это!!! Ненавижу!!!

Руки Ганца легли на плечи Лили, развернули – и она уткнулась лицом в его рубашку, выплакивая все, что накопилось. В другое время она бы сдержалась, смогла себя пересилить, но не сейчас, когда беременна и нервы не дружат с головой.

Ганц гладил длинные золотистые волосы, приговаривая всякие глупости. Но наконец истерика прекратилась – и Лилиан чуть отстранилась.

– Я испортила тебе рубашку.

– Обычно мне их портят другим способом. Мечи, кинжалы, кровь...

– Это твоя работа.

– Кто сказал, что я хочу посвятить ей всю оставшуюся жизнь?

– Судя по вчерашнему? – Лилиа хлюпнула носом и приподняла левую бровь. Получилось не особенно иронично, но доходчиво.

– Вчера... я так рад, что ты поверила мне и помогла...

– Приятного было мало.

– Лилиан, ты чудо. Но ты совершенно не интриганка. Ты думаешь, для тебя была хоть малейшая опасность?

– Разве нет?

– Я знал, что минуту ты за себя постоять сможешь. А больше и не надо было. Я весь дворец набил гвардией. Стоило чему-то пойти не так – и...

– А оно пошло так? Объяснить не желаешь?

Ганц желал. Вздохнул и начал издали:

– Еще в Ирhone покушения на тебя выглядели нелогичными. Всех тянуло то в одну, то в другую сторону – уже тогда я заподозрил нескольких человек. В том числе, кстати, и твоего покойного мужа.

Лилиа фыркнула, но промолчала.

– Потом, когда я начал разматывать ниточки... пару раз меня едва не убили. И я решил затаиться. Что ты отобьешься, я и не сомневался. Мне оставалось подождать твоего визита в столицу и тогда посмотреть, кто и чего желает. Ты преподнесла мне Йерби на блюдечке.

– Что с ними, кстати?

– Умерли.

Лилиа передернуло.

– Не от моей руки. И я не отдавал приказ. Я хотел побеседовать с ними. Но отца удавили в камере, а сын отравился. Ты не знала?

И знать не хотела.

– Тогда я понял, что против меня играет кто-то высокопоставленный. Кто же? Йерби назвал Фалиона. Но... старший был в отъезде. Младший же принялся вертеться вокруг тебя.

– И?

– Ты умница. Но ты совершенно не умеешь хранить тайну. Если ты доверяешь – ты даже не задумываешься, поэтому я держал подозрения при себе. Наблюдал, делал выводы. Фалион богат, и даже очень. Знатен, приближен к королю – зачем бы ему эти игры? Когда вскрылся благодаря тебе заговор Амалии, я второй раз подцепил Фалионов. Александр щедрой рукой давал деньги своим прихлебателям. И Рейнольдсу, и еще нескольким, а те не жили на широкую ногу, не играли, не имели содержанок. Куда шли финансы?

– На заговор?

– Наемники, оружие, они готовились ударить. У меня не было другого выхода. Я понимал, что они нанесут удар, и готовился.

– И сам его спровоцировал.

– Нет.

– Неужели?

Доверия в голосе Лили не было ни на грош. Однако Ганц не оскорбился. Не до того сейчас.

– Лилиан, ты относилась к Фалиону как к другу. Даже больше, я ведь видел, что вы увлечены... он тебе признавался в любви?

Лилиа кивнула. Не совсем так, но ведь было. Женщина всегда знает, если мужчина к ней неравнодушен.

– Как ты думаешь, он оставил бы тебя без присмотра?

Лилиа сразу все поняла.

– Кто?!

Ганц пожал плечами:

– Один из слуг Алисии. Не важно кто. Он уже умер.

– Ты?

– Нет, – порадовался Ганц этому переходу. – Не я. Фалион при последней встрече. Когда услышал про твою беременность, ударил, и слуга неудачно упал.

– Горлом на кинжал?

– Виском на камин. Часть информации Фалиону шла от меня. Например, о твоей беременности и о том, что ты согласилась выйти замуж по выбору короля.

– И это его...

– Оскорбленное самолюбие – страшная вещь. Он тебе симпатизировал, возможно, даже любил, искренне считал себя подарком для любой женщины – и ты так легко отказываешься от его чувств. Даже побороться не пыталась.

– За место любовницы?

– За это место тоже боролась.

Лилиа фыркнула.

– Я поняла. А теперь подробнее.

- Один из моих коллег смог втереться в доверие к заговорщикам и представился им сочувствующим. Пообещал, что поможет устранить короля, задержав его в замке, и намекнул, что их заговор скоро раскроют.

- Поверили?

- А кто бы не поверил? Мы были очень убедительны.

- Ганц, я все сделала, как ты попросил, но все-таки хочу спросить: я обязана была присутствовать при аресте заговорщиков?

- Нет. Ты присутствовала, потому что я так решил.

- Что?!

Лилиан сверкнула глазами так, что едва не треснуло зеркало, но Ганц был покрепче. Он невинно улыбался.

- Я пришел к выводу, что так будет лучше для всех. Лилиан, а ты сама не поняла, сколько вызываешь подозрений? Ты - графиня Иртон, от тебя идет поток нововведений, на тебя покушались...

- Так не я же! На меня!

- Как ты говоришь? То ли он украл, то ли у него украли, но была там какая-то история?

Лиля pokrивилась. Научила... на свою голову.

- Вот. Сейчас же с тебя сняты все подозрения. Более того, ты совершенно вольна в своей судьбе.

- Пока меня не выдадут замуж за одного из сторонников короля?

- Не выдадут.

- Почему же?

Ганц вздохнул. То, что он сейчас собирался сказать... Не надо бы! Альдонай, как же не хотелось! Но он уже достаточно изучил эту женщину. Если ее лишить свободы, она начнет сопротивляться. Поэтому единственное, что он может сделать для нее и для себя, - отпустить. И подождать.

- Потому что его величество решил поженить нас.

Лиля горько усмехнулась.

- Так вот, Лилиан. У нас еще три года. Решение его величества важно, но не является определяющим. За это время мы обязательно что-нибудь придумаем, обещаю. Если захочешь - я помогу тебе тайно уехать из Ативерны. В Уэльстер, в Ханганат... Ты сама решишь.

Лиля смотрела в карие глаза - и понимала, что он сейчас не лжет. Ни ей, ни себе.

- Почему?

- Потому что...

Ганц указал на окно. Там, за стеклом, танцевала бабочка.

- Это - счастье. Схвати его, сожми в ладонях и посмотри, сколько останется. Я хотел бы быть счастливым с тобой, но не по принуждению. Не хочу так... лучше пусть будет потом, честная сделка с кем-то другим. Не хочу быть хозяином.

- Я уже дала тебе слово...

Мужчина подошел вплотную, опустил на колени, заглянул Лиле в глаза.

- И что? Я возвращаю его тебе. У нас теперь есть время и возможность что-то изменить.

За три года утечет много воды. К тому же ты совершенно не умеешь лгать. А вот Эдоард хорошо знает людей. Не бойся. Я обещаю вас защищать. Буду приезжать время от времени, чтобы никто ничего не заподозрил, ты позволишь?

Лиля невольно кивнула:

- Разумеется.

- Ты спокойно родишь ребенка, а через пару лет... Мы посмотрим, как лучше поступить.

- Ты правда pomoжeшь мне бежать?

Лиля внимательно вглядывалась в лицо Ганца. Только вот видела там одну усталость и тоску. Опять только на службе короля, опять один – отпуская из ладоней мечты и боясь уничтожить что-то очень хрупкое в своей душе...

- Когда ты скажешь и куда ты скажешь.

- А что будет с тобой?

- Я справлюсь.

И это убедило ее лучше всяких слов. Если бы он сказал, что король разгневается, если бы хоть намекнул...

Он справится. И точка.

Лиля вздохнула.

- Оставь меня одну, Ганц. Мне надо подумать, как-то все это пережить...

- Вы не сказали нет, графиня... – Теплые губы коснулись руки Лили. – Не прошу прощения за свою выходку. Я его не заслужил. Только прошу понять...

Ганц поднялся с пола, поклонился и вышел. Лиля проводила его взглядом.

Три года траура? Так тому и быть! Отпустят в Иртон – хорошо. Нет – можно и тут в затворницу поиграть. Она запустит свой модный дом, будет жить, воспитывать детей, радоваться жизни... может, еще в кого и влюбится?

Ганца Лиля не любила. Нет, она его ценила как друга, соратника, просто умного человека, но любовь в ее романтическом понимании... Ромео и Джульетта, Эдоард и Джессимин, Лонс и Анелия – романтических героев можно припомнить много, так же как и завершение их романов. Такой любви между ними не было.

Так что же в итоге – пустота? Так могут сказать только люди, которые не мыслят себе жизни вне мексиканских сериалов. А есть ведь и другая. Сотни пар сначала заключают союз, а потом уже присматриваются, учатся доверять друг другу, налаживают быт – и такие семьи оказываются стократ счастливее «безумно влюбленных». Получится ли у них с Ганцем нечто подобное?

Лиля не знала. Но почему бы не попробовать?

В любом случае жизнь движется своим чередом. Поживем – узнаем, а если доживем – то и увидим...

Глава 8

Взгляд в будущее

Открытие модного дома «Мариэль».

Сплошной восторг. Восхищение в глазах дам, кавалеров, вышколенные слуги в ливреях, разносящие напитки в красивых витых бокалах, предметы роскоши, изящные стеклянные цветы, которые дарятся при входе каждому посетителю...

И хозяйка салона – высокая, светловолосая, в темно-зеленом платье, отделанном кружевом такой цены, что это невольно переводит его из траурного в бальный наряд. Лилиан уже на седьмом месяце беременности, но это ничуть не мешает ей. Нет ни токсикоза, ни дурацких пигментных пятен, ни каких-либо осложнений. Наоборот – она бодр и весела. Только яблок все время хочется... железа не хватает?

Возможно.

Но пока беременность развивается нормально. И даже не слишком заметна. Полнота и полнота, кому какое дело? Кому надо, те знают. Кому не надо – пошли к Мальдонае!

Лиля ответила на учтивый поклон очередной графини, заметила мимоходом, что к голубым глазам и темным волосам пойдет аромат жасмина – флакончики в левом углу зала, там же можно получить образцы – надушенные веера. Поклонилась престарелой герцогине, мимоходом отметила, что та в кружевных митенках, и сообщила, что есть потрясающие шляпки с вуалью, вашей светлости очень пойдут... Светлость вполне воодушевилась.

– Ваше сиятельство – это восторг.

– Барон, – обрадовалась Лиля. – Надеюсь, вы сегодня с супругой?

Авермаля она была рада видеть всегда. Он был памятью о тех днях, когда Лиля, только оказавшись в этом мире, училась выживать. И он, пусть даже слегка против воли, оказал ей поддержку.

– О да, графиня. Она отправилась полюбоваться на ваши чудеса из стекла.

– Разве это можно назвать чудесами? Вы нам льстите, барон!

Чудесами Лиля считала не витые цветы и животных, нет. Не роскошные бокалы и громадные зеркала. Чудесами были линзы, и они позволяли получить микроскопы и телескопы. Пока еще эта наука оставалась в ведомстве альдона, но так оно и лучше будет.

Лиля уже не рвалась прогрессорствовать напролом. Этот мир был более терпимым к новшествам, а церковная и светская власти здесь старались сотрудничать. Поэтому пусть новые знания будут пока под рукой альдона. Кроме медицины.

Но все остальное – только в церковь. Техническое развитие не должно опережать морально-этическое. От изобретения микроскопа не так далеко до интереса к бактериям, а потом и до биологического оружия какая-нибудь тварь додумается. Пока на земле есть войны – будут и подобные... умники.

Поэтому все согласились – пусть будет ограничение знаний. А спустя сколько-то лет, возможно...

– Графиня, возможно, вы разрешите приехать к вам завтра, поговорить о делах?

– Разумеется, барон.

Официальный траур продолжался, но Эдоард королевской милостью разрешил ей принимать гостей, хотя и не всех, далеко не всех. Лиля не настаивала. Меньше народу – больше кислороду.

Да ей и не хотелось никого видеть.

Работа, работа, опять работа – кто сказал, что от депрессии помогают пилюли? Лучше двадцатичасового рабочего дня средств еще не придумали! Когда падаешь, выматываешься так, что голову поднять сил нет, и забываешь обо всем.

И призраки не беспокоят.

Джерисон Иртон.

Иногда Лиля размышляла, как бы сложилась ее жизнь, будь Джес другим. Если бы любил, заботился, ценил жену, а она все равно оказалась бы в этом теле. Тогда не было бы ничего. Не надо ехать на ярмарку и нанимать вирман, не надо спасать, помогать, работать – надо просто вживаться и не показывать своих знаний. Не было бы ни мастерских, ни конвейерного производства, ни противовеса гильдиям – заводских школ. Пока таковая была только одна, в Тарале, но с перспективой на расширение. Лиля просто жила бы и ни о чем не заботилась. Могла бы и влюбиться, и детей родить...

Как бы это было?

Неизвестно.

А с другой стороны – не был бы Джерисон такой равнодушной к жене дрянью – Лилиан-первая не умерла бы в Иртоне и ее место не заняла бы Лиля. А значит, никто не спас бы Лонса Авельса, не узнал про Анелию Уэльстерскую, безвестно сгинувшую на просторах континента, и никто не всыпал бы в бокал Джерисона роковую порцию яда. Мы сами свиваем себе петлю, но так любим обвинять в этом других!

По-своему Джерисон был не так уж и плох. Единственное, что его губило всю жизнь, – отрицание женского разума. На этом он погорел с леди Вельс, на этом он погорел с принцессой. Да и с самой Лилиан...

Теперь уже что случилось, то случилось. От Джерисона на земле осталась Миранда. И девочка вырастет замечательным человеком. Выйдет она замуж в Ханганат или нет, это еще бабушка надвое сказала. Да и в гареме судьба может сложиться по-разному. Были неизвестные девушки, которые не оставили следа. Но была же и Роксолана? И еще несколько других... Имена Лилия не помнила, но ведь женщины правили государством, пусть и из-за спины супруга.

Так что ее дело вырастить Миранду этакой суперманей. А что она выберет для себя в итоге – ей виднее.

Пока девочка была без ума от Амира. Принц недавно отправился в Ханганат, но, видимо, дал указания посольству. Мири каждое утро одаривали цветами и сладостями. Может, все у них еще и будет хорошо?

Любовь...

Вот Фалион говорил, что любит ее. Ганц не утаил от нее протоколы допросов, и она убедилась, что Александр правда ее любил. Насколько мог.

И именно поэтому сорвался. Решил, если не ему – то никому. Любовь? Да любовь ли это? Или просто желание загрести все себе, – и побольше, побольше? Любовь самоотверженна и готова отдать все. А вот такое чувство – захватить, застолбить свое место – пусть им занимаются поэты. Пишут о муках ревности, о неразделенном чувстве собственника, о трагедии утраты... Лилия точно знала, что к любви оно не относится.

Ганц был уверен, что Лилия не пострадает, поскольку сам спровоцировал Фалиона. И маркизу хотелось получить Лилиан Иртона в свою власть, чтобы поиздеваться. Да если и не получить – она была выгодна. А кто убивает курицу, которая может нести золотые яйца?

Вот Эдоарда и Ричарда – да, убили бы, но после подписания отречения. Надо же сделать хорошую мину при плохой игре. А Лилиан оставили бы в живых. Возможно, побили бы, изнасиловали, но убивать не стали бы. А такое точно не проделаешь в королевском кабинете. Не до пощечин обманщице, когда на кону и жизнь и королевство. Разве что

так – словесно пнуть, понаслаждаться ужасом... что и произошло, а проводить экзекуцию – некогда.

Сейчас, по прошествии времени, все виделось отчетливо и ясно. Ганц разрушил ее чувство к Фалиону. Холодно и расчетливо. Подставил маркиза и играл на его самолюбии. Простить? Она не простила и не забыла. И доверять этому мужчине она сможет только до определенного предела. А раньше было иначе?

Никогда не появится человек, которому она расскажет о другом мире, никогда не появится тот, кто поймет до конца, – и это неудивительно.

Она не лучше и не хуже окружающих, она другая. Как белая ворона или животное-альбинос в стае – всю жизнь она будет выделяться, и, если даст слабину, ее уничтожат. А что у нее внутри, что в душе – это останется при ней. Детям и внукам она когда-нибудь расскажет сказки про другой мир. Просто сказки на ночь...

И возможно, эти дети будут от Ганца.

– Графиня...

– Барон...

Легко на помине, сто лет жить будет. Ганц поклонился. Присутствующие дворяне посмотрели с разными выражениями, но равнодушных не было.

Уже не лэйн, уже барон. Получив титул за раскрытый заговор, Ганц не остановился на этом. Лилия на свою голову рассказала ему о криминалистике, об отпечатках пальцев, специальном угольном порошке, о запахах, об их сохранении, ну а истории про Шерлока Холмса он слушал вместе с Мирандой, и с таким же вниманием.

В результате король назначил Ганца главой своей тайной милиции – название подсказала Лилия. И дал задание – создать службу практически с нуля. Справится – получит титул графа. Нет? Тогда не получит. И вообще может скоропостижно умереть от чахотки. Или несварения железа в желудке. Одним словом – даешь Скотленд-Ярд!

Есть ведь здесь и отравления, и убийства... ладно, самым близким аналогом службе Ганца, наверное, была полиция Людовика Четырнадцатого под руководством де ла Рейни. Да, сразу не объять необъятного, но начинать с чего-то надо.

И если бы в свое время смерть принца Эдмона расследовали честь по чести и Амалия убедилась бы, что ее отец отравил ее мужа, – разве стала бы она мстить? Разве завертелась бы эта кровавая карусель? Теперь уже не узнать. Поэтому Ганц работал день и ночь, подбирал сотрудников, налаживал сеть осведомителей, создавал почти с нуля то, что в принципе невозможно создать в одиночку.

Так что Ганца не любили – факт. Но боялись и уважали.

А ему все было безразлично. У него было все, что нужно для... скажем так, для выращивания счастья.

Любимое дело, у истоков которого он стоит, может быть, через тысячу лет его вспомнят именно за это.

Титул и положение в обществе. Он уже не просто королевский представитель без земель и титула, он – барон. А справится – станет графом, а там можно и о герцогстве помечтать, если уж очень захочется.

Любимая женщина.

Любимая? Сложный вопрос. Ганц не мог сказать, что он безумно любит Лилиан Иртон. До страстного мычания и звезд в глазах. Такого не было.

Было желание погреться у огня, найти тепло, найти семью, была привязанность к Роману и Джейкобу, к Миранде... Или чувство вины?

Возможно, и то и другое заставляло его возиться с детьми, родителей которых он...

в случае с Джерисоном не сумел спасти, в случае с Амалией – уничтожил. Все равно – его груз, его вина. И отдать этот долг можно только заботой.

А то, что ему это нравилось и заставляло мечтать о временах, когда он возьмет на руки своего сына или дочку, – так что в этом плохого?

Не любовь, нет. Но понимание своего, родного, как маленький зеленый росток на пепелище – разве этого мало?

Ганц твердо был уверен, что страсть, искры из глаз, сцены, ссоры и скандалы, ревность и упреки – это хорошо для любовницы. А дом – это тихая гавань. Пристанище. Уют и покой.

Кому-то нужно другое, так что ж. Люди разные, а вот он нашел, что искал.

Ему нравились спокойные вечера в поместье Алисии, нравилась сама Лилиан Иртон – еще с первой встречи, нравился даже возможный тесть...

С Августом они, как ни странно, легко нашли общий язык.

Оба – трудоголики, оба профессионалы в своем деле, обоим хочется тихого семейного уюта, к тому же у Августа дело, которое надо защищать, а Ганц в этом профессионал. Ну и что еще надо?

Август, кстати, собирался жениться. На вдовствующей графине Иртон.

Алисия светилась от счастья, за что двор переделал ее прозвище на «влюбленная гадюка». Придворные шипели и исходили ядом, но кому было какое дело? Хватало уже и того, что его величество благоволил графиням Иртон и дал свое разрешение на брак.

Эдоард так толком и не оправился от истории с заговором. И, глядя на него, Лиля понимала, что года три-четыре, и все, больше он не протянет. А Ричард...

С Ричардом отношения были сложные.

Его невесту Лиля обожала. Этаким темноволосый кудрявый обаятельный бесенок – озорная, шальная, очень добрая девчушка. Улыбка до ушей, глаза сверкают, а язык задает до ста вопросов в минуту. Ответов не требуется, требуется доброта и улыбка. Ее полюбили все. И Анжелина, и Джолиэтт. И даже сам Ричард – увы, как племянницу, сестру, но не будущую жену.

Он и Лилиан несколько раз тайно встречались в покоях Джерисона, сидели у камина на той самой старой шкуре... слуги сохраняли там все в том же состоянии, как и при жизни хозяина. Встречались, иногда молчали, иногда разговаривали, потягивали вино – и казалось, что ничего между ними не происходит.

Или происходило?

Что могло бы вырасти из этих искорок, если дать им пищу? Пламя любви? Степной пожар, поглотивший бы остатки спокойствия в стране?

Они не знали.

Иногда обменивались особым, всепонимающим взглядом – и молчали. Лучше промолчать.

У Ричарда есть невеста, у Лилиан есть жених – ну, во всяком случае, она позволяла Ганцу так думать, – и не надо будить уснувшее. У них разные дороги.

Что случится, если они позволят себе... шагнуть навстречу друг другу?

А ничего хорошего.

Ативерна полыхнет – принц не должен жениться на купчихе. Пусть даже и графской вдове, хоть какая она была бы заслуженная, а нельзя!

Уэльстер полыхнет. Гардвейг, хоть и благодарен за лечение, хоть и пишет что ни неделя,

а такого оскорбления дочери не простит.

Война...

Ричарда, скорее всего, убьют – и безвластие.

Лилиан же... или отравят, или зарежут.

Поэтому Лилия приезжала в гости к Алисии, а поздно вечером, когда дворец затихал, выскальзывала из ее покоев и шла в комнаты бывшего мужа. Сидела рядом с Ричардом, даже не касаясь плечом, глядела в огонь – и каждый думал о своем. Или об одном и том же?

– Лили, все просто очаровательно!

Анжелина. Уже почти взрослая, как же быстро растут чужие дети.

– Ваше высочество, вы сегодня ослепительны.

– Спасибо. А ты знаешь, что отец начал переговоры?

– И о чем же?

– У короля Ивернеи куча сыновей... а раз через Лидию породниться не удалось, то можно нас выдать туда замуж.

Лилия усмехнулась:

– А вы как к этому относитесь, ваше высочество?

– Не знаю... но, наверное, там интересно? Ты к нам зайдешь завтра?

– Разумеется.

– Отлично. И я хочу еще послушать про барона Холмса... мы ведь все записали, теперь надо проверить и печатать...

– Обещаю зайти... кстати, книжки тут тоже есть. Посмотрите?

– Где?

– На втором этаже выставка в малом зале. Вас проводить?

– Нет... я сама найду.

Лилиан посмотрела вслед Анжелине с грустью. Дети вырастают. Девочек, наверное, выдадут замуж в Ивернею, чтобы укрепить союзы. Авестерцы бесятся, но сделать пока ничего не могут. Слишком у них рыло в пуху после того заговора.

Лидия пишет... Забавно, но в новом облике Лидия стала просто очаровательна, и отбоя от кавалеров у нее не было. Принцесса решила съездить в гости в Уэльстер. Раз уж Гардвейг приглашал... Что и осуществила. И вот уже два месяца жила там, а письма из-за границы приходили весьма любопытные. Ее высочеству сильно понравился граф Лорт. И судя по некоторым намекам принцессы: «Этот наглый чурбан! Ничего не понимающий мерзавец!! Глаза б мои на него не глядели!!!» – граф ей даже больше чем просто нравился. Забавно, но характер графа Лидия разносила в щепки в каждом письме. А вот про физические недостатки и не подумала упомянуть. Видимо достаточно натерпевшись в юности от придворных красавиц и красавчиков, она перестала обращать внимание на внешность и сосредоточилась на внутреннем мире. И не просто так мир конкретного графа вызывал у нее отторжение и словоизвержение, ох не просто...

Мир постепенно приходил в равновесие. Еще не счастье, но уже покой и надежность, которых так не хватало Лиле с момента ее появления в этом мире. Лилия работала, играла с детьми, ужинала в кругу семьи, выслушивала кучу поучений от патера Воплера, спорила с вирманами и мечтала когда-нибудь поплыть за горизонт, туда, где встает солнце и рождается новый день.

Ведь может же быть в этом мире своя Америка?

Должна быть!

- Ингрид, могу тебя поздравить с девочкой.

Вирманка улыбнулась Лилиан Иртон.

- Девочка? Правда?

- Да. И прехорошенькая. Как назовешь?

- Лилиан.

- Путаться будем.

- Ну и что? Я так хочу!

За два года, прошедшие с приезда в столицу Ативерны, женщина сильно изменилась. Не внешне, нет. Ингрид по-прежнему была очаровательна, как принцесса из сказки. А вот характер проявился в полной мере. Он всегда был – не просто ж так скромная домашняя девочка решила выйти замуж за первого встречного и бежать с ним, – но за время самостоятельной жизни вне Вирмы окреп и развился. Ингрид нельзя было назвать мегерой, вокруг Лейфа она обвивалась плющом, но слуг строила, даже не повышая голоса.

Лилиан, в отличие от вирманки, осталась прежней. Разве что еще немного похудела. В зеркале отражалась дама пышных форм, весьма симпатичная и умело подчеркивающая свои достоинства. О втором подбородке было забыто раз и навсегда, жировую массу сменила мышечная – и роды тут только помогли. Гормональный баланс пришел в норму и Лилия с удовольствием улыбалась своему отражению.

Около года назад она родила мальчика. Джайс Алексис, граф Иртон был уменьшенной копией своей матери. От золотистых волос до зеленых глаз. Ребенок, хвала богам, был полностью здоров. Вполне бойко лопотал на своем птичьем языке, осваивал новое, да и вообще развивался чуть ли не с опережением для своего возраста. Играл с Романом и Джейкобом, таскал за хвост собак и громко ревел, когда у него резались зубки.

Сына Лилия... обожала. И это мягко сказано.

Впервые взяв на руки этот теплый, отчаянно орущий комочек, она ощутила ребенка частью себя. И готова была все сделать, лишь бы ему было хорошо.

Залюбить, заласкать...

Ребенка вовремя перехватила Ингрид. Она как раз отняла от груди своего первенца – Сигурда и предложила Лилиан приглядывать за обоими детьми. И в результате младенец избежал избыточной любви и гиперопеки, что пошло ему только на пользу.

Лилия с радостью бы занималась ребенком круглосуточно, но... кто ж даст-то?

Модный дом «Мариэль» в этом году отмечал второй день рождения, книгопечатание активно развивалось, пастеры и пасторы активно осваивали технику гравюры, в замке Тараль производство развернулось так, что замка уже не хватало и приходилось кого-нибудь переводить оттуда, кроме того были еще слушатели медицинских курсов – так Лилия называла про себя первое поколение детей, взятых ею на учебу. И если начальную базу начитывали и Тахир, и Джейми, то практические занятия в первой открытой ею больнице для бедных проводили кто только мог. Даже она сама старалась лишний раз поработать там.

В Лавери открылась первая больница имени графа Иртона. Сама Лилия в жизни бы не поименовала больницу в честь мужа, но положение обязывает.

Да и Рик просил о таком названии.

В прошлом году Ричард Ативернский таки женился на своей принцессе. Роскошная свадьба, очаровательная невеста вся в белом и бриллиантах, улыбки, цветы, сплошное счастье... А Лиля чувствовала себя так, будто у нее украли что-то дорогое. Ей будет не хватать их редких ночных посиделок.

Ан нет, через пару месяцев после свадьбы Алисия пригласила Лилиан во дворец.

Матушка (теперь уже баронесса Брокленд, а вовсе даже не графиня Иртон) была сильно недовольна. Но напрасно, ведь ничего не было. Просто посидеть у камина, просто поговорить о всяких пустяках... это много или мало?

Наверное, очень много.

Ганц, кстати, знал об этих поездках. И уже в третью напросился вместе с Лилиан.

– Я просто побуду во дворце. А если что – мы вместе навещали вашу мать. Все.

– Ричард...

– С его высочеством я сам поговорю.

И ведь поговорил.

Посиделки не прекратились, нет. Но Ричард как-то вскользь упомянул, что Ганц – настоящий мужчина. Так отстаивать женщину, которая тебя не любит...

С этой поры Ганц провожал Лилу, дожидаясь ее утром... и Лиле казалось иногда – оглядывал ее намного пристальнее.

Зря. У них ничего не было. Вообще ничего. Просто разговоры, просто чувство близости...

Беда Ричарда была в том, что он остался один.

С детства рядом с ним были Джерисон и Амалия, потом один Джерисон. Девочки – малы, друзей у королей не бывает, любовницы готовы хоть на крышу залезть, лишь бы свое урвать – и это не о любви. О деньгах, благах и титулах.

А сейчас Ричард остался один. Эдоард умирал. Лилия подозревала, что после заговора Ивельенов у него все-таки случился микроинфаркт, и опасалась рецидива. У королей работа нервная, и молоко им за вредность не выдают...

Ричард нуждался в человеке, который не станет искать выгоды в отношениях с ним, не будет видеть в нем короля, просто станет другом. Выслушает, поймет и не предаст. И на эту роль Ричард выбрал Лилиан Иртон.

Не свою жену – увы. Спору нет, она хорошая, добрая, веселая и милая девочка, но глубины ей недостает. Или это пока по малолетству?

Лилия когда-то тоже не могла похвастаться особой чуткостью. Жизнь настучала по голове. Резко и качественно. Кровью пришлось платить не ей, но чужие могилы всю жизнь на душу давить будут.

И близнецы, которые уже называют ее мамой...

Сейчас она приходила в себя. Она еще расправит крылья, еще взлетит. Но позже.

А пока – дом, дети, работа... и Ганц, который все чаще оказывается рядом.

Бежать из страны Лилия и не собиралась. Отлично понимала, что прятаться придется всю жизнь. А она не сможет. Это не американское кино, где убийца бодро притворяется подсвечником, а невеста – дворецким. Это – жизнь.

Она не сможет не работать. Да и... куда она от всего этого табора?

За прошедшее со смерти мужа время Лилия так выросла в Лавери, что даже в Иртон возвращаться было страшно. Да и незачем. Один раз съездила, посмотрела...

Иртон оживал.

Соляной промысел, янтарь, рыба разной засолки, всякие поделки вроде вязания и шитья, спокойствие и достаток. Эмма не воровала, Тарис оставил вместо себя весьма толкового управляющего, и в деревнях на Лилю только что не молились. Голода здесь больше не знали. Да и замок был вычищен, подновлен, где надо, радовал глаз новыми укреплениями и стеклами в окнах.

Уют и спокойствие. Как же это отличалось от грязного свинарника, в котором когда-то она очнулась...

Но приезжать сюда Лиле не хотелось. Может быть, в старости...

И тянулись дни, сливаясь в недели и месяцы...

– Лилиан, можно?

Ганц постучался, потом вошел. Лиля кивнула, мол, проходи, не отвлекаешь.

Ганц хоть и считался ее женихом, но с вниманием не лез. Они по-прежнему были друзьями, они понимали друг друга с полуслова, они отлично работали вместе... даже всерьез не целовались. Гуляли под руку, Ганц периодически целовал ее в щеку – но и только.

Настоящий джентльмен.

И Лиля не могла для себя решить – раздражает ее это или вызывает уважение.

Тем более что монахом Ганц не жил. От своих людей Лиля знала, что он два раза в неделю навещает одну милую даму. Вполне приличную и чистоплотную. Разведка донесла Лилиан, что он сразу предупредил женщину, что не стоит рассчитывать на что-то большее, чем недолгие и взаимоприятные отношения.

По борделям не ходит, и на том спасибо. Да и вообще... Ганц был рядом, да. Но не вместе и не вместо. Он просто был.

Не лез в ее дела без просьбы, не навязывался, не... И может быть, это было самой правильной тактикой. «Чем меньше женщину мы любим...» Лиля не могла сказать, что любила, но иногда она ощущала себя этакой собакой на сене.

– Рада тебя видеть. Что случилось?

– А что-то должно случиться?

– Если у тебя такое лицо? Безусловно!

Ганц вздохнул, устроился в кресле, не спрашивая налил себе морса из графина.

– Лилиан, я только что от короля. Его величество этак ненавязчиво поинтересовался, не собираемся ли мы пожениться.

– Срок траура еще не окончен, разве нет?

– Я отговорился тем же. Но когда-то же он закончится. Поэтому вопрос: ты собираешься бежать – или остаешься? И если остаешься – то с кем?

Лиля вздохнула.

Да, был у них такой разговор. И может, поэтому Ганц не идет на сближение? Что не твое, то легче отпускается, разве нет?

Бежать? Куда и зачем?

Здесь – все. Вросла она в эту страну, в этот город, вжилась, корнями вцепилась... и все реже вспоминалась та жизнь, до аварии, и все ярче становились картины этого мира.

- Остаюсь, конечно. Ты же сам видишь...

Ганц видел. И все же оставлял один процент из ста на женскую придурь.

- Тогда второй вопрос. Если ты не согласна на свадьбу со мной – придется подобрать подходящую кандидатуру.

Лиля коротко рассмеялась.

- Согласна, не согласна... Ганц, думаешь, я не знаю, кто от меня кавалеров все это время отваживал?

Ганц вскинул брови. Ну отваживал. Но старался действовать незаметно, чтобы графиня не узнала.

Лилиан насмешливо улыбалась.

- У меня есть свои источники информации. А знаешь, почему я не возражала?

- И почему же?

- Потому что, если я нужна человеку, он бы не испугался. А если нет – то на кой пес этот человек мне?

Ганц уважительно присвистнул. Такого поворота он не ожидал. А ведь мог бы помнить, всегда надо было бы помнить, что эта женщина непредсказуема. И логика у нее совсем другая, не такая, как у остальных женщин, которых он встречал ранее.

- И?

- А ты сам-то уверен? – Теперь взгляд зеленых глаз давил вполне ощутимо, каменной плитой на плечи мужчины. – Ты уверен, что тебе нужна такая жена, как я? Или попытаешься стать хорошим мужем? Отнимешь все дела, запрешь дома с вышиванием, заставишь рожать детей каждый год...

Ганц от души рассмеялся. Весело, со вкусом, встряхивая головой...

- Лилиан, что за чушь?

- Все вы хорошие, пока мужьями не стали, – огрызнулась она.

- Ну хочешь – заключим договор? И гарантом послужит его высочество?

- Да хоть бы и его величество. А ты согласишься?

Ганц улыбнулся.

- Конечно. Ты же сама понимаешь, что с меня причитается за криминалистику. И судебную медицину. Да много за что... мое состояние уже сейчас превышает состояния большей части нашего дворянства, разве что земли не хватает, но это мы вместе можем наверстать. Не суть важно. Не нужны мне ни твои дела, ни твои деньги. Пусть все уйдет детям. Хочешь – Мири, хочешь – Джайсу, и опекунами назначай кого пожелаешь...

Лиля тряхнула головой.

Ганц не лукавил. За последнюю пару лет, пользуясь советами и помощью Августа и Тариса, удачно вкладывая деньги и сильно не рискуя, Ганц значительно увеличил свое состояние. Деньги ему не нужны. Ее свобода – тоже. Но...

- Договор? Отлично... Я попрошу секретаря. Пусть займется.

- А мне тогда дашь на подпись. – Ганц улыбался уже спокойнее.

Согласилась.

Все было не зря. Она согласилась.

Да, Ганц и сам приложил много усилий. Эту пару лет он честно отгонял от богатой вдовы охотников за приданым и тех, кто желал погреть руки на ее деле. Кого-то пугала его должность, кого-то – статус, кого-то – вирмане, из которых в его ведомстве был сформирован отряд, использовавшийся для силовых акций. Отряд быстрого реагирования, вот как...

Часть вирман патрулировала море, часть работала на суше, менялись раз в полгода.

И работы хватало, видит Альдонай. А без советов Лилиан Иртон ему было бы намного сложнее. Она могла сказать такое, что ему только и оставалось сидеть и чесать затылок – как же раньше-то никто не догадался? А могла не знать простых вещей.

Она полностью доверяла своим близким – и в то же время была болезненно не уверена в себе. Она с трудом допускала людей в ближний круг, но тех, кого уже допустила, берегла пуще золота, повторяя Миранде, что главное богатство – люди. И девочка во всем соглашалась с матерью.

Да, Миранда...

– Мири я сам скажу, ты не возражаешь?

Лиля покачала головой.

– Как хочешь. Но я думаю, что она не будет против.

Оставшись без отца, Миранда принялась инстинктивно искать адекватную замену. Джейми молод, Тахир слишком стар, Ричард – принц и не может уделять малышке достаточно времени, Эрик часто выходит в море... одним словом, выбор пал на Ганца. Он не возражал. Сколько вечеров они с Мирандой провели за обсуждением приключений барона Холмса...

Ганц врос в этот дом и эту семью, и если уж ему дали возможность остаться...

Про их давний разговор Лиля не знала, а мужчина и девочка молчали, оберегая свой маленький секрет.

– Я подпишу любые документы и буду беречь тебя и всех наших детей. Обещаю.

Лиля послала Ганцу улыбку.

Она сомневалась, что было, то было, но волков бояться – сразу утопиться.

Ганц медленно, словно боясь спугнуть, подошел к Лилиан, протянул руку.

– Ты позволишь?

Лиля взглянула на раскрытую ладонь. Кончики пальцев мужчины чуть подрагивали. Страх? Возбуждение?

Лиля помедлила и вложила свои пальцы в узкую ладонь мужчины. Ганц потянул ее к себе, заставляя приподняться с кресла, чуть приобнял за плечи и коснулся губами губ. Легко-легко, совсем невесомо, но вполне уверенно.

«Ты мне доверяешь?»

«Я попробую тебе довериться».

«Ты не пожалеешь».

А потом отстранился и вышел.

Лиля опустилась в кресло. Совершает ли она ошибку? Альдонай знает. Жаль, что сообщить не удосужится. Ладно. Время покажет...

– Ты выходишь замуж. – Ричард констатировал факт. Не ругался, не злился...

Лиля пожала плечами. Та же шкура, камин, два бокала вина – и серые глаза напротив. И почему он когда-то не понравился? Из-за красоты? Из-за сходства с покойным мужем? Из-за дружбы с Джесом?

Кто поймет женщину – может рассчитывать на нобелевку. Эх, не был бы ты принцем...

– Да. Ты против? Или твой отец?

Ричард покачал головой.

– Отец доволен. Ему уже надоели просители.

– Просители?

Ричард насмешливо улынулся.

– Лили, милая, а ты думала, что все в жизни так просто? Ты молода, очень красива, богата, знатна... к тебе и герцоги сватались.

– Ко мне?

– Приходили к отцу, если бы он дал согласие...

– А ко мне прийти не судьба была?

– А их мнение женщины не очень волновало.

Лиля зашипела. Ричард рассмеялся. Он откровенно наслаждался ее реакцией. Такой живой, естественной, искренней – так себя мог вести только Джерисон. Но он рос рядом, видел не принца, а человека – и Лилиан тоже видела в нем человека. И не скрывала этого.

Общаться на виду у всех они не могли – графиню мигом записали бы в фаворитки и принялись плести интриги. Да и при дворе ей бывать не стоило из-за траура, и так нарушений хватало. И жена принялась бы ревновать... Ричард вздохнул.

Жена.

Милая, обаятельная, веселая, счастливая... нет, он не поступит как отец. И будет верен своей супруге. Слишком дорого королевству пришлось платить за любовь Эдоарда.

Поэтому они с Лилиан просто друзья. И не больше. Хватит и подозрений, что ее сын – их сын. Но только подозрений. Даже когда он спросил – Лилиан все отрицала, и Ричард был ей за это благодарен.

– Я выйду замуж за Ганца. А время покажет, хорошо это или плохо.

– Надеюсь, он будет отпускать тебя ко мне и впредь.

– Он обещал не быть тираном. – Лилиа чуть грустно улыбалась.

– Я присмотрю за этим.

И, глядя в серые глаза, она не сомневалась – присмотрит.

– А я буду приезжать, когда ты позовешь.

– Да и траур скоро закончится... будешь бывать при дворе?

Лиля так замотала головой, что косой чуть не задела принца.

– Не хочу!!! Гадючник!!!

– Уж кто бы мне шипел, – притворно обиделся Ричард.

– Да я белая и пушистая!

– А больше похожа на черную и чешуйчатую.

– Вот, а еще будущий король! И так о женщине! – Лиля надулась.

Ричард рассмеялся, поймал кончик ее косы и несильно потянул.

– Зато о какой женщине.

Играл в камине огонь, бросая на лица отблески и превращая их в загадочные маски. И могло почудиться, что это сидят не двое друзей, а двое влюбленных. Беззаботный смех, легкие прикосновения...

Наваждение? Или просто мудрость огня, который показывает скрытое?

– Дитя Альдона, Ганц Тримейн, барон Рейнольдс, согласен ли ты...

Альдон Роман сам венчал пару, из особой любезности к невесте. Сколько прошло времени с тех пор, как он впервые увидел Лилиан Иртон? Тогда женщина бросилась на помощь графине Марвел... кстати, супруги Марвел тоже здесь. Графиня улыбается и вполне здорова и телом и духом.

Много воды утекло, многое изменилось. Торговая марка «Мариэль» (дочь купца навсегда ею и останется, что уж там...) гремела по всему миру. Графиня распоряжалась полученной прибылью так, что альдон даже иногда ей выговаривал. Незачем столько всего устраивать для простонародья.

Ан нет. И больницы для бедных, и приюты, в которых каждый мог получить кров и пищу на три дня, и школы – громадное количество планов, каждый из которых тщательно рассмотрен, обсчитан и будет претворен в жизнь в порядке строгой очереди...

Губы произносили заученные слова благословения, а альдон вспоминал один из последних разговоров. Лилиан Иртон (даже если она еще три раза замуж выйдет, все равно останется для него Иртон) настаивала, чтобы он направил послушников в школы. Пусть обучают слову Альдона детей, ну и заодно чтению, риторике, может, и заграничным языкам...

Да и в больницы не худо бы направлять послушников, а то и пасторов. Когда слово Альдона лучше всего доходит до человека? Когда жизнь постучит его поленом по голове – тогда и дойдет. Крепенько так... и вообще, им надо смирять грех гордыни, надо помогать людям – вот и пусть помогают! Место, где люди больше нуждаются в помощи, найти сложно.

Дорого обходится? Так свои же деньги тратит, не чужие!

Альдон выслушал согласие невесты и привычно благословил и ее.

Брак этот... Видно же, что не двое влюбленных стоят перед алтарем. Нет. Соратники, единомышленники, друзья – как ни назови, но не влюбленные. Не горит у них в глазах той любви, что он наблюдал между государем и его второй женой. Зато есть взаимопонимание. И поддержка. С Ганцем альдон тоже частенько общался и сказать мог только одно. Этот человек жизнь готов положить ради Ативерны. Предан королю, как пес, теперь и Ричарду, работать будет до смерти...

А все равно хорошая будет пара. Иногда достаточно понимания и поддержки. Остальное приложится со временем.

Молодые обменялись браслетами и под руку направились к выходу из храма.

Поздравления, цветы... сегодня король дает в их честь бал во дворце. Эдоард просто подчеркнул, что благоволит этой паре, – и кто бы из придворных после этого посмел выказать свою неприязнь?

Молодые открыли бал танцем, а на второй танец Лилиан пригласил Ричард, ее высочество пригласила новобрачного, подчеркивая, что благоволение идет от всего королевского семейства.

Лиля танцевала, улыбалась, старалась не ударить в грязь лицом...

А поздно вечером в спальне, когда Ганц коснулся ее щеки и сказал: «Не бойся. Хочешь, я уйду?» – Лиля покачала головой. И первая коснулась губами его губ.

Спустя два часа она стояла на балконе и смотрела на звезды. Те ласково подмигивали с небосвода.

Как мужчина, Ганц ее не разочаровал. Наоборот – порадовал. Она такого не ожидала.

За Ганца последние два года каких только девиц не пытались пристроить. Даже одну дочь герцога. Брак по расчету с главой королевской милиции считался весьма и весьма престижным и полезным для семьи. Барон, не стар, бездетен, безумно богат, обласкан королем... Да за такого обеими руками хватаются! Еще и зубами придерживают!

Но увы. Всем щучкам королевского двора пришлось умерить аппетиты. Ганц твердо заявил, что его женой может стать только одна женщина – ее сиятельство, если согласится.

На радость или на беду – она теперь жена Ганца. Она никогда не доверится ему до конца, но будет его женой, родит ему детей... и будет счастлива!

Вопреки всему и вся!

Счастье – это ведь не наличие золота или бриллиантов, не африканские страсти и не громкий титул.

Кому-то просо попадается крупное, кому-то жемчуг мелкий...

Счастье – это состояние души. Недаром же отец, еще в том мире, говорил: «Хочешь быть счастливой? Будь!»

Она – будет.

Работа, дом, семья, дети... Ричард?

Они друзья и ими останутся. А впрочем... Кто-то может сказать, что готовит судьба?

Лиля еще раз подмигнула любопытным звездам и ушла в комнату. Спать, девочка. Завтра будет новый и счастливый день.

Обманутым пловцам раскрой свои глубины! Мы жаждем, обзрев под солнцем все, что есть, На дно твое нырнуть – Ад или Рай – едино! – В неведомого глубь – чтоб новое обрести!

Эпилог

Лиля пробежала глазами список, поморщилась и подписала его. М-да, расходы резко возросли, но юбилей ведь!

Пятьдесят лет, круглая дата, ровно через месяц. По такому случаю Лиля решила собрать всех друзей и родных в поместье под Лавери. Теперь уже своим поместье.

Да, пятьдесят лет... столько воды утекло...

Женщина бросила взгляд в окно. В сгустившихся сумерках на стекле отчетливо проступало ее отражение. Годы оказались милостивы к графине. Седина в светлых волосах почти незаметна, легкая полнота осталась, но очень удачная. Как раз та, которая позволяет женщине перейти к облику обаятельной пышечки, а не сморщенного абрикоса. Морщин почти нет, и даже зубы удалось сохранить. Кроме зубов мудрости, но, положим, она еще тридцать лет назад знала, что не мудрая.

Умная, да. Но житейской мудрости ей Альдонай не отсыпал.

М-да... Вросла, вжилась, даже вместо бога или богов поминает Альдоная... И сложно было не вжиться. Лиля откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза, повертела в пальцах золотое перо.

Она вспоминала.

Примерно четверть века назад она вышла замуж за Ганца Тримейна и стала баронессой. И не прогадала.

Нельзя сказать, что у них все было безоблачно, но семнадцать счастливых лет Альдонай им подарил. Ганц вырастил и выдал замуж Миранду, договорился о помолвке Джайса, подарил ей троих детей...

Два мальчика и девочка. Все уже взрослые, кое-кто уже женат, и Лиля скоро в очередной раз станет бабушкой.

Миранда, вышедшая замуж в Ханганат и ставшая любимой женой, подарила семерых внуков. Она бы и больше родила, но Лиля прямо-таки угрожала и требовала. Промежуток между родами – не меньше двух лет! Нечего превращаться в родильную машину!

Амир немного пофырчал, но смирился. Гарем он содержал, но как же без него? Люди не поймут! И даже пользовался этим гаремом. Ему привозили и дарили невольниц, а он потом передаривал их тем, кого хотел наградить. Было большой честью получить девственницу из гарема Хангана... ну и ценность тоже немалая, туда второй сорт не подсунут. Миранда немного ревновала, но старалась держать себя в руках.

Она обещала Лиле приехать с младшими детьми. Надо же дать Амиру немного отдохнуть от семьи...

Джайс. Сын, радость, солнышко, зайнышка и два метра обаяния, женат вот уже четыре года – и можно сказать, что брак удался. На дочери графа Лайшема, причем разница в возрасте у них лет десять. Марион милая девочка и, что самое главное, ради своего мужа готова в огонь и в воду. Джайс тоже ее любит и изменять не собирается. У них уже двое детей, но Марион подумывает о третьем.

Но это старшие дети. Они явно пошли в родителей и рано обзавелись семьями. Дети от Ганца совсем другие. И пока никто не женат и не замужем.

Старший сын от Ганца, Томас, Томми...

Он же барон Тримейн (баронство Рейнольдс по прошествии времени переименовали). Наследный и вполне довольный своей жизнью. Рьяный продолжатель дела отца. Иногда так и тянет подарить ему трубку и кепи, благо сказки о бароне Холмсе разошлись по королевству и пользуются большой популярностью. Их даже ставят бродячие артисты и показывают на ярмарках. Можно сказать, народное признание. И все же он скорее

талантливый одиночка, чем организатор и управляющий. Эти способности вполне проявляет второй сын. Барон Август Брокленд, также наследный. Говорят, имя не определяет судьбу? Скажите это Августу-младшему, который не вылезает с верфей, стараясь построить на них чуть ли не космический корабль. И на море его так же укачивает, как и деда, как и мать.

Хотя внешне оба сына похожи на Ганца. Сыграла же природа шутку с генами.

Дочка. Алина. Младшая. Любимый и обожаемый всем семейством бесенок с зелеными глазами и темными локонами. Красотка и вредина.

Придворные кавалеры уже строят ей глазки, но шестнадцатилетняя хитрюга вертит ими, а выбрать пока никого не выбирает.

Лиля не заключала помолвки, отлично понимая, что с таким состоянием ни один из ее детей непристроенным не останется. Тут уж скорее стоит вопрос, как отсеять охотников за приданым.

Трое детей, двое с титулами, малышка получит поместье после ее смерти и весьма нескромную сумму сразу.

В дверь поскреблись, и внутрь просунулся любопытный носик Алины.

– Мам, ты очень занята?

– Ужасно.

– Ужасное занятие или ужасно, что я тут?

– И то и другое. Так что тебе надо от престарелой мамы? – насмешливо поинтересовалась Лиля.

– Мам, меня завтра пригласили покататься верхом. Я возьму Лидарха?

– Нет. Ташлаха – и никаких разговоров. Лидарха я тебе не доверю, он пока еще слишком бестолковый.

– Ну ма-а-ама-а-а...

В ребенка полетела подушечка с кресла. Алина тут же замолчала и исчезла за дверью.

– Между прочим, это Роман Ивельен! – донеслось из-за двери.

– Все равно бери Ташлаха, – огрызнулась Лиля.

Увы, Лидарх Первый умер почти десять лет назад. Возраст штука такая, ему подвержены все. Лиля тогда жутко горевала, пока Амир не прислал в подарок жеребенка – копию ее друга. Только маленькую. Лиля тогда растрогалась до слез.

Интересно, Роман Ивельен проявляет к девочке серьезный интерес – или так, дурака валяют? Джейкоб уже женат, а Роман все никак определиться не может... почему бы и правда не Алина?

Благо близнецы выросли хорошими людьми. И хорошо, что правду о родителях им никто не расскажет.

Лиля перебрала конверты, лежащие на столике.

Бумага. Ее дело. Ее подарок этому миру. Белая, зеленоватая, с гербами... сейчас ее делают уже на нескольких фабриках. И крестьяне продают туда и коноплю, и лен, и крапиву, неплохо зарабатывая на этом. Или выплачивают ими часть оброка.

Бумага, потом книгопечатание – сколько они провозились с литерами и тушью, сейчас даже вспомнить страшно. И разумеется, школы и больницы. Именно туда уходит львиная доля ее средств. Конечно, альдон ее во всем поддерживает – да и как не поддержать?

Кенет Воплер – человек благодарный. А еще он видит, что ее идеи не несут зла.

Альдонам Кенет стал лет семь назад, после смерти альдона Романа. И принялся активно вбивать в головы священников мысль, что если они служат Альдонаю, то должны помогать людям. И начать надо с больниц. Со школ. И монастыри... Женские вообще разогнать! Пусть учатся раненым помощь оказывать да идут в больницы для бедных. Если десять лет там прослужат – естественно, не бесплатно, – могут выйти на свободу и жить как хотят. Не все, конечно, некоторых вообще надо бы на цепь посадить. Но идеи нашли отклик среди церковников.

Он тоже будет на празднике. С сыном. Марк вымахал настоящей громадиной, а еще активно помогает Августу-младшему на верфях.

Там же окопались и вирмане. А уж что они преподнесут на день рождения – даже подумать страшно. Лейф и Ингрид, которые обзавелись уже не только восемью детьми, но и пятнадцатью внуками, решили не возвращаться на Вирму, и Лейф переквалифицировался из капитанов в корабель-испытатели. Доиспытывались до того, что построили настоящую каравеллу, и самые отчаянные сорвиголовы из вирман (в том числе и Эрик, не утративший с возрастом прыти) отплыли искать новые земли.

Восемь лет назад, да...

Тогда произошло нечто страшное. Открыли Америку. То есть континент Алилен, как называли его местные жители. Смуглые, черноволосые, чертовски похожие на индейцев... и едва не повторившие их судьбу.

Они были богаты и не верили в Альдоная. Совсем.

Тогда, восемь лет назад...

– Лилиан, это новые земли! Это несметные богатства! – Ричард, чуть постаревший к сорока годам, но по-прежнему симпатичный, мерил шагами комнату.

– Ричард, нельзя так! Нельзя! Как ты не понимаешь? От таких идей недалеко и до полного истребления. А что? Это же не люди, они не верят, а в результате что убить поросенка, что прикончить ребенка – все будет одинаково. И будут костры, и кровь... останови это, пока не поздно!

Время оказалось милостиво к Лилиан Иртон. В золотых волосах не заметна седина, лицо не покрыла сеточка морщин, а зубы все так же белы. И не скажешь, что эта женщина родила четверых детей. Ричард теперь точно знал, что старший, Джайс, его сын. Трое младших от Ганца... Как его сейчас не хватало! По важному заданию Ричарда Ганц сейчас был в отъезде, на границе с Уэльстером. Супруги Тримейн счастливы в браке более пятнадцати лет, и Ричард был искренне рад за них. Он и Лилиан друзья – и пусть она тоже будет счастлива.

– Мы же не будем их убивать. Просто присоединим их к Ативерне и будем учить...

– Да не нужно им наше учение! Наоборот, мы можем сделать только хуже! Как ты не понимаешь?!

В дверь тихо постучали.

– Ваше величество, к вам альдон Роман.

– Пусть войдет!

Изрядно постаревшего альдона Романа сопровождал патер Воплер. Кенет стал более серьезным, глаза грустные и ясные, на лице прорезались морщинки, но старость не согнула его плечи. А все, кто оказался рядом, ощущали его ауру внутреннего равновесия.

Ему почти нечего желать. Власть? Он личный помощник альдона и, скорее всего, станет следующим альдоном. С такой-то поддержкой, как два короля, грех не стать. Деньги? Давно ушли в прошлое те дни, когда он считал медяки и думал, чем накормить сына. И сын – Марк – радость своего отца.

Марк целыми днями пропадал на верфях Августа Брокленда, сопровождая старого корабеля и перенимая секреты мастерства. Август сильно сдал с тех пор, как эпидемия унесла его обожаемую «гадюку», и сейчас передвигается только в инвалидном кресле. Увы, есть вещи, над которыми человек не властен.

– Ваше величество...

– Можете вести себя свободно, Роман. Здесь все свои.

– Ричард, это великое открытие. Эрик прислал весточку, и мы сейчас должны решить, что с ними делать. Мои люди готовы плыть туда и нести свет Альдоная...

– Нет!!! – отчаянно вскрикнула Лилиан, схватившись рукой за горло.

Перед глазами у нее стояли индейцы, загнанные в резервации. Вырубленные леса. Погубленная земля, лишенная тех, кто сроднился с ней, пустив в нее корни.

Императив «нет веры – нет души – не человек». Из него и вырастали такие мерзости, как фашизм, нацизм...

Мужчины обернулись к ней. Не то чтобы они собирались прислушаться к эмоциям, просто... Вдруг Лиля скажет что-то важное? Именно она говорила, что за океаном есть земля, именно благодаря ее трудам туда смогли доплыть, она дала морякам компас, карты...

– Поймите, – уже спокойнее заговорила Лиля, – если мы сейчас бросимся насаждать там свою религию, они будут сопротивляться. Надо сделать так, чтобы не мы пришли к ним, а они к нам. И они сами попросят. Сейчас мы будем восприниматься как насильники. Потом – как просветители.

Альдон вскинул брови.

– Ребенок тоже жалуется на горькое лекарство.

– Речь идет не о глупом ребенке. О народе. Вы же не станете переубеждать ребенка, отнимая у него игрушку. Вы покажете другую, ярче, интереснее, и он сам ее возьмет. С радостью и пониманием! Добро насильно не впихнешь!

– И что вы предлагаете?

– Я читала письмо Эрика. Он скоро будет здесь, в Лавери. С женой, принцессой того континента. Ее зовут Тиаль. Почему бы нам не показать ей всю красоту наших стран? И не направить с ними в обратный путь патеров и пасторов – но умных, осторожных, тех, кто сумеет рассказать о нашей вере так, чтобы это было... привлекательно? И это будет первым шагом. А потом мы сможем дать многое! Стекло, фарфор, бумагу, шелк, коней... Да найдется и что дать, и что взять! Но лучше, если мы будем союзниками! Ричард, пойми! – Лиля в волнении заходила по комнате. – Мы можем взять силой. Но Ативерне такой кусок не по зубам. Даже в коалиции с Уэльстером. А если государств будет больше двух – начнутся проблемы, склоки, ссоры – нам мало Авестера? Или Эльваны? Вы ведь умные, вы это сами знаете.

Мужчины призадумались. Все так. И проблемы, и кусок, и...

На континенте сейчас семь государств. Ативерна, Уэльстер, Ханганат, Ивернея – коалиция. Эльвана, Авестер, Дарком – вторая коалиция. Но между Уэльстером и Иверней отношения своеобразные. Ивернейцы до сих пор не простили замужества принцессы Лидии. Тем более – такого. Тайного, с побегом.

Зато графиня Лорт была просто счастлива, о чем и сообщала Лиле в письмах и при встрече. Родила шестерых детей и была довольна своей жизнью.

Между Ативерной и Иверней тоже были трения. Замужество Лидии царапнуло ее братьев. А вот если бы на ней женился Ричард... Далее понятно.

Да и Уэльстер с Ативерной, с тех пор как умерла жена Ричарда... Нет, они не ссорятся. Но некоторые ниточки лучше не натягивать слишком туго, не дай Альдонай, порвутся.

Жена Ричарда умерла во время эпидемии около года назад. Чума – страшная штука. Ни прививок, ни-че-го... И бились с подлой заразой ученики лекарских курсов, безуспешно пытаясь спасти хоть чьи-то жизни.

Мария же заболела, ухаживая за старшим сыном. Мальчик выжил, а вот она...

Ричарду на память об их любви остались пятеро детей. Две девочки, три мальчика.

– А договоры можно скреплять и браками, – невинно намекнула графиня. – Давайте хотя бы попробуем?

Мужчины переглянулись. Они еще сто раз это обговорят, но, может быть, и не пойдут напролом? Может быть, выберут путь подлиннее, который не нанесет вреда ни им, ни земле Алилен?

Лиля понимала, что это слишком самонадеянно, но вдруг она затем и оказалась здесь, чтобы чуть-чуть помочь на сложной развилке? На которой иначе свернули бы в другую сторону – и пошла бы молотить кровавая мельница. Так легко разрушить. Так тяжело вернуть...

– Ваше сиятельство. – Секретарь протянул ей письмо. – От его величества.

Лиля вскрыла печать. Ричард вернулся и приглашал ее сегодня в гости. Что ж, надо бы заняться собой. Да, последние шесть лет Лилиан Иртон – официальная фаворитка короля. Единственная и неповторимая. Нет, случаются у него увлечения на пару недель, не без того, но только увлечения.

Восемь лет назад, после открытия Эриком нового континента, на старом едва не вспыхнула война. Избежать трагедии помогли два фактора. То, что вирмане давно вычистили Лорис от разной нечисти вроде пиратов, лишая Эльвану и Авестер неплохого козыря. И то, что церковь оказалась на стороне Ативерны. Альдон Роман тогда едва не отлучил от церкви всю королевскую семью Авестера.

Как людей, которые «сеют бурю и пожнут ураган кровавый, многие души за собой уводящий и потому Мальдонае угодный».

Но без интриг и заговоров все равно не обошлось. Защищая Ричарда, погиб Ганц Тримейн. Заговорщики отлично понимали, что с таким защитником дотянуться до короля будет сложно, – и убрали сначала Ганца.

Удары кинжалом и более высокопоставленных особ доставали. И королей, случалось, убивали наемные убийцы. Лиля не смогла ничего сделать. Был сильно поврежден кишечник, почка... медицина здесь не на том уровне, чтобы с такими ранами бороться, можно разве что боль снять.

Хорошо хоть попрощаться успели.

– Вот и моя пора настала... уходить.

Лиля, стоявшая на коленях рядом с кроватью раненого, не плакала и не произносила ненужных слов. Чего уж там, она была благодарна Ганцу. Все эти годы он заботился, оберегал, прикрывал ее спину, она была счастлива с ним, как с мужчиной и с человеком. И сейчас она могла только сказать ему правду:

– Рана смертельна. Я могу дать яд.

Помимо прочего, вера в Альдона нравилась ей и отношением к смерти. Если у человека нет надежды, он может умереть по своей воле. И это не грех. Зачем мучиться лишние часы?

– Ты, как всегда, честна. – По губам Ганца скользнула легкая улыбка.

Лиля усмехнулась в ответ.

- Я была честна с тобой всегда.

- Да, это скорее я... Я хотел бы рассказать тебе о двух вещах. Постарайся понять меня. Это я тогда спровоцировал Фалионов.

Лиля пожала плечами.

- Я догадалась.

- Нет, если бы не я, они бы не сделали решающего шага, может быть, никогда... Ты могла бы быть счастлива с Александром.

Лиля на миг прикусила губу.

- Не важно. Это прошлое. Если человек поддался один раз, он и второй раз бы поддался. А где и когда - не угадаешь. Сделанное - сделано. Не стоит жалеть.

Ганц опустил веки. Он знал, что она так скажет, он хорошо изучил ее за эти годы, и столько осталось неразгаданного...

- И... в нашей спальне, в моем ящике комода - шкатулка. С голубой крышкой. Ты так ни разу туда не заглянула.

- Надо было?

- После моей смерти. Там письмо, прочитай, пожалуйста. И прости меня за все.

Лиля коснулась запавшей щеки:

- Это ты прости меня, если что-то было не так.

- Уже давно простил. Когда родился наш первенец. Ты позаботишься о них? А я присмотрю... снизу.

Лиля зашипела кошкой, что явно развеселило умирающего.

- Ладно, сверху. Но присмотрю. Позови ко мне патера.

- Кенет ждет за дверью.

- И не забудь: шкатулка, после моей смерти.

Лиля только покачала головой. Муж, увы, слишком хорошо знал ее. Она бы заглянула туда сейчас.

А через два часа Ганца не стало. Он исповедался патеру Воплеру, попрощался с женой и детьми и принял яд.

Ночью Лиля открыла шкатулку. Письмо было очень коротким.

«Моя любимая, драгоценная, упрямая, несносная жена.

Я знаю, ты сейчас плачешь обо мне. Не надо.

Неизвестно, сколько мне суждено прожить, это письмо я пишу в ночь после рождения дочери. Я люблю тебя. Я редко говорил об этом, но я был счастлив, поэтому ни о чем не жалею.

Спасибо тебе за тепло, за уют, за детей... и позволь покаяться в грехе, который я не раскрыл бы и альдону.

Ты помнишь ту ночь, когда был зачат Джайс? На следующий день меня вызвал его величество.

Вас видел лакей, он же донес королю. Эдоард оказался мудр. Он поручил мне убрать лакея и заняться тобой. Он правильно понял, что между тобой и Ричардом возникло...

нечто. Если вовремя плеснуть на угли водой, мы могли рассчитывать пригасить это пламя.

Ты помнишь политическую обстановку в то время. Даже сейчас положение в стране весьма шаткое и нарушить его может любой неверный шаг. Любая неосторожность.

Я не знаю, свободен Ричард или нет, но прошу тебя никогда не становиться королевой. Фавориткой – возможно. Подругой, любовницей, даже любимой, но не супругой короля. Иначе это всколыхнет королевство. Это моя последняя просьба к тебе.

Мне тяжело это писать, но выбора у меня нет. Ричарду подсунули принцессу, а я стал утешать тебя. Я не знал, что полюблю, что буду счастлив... Это не оправдание.

Но я знаю твою душу. Ты – простишь. К тому же, надеюсь, я был не худшим мужем, моя любимая.

Здесь я могу написать это, и рука у меня не дрожит.

Мы с Эдоардом играли чужими судьбами. Он – больше, я меньше, но заплатить за это придется нам обоим. Надеюсь, что это не коснется моих детей, как коснулось его.

Если ты сможешь быть счастливой после моей смерти – постарайся сделать это. Я знаю, тебе было со мной хорошо или хотя бы не было плохо. Ричард – хороший король, и за его плечом тебе будет так же уютно.

Будь счастлива, родная моя. Прощай и не сердись на меня.

Всегда твой Ганц».

Лиля вздохнула, стерла с ресниц слезинку... Почти два года после смерти Ганца она походила на ледяную статую. И в том, что она оттаяла, есть заслуга Ричарда.

Давным-давно, почти тридцать лет назад, они стали любовниками. Потом расстались – и опять вернулись к этому.

Ричард действительно предлагал ей корону, но Лиля отказалась и осталась фавориткой. Дети Ричарда, поняв, что она никоим образом не претендует ни на место их матери, ни на власть, ни на деньги тоже приняли ее. Как женщину, которая любит их отца. Как человека, который скрашивает жизнь королю. Нельзя сказать, что они любили друг друга, но уважали и дружеский нейтралитет сохраняли.

А она... она опять была счастлива.

Ей повезло в этой жизни.

У нее любимое дело, которое будет жить и после ее смерти.

Замечательные дети.

Умные, хорошие внуки.

Она была замужем за достойным мужчиной. За человеком, достойным называться мужчиной.

Более того, на ее пути встретился Ричард. Сейчас они вместе – и тоже счастливы. А кем назовут ее потомки?

Дианой де Пуатье? Франсуазой Скаррон?

Разве это важно?

Она хотела счастья – она его получила.

Да, оно своеобразное, не такое, как у многих, но ведь и она такая одна – переселенка во времени и пространстве.

Придут ли за ней другие? Не важно.

Когда-нибудь она допишет свою историю для потомков и расскажет правду.
Но не сегодня. Больше она не собирается ни о чем думать! Она едет к Ричарду в гости.

Лиля решительно поставила перо на подставку и отправилась переодеваться. Благо стараниями модного дома «Мариэль» это можно сделать почти без служанок. По дороге распорядилась оседлать Лидарха-младшего.

Возраст? Время? Пространство?

Мы подвластны им настолько, насколько позволяем себе это. А если кто-то хочет жить, любить, радоваться жизни и быть счастливым – для него не бывает преград.

Лиля улыбнулась вечернему небу.

«Я люблю тебя, мир. До безумия. Нежно. Навечно...»

И легкий ветерок, как благословение, взъерошил ее волосы.

«Я тоже люблю тебя, дитя мое. Будь счастлива...»

Двести лет спустя

Ативерна. Лавери. Большой Королевский музей.

Экскурсовод, молоденькая девушка, заметно волнуется. Ее первая группа – дети лет семи. Удастся ли ей найти с ними общий язык, заинтересовать их?

– Сегодня мы осмотрим выставку, на которой представлены восковые фигуры наиболее заметных деятелей эпохи Зарождения. Кто скажет, когда она началась?

– Двести лет назад, – нестройным хором отвечают дети.

– Верно, молодцы. Тогда в Ативерне правил его величество Эдоард Восьмой. Именно в его правление началось то, что мы называем Развитием. В те времена школ не существовало. Существовали гильдии, они объединяли мастеров, которые брали себе подмастерьев, и дети, ваши ровесники, вынуждены были работать на них за кров и пищу. Часто им не давали и того, они болели, умирали... Чтобы стать членом гильдии, требовалось заплатить взнос и сдать экзамен. Но мастерам не нужна была конкуренция, и очень часто человек на всю жизнь оставался подмастерьем. Или его могли насильно закабалить – дать денег в долг, начислить на них большие проценты... словом, вырваться из замкнутого круга было нелегко. Больниц тогда тоже не существовало. Медицина была весьма и весьма неразвита.

Один из мальчиков поднял руку.

– Мы на уроке читали пьесу «Больной обманщик». Там доктора лечили или слабительным, или снотворным, или кровопусканием. Это правда?

Экскурсовод улыбнулась – и в ответ на детских лицах расцвели такие же улыбки.

– Почти. Были, конечно, травницы, но их было мало. Считалось, что все они шильды и дочери Мальдонаи. Гильдия докторусов не терпела конкуренции.

Дети понимали, о чем она говорит. В специальной школе с медицинским уклоном их с шести лет учили перевязывать раны, ухаживать за больными, помогать лекарям, составлять лекарства. Все они знали, что нет профессии почетнее, и все мечтали стать лекарями.

– Эдоард Восьмой оказался первым, кто решил сломить эту систему. Разумеется, это многим не понравилось. Против короля устраивали заговоры, его хотели свергнуть...

Группа подошла к восковой фигуре пожилого человека в роскошных одеждах и поблескивающей на голове простой короне ативернских королей. Лицо у него

спокойное и усталое. И затаившаяся в уголках глаз грусть.

– Именно при нем была организована гильдия лекарей. И самое интересное, что ее главой был назначен иноземец. Великий ученый из Ханганата Тахир Джааман дин Дашшар. Он вынужден был бежать из родной страны и нашел пристанище в Ативерне, где его талант оценили по достоинству. Его величество ласково принял ученого при дворе, а в те времена это было немало. А Тахир Джааман дин Дашшар вылечил короля от нескольких болезней. Его перу принадлежат труды по анатомии и патологии. Именно дин Дашшар первым завещал свое тело после смерти ученикам – для опытов. Он считал, что нельзя узнать, отчего болеет человек, не зная, что внутри у человека. Потом это стало почти традицией в гильдии лекарей. А кто был вторым главой гильдии, знаете?

– Барон Джеймс Донтер, – вразнобой ответили дети.

– Правильно. Пойдемте, я покажу вам их фигуры. – По дороге экскурсовод продолжала рассказывать: – Именно Тахиру дин Дашшару Эдоард Восьмой обязан тем, что прожил долгую жизнь и даже успел увидеть внуков. Тахир был знаменитостью в те времена, достоверно известно, что его величество Гардвейг Двенадцатый, правитель Уэльстера, переписывался с мудрым лекарем и считал незазорным прислушиваться к его советам и исполнять все его рекомендации.

– Это же лекарь! – фыркнул кто-то из детей. – Глупо его не слушаться.

– Балбес, – немедленно послышалось в ответ. – А если тебе кровопускание пропишут или аконитом полечат? Тогда же многого не знали...

Экскурсовод переглянулась с учительницей, которая привела детей на экскурсию и попросила провести ее именно так. Рассказать о тех, кто имеет отношение к медицине. Этим детям пока не важны заговоры и политические течения. Им надо знать, кто положил начало их профессии. Вот через два-три года, когда им начнут читать политику и искусство интриги, им будет интересно послушать и о другом. О заговорах, которые как грибы росли в царствование Эдоарда. О заключенном секретном договоре с Гардвейгом, согласно которому королевские династии должны были скреплять дружеский союз браком не реже чем раз в два поколения, но строго следя за генетикой. Наследственные заболевания штука такая...

Тахир Джааман дин Дашшар выглядел совсем как живой. В традиционной белой одежде ханганов, с чисто выбритым подбородком и улыбкой на губах, он сидел за столом и держал перо так, словно приготовился записать какую-то важную мысль.

– В те времена борода считалась признаком возраста и была важна для ханганов. Но Тахир дин Дашшар первым открыл, что с волоском в рану может попасть грязь, и сбрил бороду. Именно при нем появилась первая форма лекарей, вот она, взгляните. – Экскурсовод показала на двух кукол рядом с фигурой Тахира.

Форма действительно удобная. Рубашка, простые брюки для мужчин и свободная юбка для женщин, все из некрашеного полотна. Несколько карманов, все очень удобно и функционально. Головные уборы – нечто вроде банданы для мужчин и платка, полностью закрывающего лоб и волосы, для женщин.

– А здесь мы видим его преемника, барона Джеймса Донтера. Именно Джеймс заложил основы фармакологии, составил несколько травников, которыми пользуются и до сих пор, снаряжал экспедиции на поиски новых растений... для своего времени он был выдающимся биологом и химиком.

– А я читал, что он был травником, – сказал кто-то.

– Правильно, – улыбнулась экскурсовод. – Из-за интриг мать барона была вынуждена бежать, и ее приютила деревенская травница. Она многому научила мальчика...

Дети с интересом слушали истории про медицину, про знаменитых учеников дин Дашшара, про учеников почтенного Донтера, про то, что до сих пор все в его семье получают медицинское образование, про первую женщину-лекаря...

– Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон. – Экскурсовод подвела детей к восковой фигуре

женщины, непринужденно сидящей в кресле. Ее взгляд устремлен на зажатый в пальцах простой медицинский скальпель, на губах играет улыбка – и кажется, что она о чем-то размышляет. Длинная светлая коса тянется чуть ли не до пола, посверкивают зеленые камни в ушах и на шее. – Это очень любопытный персонаж нашей истории. Графиня Лилиан после потери ребенка стала первой ученицей знаменитого дин Дашшара. Именно она настояла, чтобы лекарскому делу обучали и девочек и мальчиков. Она щедро жертвовала на больницы и школы, и многие медицинские учебные заведения названы в ее честь. А еще была выдающимся хирургом. Надо сказать, Лилиан Иртон для своего времени вообще была необычайно образованной женщиной. Она много читала, сама писала рассказы и сказки. Она же, когда ей в руки попали старые свитки с лекарской мудростью, сумела перевести их и сберечь, чтобы отдать тем, кто действительно смог оценить всю важность открытия.

– А кружево и стекло «Мариэль»...

– Да, этим занималась семья графини и ее мужа. В те времена считалось недостойным дворянина торговать или заниматься ремеслом, но Иртоны стали исключением из правил. Несколько поколений графов Иртон занимаются торговлей, им же принадлежит честь открытия микроскопов, телескопов... Век Развития вообще подарил нам много интересного. Компасы, меридиан, множество знаний, были открыты новые земли за океаном...

– Их открыл Эрик Торвсон, правда?

– Да, правда. Отважный вирманин с командой предпринял путешествие за океан. Он открыл неизвестную до того времени землю, названную ее жителями Алилен, то есть «любимый дом». Разумеется, для них вирмане были в диковинку, и Эрика принимали там, как короля. Королем он и стал, женившись на принцессе Тиаль.

– А я слышал, тогда чуть не началась война?

– Да, молодой человек, вы правы, – подтвердила экскурсовод. – Все мы верим в Альдоная, но жители той земли не знали истинного бога. И тогда возник серьезный спор, едва не расколовший континент. Авестерцы и эльванцы считали, что если люди не верят в Альдоная, то они почти животные. И с ними можно не церемониться. Земли присоединить, людей обратить в свою веру или уничтожить.

– А я знаю! Тогда образовался союз пятерых! – выкрикнул еще один мальчик, судя по характерному разрезу глаз – потомок жителей Алилена.

– Именно. – Ему досталась одобрительная улыбка. – Ативерна, Уэльстер, Ханганат, Ивернея, Вирма объединились против подобного подхода и сумели отстоять право Алилена на независимость. До сих пор там правят потомки Великого Эрика и до сих пор не было ни одной войны. Возможно, тогда бы ее не удалось избежать, если бы не твердая позиция альдона Романа, а позднее и альдона Кенета, которые едва не отлучили весь Авестер, объявив, что подобные рассуждения угодны лишь Мальдонае. Кстати, у нас есть скульптура и Эрика.

Громадный вирманин стоит, небрежно опираясь на топор, светлые волосы падают ему на плечи, рядом с ним, положив тонкую ручку на его лапищу, застыла фигурка смуглой женщины в экзотическом уборе из перьев.

– Великий Эрик и принцесса Тиаль.

Дети рассматривали их внимательно и серьезно, кто-то вздохнул:

– Как тогда было интересно...

– Об этом у нас снят целый фильм, – улыбнулась экскурсовод. – Предлагаю вам теперь самостоятельно посмотреть выставку, а через полчаса мы снова встретимся и посмотрим фильм. Кстати, первая в мире камера-обскура также была сделана в эпоху Зарождения сыном Лилиан Иртон – бароном Тримейном.

– А его скульптура здесь есть?

– Да, разумеется. – Экскурсовод указала на восковую фигуру высокого молодого

человека с взъерошенными темными волосами и карими глазами, держащего в руках корявый ящичек и чему-то задумчиво улыбающегося. – Одна из первых камер так и выглядела. Потом вы сможете получить свои портреты, сделанные с ее помощью.

Дети разбрелись по залу.

Светловолосая девочка замерла перед статуей прапрапра... сколько же раз она ей прабабка?

Лилиан Брокленд – ее и называли в честь той Лилиан. Детям пока не нужно знать, что она, прожив почти семьдесят лет, до самой смерти была фавориткой Ричарда, что король любил ее, что приказал похоронить ее в королевском склепе и завещал похоронить себя рядом с ней, что пережил ее совсем ненадолго... Им пока не надо знать и то, что на графиню много раз покушались, что графиня – одна из самых неоднозначных фигур в истории Ативерны, и в ее биографии до сих пор множество загадок, которые не торопятся открывать ее потомки. Где она могла получить такое образование, как она стала покровительствовать лекарям, почему Ричард приблизил ее к себе – неизвестно. Строятся гипотезы, предположения... говорят, правду знают семьи Иртон, Тримейн и Брокленд, но они молчат и не дают историкам изучать свои бумаги.

Особенно дневники первой женщины-лекаря. Детям тоже не дают их читать до совершеннолетия.

Но этой девочке пока интересно другое. Сможет ли она сделать что-то настолько важное, чтобы ее вспомнили через двести лет? Лили сама рвалась изучать медицину, ей интересно было заниматься многим, в том числе и семейными ремеслами. Кружево, вязание, макраме, стекло...

Дети должны знать как можно больше – так завещала Лилиан Иртон. Если у ребенка нет двух-трех образований, он будет считаться неполноценным в семьях Иртон, Тримейн и Брокленд. Да и во многих других...

Правнучка и прабабка смотрят друг на друга.

Памяти предков надо быть достойным. Памяти потомков тоже надо быть достойным.

И надо быть человеком. Куда бы ни занесла тебя жизнь, какие бы вензеля она ни выписывала, надо оставаться человеком. Иногда даже вопреки своим желаниям.

– Я справлюсь, обещаю тебе, – прошептала девочка. – Я стану достойной нашего рода, я справлюсь, ты еще будешь мной гордиться...

И на миг ей показалось, что восковая фигура одобрительно улыбнулась.

Верите ли вы в переселение тел?

А в переселение душ?

Или вы просто – верите?

Самое главное, чтобы было кому жить, любить и верить. Трава для коней, вода для людей и будущее для детей. Разве это не счастье?

Вся наша жизнь лишь узкий луч над пропастью страданий, боли, На лезвии острей ножа мы держимся лишь силой воли. Куда идем, зачем идем, до самой смерти не узнаем, А цель, когда мы к ней дойдем, возможно, и не угадаем. Судьба смеется – для чего идешь сквозь бурю, дождь, ненастье? И ты ответишь: для того, чтоб дать своим потомкам счастье.

Хронология

- 1460 – женитьба Эдоарда.
- 1462 – рождение старшего принца.
- 1463 – рождение Амалии Иртон.
- 1466 – рождение Рика.
- 1468 – рождение Джерисона Иртона.
- 1468 – смерть Имоджин.
- 1470 – женитьба Эдоарда на Джессимин Иртон.
- 1471 – Эдоард становится королем.
- 1473 – рождение Лилиан Брокленд.
- 1476 – первая помолвка Джерисона Иртона.
- 1479 – помолвка Амалии Иртон.
- 1480 – смерть первой невесты Джерисона Иртона.
- 1480 – свадьба Амалии Иртон, в замужестве Ивельен.
- 1481 – рождение сына у Амалии, Джеса.
- 1483 – вторая свадьба Джерисона Иртона (с Магдаленой Йерби).
- 1484 – рождение дочери Амалии, Сэсси.
- 1489 – рождение Миранды Кэтрин Иртон.
- 1491 – смерть Джессимин.
- 1492 – смерть второй жены Джеса, Магдалены.
- 1492 – смерть Джайса Иртона.
- 1495 – брак Джеса с Лилиан Иртон.
- 1496 – в теле Лилиан появляется Аля.

Сноски

1

Перевод М. Цветаевой.

Вообще-то могли, но генетику в мединститутах изучают не слишком углубленно, поэтому простим Лиле небольшой ляп, на уровне задачек ее логика вполне удовлетворительна. –
Здесь и далее примеч. авт.

Лиля весьма неточно цитирует леди Макбет, персонаж пьесы У. Шекспира «Макбет».

Персонаж оперетты И. Штрауса «Летучая мышь».

«Лилловый убийца» – местное название. Действительно существует такая трава. Ядовитая вплоть до того, что, если пчелы соберут пыльцу, можно будет отравиться медом. Выживание зависит от везения. Очень сильно. Название по понятным причинам не даю.

Песня из мультфильма «Шелковая кисточка», слова М. Пляцковского.

Ж.-Б. Мольер. «Тартюф». Перевод М. Донского.

Врач, исцели себя сам (*лат.*).

Ш. Бодлер. «Плавание». Перевод М. Цветаевой.

Фаворитки французских королей.

Летосчисление от Дарования мудрости Альдоная.